ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК

«ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО»

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК

«ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО»

ЛЕНИЗДАТ · 1990

63.3
Л33

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ПАРТИИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБКОМА КПСС —
ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

Составители:
В. И. Демидов,
доктор исторических наук
В. А. Кутузов

Редактор
Л. И. Захаров

Л $\frac{0503020000-322}{M171(03)-90}$ без объявл.

ISBN 5-289-00847-0

© В. И. Демидов, В. А. Кутузов, составление, 1990

scan by aroundspb.ru

В КОМИССИИ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС ПО ДОПОЛНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, СВЯЗАННЫХ С РЕПРЕССИЯМИ, ИМЕВШИМИ МЕСТО В ПЕРИОД 30—40-х И НАЧАЛА 50-х ГОДОВ

5 марта 1988 г.

Присутствовали члены Комиссии: М. С. Соломенцев, В. М. Чебриков, А. Н. Яковлев, П. Н. Демичев, Г. П. Разумовский, А. И. Лукьянов, В. И. Болдин.

Секретарь Комиссии: Н. И. Савинкин.

Приглашены: Генеральный прокурор СССР А. М. Рекунков, председатель Верховного суда СССР В. И. Теребилов, первый заместитель Председателя КПК при ЦК КПСС И. С. Густов.

Члены рабочей группы: С. Д. Могилат, В. П. Пирожков, В. И. Андреев, В. П. Наумов, А. И. Фокин

1. СЛУШАЛИ. Информация т. Густова о результатах рассмотрения Комитетом партийного контроля при ЦК КПСС вопроса о партийности ранее реабилитированных в судебном порядке Н. А. Вознесенского, А. А. Кузнецова, М. И. Родионова, П. С. Попкова, Я. Ф. Капустина, П. Г. Лазутина, И. М. Турко, Т. В. Закржевской и Ф. Е. Михеева, проходивших по так называемому «ленинградскому делу» в 1950 г.

Выступили: тт. Соломенцев, Чебриков, Яковлев, Разумовский, Демичев, Лукьянов, Болдин, Теребилов.

ПОСТАНОВИЛИ. Принять к сведению, что ранее, в связи с полной реабилитацией этих лиц в судебном порядке, в КПСС были восстановлены М. И. Родионов, П. Г. Лазутин, П. С. Попков, И. М. Турко, Т. В. Закржевская и Ф. Е. Михеев.

Учитывая, что Н. А. Вознесенский, А. А. Кузнецов и Я. Ф. Капустин из партии фактически не исключались, а их партийные документы были погашены после ареста и осуждения, Комитет партийного контроля при ЦК КПСС своим решением 26 февраля 1988 г. подтвердил их членство в КПСС*.

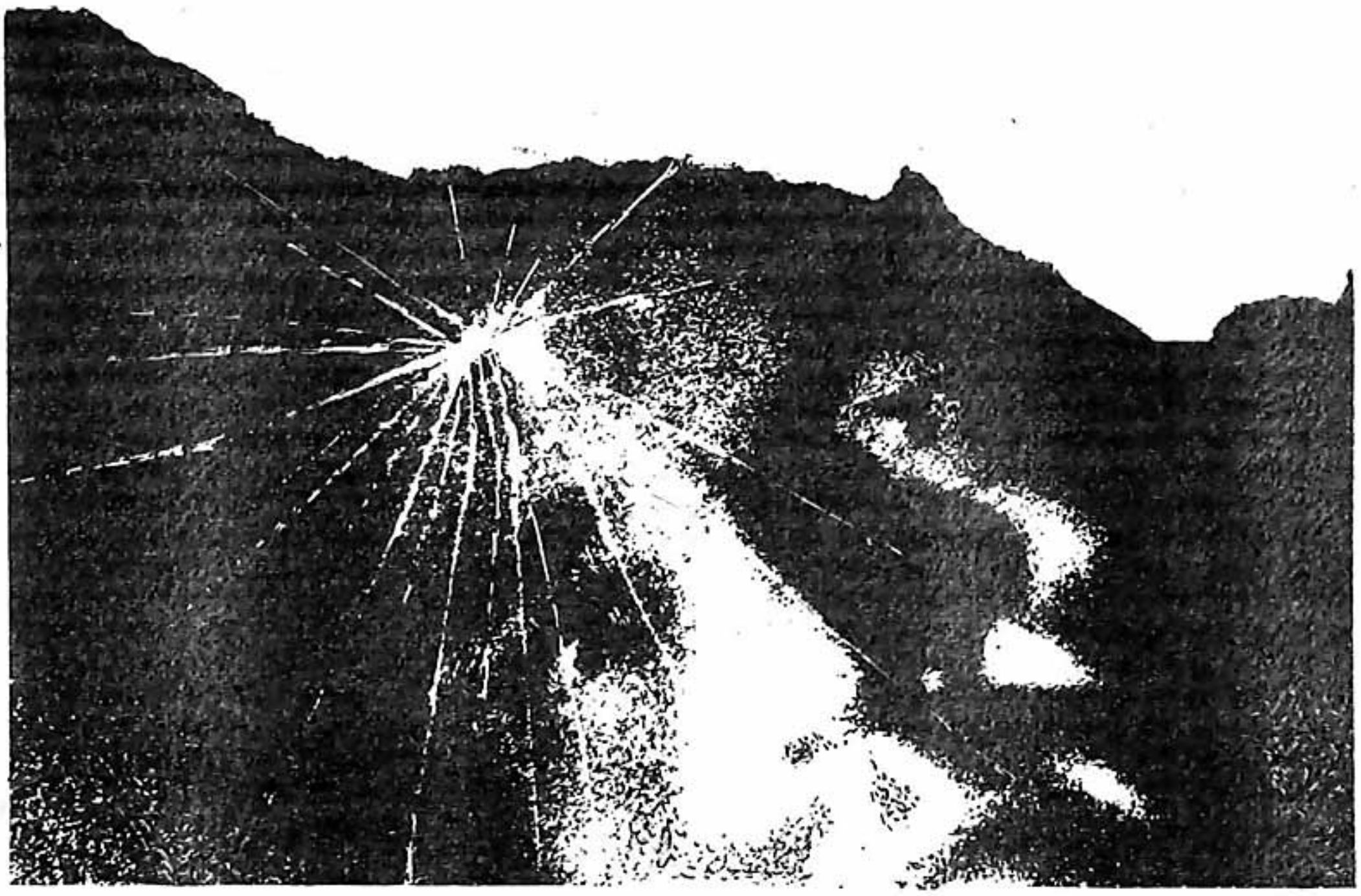
* Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 124—125.

«ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО»

ПОСЛЕДНИЙ УДАР

Документальная повесть

ВИКТОР ДЕМИДОВ,
ВЛАДИСЛАВ КУТУЗОВ

В ДЕБРЯХ ПОЛИТИКИ И ЮСТИЦИИ

В длинном ряду подлежащих суду Истории преступлений сталинского режима находится и так называемое «ленинградское дело» 1949—1953 годов.

Название у него не совсем точное, ибо это не одно, а серия сфальсифицированных «дел», в результате которых оказались репрессированными тысячи — точные данные еще предстоит выяснить — партийных, советских, хозяйственных, профсоюзных, комсомольских, военных работников, ученых, представителей творческой интеллигенции, членов их семей, родственников и иных граждан. Необоснованные исключения из партии, аресты, жестокие расправы по этим «делам» производились не только в Ленинграде, но и по всей стране — в Москве, Горьком, Мурманске, Симферополе, Новгороде, Рязани, Пскове, Петрозаводске, Таллинне... Жертвы, за малым исключением, объединяло одно — они сами либо их руководители, близкие работали в сороковых годах (включая блокаду) в Ленинграде.

Полной версии причин и следствий этой серии «дел» — как, впрочем, и всей цепи много лет творившихся в стране беззаконий — мы пока не имеем, хотя освобождение оставшихся в живых заключенных началось еще 37 лет назад, осенью 1953 года.

Инициатива шла и сверху и снизу. Едва ли не первой среди политзаключенных, как только не стало тирана (но Берия еще был в силе), выпустили из тюрьмы П. С. Жемчужину, жену ближайшего сталинского «соратника» В. М. Молотова. Потом создали несколько комиссий Верховного Совета СССР по пересмотру дел осужденных за политические, должностные преступления и дел несовершеннолетних. Ночные и дневные очереди в приемную Президиума Верховного Совета СССР выстраивались до Библиотеки имени В. И. Ленина,— в день подавалось до тысячи заявлений. В том числе и от родственников осужденных по «ленинградскому делу».

© Виктор Демидов, Владислав Кутузов, 1990.

Многие из них стали обретать свободу — по... амнистии: жертвам «прощали» преступления, которых они не совершали.

А из лагерей, тюрем порой совершенно фантастическими путями в Москву шли и шли письма. Люди требовали справедливого разбирательства совершенного над ними дикого насилия.

Одно из таких писем — целую тетрадь с подробнейшим изложением учиненного над ним и его товарищами беззакония — сумел переслать через вольнонаемного инженера в ЦК партии отбывавший 25-летний срок по «ленинградскому делу» бывший второй секретарь ЦК Компартии Эстонии Г. Т. Кедров. Это письмо, сказали потом Георгию Тихоновичу в ЦК КПСС, ускорило не только освобождение Кедрова и его «однодельцев», но и их правовую и партийную реабилитацию.

Одного не услышал тогда восстановленный в полном гражданстве крупный работник партии: **как** возникло это позорное «дело», **кто** позволил себе такую грязную и кровавую провокацию против Ленинградской партийной организации и ее воспитанников...

Не внесла ясности и вереница начавшихся вскоре после смерти Сталина, продолжающихся поныне апелляционных процессов в судебных органах. Вердикты их мало отличаются от первого определения Военной коллегии Верховного Суда СССР, реабилитировавшего (30 апреля 1954 г.) группу лиц, занимавших до арестов видные посты в Коммунистической партии и Советском государстве и осужденных по «ленинградскому делу»: приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 30 сентября 1950 года в отношении Кузнецова А. А., Капустина Я. Ф., Попкова П. С., Вознесенского Н. А., Лазутина П. Г., Родионова М. И., Турко И. М., Закржевской Т. В., Михеева Ф. Е. «по вновь открывшимся обстоятельствам отменить и дело прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления и их реабилитировать».

Шестерым, перечисленным в списке первыми, вернули доброе имя посмертно.

Широкой гласной официальной реабилитации остальных убитых по «ленинградскому делу» (Г. Ф. Бадаева, И. С. Харитонова, П. И. Левина, А. А. и М. А. Вознесенских, М. В. Басова, Н. В. Соловьева, А. Д. Вербицкого, А. А. Бубнова и многих других) пока не последовало. Полный список даже погибших нам еще неизвестен, и его приходится стыдливо ограничивать весьма неопреде-

ленным — «и другие». Ни конкретных судеб, ни конкретных виновников многочисленных трагедий...

Между тем о том, что «ленинградское дело» явилось грубой и недостойной фальсификацией, правившей верхушке стало известно сразу же после смерти Сталина и ареста его кровавого палача — Берии. Если не раньше.

Однако прошел почти год, пока — 3 мая 1954 года — Президиум Центрального Комитета КПСС принял соответствующее постановление о деле Кузнецова, Попкова, Вознесенского и других и счел возможным довести его в закрытом порядке (6—7 мая 1954 г.) до ленинградского партийного актива. Тех, кого оно особенно близко и остро касалось — оставшихся в живых, выпущенных из тюрем и лагерей пострадавших по этому «делу»,— на собрание не пригласили.

С сообщением на нем — в присутствии первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева — выступил тогдашний Генеральный прокурор Союза ССР Р. А. Руденко. Он сказал:

«Товарищи! Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза поручил Прокуратуре СССР тщательно проверить и доложить Центральному Комитету о результатах проверки уголовного дела по обвинению Кузнецова, Попкова, Вознесенского и ряда других ленинградских работников, арестованных в 1949 году бывшим министром государственной безопасности Абакумовым и осужденных в 1950 году.

Как известно, Абакумов был разоблачен Центральным Комитетом КПСС как преступник, фальсифицирующий уголовные дела, авантюрист, готовый на любые преступления ради своих карьеристических, вражеских целей, буржуазный перерожденец. В связи с этим Абакумов был снят с поста министра государственной безопасности, исключен из партии и арестован.

После разоблачения врага народа Берия было установлено, что Абакумов является соучастником преступлений Берия, обязан ему своим продвижением и карьерой.

В свете вскрытых Центральным Комитетом партии и Советским правительством злодеяний Берия и его сообщников, в свете разоблачения преступной деятельности Абакумова потребовалось особенно тщательно проверить расследованные ранее Берия, Меркуловым* и Абакумовым уголовные дела о разного рода заговорах.

---

* Меркулов — бывший нарком госбезопасности СССР.

Об одном из таких «заговоров» секретарь Центрального Комитета нашей партии тов. Хрущев Никита Сергеевич сообщил здесь на активе, зачитав решение Центрального Комитета партии по делу Кузнецова, Попкова, Вознесенского и других.

Как сказано в этом решении, произведенным расследованием Прокуратуры СССР по поручению Центрального Комитета было установлено, что дело Кузнецова, Попкова и других сфальсифицировано и обвинения всех этих лиц, преданных суду, в измене Родине, контрреволюционном вредительстве, участии в контрреволюционной группе были ложно возведены на них Абакумовым и его сообщниками. Также установлено, что обвиняемые по этому делу оговорили как сами себя, так и других.

В соответствии с решением Центрального Комитета партии Прокуратурой СССР в порядке, установленном законом, в связи с вновь открывшимися обстоятельствами, был внесен протест в Верховный Суд СССР на предмет прекращения этого дела и реабилитации осужденных.

30 апреля с. г. Верховный Суд Союза ССР прекратил дело производством из-за отсутствия в действиях обвиняемых состава преступления.

Таким образом, Кузнецов, Попков, Вознесенский, Кадустин, Лазутин и Родионов реабилитированы посмертно. Турко, Закржевская и Михеев, осужденные на длительные сроки тюремного заключения, освобождены из тюрьмы и также реабилитированы.

Ленинградской партийной организации памятно, что дело по обвинению Кузнецова, Попкова, Вознесенского и других слушалось Военной коллегией Верховного Суда СССР в сентябре 1950 года в открытом судебном процессе в Ленинграде.

Все подсудимые признали себя на суде виновными.

Возникает вопрос: как же могло случиться, что обвиняемые по этому делу ложно оговорили себя не только на следствии, но и на суде?

Для того чтобы представить, каким путем проникшим в органы государственной безопасности преступникам удалось сфальсифицировать уголовное дело по обвинению Кузнецова, Попкова, Вознесенского и других, необходимо вспомнить некоторые выводы, вытекающие из дела врага народа изменника Родины Берия и его сообщников.

Разоблачение Центральным Комитетом КПСС и Советским правительством изменнической деятельности Берия

и его сообщников вскрыло, что проникшие в органы Министерства внутренних дел СССР преступники в своих изменнических целях захвата власти, свержения советского строя и реставрации капитализма злодейски уничтожали преданные Советской власти и Коммунистической партии кадры путем фальсификации следственных дел и ложных обвинений невиновных людей в контрреволюционных преступлениях.

Грубейшие, преднамеренные нарушения социалистической законности, надругательство над советскими законами, циничные утверждения, что нормы советского процесса якобы вообще не применимы к тем «особым делам», которые расследуются в органах МВД, служили для участников антисоветского заговора Берия одним из главных методов осуществления их злодеяний против Советского государства.

Истребляя честных советских и партийных работников, эти предатели наносили удар самому дорогому достоянию Коммунистической партии и Советского государства — нашим кадрам.

Для достижения этих преступных целей участники заговора Берия не гнушались самыми подлыми, циничными и бесчеловечными приемами и средствами. Для фальсификации следственных дел применялись избиения и пытки арестованных. В течение ряда недель и даже месяцев арестованные подвергались строжайше запрещенным советскими законами методам физического и морального воздействия, угрозам и избиениям, изматывающим ночным допросам, помещениям в специальный карцер и т. д.

Все это делалось для того, чтобы деморализовать человека, подавить в нем волю к сопротивлению, заставить его ложно оговорить самого себя. Таким путем преступникам удавалось добиться от заключенных ложных показаний не только на предварительном следствии, но и на суде.

Фальсификация следственных дел, злостные и преднамеренные нарушения социалистической законности для избиения партийных и советских кадров применялись не только преступниками, преданными суду совместно с врагом народа Берия, но также другими их ставленниками и, в частности, бывшим министром государственной безопасности СССР Абакумовым.

Одним из уголовных дел, сфальсифицированных последним, и было дело по обвинению Кузнецова, Попкова, Вознесенского и др.

Фальсификация этого дела так же, как и многих других дел, была произведена Абакумовым и его сообщниками при помощи таких же бесчестных и преступных приемов, какими пользовались Берия, Меркулов, Кобулов и другие заговорщики...

Известно, что постановлением Центрального Комитета ВКП(б) в феврале 1949 года за нарушение государственной дисциплины и отдельные проступки Кузнецов, Попков, Родионов были сняты с занимаемых постов с наложением на них партийных взысканий.

Никакого поручения МГБ о производстве следствия по этим фактам ЦК не давал.

Враг Абакумов решил использовать эти факты отдельных нарушений и проступков со стороны Кузнецова, Попкова, Родионова и других для того, чтобы при помощи преступных методов следствия искусственно представить эти факты как изменнические действия и контрреволюционное вредительство, а себя изобразить разоблачителем антисоветского заговора...

В связи с делом Кузнецова, Попкова и других враг Абакумов и его сообщники подвергли репрессии свыше двухсот человек, часть как соучастников, а большинство как близких и дальних родственников осужденных, использовав для этой гнусной расправы Особое совещание при МГБ СССР. В настоящее время подавляющее большинство этих так называемых «уголовных дел» пересмотрено и невинно осужденные освобождены и реабилитированы. В соответствии с решением ЦК пересматриваются остальные дела...

Фальсифицируя уголовные дела о несуществующих в действительности заговорах, учиняя расправу с невиновными людьми, Берия, Абакумов и другие предатели стремились посеять страх среди советских людей, подозрительность и недоверие друг к другу, для того чтобы в этой обстановке пробиться к власти для осуществления своих изменнических планов по свержению советского строя.

Являясь агентом реакционных империалистических кругов, иуда Берия и его сообщники умышленно извратили известное положение, данное товарищем Сталиным на XVIII съезде партии, о том, что во второй фазе развития Советского государства острие разведки обращено не вовнутрь страны, а во вне ее, против внешних врагов.

Покровительствуя иностранным шпионам, агентам американской и английской разведок, освобождая их от ответственности, Берия, Меркулов, Абакумов и другие предатели отвлекали внимание чекистского аппарата от

борьбы с врагами, пытаясь поставить под подозрение честных советских людей...

Центральный Комитет КПСС и Советское правительство пресекли вражескую деятельность Берия, Абакумова и других изменников Родины.

Враги народа, враги Советского государства, пробираясь в те или иные звенья советского аппарата, всеми мерами пытались подорвать, нарушить социалистическую законность, чтобы создать обстановку, способствующую их подрывной деятельности.

Совершенно законен вопрос: где же был прокурорский надзор за следствием в органах государственной безопасности?

Выступая здесь перед партийным активом, я должен прямо сказать, что по существу этого надзора не было. Преступники Берия, Меркулов, Абакумов и другие игнорировали прокурорский надзор, а руководители Прокуратуры СССР не нашли в себе мужества со всей остротой и партийной принципиальностью поставить перед Центральным Комитетом партии и Правительством вопрос о состоянии прокурорского надзора и извращениях в следствии в МГБ — МВД СССР»*.

Итак, во всем виноват бывший министр госбезопасности Абакумов, злонамеренно извращавший «мудрые» сталинские установки, обманувший ЦК, прокуратуру и самого Сталина?..

Из правды слов не выкинешь: собравшиеся не помянули скорбным молчанием погибших товарищей. Тезис, что ЦК, лично «великий и мудрый» Сталин в «деле» Вознесенского, Кузнецова, Попкова и других, как всегда, не ошибались — только, вот, мерзавец Абакумов перестарался — вполне устроил участников собрания. Один из ораторов прямо заявил:

«В решении Политбюро Центрального Комитета партии от 15 февраля 1949 года было ясно указано, что антипартийная группа Попкова — Кузнецова и других ни в коей мере не связана с основной массой ленинградцев. Больше того, эти выродившиеся руководители оторвались от народа, значительная часть народа не знала о существовании такой группы.

Центральный Комитет партии, как всегда, предостерегал наше ленинградское руководство, что речь идет не о недоверии к Ленинградской организации, а к отдельным

---

* Ленинградский партийный архив (ЛПА). Ф. 24. Оп. 83. Д. 438. Л. 6—9, 15—23.

руководителям. В данном случае — к выродившимся руководителям группы Кузнецова — Попкова»*.

Официально, судом (!), реабилитированные жертвы по-прежнему не находили даже простого человеческого сочувствия у некоторых своих бывших товарищей. И трудно не согласиться с гневной тирадой публициста А. В. Антонова-Овсеенко, написавшего об этом собрании ленинградского актива: «...Не поняв или не пожелав понять провокационной сути постановления ЦК 1949 года... собравшиеся принялись копаться в грязном белье убиенных».

Ну а сидевшие в президиуме Хрущев и Руденко? Они-то ведь знали (теперь доподлинно известно, что протоколы допросов Берии и Абакумова Генеральный прокурор вручал лично первому секретарю ЦК): «ленинградское дело» стряпали не только костоломы госбезопасности. Знали. Но промолчали.

Правда о подлинных организаторах этого и многих других преступлений сталинизма могла всплыть в декабре 1954 года, в ходе проходившего в Ленинграде судебного процесса над арестованным еще при жизни Сталина Абакумовым и его подручными — начальником следственной части по особо важным делам МГБ СССР Леоновым, его заместителями Лихачевым и Комаровым, начальником секретариата МГБ Черновым и его заместителем Броверманом. Исследование «ленинградского дела» занимало в судебном разбирательстве центральное место. А Р. А. Руденко выступал в процессе государственным обвинителем. Но ни он, ни члены выездного состава Военной коллегии Верховного Суда СССР — опытнейшие правоведы генерал-лейтенант юстиции Е. Л. Зейдин (председательствовавший), генерал-майор юстиции В. В. Сюльдин и полковник юстиции В. В. Борисоглебский, даже защитники — члены Московской городской коллегии адвокатов Л. И. Гринев, М. В. Степанов, Н. И. Рогов и Л. В. Павлов — не позволили обвиняемым выйти за рамки хорошо продуманного сценария — представить присутствовавшим правду в полном объеме. Кто-то из хитроумных «сценаристов» придумал для участников процесса даже специальный суррогат — термин — «высшая инстанция». И стоило лишь кому-либо из подсудимых, вспоминали приглашенные в зал суда зрители, открыть рот, чтобы рассказать к т о к о н к р е т н о из этой самой «высшей инстанции», как и в каком направлении двигал

---

* ЛПА. Ф. 25. Оп. 69. Д. 184. Л. 101.

фальсификацию «ленинградского» и других грязных «дел», как особо бдительные на этот случай судьи его обрывали: «Не кощунствуйте! Я запрещаю вам называть имена уважаемых людей. Отвечайте за свои действия. Иначе процесс будет проходить без вашего присутствия».

Многие и очень важные, известные только им тайны «ленинградского дела» Абакумов и его компания унесли в могилу. По приговору суда все они, кроме Чернова и Бровермана, получивших, соответственно, 15 и 25 лет лишения свободы, были расстреляны.

Много лет спустя Н. С. Хрущев признавался:

«Мы тогда еще находились в плену мертвого Сталина. Даже когда мы многое узнали после суда над Берией, мы давали партии и народу неправильные объяснения и все свернули на Берию. Нам он казался удобной фигурой. Мы делали все, чтобы выгородить Сталина, не сознавая того, что выгораживаем преступника...

*Мы создали версию**, грубо говоря, о роли Берии. Он, мол, полностью отвечает за злоупотребления, которые были сделаны Сталиным... Мы никак еще не могли освободиться от того, что Сталин — друг народа, отец народа, Сталин — гений и прочее.

Поэтому после процесса Берии мы находились в плену этой версии, нами созданной в интересах реабилитации Сталина: не бог, мол, виноват, а угодники, которые сидели и плохо докладывали, а поэтому бог и посылал или град, или гром и другие бедствия»**.

Имя Сталина как преступника, в том числе причастного и к «ленинградскому делу», Хрущев решился назвать лишь на закрытом заседании XX съезда партии — в ночь на 25 февраля 1956 года. Предшествовала этому жесткая борьба внутри Президиума ЦК КПСС: Хрущеву и его сторонникам пытались помешать особо твердые сталинисты (по Н. С. Хрущеву: Молотов, Ворошилов, Каганович и другие), но без успеха, и хотя бы часть правды*** о беспрецедентных преступлениях сталинского режима стала наконец-то известна. В докладе Н. С. Хру-

---

* Здесь и далее курсив наш.— *Авт.*

** Аргументы и факты, 1989, № 14.

*** Для нашего сборника существенно: текст докладной образованной 31 декабря 1955 года Президиумом ЦК КПСС комиссии (секретари ЦК П. Н. Поспелов и А. Б. Аристов, председатель ВЦСПС Н. М. Шверник, заместитель председателя КПК при ЦК КПСС П. Т. Комаров) для изучения материалов о массовых репрессиях, которую Н. С. Хрущев использовал в докладе на XX съезде партии, был ограничен периодом 1935—1940 годов. Послевоенные «дела» в ней не затрагивались.

щева «О культе личности и его последствиях», в частности, говорилось:

«После окончания Отечественной войны советский народ с гордостью отмечал славные победы, достигнутые ценой больших жертв и неимоверных усилий. Страна переживала политический подъем. Партия вышла из войны еще более сплоченной, в огне войны закалились кадры партии. В этих условиях ни у кого даже мысль не могла возникнуть о возможности какого-либо заговора в партии.

И вот в этот период вдруг возникает так называемое «ленинградское дело». Как теперь уже доказано, это дело было сфальсифицировано. Невинно погибли тт. Вознесенский, Кузнецов, Родионов, Попков и другие.

Известно, что Вознесенский и Кузнецов были видные и способные работники. В свое время они были близки к Сталину. Достаточно сказать, что Сталин выдвинул Вознесенского первым заместителем Председателя Совета Министров, а Кузнецов был избран секретарем Центрального Комитета. Уже одно то, что Сталин поручил Кузнецову наблюдение за органами госбезопасности, говорит о том, каким доверием он пользовался.

Как же случилось, что эти люди были объявлены врагами народа и уничтожены?

Факты показывают, что и «ленинградское дело» — это результат произвола, который допускал Сталин по отношению к кадрам партии.

Если бы в Центральном Комитете партии, в Политбюро ЦК существовала нормальная обстановка, при которой подобные вопросы обсуждались бы, как это положено в партии, и взвешивались бы все факты, то этого дела не возникло бы, как не возникли бы и другие подобные дела.

Надо сказать, что в послевоенный период положение еще больше усложнилось. Сталин стал более капризным, раздражительным, грубым, особенно развилась его подозрительность. До невероятных размеров увеличилась мания преследования. Многие работники становились в его глазах врагами. Сталин еще больше отгородился от коллектива, действовал исключительно единолично, не считаясь ни с кем и ни с чем.

Невероятной подозрительностью Сталина ловко пользовался гнусный провокатор, подлый враг Берия, который истребил тысячи коммунистов, честных советских людей. Выдвижение Вознесенского и Кузнецова пугало Берию. Как теперь установлено, именно Берия «подбрасывал» Сталину состряпанные им и его подручными материалы

в виде заявлений, анонимных писем, в виде разных слухов и разговоров.

Центральный Комитет партии проверил так называемое «ленинградское дело», невинно пострадавшие люди теперь реабилитированы, восстановлена честь славной Ленинградской партийной организации. Фальсификаторы этого дела — Абакумов и другие — были преданы суду, их судили в Ленинграде, и они получили по заслугам.

Возникает вопрос: почему же мы теперь смогли разобраться в этом деле, а не сделали этого раньше, при жизни Сталина, чтобы не допустить гибели невинных людей? Потому, что Сталин сам давал направление «ленинградскому делу» и большинство членов Политбюро того периода не знало всех обстоятельств дела и, конечно, не могло вмешаться.

Как только Сталин получил от Берии и Абакумова некоторые материалы, он, не разобравшись по существу в этих фальшивках, дал указание расследовать «дело» Вознесенского и Кузнецова. И этим уже была предрешена их судьба»*.

Итак, были Берия и Абакумов. Теперь — «передоверившийся им», жертва своей подозрительности Сталин...

Через год в связи с «ленинградским делом» всплывет имя еще одного из его непосредственных организаторов — бывшего члена Политбюро и секретаря ЦК, заместителя Председателя Совета Министров СССР (а при Хрущеве — и Председателя Совмина) Г. М. Маленкова.

Обвинение ему в причастности к жестокой и беззаконной расправе в 1949—1953 годах с бывшими ленинградскими работниками, их сотрудниками и членами семей впервые было выдвинуто во время бурной подготовки и в ходе, можно прямо сказать, исторического июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС, выбросившего из состава высшего партийного и государственного руководства не просто очередную «антипартийную группу», а группу наиболее оголтелых сталинистов. В том числе — Маленкова. В какой форме, с какими подробностями и при каких доказательствах это прозвучало, мы до сих пор не знаем,— материалы этого очень важного не только в истории КПСС, но и страны Пленума пока не опубликованы, и доступа исследователей к ним нет. Но о том, что они там прозвучали, вскоре узнали и ленинградцы. Не все, конечно, но имевшие привилегию на, хотя бы ограниченное,

---

* Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 152—153.

знание того, как вершилась большая и малая политика собственной партии и государства. Выступая на собрании актива Ленинградской областной партийной организации по итогам пленума, тогдашний первый секретарь ее обкома Ф. Р. Козлов поделился, в частности, и такой деталью:

«Когда по поручению бюро обкома и от имени ленинградцев я приглашал всех членов Президиума Центрального Комитета к нам на праздник (имелось в виду 250-летие со дня основания Ленинграда.— *Авт.*), т. Маленков спросил меня о порядке празднования. Я рассказал ему и сообщил, что будет и прием у председателя Ленинградского городского Совета. Чувствовалось, что это его встревожило. Почему? Для всех это ясно. Маленков опасался ехать в Ленинград потому, что как бы кто не задал вопрос о «ленинградском деле».

Он это сказал на заседании Пленума ЦК: я, говорит, боялся, как бы кто не сболтнул на банкете. Я его поправил, что это прием, а не банкет. Тогда он пренебрежительно ответил: „Ну, на приеме“»*.

Были и другие выступления, раскрывавшие позорную роль Г. М. Маленкова в гонениях на ленинградцев, но ведь собрание актива считалось закрытым, о чем там говорилось — горожане не знали.

Впервые в печати имя еще одного — и, возможно, главного — закоперщика нашей трагической и грязной истории открыли миру лишь спустя четыре года в опубликованных материалах XXII съезда КПСС (октябрь 1961 г.).

Провокационное «ленинградское дело» сфабриковал Маленков, заявил тогдашний первый секретарь Горьковского обкома партии Л. Н. Ефремов.

«В карьеристских целях, путем интриг Маленков скомпрометировал бывшего секретаря ЦК партии товарища Кузнецова, члена Политбюро товарища Вознесенского и других видных партийных работников»,— свидетельствовал председатель КГБ при Совете Министров СССР А. Н. Шелепин.

«На совести Маленкова,— вторил им первый секретарь Ленинградского обкома И. В. Спиридонов,— лежат гибель ни в чем не повинных людей и многочисленные репрессии. На его совести унижение достоинства и компрометация Ленинградской партийной организации».

---

* Центральный партийный архив (ЦПА). Ф. 556. Оп. 2. Д. 664. Л. 138.

«В ходе работы, которую проводил Комитет Партийного Контроля по реабилитации необоснованно осужденных коммунистов,— докладывал делегатам съезда председатель КПК при ЦК КПСС Н. М. Шверник,— мы постоянно сталкивались с тяжелыми последствиями того произвола и беззаконий, которые чинили лично Маленков, Каганович, Молотов. Выяснилось, что в период раздувания культа личности они были инициаторами создания обстановки подозрительности и недоверия. Занимая руководящие посты, Маленков, Каганович, Молотов грубейшим образом нарушали ленинские нормы партийной жизни и революционную законность...

Как теперь установлено, Маленков, стремясь занять руководящее положение в партии и государстве, вошел в тесный сговор с Ежовым, а в дальнейшем с Берия и под видом проявления «бдительности» организовал массовую фальсификацию дел на партийных и советских работников по обвинению их как врагов народа. При этом он использовал самые подлые приемы: интриги, провокации, ложь...

Маленков лично допрашивал арестованных, применяя при этом недозволенные методы...

Совершенно правильно выступал здесь тов. Спиридонов — секретарь Ленинградского обкома партии. Маленков несет очень серьезную ответственность за грубейшие нарушения Устава партии и революционной законности, допущенные в отношении Ленинградской партийной организации в 1949—1952 годах».

Как и многие другие делегаты, писатель М. А. Шолохов поставил вполне резонный вопрос: «Не слишком ли мы терпимы к тем, на чьей совести тысячи погибших верных сынов Родины, тысячи загубленных жизней их близких?.. Отвечать за содеянные преступления... они должны и будут. Таков общечеловеческий закон».

Увы, «общечеловеческий закон» не сработал. Сидевший в зале и хорошо знавший множество ужасающих фактов Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко и на этот раз не возбудил уголовных дел ни против Маленкова, ни против публично обвиненных в совершении не менее страшных преступлений Молотова, Кагановича, других недавних «вождей». Почему? Чей «непререкаемый авторитет» оберегался и, казалось бы, после полного развенчания культа Сталина? Кто конкретно не допустил утоления справедливого чувства оскорбленного и униженного народа в законном возмездии преступникам?.. Нет ответа. Но симптоматично, наверное: Брежнев, Суслов,

еще некоторые наши будущие «вожди», выступая на XXII съезде, иных слов, кроме как «маловеры», «догматики» и т. п., для Маленкова, Молотова и К° не нашли. В «брежневскую эпоху» дальнейшее расследование преступлений сталинского режима сочтено было «неактуальным», упоминание о них в печати пресекалось.

При подготовке начинавшегося описанием послевоенного периода шестого тома «Очерков истории Ленинграда» (1970 г.), вспоминали его авторы, встал вопрос о «ленинградском деле» — не выбросишь же его из прошлого. Материалов немного, но что-то уже сказано с трибуны XX съезда КПСС, побольше — на XXII: хватило на две машинописные страницы. Даже такой малости воспротивились. В результате всего восемь строк осталось в этой обширной монографии о драматических событиях, несколько лет лихорадивших весь Ленинград, надолго упрятавших в тень искусственно созданного подозрения даже его величественные трагедию и подвиг в годы Отечественной войны.

Не больше повезло и третьему тому «Очерков истории Ленинградской организации КПСС» (1985 г.). В толстой книге есть лишь упоминание о том, что «ленинградское дело» имело целью ослабить Ленинградскую партийную организацию, опорочить ее руководящие кадры, и несколько расширенный, по сравнению с официальными изданиями по истории КПСС, список лиц, реабилитированных в связи с пересмотром этого «дела». Это всё, что́ позволялось у нас знать о тотальном и бессмысленном разгроме Ленинградской партийной организации и ее воспитанников, руководящих кадров советских, профсоюзных, комсомольских, хозяйственных и многих иных органов города.

Обращение историков и публицистов к трагическим страницам пройденного советским обществом нелегкого пути по-настоящему началось лишь после XXVII съезда КПСС. С ноября 1987 года при Политбюро ЦК партии работает специальная Комиссия по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов. Соответствующие рабочие группы сформированы и при ряде местных комиссий партийного контроля. Начиная эту работу, говорил в интервью «Ленинградской правде» (18 мая 1988 г.) председатель Комиссии партийного контроля при Ленинградском обкоме КПСС А. И. Кирсанов, «мы располагали очень немногим. Никаких сводных, обобщенных данных не было. Поэтому группа прежде всего обрати-

лась к различных архивам, к материалам уже прошедшей реабилитации, чтобы определить круг людей, которые были репрессированы, пострадали в связи с «ленинградским делом». Затем была внимательно изучена имеющаяся в Комиссии партконтроля картотека рассмотренных ранее дел, подняты из архива Истпарта все необходимые дела 1949—1953 годов».

В середине 1988 года, спустя сорок лет после начала фабрикации серии «ленинградских дел», только в рабочей группе Комиссии партийного контроля при Ленинградском обкоме КПСС ждали очереди материалы почти на 550 коммунистов и беспартийных, подвергшихся репрессиям в 1949—1953 годах и по тем или иным причинам до тех пор полностью не реабилитированных. К маю 1989 года список пострадавших по этому «делу» ленинградцев увеличился до шестисот с лишним фамилий. Но это только по Ленинграду. И всего лишь по одному, «ленинградскому», «делу». На рассмотрение рабочей группы поступило уже свыше 1300 дел коммунистов, оклеветанных и ошельмованных и вне связи с «ленинградским делом». В целом же по стране, заявил начальник отдела Главной военной прокуратуры генерал-майор юстиции В. Г. Провоторов, «предстоит рассмотреть несколько сот тысяч дел — сколько конкретно, мы даже не знаем и подсчитать невозможно... С нашими нынешними силами это можно сделать за сто пятьдесят лет!» (Советская культура. 1989. 25 февраля.)

Такое положение не может не тревожить совесть нашего поколения советских людей. Более 50 тысяч граждан страны подписали обращение в ЦК партии с призывом ускорить процесс реабилитации и увековечения памяти жертв сталинизма. В начале 1989 года газеты изложили постановление ЦК КПСС «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30—40-х и начала 50-х годов», где, в частности, говорилось:

«Восстановление исторической, юридической справедливости приобрело сейчас огромное политическое значение. От него во многом зависит наше продвижение по пути формирования социалистического правового государства, развитие общественного сознания. Полной реабилитации всех невинно репрессированных, увековечения их памяти ждут общественность, родственники и близкие пострадавших.

Центральный Комитет КПСС постановил внести на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР пред-

ложение — законодательным актом отменить внесудебные решения, вынесенные в период 30—40-х и начала 50-х годов действовавшими в то время «тройками», «особыми совещаниями». Считать всех граждан, которые были репрессированы решениями указанных органов, реабилитированными...*

ЦК КПСС считает необходимым ускорить рассмотрение в установленном законом порядке уголовных дел на осужденных в годы репрессий судебными органами...

ЦК КПСС поддержал предложения советской общественности о создании при краевых, областных и городских Советах народных депутатов, Верховных Советах союзных и автономных республик комиссий из числа народных депутатов и представителей общественности для оказания содействия советским органам в обеспечении прав и интересов реабилитированных, создании памятников жертвам репрессий, а также в содержании в надлежащем порядке мест их захоронения».

В сборе сведений о репрессированных, восстановлении их доброго имени полезную работу начало учрежденное в январе 1989 года Всесоюзное добровольное историко-просветительное общество «Мемориал», возникшее месяцем позже в Ленинграде общество «Справедливость» и другие общественные формирования. Они нацелены на то, чтобы не дать стереться в памяти народа ни одной сломленной судьбе, ни одному случаю творившегося прежде беззакония.

Это важно. Но факты, даже складываясь в явление, раскроют ли нам сущность происходившего без глубокого и всестороннего анализа того, *почему* это происходило?

К сожалению, полностью ответить на терзающий наше общественное сознание вопрос — почему?!— пока невозможно. Причины — и субъективные и, более всего, объективные. Ни у историков, ни у публицистов, ни у сотен тысяч пострадавших, их родственников все еще нет доступа ко всей совокупности документов. Наше гражданское право не знает нормы, законодательно регулирующей открытие информации, обязательные сроки давности, после истечения которых любой документ становится несекретным или разрешенным к использованию при огра-

---

* 16 января 1989 года Президиум Верховного Совета СССР такой указ издал. Его действие не распространяется лишь на изменников Родины, карателей, нацистских преступников, фальсификаторов уголовных дел и ряд других лиц, перечисленных в законе.

ничениях, устанавливаемых только законом. Судебные, следственные, надзорные и прочие ведомства крайне неохотно раскрывают свои архивы. Зачастую это связано и с тем, что ответственные за репрессии хитроумно упрятывали документы, а иногда и попросту их уничтожали. Одна из ключевых фигур в истории «ленинградского дела» Г. М. Маленков, например, по свидетельству бывшего заведующего его секретариатом А. М. Петроковского, в 1957 году под видом подготовки к июньскому Пленуму ЦК партии изъял из сейфа, а потом уничтожил как «личные» документы десятки материалов из папки, на которой было написано: «Ленинградское дело»*. Концы, как говорится, в воду...

И все же главная наша трудность в ином. Для того чтобы проанализировать какое-то событие, надо хорошо себе представлять и понимать эпоху, в рамках которой оно было. Мы к такому пониманию первого (до 1953 г.) послевоенного периода еще не готовы. За годы сталинизма, ждановщины, сусловщины и т. п. наша историческая наука подверглась сильнейшим деформациям; подлинно научная политическая история советского общества практически не существовала, на грань вымирания была поставлена объективная история народного хозяйства страны...

Так что же — ждать? Годы и годы?.. Перестройка общества на фундаменте гуманистического социализма и правового государства требует другого подхода: настойчиво собирать факты, восстанавливать былое и писать его историю сегодня. Именно эту задачу и пытаемся мы решить вместе с другими авторами предлагаемого читателю сборника — непосредственными участниками событий, историками, литераторами, журналистами. Несмотря на то, что каждый исходил из своего видения минувшего, в целом он дает достаточно полную картину «ленинградского дела» 1949—1953 годов.

Истоки же этого «дела», как нам представляется, надо искать в более раннем периоде нашей истории.

«НАСЛЕДНИКИ»

10 октября 1945 года во всех газетах Советского Союза — на первой странице, внизу слева, на раз и навсегда установленном, «сталинском», месте, выде-

---

* Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 134.

ленная особым шрифтом,— появилась краткая тассовская информация:

«Отъезд тов. Сталина в отпуск

Вчера, 9 октября, Председатель Совета Народных Комиссаров СССР тов. И. В. Сталин отбыл в отпуск на отдых».

Для рядового читателя тех лет сообщение непривычное. «Будто про табельщика какого-нибудь...» — даже спустя сорок пять лет недовольно сказал мне* один бывший крупный партийный работник. К 1945-му лишь крайне узкий круг избранных, близкие «соратники», имели право знать, что, кроме портретного, статуйного, легендарного, есть еще Сталин земной — со вполне ординарными потребностями, человеческими слабостями, хворями... А тут зачем-то колыхнули прикрывавший «великого и мудрого всех времен и народов» флер абсолютной необыкновенности и некой бесплотности существования...

...Не считая парадов и демонстраций, на которых, ходили слухи, вместо него показывались народу и подставные, где-то около этого времени я видел Сталина в яви. С пяти — семи шагов и ровно столько, сколько занял проход по сцене к месту, указанному распорядителями ритуального пионерского приветствия. Вертеться, оглядываться строго запретили. Но разве удержишься, чтобы не повернуть хоть чуть голову, не скосить глаза?..

Лишь спустя годы я поверил себе, что это действительно был он — до того непохожим на многочисленные портреты, фото- и киноизображения оказался одетый в просторный зеленовато-коричневый китель с отложным воротником, совершенно невзрачный, одутловатый, с излишне округлыми плечами, какой-то унылый и отрешенный от всего происходившего дядька, один занимавший всю левую часть президиума.

В артистическом фойе нас, бойко и без накладок отбарабанивших сольные и хоровые стишки, одарили корзиночками пирожных, сфотографировали с по-настоящему портретно-красивым маршалом С. М. Буденным. Подчеркнули: *это* вам прислал «сам товарищ Сталин». Помню: детское воображение имя уже не взволновало. Буденный — о, тут другое дело!

---

* Дальнейший текст повести — до главы «Государственные интриги» — принадлежит В. И. Демидову.

Теперь мы знаем: на склоне лет у Сталина расстраивалось мозговое кровообращение (он и умер от обширного кровоизлияния в мозг). Не вполне здоровый образ жизни — в том числе ночной, хищный, который он навязывал едва ли не всему партийному и государственному аппарату страны,— подозрительность к врачам и самолечение сыграли не последнюю роль в том, что, как сейчас говорят, микроинсульты стали следовать все чаще и чаще.

Похоже, что один из них — и особенно сильный — случился как раз в канун 9 октября: до этого он присутствовал на приемах, встречи с ним ждала какая-то иностранная делегация... Отпуск оказался вынужденным и внезапным. Неспроста буржуазная печать отозвалась на столь заурядный эпизод лавиной домыслов и догадок. Писали о тяжелом и необратимом заболевании советского диктатора, о предстоящей и будто бы уже начавшейся драке «за престол», что Молотов специально отправил недееспособного тирана подальше от Москвы... И о том, что, если Сталин вдруг все-таки выживет и вернется, Молотову несдобровать... Президент США Трумэн взялся сам прозондировать обстановку в руководстве СССР: послу в Москве Гарриману поручили вручить «спешное и важное» послание президента (оно опубликовано; посвящено заверениям в верности США союзническим обязательствам, и спешным его можно назвать лишь при определенной фантазии) *лично* Сталину, где бы он ни находился.

Дни шли, и нервозность возрастала. Лишь 27 октября в нашей прессе опубликовали — на положенном ей месте первой страницы — успокаивающую общественность информацию:

«В иностранной печати появились разноречивые сообщения о том, что Президент США г. Трумэн направил Председателю Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталину свое послание.

Как стало известно из авторитетных источников, послание, направленное Президентом Трумэном 14 октября, было вручено 24 октября И. В. Сталину послом Соединенных Штатов Америки В. А. Гарриманом, имевшим специальное поручение посетить И. В. Сталина и представить комментарии к посланию Президента. Г-н Гарриман посетил И. В. Сталина в районе Сочи, где он проводит отпуск, и имел с ним две беседы».

Кто умел читать хитроумные сообщения нашей прессы между строк, сообразил: миру давалось понять, что

разговоры вокруг несанкционированного «вождем» престолонаследования не имеют под собой почвы. (Много месяцев спустя, 9 апреля 1947 года, в беседе с одним из руководителей республиканской партии США Гарольдом Стассеном Сталин с мстительной усмешкой вспомнит эту истерию зарубежной печати и нервозность официальных кругов.)

А между тем дым-то летел все же от настоящего огня. Почувствовав себя плохо (к тому же он отличался и обостренной мнительностью), на случай всяческих неожиданностей Сталин назвал-таки двух преемников своей необъятной власти (или «местоблюстителей» на период длительной болезни?): члена Политбюро, секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова — по партии и первого заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров СССР Н. А. Вознесенского — по государству.

...Здесь нам придется приостановить повествование и объясниться с теми читателями, кто прочел и помнит нашумевший очерк А. Афанасьева «Победитель» — о расстрелянном по «ленинградскому делу» секретаре ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецове (Комсомольская правда. 1988. 15 января). Автор очерка рассказал многомиллионной аудитории «Комсомолки»:

«...Однажды, отдыхая на озере Рица, Сталин неожиданно для своего окружения поделился. Я стал стар, будто бы сказал он в приливе откровенности. И думаю о преемниках. Наиболее подходящий преемник на посту Председателя Совета Министров — Николай Алексеевич Вознесенский. А на посту Первого секретаря — Алексей Александрович Кузнецов... Как, не возражаете, товарищи?

Никто, *как говорят*, не возразил. Но, *надо думать*, всяк, узнавший о сенсационном замысле, немедленно и догадался о его втором плане: неспроста **такую** идею этот скрытный человек решил обсудить гласно. По сути, *если поразмыслить*, назывались и объединялись имена действительно наиболее достойных и подходящих. И именно потому наиболее опасных конкурентов тем, для кого это было сознательно **вслух** сказано. Результат, исход был уже предсказуем».

Здесь, как видим,— целостная концепция начала, развития и трагического завершения «ленинградского дела». Неясно только происхождение исходного, ключевого факта — *откуда почерпнул автор столь сенсационные сведения о беседах Сталина со своим окружением?*.. Весьма неопределенное «как говорят» вряд ли должно было бы удовлетворить взыскательного читателя. Но, сколь ни

странно, для кого-то и пресловутого «как говорят» оказалось достаточным. И вот уже доктор исторических наук, представитель солидного московского института вполне серьезно оперирует «аргументом» неизвестного происхождения о возможном преемничестве молодого секретаря ЦК Алексея Кузнецова; доктор юридических наук кладет этот «факт» в основу анализа взаимоотношений в преступной группе. «Лидер,— пишет он,— может в косвенной форме высказать пожелание об устранении того или другого члена группы подобно тому (?!), как это сделал Сталин, назвав секретаря ЦК КПСС (А. А. Кузнецов все-таки был секретарем ЦК ВКП (б).— *Авт.*) Кузнецова своим преемником. Для понятливого человека типа Берии фраза о преемничестве послужила сигналом к расправе» (Юность. 1989. № 3. с. 90). И даже в таком солиднейшем источнике, как «Известия ЦК КПСС» (1989. № 2. С. 127), обнаруживаем не подкрепленное ссылками и доказательствами: «Сталин в частных беседах (когда, с кем?— *Авт.*) высказывал предположения о том, что в качестве своего преемника по партийной линии он видел секретаря ЦК, члена Оргбюро А. А. Кузнецова, а по государственной линии — члена Политбюро, заместителя Председателя Совета Министров СССР Н. А. Вознесенского».

Может быть, все это и действительно было так (хотя трудно представить, чтобы такой, как Сталин, мог предлагать «в замену» себе (!) человека, прослужившего в его окружении чуть более двух с половиной лет). Однако такого рода сенсации — пусть и в форме гипотез — непременно должны подкрепляться всей совокупностью имеющихся у их авторов доказательств. Иначе мы никогда не создадим и подобия подлинно научной истории советского общества.

Когда, собирая материалы о «ленинградском деле», я ехал к дочери А. А. Кузнецова Галине Алексеевне, на шестичасовой беседе с которой А. Афанасьев потом выстроит в основном свой очерк в «Комсомольской правде», я уже располагал версией о роковой роли в этой трагической истории борьбы за «наследие» Сталина в среде его ближайших «соратников». На нее несколько лет назад указал мне бывший первый секретарь Ярославского обкома партии Иосиф Михайлович Турко, старавшийся — еще в годы его работы в Ленинграде — оказаться около Жданова настолько близко, насколько это было возможно без риска прослыть карьеристом. Опытнейший и безусловно

незаурядный политикан Жданов не имел привычки раскрываться и перед самыми преданными и доверенными, но бывают же минуты и обстоятельства... Со слов самого секретаря ЦК Турко и узнал, что когда-то Сталин назначал его, Жданова, своим то ли «наследником», то ли — что, на наш взгляд, вернее — «местоблюстителем» на посту первого руководителя партии.

Не вытерпел, поделился — с сестрой и братом — «волей вождя» и Н. А. Вознесенский. В 1949 году, уже после того как его сняли, Мария Алексеевна Вознесенская строго конфиденциально рассказала об этом своему, 20-летнему тогда, сыну — Владимиру Федоровичу Визнеру. Не о Жданове — только о Вознесенском.

Известное нескольким — уже не тайна. Вспомнился во время нашей с ним беседы прошелестевший в 40-х годах по руководившему эшелону слух о сталинском распоряжении в отношении Жданова и Вознесенского и бывшему секретарю Ленинградского обкома ВКП(б) Григорию Григорьевичу Воротову... Впрочем, этот «секрет полишинеля» можно обнаружить и в воспоминаниях Н. С. Хрущева (о Вознесенском), и даже в исследовании... американского журналиста Г. Солсбери о Жданове...

Сошлюсь еще на один разговор — с человеком, не только располагавшим подобной же информацией о сталинском «указании», но и подсказавшим период времени, в котором следовало бы поискать о нем сведения. Это Герман Антонович Трукан, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе академического Института истории СССР.

— Эпизод, когда Сталин на больничном одре сказал (или намекнул — точные слова никому не известны): «Своими заместителями оставляю Жданова — по партии и Вознесенского — по государству», имел место,— твердо заявил мне Трукан.— Найдите в газетах беспрецедентное сообщение о внезапном отъезде Сталина в отпуск — это как раз тогда было...

Значение такого эпизода в никогда не утихавшей вокруг Сталина борьбе его приближенных за влияние и власть (часто это означало и за собственную жизнь) и, следовательно, для понимания причин и истоков «ленинградского дела» очевидно. Ясно прослеживается и то, что сразу же после войны, или даже в конце ее, она, эта борьба, вступила в новый этап. Укрепление позиций Вознесенского и особенно возвратившегося в Москву Жданова (пока он был в блокированном Ленинграде, «большая по-

литика» вершилась фактически без него — сталинские блюдолизы серьезным конкурентом его не считали) не могло не озадачить ни Молотова, ни Берию, ни вынашивавшего далеко нацеленные честолюбивые замыслы аппаратчика Маленкова, ни Кагановича, ни других «ближайших соратников». Появление же вблизи Сталина еще одной ждановской креатуры, А. А. Кузнецова, должно было обострить это смертельное противоборство до предельных значений...

...Об этой закулисной и яростной схватке я и хотел поговорить (может быть, слышала что от отца или родственника своего А. И. Микояна) с Галиной Алексеевной Кузнецовой. Но она версию о «престолонаследовании» приняла равнодушно и без комментариев — никогда ни о чем таком не слышала и даже не представляла себе, что так было...

К... САМОДЕРЖАВИЮ?..

Жданов и Вознесенский лишь учились управлять партией и страной. Передавать им власть Сталин не собирался. Едва оправившись от болезни, взялся за обширную программу реформ — затребовал всевозможные доклады и справки, часами вел телефонные разговоры с наркомами и специалистами, многих вызывал для личных бесед... И весьма похоже: именно тогда, в Сочи, были окончательно оформлены заложенные еще в конце 20-х годов несущие конструкции — политические, экономические, идеологические — той командно-административной системы, которая стала нам поперек горла...

Никакого обобщенного варианта этой программы историческая наука пока не имеет. Но составить себе хотя бы представление о ней возможно — по многочисленным, последовавшим почти сразу же после его возвращения из Сочи (17 декабря 1945 г.) перестройкам, перемещениям должностных лиц, по отдельным высказываниям его самого и «ближайших соратников»... Наконец, по явно программной речи 9 февраля 1946 года на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы.

Даже в 1980 году авторы пятого тома (книга 2) «Истории Коммунистической партии Советского Союза» назовут эту речь программой «курса партии на завершение строительства социализма и постепенный переход к коммунизму». Похоже, сам Сталин об этом не думал, о том, *что́ именно* он собирался строить, с избирателями не

делился, о социализме и коммунизме не говорил и даже слов таких умудрился ни разу не произнести.

Не исключено, что он уже давно (если не изначально) не видел в теориях иного проку, кроме как особо изощренного средства борьбы за личную власть. Это только такой наглец, как Берия, мог утверждать, будто «...Сталин создал **законченную,** цельную теорию социалистического государства. Товарищ Сталин разработал все (!) вопросы теории и практики социалистического государства». На самом деле подлинно научную оценку Сталину как теоретику еще никто не дал. Никто убедительно не доказал даже, можно ли его вообще числить по ведомству серьезных теоретиков-обществоведов. Любая теория, если это действительно теория, а не умозрительные построения, непременно опирается на систему проверяемых доказательств, взятых из практики. Сталин никогда не утруждал себя доказательствами, подменяя их схоластикой, демагогией, голословием.

Более того, множатся факты, свидетельствующие: то, что мы годами считали «теоретическим вкладом» «великого и мудрого», на поверку оказывается самым заурядным плагиатом — литературным воровством. «...Есть документальные данные,— утверждает, например, доктор исторических наук С. А. Микоян,— по которым можно смело предположить, что работа «Об основах ленинизма», принесшая ее автору определенное признание как «теоретика», в значительной мере опиралась на работу, написанную молодым партийным ученым Ксенофонтовым и присланную им Сталину для оценки. Письмо Ксенофонтова Сталину и ответ на него объясняют и тот факт, что Ксенофонтов очень рано и без лишней волокиты с «шитьем дела» был уничтожен». Общеизвестно, что Сталин бесцеремонно приписал себе единоличное авторство на такое заведомо коллективное произведение, как «Краткий курс истории ВКП(б)»...

Научную идеологию, теоретическое мышление часто путают с мировоззрением. Сталин, как и всякий человек, не был обделен личным мировоззрением, внедренным в его сознание еще в семье и закрепленным в духовном училище и семинарии вполне мифологическим восприятием окружающего мира. Поднятый до непререкаемости, культа персонифицированный авторитет (Ленина, потом, исподволь,— собственный) в роли подлинного божества; трансформированный в рядовое вероучение «марксизм» — с немногочисленными догматами вместо принципов, законов и категорий; «краткий курс», нацело выхолостив-

ший из марксизма диалектику,— в качестве катехизиса; средневековая, монастырская дисциплина и иерархия — в форме «демократического централизма»... Разве это не характернейшие черты сталинизма?..

Нет, не случайно в «программной» речи Сталина от 9 февраля 1946 года совершенно отсутствуют слова и понятия из области социалистической теории.

Нет в ней — предвыборной, заявленной как отчет и как план завершения строительства социализма в стране!— ни слова и о Советской власти, ее прошлой и будущей роли, дальнейшем развитии... Хотя бы *восстановлении* после вполне естественного сужения ее прав и функций по время войны. Нужна ли она была ему? Вопрос не праздный, хотя и никем не исследованный. Но ведь факт наверное: во всей деятельности узурпатора трудно найти эпизод, где он предложил бы какие-нибудь реальные шаги, меры для расширения народовластия. Напротив.

В воспоминаниях А. А. Громыко есть тому поразительное свидетельство. Во время одного из заседаний, писал он, кто-то посетовал на неповоротливость местных органов власти. «Вдруг Сталин заявил:

— А почему бы не восстановить кое-что из прошлого? Ведь когда-то власть была в руках «головы». Он, «голова», был конечной инстанцией, принимавшей решения в масштабах города».

Даже «соратники» не справились с выражением изумления, хотя некоторые с ходу же и поддержали «гениальную» мысль.

«Случай этот,— комментирует А. А. Громыко,— примечателен тем, что он позволил выявить и пояснить одну характерную особенность этого человека. Сталина, как магнитом, притягивали идеи авторитарной природы, администрирования, бывшие сродни культу личности» («Памятное». Т. 1. 1988. С. 207—208).

Но Сталин не теоретизировал — он действовал. Именно в 1946 году, после сочинских раздумий, он, преобразовав наркоматы в министерства, стал плодить их все больше и больше, резко увеличил число ведомственных чиновников, ввел «табели о рангах», униформу для работников многих отраслей народного хозяйства, финансов, юстиции и т. д., урезал и урезал и без того куцую область компетенции Советов.

И все было последовательным. Ибо еще в 1920 году он говорил: «Страной управляют на деле не те, которые выбирают своих делегатов в парламенты при буржуазном

порядке или на съезды Советов при советских порядках. Нет. Страной управляют фактически те, которые овладели на деле исполнительными аппаратами государств, которые руководят этими аппаратами».

Мы всегда считали и считаем важнейшим звеном, ядром нашей политической системы Коммунистическую партию Советского Союза. В программном своем документе Сталин с полной откровенностью высказал свои взгляды и на место в обществе коммунистов. «...Теперь у нас другие времена,— сказал он.— Беспартийных отделяет теперь от буржуазии барьер, называемый советским общественным строем. Этот же барьер объединяет беспартийных с коммунистами в один общий коллектив советских людей... *Разница между ними лишь в том, что одни состоят в партии, а другие нет. Но это разница формальная».*

Если есть здесь чему удивляться, то только цинизму. Сегодня-то мы знаем, что стоит за такими сталинскими тезисами. И то, как он обошелся с ленинскими принципами и нормами партийной жизни. И преследование, уничтожение, сознательное моральное и идейно-политическое разложение тысяч и тысяч подлинных партийцев, в том числе и из братских марксистско-ленинских партий. Беспрецедентное предательство доверившихся ему коммунистов и антифашистов — вероломная выдача их гитлеровской клике... В партии как союзе единомышленников тиран не нуждался. (Случайно ли из всех вариантов Государственного гимна СССР он выбрал именно тот, где — ни слова о партии, но зато официально шла «аллилуйя» его, Сталина, персоне?..)

Но распускать ВКП(б) из-за «полного стирания граней» между ее членами и остальными гражданами «вождь» явно не собирался. Она еще была ему нужна как исполнительный аппарат и самая надежная опора для управления необъятной страной его, сталинскими, не связанными никакими законами методами. Не совпадение — рассчитанная политика то, что как раз в 1947 году, в очередном томе своих «сочинений», он предал вдруг гласности старую рукопись, где о партии говорилось, будто она «своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность». В этом «ордене»—3—4 тысячи руководителей, составляющих «генералитет», 30—40 тысяч «офицеров» и 100—150 тысяч «унтер-офицеров». Остальные, надо понимать, безропотные и на все пригодные «сол-

даты». «Солдаты партии»— как часто это произносилось...

Объективно — в связи с переходом к мирным делам — все звенья партии, формы и методы ее работы нуждались в серьезной и глубокой перестройке. «Предстояло,— утверждается в многотомной «Истории Коммунистической партии Советского Союза»,— повсеместно вернуться к соблюдению уставных норм: своевременно проводить отчеты и выборы руководящих органов, регулярно созывать собрания, пленумы комитетов, собрания актива, систематически обсуждать на них основные вопросы политики партии, деятельности местных организаций. Последовательное проведение в жизнь принципа демократического централизма, усиление на этой основе контроля деятельности партийных органов со стороны коммунистов являлось решающим условием подъема партийной работы, повышения активности всех партийных организаций».

Нам дают понять, что это будто бы *так и было*. Но ведь не было же! Очередной съезд ВКП(б) был созван через семь (!) лет после окончания войны и спустя почти четырнадцать — после ему предшествовавшего. Избранный XVIII съездом партии ЦК давно уже стал фактически неправомочным. Сталин вполне свободно обходился без его пленарных заседаний. Лишь в конце 1948— в 1949 году прошли первые послевоенные съезды компартий союзных республик и конференции краевых, областных организаций. Ну а уж о том, чтобы где-нибудь там обсуждали — по-ленински широко, свободно — основные вопросы политики партии, так об этом и говорить не приходится.

Нет, похоже, усиливать руководящую роль партии через ее демократизацию Сталин тоже не собирался. Единственная из прослеживаемых целей его послесочинских преобразований — ужесточить централизацию и личный контроль за партийными кадрами. «Главной задачей» существовавшего с 1919 года Оргбюро ЦК становится «*проверка* работы местных партийных организаций»; на Секретариат возлагалась «подготовка вопросов для Оргбюро *и проверка исполнения* решений Политбюро и Оргбюро ЦК»; организационно-инструкторский отдел ЦК преобразуется в *Управление по проверке* партийных органов... Существенно поднималась роль Управления кадров Центрального Комитета.

За строгим соблюдением своей кадровой политики Сталин следил с особой тщательностью и подозрительно-

стью. Принципы ее были сформулированы им давно. Еще в 1923 году на XII съезде партии он требовал: «...Необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие проводить их в жизнь». Советуем читателю с повышенным вниманием отнестись к этой «формуле». И не только потому, что начальником Управления кадров — и одновременно (даже до обсуждения вопроса на пленуме) секретарем ЦК — Сталин назначил первого секретаря Ленинградских горкома и обкома ВКП(б) Алексея Александровича Кузнецова, «вытеснившего» из кадровых дел ведавшего ими с 1934 года Г. М. Маленкова. Многие аспекты «ленинградского дела» станут понятнее, если помнить об этой сталинской установке.

...Ради чего он все это делал, «великий вождь всех времен и народов»? Во имя дальнейшего упрочения собственного положения? Да. Хотя после войны оно было абсолютно незыблемо — не осталось ни оппозиционеров, ни конкурентов, ни даже оппонентов.

Во благо народа? Его речь слышали по радио, читали, знали в пересказах многочисленных агитаторов миллионы вдов, сирот, искалеченных, обездоленных, 25 миллионов подданных, лишенных даже крыши над головой... «Всеобщий отец», уже лет двадцать не имевший прямых контактов с простолюдинами, и не обмолвился о страданиях и бедах своего народа. Пространно и горделиво он говорил о *своих* победах — над врагами внешними и «внутренними», прошлыми и... будущими. Случайно ли в первой же своей речи после «самой жестокой и тяжелой из всех войн, когда-либо пережитых в истории нашей Родины», когда впору мечи перековывать на орала, Сталин вдруг начинает подчеркивать высочайшие совершенства своей первоклассной армии, подробно и долго расписывает военно-мобилизационные возможности экономики?.. И даже планы (знаменитые, но абсолютно неясно, по каким критериям рассчитанные «ежегодные» 50 миллионов тонн чугуна, до 60— стали, 500 — угля и «до 60 миллионов тонн нефти») обосновывает не потребностями благосостояния народа, а «гарантией от всяких случайностей».

Не торопитесь вспоминать о «холодной войне»: она пока еще себя не проявила — Сталин упорно боролся за сохранение коалиции стран-победительниц, за сближение с Соединенными Штатами Америки, поджигательская речь отставного британского премьера Черчилля в захо-

лустном американском городке Фултоне (5 марта 1946 г.) еще не прозвучала... Тогда что же, что же его толкнуло именно к таким акцентам?

В речи Сталина проскользнула туманным намеком мысль, которая, помнится нам, никогда не комментировалась при его жизни. Говоря о причинах мировых войн (неравномерности развития капиталистических стран и следовавшей из этого тяги «переделить» рынки сбыта и «сферы влияния»), он неожиданно заявил: «Пожалуй, можно было бы избегнуть военной катастрофы, если бы была возможность периодически перераспределять сырье и рынки сбыта между странами *сообразно с их экономическим весом* — в порядке принятия согласованных и мирных решений». Вряд ли он забыл при этом о солидной прибавке в «своем» собственном «весе»: в результате второй мировой войны от капитализма отпало одиннадцать государств с населением более 700 миллионов человек. 26 процентов территории Земли и 35 процентов ее обитателей (против, соответственно, 17 и 9 процентов до войны) оказались теперь вне этой системы.

«Вес» в мировых делах, однако, понятие не статическое, а динамическое, характеризуется *силой*. И если об этом, из дипломатических соображений, не сказал Сталин, то явно с его подачи (ни один из его «ближайших соратников» давно уже не вылезал с собственными политическими идеями) эту идеологию провозгласили «верные ученики». «...Слабого всегда бьют и обижают, а сильного боятся и уважают»,— заявил на предвыборном митинге в Ташкенте Л. М. Каганович (5 февраля 1946 г.). Г. М. Маленков был и того откровеннее: «...Следует всегда помнить, что друзья (!) будут уважать нас лишь до тех пор, пока мы сильны. Слабых не уважают, больше того, многократно доказано, что слабых бьют».

Нечто подобное — по другому поводу — Сталин изрек на XVII съезде ВКП(б), но теперь это, похоже, становилось важным элементом новой политики. Победа, которую он считал «своей» (о жертвах не упоминали, многих отличившихся генералов загнали в тюрьмы), кружила голову. Вождь желал иметь во владении *грозную* державу. С Советами либо без них, партийную или беспартийную — «разница формальная»; главное и единственное — сильную. Построенную «на самом простом» принципе: приказ — исполнение — контроль исполнения. И сверху донизу все в ней должны действовать как солдатики.

«КРАМОЛЬНАЯ» РЕЧЬ

16 января 1946 года на предвыборном совещании в Ленинграде выступал А. А. Кузнецов. Хотя о взлете его к самой вершине власти никто еще не объявлял, то, что отныне Алексей Александрович «персона особая», почувствовали все.

— Ну что вы!— вспоминал участник этого собрания ветеран партии Борис Алексеевич Куклинов.— Никогда таких многослойных кордонов на встречах с ленинградскими руководителями не видел: на улице, за квартал, при входе в Выборгский дворец культуры, на выходе из гардероба, в фойе, у дверей зала... Пригласительные проверяли даже после перерыва, хотя никого за пределы дворца не пускали... Да и сам он держался величественно, важно. Я его, правда, мало знал, но сосед мой все удивлялся — какая метаморфоза произошла... А речь произнес яркую. Очень памятная речь...

Кузнецов и готовился к ней особенно тщательно. Услугами помощников и секретарей тогда в таких делах если и пользовались, то очень немногие, стараясь не афишировать сей явно предосудительный метод. Одна верная Зинаида Дмитриевна, жена, придирчиво вчитывалась в разложенные по всему кабинету листки (это особый, у Жданова почерпнутый, способ подготовки докладов и выступлений ленинградскими руководителями), делала замечания и давала советы: Кузнецов не кончал институтов, а жена — из семьи учительской, образованная.

Мы говорим об этих мелочах потому, что речь действительно получилась на удивление необычная — самая, наверное, искренняя из всех прозвучавших в то время в стране, выпадающая из общего хора и по звучанию и по содержанию. И наконец, с трагическими последствиями: именно ее особенно обильно будут цитировать потом многочисленные следователи и дознаватели, обвиняя Кузнецова в «измене» делу «великого Сталина».

А у него и в мыслях этого не было. Сталина он боготворил всю жизнь, за исключением, может быть, последних двух-трех лет, когда соприкоснулся с ним близко,— увидел не только скромного мудреца, «с руками рабочего, в одежде простого солдата», но и гнусные пьянки по ночам на знаменитой теперь даче, леденящую кровь жестокость... Но мы говорим: может быть, потому что мысли и чувства свои и в эти годы Кузнецов держал на крепчайшем запоре, если что и мог сказать, то только жене, а Зинаида Дмитриевна ни с кем не делилась. «Доченька,—

говорила она бывало своей младшей,— ты иди, доченька, погуляй, а нам тут с Лидой поговорить надо». Лида (одна из двух живших в семье Кузнецовых дочерей рано умершей сестры Зинаиды Дмитриевны), хотя и была на два года младше кузины, да с партийным билетом...

Нет, не имеем мы оснований подозревать Кузнецова в двоедушии, приписывать ему некое «оппозиционерство». Он искренне обещал «быть верным последователем великого Сталина... неизменно следовать, как и до сих пор, за товарищем Сталиным...» и едва ли не до самого трагического конца своего держал слово.

Но тогда, в январе 46-го,— может быть, сказался эмоциональный настрой из-за неожиданного служебного взлета,— Кузнецов, вопреки всеобщему обычаю (Жданов, Маленков, Каганович, а Микоян и Берия в особенности, умудрились впихнуть фамилию «вождя всех времен» почти в каждый абзац своих речей), пропел гимн не Сталину, а великому городу Ленинграду. Разумеется, в стиле времени и среды. Он провозглашал, отдаваясь искренней страсти: «Можно без преувеличения сказать, что одним из передовых отрядов русского народа, храбрым и в то же время скромным, деятельным и в то же время не кричащим о себе, является отряд ленинградцев, на долю которых выпали в этой войне самые тяжелые испытания... По гитлеровскому плану нападения на нашу Родину, по так называемому «плану Барбаросса», *глазной* целью немецких фашистов на первых порах было захватить Прибалтику, захватить Ленинград, уничтожить его население, стереть с лица земли наш город и отдать его после этого финским приспешникам Гитлера...» Узнав об этом плане, «явственно видишь, какой неоценимый вклад внесли ленинградцы в дело защиты нашей социалистической Родины...»

Алексей Александрович говорил и о потерях в только что минувшей войне — об обращенном в пепел жилье, разрушенных мостах, дорогах, заводах и электростанциях, об образовавшемся в результате войны и блокады острейшем дефиците «кадров» и «трудовых ресурсов»...

И ни слова о погибших... Поведение, характерное для *всех* бывших руководителей Ленинграда в отношении памяти о блокаде — и совершенно загадочное. Факт, что все, кто был в Ленинграде в ноябре сорок первого — апреле сорок второго и чудом каким-то выжил, крайне неохотно соглашаются рассказывать о том, что тогда видели и пережили. Но чтобы до такой степени!.. Ни в многочисленных выступлениях, статьях, документах, вклю-

чая и особо секретные, даже в кругу семьи и друзей никто из руководителей никогда, насколько нам известно, не обмолвился о жертвах голода и обстрелов, не делал попыток раскрыть подлинный масштаб трагедии блокированного города. Черствостью это не объяснишь: большинство из них были нормальными людьми, способными к глубокому сопереживанию. Тогда чем? Муками совести, затаившимся чувством и личной вины за неимоверные страдания ленинградцев?.. Возможно. Еще более вероятно — въевшейся в плоть и кровь жесткой установкой показывать людям только светлые стороны бытия, одни лишь прелести сталинского «рая». Даже в самые трагедийные дни блокады Жданов требовал от руководителей всех рангов и уровней: «отвлечься», не обращать внимания на мрачное, «нести заряд бодрости и оптимизма...» Во время войны это, наверное, было и оправдано. А после нее?..

Впрочем, ни Сталин, ни все его окружение вообще не вспоминали ни о каких жертвах и погибших. Чего же мы хотели бы от Кузнецова? И не с тех ли времен осталось у нас недостойное цивилизованного общества небрежение к могилам павших, глубокая нравственная слепота...

Вот и речь Кузнецова на январском предвыборном митинге в Ленинграде — только восторженно-оптимистическая.

«Про нас говорят, что мы, ленинградцы,— большие патриоты своего города. Да, мы — патриоты, мы его любим и лелеем...» Ибо это город, где зародилось русское революционное движение, «отсюда берет свои истоки великая большевистская партия». Это город, «где была провозглашена Советская власть, город, с именем которого связана вся история социалистического государства, история возникновения Красной Армии, восстановления и роста народного хозяйства нашей страны. Это город, положивший начало расцвету и развитию отечественной культуры и науки в широком смысле этого слова,— город Ломоносова, Менделеева, Павлова, Попова, Суворова, Кутузова, Чернышевского, Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Некрасова, Чайковского, Глинки, Репина и многих других корифеев мысли, а также ныне здравствующих ученых, писателей, техников, рабочих — замечательных людей, объединенных одним именем — ленинградцы.

Да разве такой город можно не любить? Как не любить свой город, в который с момента его основания не вступала нога врага! Краснознаменный, ордена Ленина город, сотни тысяч участников героической обороны ко-

торого носят, как знак мужества и беззаветной стойкости, медаль «За оборону Ленинграда», город, первым остановивший врага, выстоявший 29 месяцев осады и разгромивший гитлеровские полчища под своими стенами; город, слава которого затмила славу Трои!

Да разве можно не быть патриотом этого города! Да разве можно не гордиться им? И мы гордимся тем, что являемся ленинградцами, истинными патриотами нашей Советской страны. Мы обязаны с вами и впредь воспитывать всех жителей этого города в духе любви к нему, в духе любви к Родине, в духе пламенного животворного советского патриотизма.

Мы должны добиться такого положения, чтобы Ленинград щедро, как и раньше, распространял науку и культуру по стране, чтобы о нем снова шла слава, как о кузнице кадров в самом широком смысле этого слова, *чтобы на всю страну выходили из Ленинграда новые кадры людей* науки, *партийных и советских руководителей*, чтобы мы и впредь растили замечательных ученых, музыкантов, врачей, учителей, архитекторов и т. д., чтобы Ленинград стал сокровищницей талантов. Это не легкая, а самая трудная и ответственная задача, которая стоит перед нами. Позвольте мне от имени Ленинградской партийной организации выразить уверенность, что в разрешении этой труднейшей задачи мы найдем поддержку у вас, трудящихся города Ленина.

Очень часто нас спрашивают: как это у вас, ленинградцев, все так хорошо получается?

Что можно ответить на это? Говоря обобщающе, можно ответить: да ведь народ-то у нас в Ленинграде очень хороший, поэтому так хорошо получается...

Во-вторых, у нас хорошо получается потому, что у нас замечательные кадры, актив у нас замечательный, замечательная интеллигенция.

Так будем же добиваться и впредь, чтобы у нас были самые лучшие кадры, самый лучший актив, самая лучшая интеллигенция!

В-третьих, у нас хорошо получается потому, что у нас закваска хорошая. Так будем и впредь поддерживать и развивать прекрасные традиции нашего города.

В-четвертых, у нас хорошо получается потому, что мы имеем славную боевую Ленинградскую партийную организацию, которую мы обязаны и впредь крепить и поднимать еще выше.

И самое главное, у нас хорошо получается потому, что о нас заботится, нам помогает великий Сталин... Скажем

товарищу Сталину доброго здоровья и провозгласим: да здравствует товарищ Сталин!»

Кузнецов, как видим, не забыл и откричать положенное — хвалы и здравицы в честь «великого вождя всех народов», но, наверное, мало — до стандарта не дотянул. Заметивший промах своего воспитанника и выдвиженца Жданов его поправил — через месяц (25 февраля 1946 г.) Алексей Александрович произнес уже вполне шаблонное славословие Сталину. Поздно. «Крамольно»-восторженная речь Кузнецова о Ленинграде и ленинградцах успела попасть в поле зрения политических соперников.

Пройдет всего несколько дней и, выступая в Ленинградском избирательном округе Москвы (7 февраля 1946 г.), Г. М. Маленков отзовется: «Товарищ Сталин учит нас тому, чтобы не жить заслугами прошлого, а глядеть вперед... Глубоко ошибается тот, кто думает, что можно жить заслугами прошлого и почить на лаврах достигнутых успехов. Мудрая история сдает таких людей в архив... У нас есть любители вспоминать свои прошлые заслуги. Забыв, что скромность украшает человека, они готовы без конца упиваться воспоминаниями об этих заслугах. И нет заботы у них, что работы кругом непочатый край...»

Сменивший Кузнецова на посту первого секретаря Ленинградского обкома и горкома партии Петр Сергеевич Попков сделает нужные выводы. При случае (сочинялся доклад по поводу какого-то юбилея) он скажет своему помощнику В. Ф. Шишкину: «Вы это... про победу Ленинграда... прорвал осаду и вырвался из осады... вычеркните».— «Так ведь я у Жданова взял и у Кузнецова так было!» — изумился Виталий Федорович.— «Я не знаю, *почему* товарищ Жданов и Кузнецов так сказали, но Ленинграду помогала вся страна и прежде всего товарищ Сталин — *так* верно».

Порывшись в газетах и архивах, Шишкин и у Попкова мог бы найти нечто подобное... Через три года переведенные на юридический язык речи, высказывания А. А. Кузнецова, П. С. Попкова, других бывших ленинградских руководителей станут материалом политических обвинений — в «авангардизме», попытке оторвать Ленинград от страны, насадить свои кадры во все регионы для захвата власти и т. д. и т. п. Когда мы знакомились с приговором по их «делу», то никак не могли отделаться от впечатления, что фабула этого страшного документа буквально списана с выступления Алексея Александровича Кузнецова 16 января 1946 года.

Вскоре после этого вечера Кузнецов окончательно перебрался в Москву. Провожали его — до самой столицы!— второй секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) Яков Федорович Капустин и второй секретарь обкома Иосиф Михайлович Турко. О чем они, вместе пережившие блокаду Ленинграда, всю ночь говорили, восстановить невозможно. Следственным материалам (а об этой беседе с пристрастием допрашивали не только самих участников, но и проводников, охрану, помощников...) верить ни на грош нельзя. У Турко же из памяти прорвалась лишь, похоже, так и не зарубцевавшаяся обида — не один он, надо сказать, сильно недоумевал: почему «первым», как теперь придумали, «лицом» в Ленинграде вместо Кузнецова назначили именно П. С. Попкова? «Типичное не то» — прозвала его с подачи Жданова, имевшего слабость к сомнительным определениям, сразу же становившимися кличками, не связанная узами личной дружбы и взаимоуважения руководящая элита. Как он может возглавлять *такую* организацию! Кузнецов миролюбиво оправдывался: «Любой из вас — и Турко, и Капустин — мог бы оказаться на этом посту, но товарищ Сталин назвал Попкова...» Турко на этих словах вздохнул, помолчал, потом добавил: «А позже, в Москве, он мне говорил, что Попкова выдвинул *Жданов* — пойди проверь...». А. А. Кузнецов, на беду его, был выдвиженцем Жданова.

ЖДАНОВ

О Жданове сейчас пишется и страшная правда, всплывшая еще на XX съезде партии и сразу же спрятанная под замок, и конъюнктурные домыслы.

Безусловная правда, что за Ждановым «образца 30-х годов» тянется длинный шлейф преступлений. Приведенная Н. С. Хрущевым на закрытом заседании XX съезда КПСС подписанная 25 сентября 1936 года Сталиным и Ждановым телеграмма в Политбюро («Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на четыре года...») — отнюдь не случайный эпизод в биографии Жданова. За то, что количество коммунистов в Ленинградской парторганизации с 1934 года, когда Жданов стал здесь первым секретарем, уменьшилось к 1938 году с примерно 300 тысяч до 120 тысяч (абсолютное боль-

шинство исключенных из партии репрессировано*), он несет прямую ответственность как руководитель и вдохновитель расправ, непосредственный участник беззаконий. Жданов не только призывал сделать Ленинградскую организацию «передовой» по выкорчевыванию так называемых «врагов народа», давал многочисленные необоснованные санкции на аресты людей, но и лично допрашивал поставлявшихся ему следователями НКВД свидетелей и обвиняемых. (Что, впрочем, в те годы было в обычае и у Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, других высших руководителей.)

В годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период Жданов, по нашим сведениям, стал гораздо осмотрительнее в применении карательных мер.

Несомненный авторитет в таких делах — бывший председатель военного трибунала Ленинградского военного округа, затем — Северного и Ленинградского фронтов генерал-майор юстиции в отставке Иван Фролович Исаенков свидетельствовал: Жданов неоднократно рекомендовал ему (надо считать — приказывал, но он избегал приказных форм) «не увлекаться расстрелами». Крайние меры, наставлял он председателя трибунала фронта (а через него и многочисленные нижестоящие суды), применять лишь тогда, когда однотипные и серьезные преступления начинали становиться опасным явлением,— в предупредительных и воспитательных целях.

Сказанное как будто бы подверждают и тысячи ждановских документов военной поры, прошедшие через руки одного из авторов (литератора). Однако с настораживающим исключением, убедительно показывающим, что Жданов и в те годы не отрешился от политики беззаконий — просто стал тщательнее скрывать преступления, лицемерить.

А эпизод этот — по архивным бумагам и рассказу И. Ф. Исаенкова — был таким. Осенью 1941 года действовавшее в направлении Мги соединение Ленинградского фронта не выполнило боевую задачу. Были ли в этом виноваты командир и комиссар дивизии, а если и виноваты, то в какой степени,— сейчас с полной достоверностью определить невозможно. Известен результат: военный совет фронта предал их суду военного трибунала. Фронтовой

---

* За первые 4 года ждановского руководства Ленинградской организацией ВКП(б) чистке и репрессиям в ней подверглись 128 350 коммунистов. (Ленинградская организация КПСС в цифрах. 1917—1973. Л., 1974. С. 72.) Лишь малая часть из них — за действительные нарушения Устава ВКП(б).

прокурор М. Г. Грезов обвинил подсудимых в измене Родине и потребовал для них высшей меры наказания — расстрела.

— Мы, судьи,— рассказывал И. Ф. Исаенков,— тщательно разбирались со всеми обстоятельствами дела и нашли, что такого преступления, как измена Родине, в поступках этих людей не усматривается: были — халатность, еще что-то, но жизни их лишать не за что... Грезов отреагировал жалобой на «либерализм» трибунала в Военный совет. Жданов меня вызвал и начал с разноса. Но я ему сказал: «Андрей Александрович, вы ведь сами всегда инструктировали нас: судить только в строгом соответствии с законами. По закону, в действиях этих лиц «измены Родине» нет».— «У вас есть с собою Уголовный кодекс?» — «Есть...» Полистал, показал другим членам Военного совета: «Вы поступили правильно — в строгом соответствии с законом. И впредь поступать только так. *А с ними*,— прибавил загадочную фразу,—*мы разберемся сами...*»

Разрешение этой «загадки» лежит в Центральном архиве Министерства обороны — одностраничный документ «тройки» (прокурор, начальник политуправления и начальник особого отдела НКВД фронта): обвиняемые и сами признали, что фактически изменили Родине — «предлагаем расстрелять их во внесудебном порядке»...

Именно в силу выдающегося ждановского лицемерия многие, думается, знавшие его лично, упорно навязывали нам образ «исключительно мягкого» Жданова. В письмах, устных воспоминаниях нам приводили многочисленные примеры его чуткости, помощи в затруднительных жизненных ситуациях... К этому мы относимся с уважением: добро, от кого бы оно ни исходило, нравственный человек принимает с благодарностью. И совсем иные чувства вызывают попытки искусственно причернить (и без того, в целом, «черного») Жданова, «вычеркнуть» его из истории или «заменить» его в том, что мог и делал только он, кем-нибудь «посимпатичнее» — например, А. А. Кузнецовым.

Понятно, что особенно это относится к периоду с экстремальными условиями — к войне и блокаде. Глубокого и достаточно строгого научного анализа деятельности ленинградского руководства этого времени еще никто не сделал. Но и сейчас можно смело сказать, что именно Жданов был в его составе и самым авторитетным, и самым инициативным лидером. Даже с учетом его бесспорных преступлений объективный исследователь не может

себе позволить «списать» в исторический хлам личный вклад Жданова в такие, скажем, меры по обороне Ленинграда, как создание Лужского оборонительного рубежа и непредусмотренных никакими планами дивизий народного ополчения, сыгравших важнейшую, если не решающую роль в судьбе города. Ни молодой командующий фронтом генерал М. М. Попов, ни иные члены военсовета, никто, кроме Жданова, не мог бы тогда убедить Сталина в крайней необходимости этих мер. И такие примеры можно множить. Менее известно об ошибках и провалах — а они были,— но это дело времени и степени развития гласности: в годы культа и «застоя» даже малейший интерес к анализу просчетов руководства, мягко говоря, не поощрялся.

Кое у кого проснулось острое любопытство к нравственной стороне поведения Жданова в блокаду. Пишут: не выезжал на фронт (из города-фронта, глубина тылового района которого была почти в два раза меньше, чем это положено по уставу даже общевойсковой армии), сибаритствовал («от недостатка движений начал полнеть»), сладко спал, пил, ел... Нам представляется, что сочинители подобного унижают обывательскими сплетнями не только и не столько персонажей своих анекдотов, сколько себя и, главное, потребителей такого низкопробного чтива.

Существовал общегосударственный порядок: в целях сохранения высших командных кадров (эта практика принята и в других странах) члены военных советов фронтов — не говоря уже о секретаре ЦК — без соответствующего приказа, разрешения не имели права выезжать к переднему краю ближе, чем управление дивизии. Исключения имелись, но в целом этому правилу следовали и командующие фронтами. В пунктах управлений армий и корпусов Жданов при необходимости бывал — в передней траншее ему и делать было нечего.

Работал он, как все в штабах и военном совете, обычно до пяти-шести утра (пока в далекой Москве не уходил отдыхать Верховный главнокомандующий и не спадало напряжение), в десять-одиннадцать дня возвращался в служебный кабинет.

Как питался? От голода, конечно, ни он, ни другие высокие ленинградские руководители не опухали. Но во второй декаде ноября 1941 года, вспоминала одна из двух дежурных официанток Военного совета фронта А. А. Страхова (Хомякова), вызвал и установил жестко фиксированную урезанную норму расхода продуктов для всех

членов военсовета (командующему М. С. Хозину, себе, А. А. Кузнецову, Т. Ф. Штыкову, Н. В. Соловьеву): «Теперь будет так...»

Из ныне живущих А. А. Страхова, пожалуй, единственная, общавшаяся со Ждановым почти каждый день, начиная с 1934 года (она пришла в Смольный в 1931 году, еще в штат обслуги С. М. Кирова), рассказывала:

— Когда меня Андрею Александровичу представляли, спросил, как водится, как зовут. «Аня».—«А по отчеству?»—«Да зачем? Молодая я... Анна Александровна...»—«Вот так и будем — никаких Ань»... Ой, какой хороший, какой изумительный был дядька!— вырывается у Страховой.— Никогда, никаких претензий! Чуток гречневой каши, щи кислые, которые варил ему дядя Коля (Щенников — персональный повар.—*Авт.*),— верх всякого удовольствия!..

А «блины из белой муки», которые, с трудом сохраняя горячими, в самую блокадную стынь возил ему откуда-то личный шофер Васильев?— спросит памятливый читатель, имея в виду замеченную многими публикацию в «Огоньке». А «свежие персики», доставлявшиеся на самолетах из Партизанского края?..

Да ведь прежде чем верить таким «свидетельствам», надо разобраться — был ли в тот год в наших партизанских краях (Псковщина, Новгородчина, ленинградские леса и болота) урожай на эти самые «персики»; позволяла ли бдительнейшая служба личной охраны члена Политбюро, секретаря ЦК разбалтывать совершенно случайным людям — что и для каких целей ему поставляется?.. Что же касается «блинов», то... А зачем их привозить откуда-то из города, если тут же, под боком, в Смольном, живет и трудится положенный всем персонам такого уровня личный повар, высокого, надо полагать, класса да еще и с помощниками?..

Можно не любить тех или иных исторических деятелей, допустимо их ненавидеть... Но распространять небылицы?..

Людям, действительно встречавшимся со Ждановым, он запомнился иным. Непритязательный, вежливый, улыбчивый, внимательный к окружавшим его делопроизводителям, личным телеграфисткам, медикам и другим малым мира сего (поздравлял с праздниками, днями рождений, оказывал нежданно-негаданно помощь в затруднительных ситуациях,— но обращаться к нему по собственной инициативе — строжайшее «табу»...), на *обслугу*, включая и мир искусств, многим деятелям которого он

патронировал, посетителей и т. п. Жданов *должен был* и производил впечатление, исключительно выгодно выделявшее его из всей, грубоватой в основном, среды ленинградских и иных руководителей. Правда, «среду», кроме, пожалуй, А. А. Кузнецова, все это мало облагораживало: они знали Жданова и иным — резким, гневливым, весьма опасным...

Есть тут, верно, и другая правда: преданность собственного его ближайшего окружения — и не выходившего из кабинета Жданова А. А. Кузнецова, и почему-то панически боявшегося «ленинградского вождя» Я. Ф. Капустина*, и заискивавшего перед ним (до небезобидных шуток со стороны товарищей) П. С. Попкова, других руководителей из этого слоя — обеспечивалась глубоким и вполне искренним к нему почтением. (Показательная деталь: в сугубо личной записной книжке второго секретаря обкома ВКП(б) Т. Ф. Штыкова находим: «Соловьев», «Кузнецов», «Микоян», «Косыгин»... Но обязательно: «*тов.* Сталин», «*тов.* Жданову» и т. п. В личном общении тоже никто из них не говорил просто «Жданов» — «Андрей Александрович», «товарищ Жданов» — повседневная формула.)

На чем держалось почтение? Ну, член Политбюро, секретарь ЦК ВКП(б), первый секретарь горкома и обкома, председатель Совета Союза Верховного Совета и т. д. и т. п.— это понятно. Один из «ближайших соратников», блюдущий высшие интересы страны и всего социализма,— немаловажно. Не забывали практические заслуги — в разгроме зиновьевцев, подготовке действовавшего устава партии, курировании строительства большого флота, артиллерийского вооружения, танкового, руководстве обороной Ленинграда, шефстве над культурой и вообще всей идеологией, особенно обществоведением, исторической наукой...

— Андрей Александрович *лично*,— как о чем-то величайшем и вечном поведал мне со священным трепетом

---

* Сын Якова Федоровича — Владимир Яковлевич Капустин опротестовал: «Мой отец никого — даже Сталина — не боялся!» В сугубо служебном смысле, может быть, это действительно так: воспоминания его товарищей, стенограммы и другие документы свидетельствуют, что секретарь ЛГК ВКП(б) Я. Ф. Капустин отличался прямотой и резкостью суждений. Но есть еще личностная сторона взаимоотношений. Самолюбие Якова Федоровича, похоже, было особо чувствительным к вежливым по форме, но весьма язвительным по существу замечаниям А. А. Жданова в связи с малейшими промахами подчиненных. Я. Ф. Капустин, говорят, очень остро такие моменты переживал и, естественно, больше других старался «не подставиться».

один из ветеранов,— *лично* внес в учебник «Краткий курс истории ВКП(б)» 1002 поправки. Два месяца сидел —1002 поправки!

— Самый образованный в партии! Человек высочайшей культуры! Второй Луначарский!.. Да не спорьте вы, раз не знаете! А я знаю — второй Луначарский!— это уже другой ветеран из ждановского окружения, бывший первый секретарь Ленинградских обкома и горкома ВЛКСМ, а ныне профессор, специалист по сопротивлению материалов Всеволод Ильич Чернецов (тоже, конечно, отсидевший по «ленинградскому делу»).

А ведь известно: А. А. Жданов, как почти все сталинское окружение, включая в центр круга и самого «гениального», никакого систематического образования не имел. Два курса Тверского сельхозинститута, кажется, не попали ни в одну из его биографий. Недостаток образования маскировался обширной, хотя и поверхностной, нахватанностью. Незаурядная, очень динамичная память помогала прочно удерживать и, главное, мгновенно извлекать всевозможные сведения. В блокаду Жданов часто конфузил начальников различных служб (тыла, метеообеспечения и т. п.), вылавливая в их отчетах и справках различные ошибки. Соперничать с ним в памятливости и кругозоре никто в ленинградском руководстве не мог. Как и в фонтанировании идей. Хотя далеко не всегда собственных.

«Василий Павлович,— позволял он себе, стоя за спиной сидевшего у рояля композитора Соловьева-Седого,— а не лучше ли этот аккорд взять несколько иначе?..»— «Да-да, конечно, Андрей Александрович, как я этого не заметил!..» Хотя знал: музыкальная образованность Жданова — миф, умение играть на баяне не уравнивает с профессионалами. Деланное «восхищение» известного композитора (актера, конструктора, обществоведа...) производило, конечно, впечатление и на окружающих. Изворотливость и многовариантность в поведении, сложный комплекс подлинных и мнимых способностей, знаний, «заслуг» и, конечно же, «посты» резко выделяли Жданова из среды его совершенно обыкновенных соратников.

И еще, все держалось на вполне расчетливой таинственности, окружавшей, как и Сталина, фигуру ленинградского «вождя». Он не только в душу — в дом свой никого не пускал. Семь лет (и война, и блокада!) просуществовало в одном и том же составе сформированное им в 1938 году основное ядро ленинградских руководите-

лей, а в приватной, внеслужебной обстановке они с ним не встречались.

— Один раз,— с трудом вспомнила жена второго секретаря обкома Антонина Александровна Штыкова,— после какого-то представления в театре сказал вдруг: «Поехали все ко мне...»

Для насквозь пропитанного политиканством Жданова такое отчужденное отношение к товарищам по работе не случайность. Тем более, что по характеру нелюдимым он не был и не замыкался в четырех стенах. Деятели литературы и искусства, например, постоянно обретались в его гостиной.

Помощников он себе подбирал исключительно преданных. И все равно боялся. Кого?

Знающие люди рассказывали, как во второй половине 30-х годов первый секретарь Ленинградских обкома и горкома ВКП(б), автор 1002 поправок к «Краткому курсу» и прочая и прочая, А. А. Жданов покорно ждал приглашавшегося в его театральную ложу начальника областного управления НКВД. Спектакль не начинали. А тот нарочно опаздывал каждый раз минут на десять...

Но вообще во взаимоотношениях Жданова и карательных органов, начиная где-то с конца 1938 года (когда Сталин сделал очередной «ход конем» — снял Ежова и расстрелял многих его подручных, взвалив на них ответственность за фальсификацию политических обвинений и массовые репрессии), еще предстоит разобраться. «Он стал нас избегать, подставляя вместо себя — пользуясь положением секретаря ЦК партии — Кузнецова, Штыкова и других,— вспоминали бывшие ответственные работники Ленинградского управления НКВД.— У нас, в УНКВД, мы его и не видели. Кузнецов бывал часто — чуть не каждый день заезжал за начальником управления Кубаткиным на обед». «Даже когда в блокаду Кубаткин докладывал ему «компромат» на некоторых лиц из собственной ждановской обслуги,— рассказывал бывший заместитель начальника УНКВД по Ленинграду и области М. Н. Евстафьев,— Жданов никак не реагировал: распишется на информации — и все...»

Еще больше ленинградский «вождь» боялся «вождя всех трудящихся и всего прогрессивного человечества».

Когда Сталин звонил, Жданов — в пустом кабинете, один!— вставал и напряженнейше вслушивался в каждый звук, выходивший из трубки. А оттуда неслось, к примеру: «Андрей, говорят, ты себе лифт до третьего этажа за-

вел... Ты пешком ходи лучше. А то у тебя пу-зо вырастет...» — «Хорошо, товарищ Сталин... Учту, товарищ Сталин...» А лифт этот скрипучий, говорят, с незапамятных времен не работал.

Патологический страх перед Сталиным, безоглядная, самоотреченная подчиненность ему, полнейшая бесхребетность и сделали из «мягкого по натуре» Жданова жестокого, равнодушного к судьбе своих жертв преступника.

И еще, конечно, неуемное честолюбие. Явно на честолюбии, предполагаем, черт попутал его вмешаться и натворить столько поразительно долгодействующих бед в литературе и искусстве. От природы живой, политиканством долгим вышколенный ум его диктовал быть скромнее (на показную деликатность клюнули многие восхищавшиеся им и помогавшие громить культуру деятели), но ограниченность ума толкала к совершенно безосновательным амбициям. Ни в одном из выступлений этого претендента на роль властителя дум и «второго Луначарского» не обнаруживается следов его знакомства с мировой или хотя бы отечественной эстетической мыслью. Некомпетентность он ловко прикрывал звонкой фразой, самоуверенными дилетантскими суждениями о произведениях и течениях в литературе и искусстве.

Как Жданов готовил свои идеологические акции?

Александр Николаевич Кузнецов, самое доверенное его лицо и бессменный помощник, допускал иногда «утечку информации» — загадочно улыбаясь, сообщал узкому кругу: «А вы знаете, чем сейчас занят Андрей Александрович?.. Он нацелен на серьезную перестройку в нашей музыкальной культуре... Вот уже вторую неделю сидит и прослушивает пластинки — с классикой, народной, эстрадной музыкой...» Это — основной «материальный» базис. Подстраховочный — мнения крутившихся вокруг него деятелей. Принцип — «понятность» того или иного произведения «народу» (то есть самому Жданову). Он никогда не мог взять в толк, что лозунг «Искусство для народа!» означает не приспособление этого самого искусства к самым примитивным, неразвитым вкусам, а, напротив, такое воспитание масс, которое поднимало бы любого человека до понимания вершин прекрасного.

Во многих других делах — политике, экономике, в военно-оперативных вопросах — Жданов умел быть осмотрительным. Но хор восхвалителей блокировал сдерживающие центры. С годами претензии А. А. Жданова на интеллектуальную исключительность стали приобретать тревожный оттенок.

Анализировавшие печально знаменитую философскую дискуссию по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» (июнь 1947 г.), нам кажется, зря не придали значения пассажам выступавшего с докладом Жданова, касавшихся... физики. «Современная буржуазная наука снабжает поповщину, фидеизм,— бодро говорил там Жданов,— новой аргументацией, которую необходимо беспощадно разоблачать». И, не зная ни предмета, ни языков (на абсолютное владение естественными науками явно претендовал теперь сын Жданова — Юрий, занявший высокий пост заведующего отделом науки ЦК), решился на конкретные примеры. Взялся «разоблачать» «учение английского астронома Эддингтона о физических константах мира, которое прямехонько приводит к пифагорийской мистике чисел», последователей Эйнштейна, которые «договариваются до конечности мира, до ограниченности его во времени и пространстве», астронома Милна, «„подсчитавшего“, что мир создан два миллиарда лет тому назад, выводы, ведущие к „свободе воли“ у электрона, к попыткам изобразить материю только лишь как некоторую совокупность волн и к прочей чертовщине...»

Подхваченные неразборчивыми отечественными борзописцами острокритические взгляды «второго лица в ВКП(б)» на физику наделали много шума в научной среде мира, нанесли огромный ущерб престижу советской науки. Явно встревоженный президент нашей Академии наук С. И. Вавилов рискнул на коротенькую, намекающую реплику: «Нередко „борьба“ с ошибочной и враждебной нам идеологией в области науки сводится к отрицательным эпитетам в разной степени без разбора ошибочных доводов и без их убедительного опровержения. Не следует забывать, что в очень многих случаях авторы этих ошибок — выдающиеся ученые, заслуги которых в конкретном естествознании несомненны и очень велики».

На предостережение ученого никто и внимания не обратил. Идеологическая атмосфера в стране продолжала накаляться. И отражала она не столько действительное противоборство научных школ, сколько невидимую с поверхности схватку «вождей» за власть.

По времени беспрецедентная «борьба» с «проникновением к нам буржуазной идеологии» началась несколько раньше — с принятого 14 августа 1946 года постановления ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленин-

град“». Инициаторами этой истории называют Сталина и Жданова. Причиной — их «одномерное, плоскостное, авторитарное восприятие мира» или что-либо в этом роде. Однако в россыпи фактов попадаются гранулы и несколько иной окраски. Похоже, что кроме Сталина и Жданова там был кто-то третий, ускользнувший от нашего пытливого взгляда.

Ну зачем Жданову столь крупный скандал вокруг партийной организации и культурного социума, которые он лично — одиннадцать лет!— формовал и пестовал? Для чего ему избиение созданного им же кадрового корпуса, на который он опирался, из которого (именно в это время!) широко черпал своих выдвиженцев на ключевые посты в центре и регионах? Разве же не страдал и его политический авторитет, если в документе было записано: «Ленинградский горком ВКП(б) проглядел крупнейшие ошибки журналов, устранился от руководства журналами... Более того, зная *отношение партии к Зощенко* и его «творчеству», Ленинградский горком (тт. Капустин и Широков), не имея на то права, утвердил решением Горкома от 26.VI с. г. новый состав редколлегии журнала «Звезда», в который был введен и Зощенко. Тем самым *Ленинградский горком допустил грубую политическую ошибку*» (курсив наш.—*Авт.*).

Наконец, почему в фокусе травли большой группы ленинградских литераторов оказались именно Анна Ахматова (нет свидетельств, что Жданов когда-либо интересовался поэзией или хотя что-нибудь понимал в ней) и особенно Михаил Зощенко? Неужели к нему и вправду было некое негативное отношение ни больше ни меньше как *партии*, не исключая из нее, естественно, и Ленинградскую парторганизацию?

Говорят, первое, что, примчавшись на следующий же день после принятия постановления в Ленинград, спросил Жданов: «Что вы тут носились с этим Зощенко?» Второй секретарь обкома И. М. Турко, как он рассказывал, ответил: «Андрей Александрович, так я по вашей же рекомендации его и начитался — из вашей же библиотеки брал!» Меньше всего в идеологическом отступлении от «позиции партии» можно было бы заподозрить А. А. Кузнецова. А дочь его Галина Алексеевна на расспросы о литературных пристрастиях отца назвала Чехова и... Зощенко.

«Зощенко?!» — «Да. Зощенко,— с вызовом подчеркнула она.— Я это хорошо помню, и значит, это не просто так».

Второй секретарь горкома Я. Ф. Капустин нарвался в этой истории на выговор от ЦК (жене сказал, что Сталин, вызвав его, пригрозил ссылкой),— соответствующая выписка до сих пор хранится в личном деле давно расстрелянного Якова Федоровича, а к ней какой-то доброхот приложил всю исчирканную красным карандашом вырезку газетной статьи с ругательствами и в адрес «Звезды», и «Ленинграда», и самого Капустина. Но он тоже, как все по рекомендации Жданова, с удовольствием читал и цитировал Зощенко...

...Оказалось, что во время войны сатирические произведения Михаила Зощенко в пропагандистских целях обильно цитировал... Геббельс. Год спустя после Победы, когда и имя-то этого гитлеровского прихвостня должно было быть забыто, кто-то не поленился — перевел сборник речей фашистского министра пропаганды на русский язык и с соответствующими подчеркиваниями подсунул Сталину.

Участники обсуждения журналов «Звезда» и «Ленинград» в Москве, в ЦК ВКП(б), помнят, что и Жданов там метался, пытался смягчить, «подрессорить» наиболее жесткие формулировки проекта постановления. Но где-то там, за кулисами, проиграл и быстро переметнулся на позиции грубого ошельмования литераторов, философов, композиторов, театральных деятелей и т. д.— откровенно выслуживался перед Сталиным «на ниве» идеологии.

Еще крупнее он проиграл в вакханалии, связанной с «учением» и именем «народного академика» Т. Д. Лысенко.

Как А. А. Жданов, никогда вроде бы не претендовавший еще и на роль аграрника и, тем более, знатока биологии, ввязался и в эту научно-политическую игру — объяснить пока с достоверностью трудно. Отчасти тут возможно влияние молодого претенциозного биохимика Юрия Жданова и, не исключено, практиков по управлению народным хозяйством, лучше других понимавших, что многолетние авантюры Лысенко ничего, кроме вреда, колхозам и совхозам принести не могут. Еще в 1945 году ждановский выдвиженец кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) и первый заместитель председателя СНК СССР Н. А. Вознесенский в содружестве с другим кандидатом в члены Политбюро из ждановского же круга А. С. Щербаковым инспирировали критическую публикацию академика А. Р. Жебрака по Лысенко даже в американском журнале «Сайнс» («Наука»).

На февральском (1947 г.) «аграрном» Пленуме ЦК ВКП(б) отношение к «народному академику» и его «школе» было прохладным, скептическим. (Надо ли говорить, что и доброжелатели его — Молотов, Маленков, Хрущев и другие — не сочли нужным публично проявить своего участия.) 24—25 марта 1947 года на созванном Ленинградским обкомом партии совещании работников сельскохозяйственной науки ни Т. Д. Лысенко, ни его «мичуринскую науку» даже не упомянули. Тем более загадочно появление 6 марта, сразу же после Пленума ЦК, именно в «Ленинградской правде» (!) скандальнейшей и грубейшей — даже по меркам того времени — статьи главного идеолога лысенковщины И. Презента «Борьба идеологий в биологической науке» с откровенным политическим доносом на научных противников «народного академика». Странно это еще и потому, что в Москве в это время Жданов-младший — нет сомнения, что при полном отцовском благословении — начал подготовку к прямой атаке на лысенковскую «биологию» на уровне ЦК партии. Возглавляемый им Отдел науки и учебных заведений получил обширнейшие материалы с доказательствами как несостоятельности «учения», так и огромного от него урона аграрному сектору страны.

Трудно сказать, почему Ждановы избрали такую сверхосторожную форму демарша, как, по существу, лекция Ю. А. Жданова перед съехавшимися в Москву на очередные учебные сборы партийными пропагандистами. Они эту важную политическую игру проиграли. После шумного, но короткого положительного резонанса Юрию Жданову пришлось униженно каяться в опубликованном в «Правде» «личном» письме «вождю народов», потом перед специально созданной комиссией секретаря ЦК М. А. Суслова — ссылаться на молодость, неопытность...

Говорят, что, спасая себя и сына, «второй человек в ВКП(б)» А. А. Жданов рискнул выступить с критикой Лысенко непосредственно перед снова начавшим благоволить к нему Сталиным. И Сталин будто бы ответил примерно так: «...товарищ Лысенко сейчас делает важное для страны дело, и если он даже увлекается, обещая повысить урожайность пшеницы в целом по стране в 5 раз, а добьется увеличения только на 50 процентов, то и этого для страны будет вполне достаточно. Поэтому надо подождать и посмотреть, что из этого получится».

Может быть, и так. Но нельзя не заметить, что Юрия Жданова заставили каяться не столько за *содержание* его выступления, сколько за то, что оно *не было «должным*

образом» санкционировано. Сталин никому не прощал нерегламентированной самостоятельности, Ждановы же неосмотрительно несколько автономизировались и попали под тяжелое подозрение верховного владыки.

Если когда-нибудь будет написана подлинно научная политическая биография А. А. Жданова (а необходимость в этом, конечно, есть), то точкой в ней, возможно, станет не его физическая смерть, а участие в конфронтационном процессе с Югославией. Известно, что затеял его в августе 1947 года и довел до разрыва отношений лично Сталин. Ясно также, что, начиная эту акцию, он вовсе не ставил себе целью исторгнуть СФРЮ из социалистического, как тогда говорили, лагеря, а хотел лишь «приструнить» ее политическое руководство, сделать его полностью послушным. Нет сомнения и в том, что себя он в провале своей великодержавной затеи винить не собирался. «Кем-то другим» в той ситуации должен был стать А. А. Жданов, отвечавший в Секретариате ЦК за международные связи партии. К лету 1948 года положение Жданова и близких к нему деятелей в сталинской иерархии стало особенно уязвимым для его политических соперников. Зато, как «в противовес», усилилось влияние восстановленного в правах секретаря ЦК Г. М. Маленкова: Сталин стал теперь ему доверять подписывать важные бумаги от имени Центрального Комитета.

Готовил ли Жданов себе «базу» на случай кончины Сталина и дележа власти? Наверное, как и все они, готовил, хотя, убежден, ни с кем, даже с А. А. Кузнецовым, и намеком такими планами не делился. Их выдают объективные реальности.

Вряд ли Маленков, Берия, Каганович и некоторые другие с восторгом приняли решение Сталина ввести в Оргбюро ЦК и назначить секретарем по кадрам воспитанника и ближайшего сотрудника Жданова А. А. Кузнецова, да еще с распространением его компетенции на юстицию, МВД, МГБ и т. п. Похоже, что и Берия воспрепятствовать этому не мог, поскольку с середины января сорок шестого года от руководства наркоматом внутренних дел был освобожден «ввиду перегруженности его другой центральной работой»: ему поручили святая святых из всех послевоенных забот Сталина (да и страны — будем объективны) — атомный проект.

Стал кандидатом, а потом и членом Политбюро, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР

ждановский выдвиженец Н. А. Вознесенский, членом Президиума Верховного Совета СССР — П. С. Попков, первым заместителем председателя Совмина РСФСР — бывший секретарь ЛГК ВКП(б) и зампред Ленсовета М. В. Басов. Уехала на работу в ЦК ВКП(б) секретарь Куйбышевского райкома партии Ленинграда Т. В. Закржевская, ушли в ЦК и на «центральную работу» редактор «Ленправды» Н. Д. Шумилов и П. Н. Кубаткин — начальник Ленинградского управления МГБ...

Многих ленинградцев направили в 1944—1945 годах в формировавшиеся тогда органы руководства Псковской и Новгородской областей.

Первым секретарем Ярославского обкома выдвинули второго секретаря ЛОК ВКП(б) И. М. Турко, Крымского — Н. В. Соловьева, председателя Леноблисполкома. К руководству Эстонской и Мурманской парторганизаций пришли бывшие секретари Ленгоркома Г. Т. Кедров и А. Д. Вербиций...

Короче, выступая 22 декабря 1948 года с докладом на X областной и VIII городской объединенной Ленинградской партийной конференции, П. С. Попков с гордостью проинформировал: за два года Ленинградская партийная организация выдвинула на руководящую работу 12 тысяч человек, «в том числе 800— за пределы области»...

Жданов к тому же всегда помнил и потихонечку «продвигал» и тех, кто работал с ним еще до 1934 года в Нижегородской (Горьковской) партийной организации. Оттуда «пошли в рост» член Оргбюро ЦК ВКП(б), председатель Совмина РСФСР М. И. Родионов, начальник Главного политического управления Советской Армии и ВМФ И. В. Шикин и многие другие.

Именно ждановских выдвиженцев и тех, кто сотрудничал уже с этими выдвиженцами, и разыскивали потом по всей стране заплечных дел мастера...

Жданов умер 31 августа 1948 года в 3 часа 55 минут дня. Внезапно. Еще накануне почти ежедневно звонивший к нему на дачу под Валдаем И. М. Турко услышал от Александра Николаевича Кузнецова: «Сегодня хорошо. Врачи разрешили читать, острит...» А через сутки, вспомнил Турко, звонит Маленков: «Умер Жданов. Возьмите с собою двух-трех передовых рабочих, еще кого надо для представительства и выезжайте на похороны».

Случаев резкого улучшения состояния больного в канун смерти медицина знает сколько угодно. Официально

его кончина объяснялась так: «Страдал болезнью высокого кровяного давления, осложнившейся тяжелым атеросклерозом, особенно в сосудах, питающих сердце. В последние годы у него были частые приступы грудной жабы, а затем появились припадки сердечной астмы. Смерть последовала от паралича болезненно измененного сердца при явлениях острого отека легких». Ему было 52 года.

Абсолютно не ставя под сомнение приведенное заключение, я не считаю себя вправе проигнорировать странную встречу, состоявшуюся у меня в 1959-м либо в 1961 году — я был там дважды — с каким-то хозяйственным работником знаменитого санатория в Старой Руссе, пришедшим за советом, как ему восстановиться в партии. Рассказал: в 1948 году, незадолго до смерти Жданова, к нему, работавшему, если автору не изменяет память, в исполкоме, пришла с валдайской ждановской дачи какая-то женщина и под большим секретом сообщила, что секретаря ЦК, по ее убеждению, «сознательно морят». Собеседник ее на свой страх и риск позвонил в Москву и лишь потом сообразил, чем это может кончиться для него лично: в ту же ночь, бросив службу и дом, укатил в какую-то глухомань, затаился. Теперь вот, после XX съезда КПСС, вернулся, просит восстановить в партии, а его не восстанавливают...

Сейчас мы знаем, что политические авантюристы средств не разбирали, в банде Берии — Абакумова, да и совсем в узком кругу самого Сталина, было достаточно «специалистов» по тайному умерщвлению политических конкурентов. И следовательно, при всей хлипкости версии о насильственном устранении Жданова (о ней и в те годы вовсю шептались в обществе), сообщенное автору в Старой Руссе не может быть отброшено просто так.

Случайно ли, нет (трудно отделаться от впечатления, что далеко не случайно), но явно по предложению организатора похорон Маленкова сопровождать тело покойного из Валдая направили члена Политбюро ЦК ВКП(б), заместителя Председателя Совета Министров СССР Н. А. Вознесенского и секретаря ЦК А. А. Кузнецова.

«Вот тут,— признавалась Г. А. Кузнецова,— как мне кажется, что-то и случилось. Я не знаю — что, не вспоминаю ни одной подозрительной детали, но что-то случилось».

Случиться могло что угодно: подслушанный «свитой» разговор, распри вокруг личных бумаг усопшего — зачем-то ведь ездил в Валдай вместе с Кузнецовым и Вознесен-

ским и ближайший помощник («верный оруженосец», иронически аттестовал его Н. С. Хрущев) Сталина заведующий особым сектором ЦК А. Н. Поскребышев, бывший то ли фельдшер, то ли медбрат, ставший членом ЦК ВКП(б) и председателем Комиссии законодательных предположений Верховного Совета СССР.

Однако прощание организовали по высшей категории.

«Верный ученик и соратник великого Сталина, товарищ Жданов с пламенной энергией боролся за дело коммунизма, никогда не щадил своих сил и здоровья... Горячую любовь партии и всех трудящихся он заслужил своей беззаветной преданностью делу Ленина — Сталина, своей глубокой принципиальностью, не допускающей какое-либо отклонение от генеральной линии партии...

Выполняя волю партии, А. А. Жданов со свойственной ему большевистской страстностью воодушевляет и мобилизует Ленинградскую партийную организацию на разгром и выкорчевывание троцкистско-зиновьевских двурушников и предателей, еще теснее сплачивает ленинградских большевиков вокруг ЦК ВКП(б) и товарища Сталина».

(Товарищ Сталин тоже подписывает славословие в свой адрес. Тогда это уже никого не удивляло и не шокировало — люди постарше помнят, что он ничуть не стеснялся лично призывать: «Вперед под знаменем Сталина» и даже заканчивать свое выступление «шуткой»: «Ну и, как говорится — да здравствует товарищ Сталин!»)

Странно, но ленинградские руководители *выпиравшую из всех* выступлений тех дней *главную* «заслугу» Жданова — в «разгроме и окончательном выкорчевывании троцкистско-зиновьевских и иных двурушников» — как-то забыли. Несколько дней спустя спохватившийся П. С. Попков попытается поправить дело — с силой подчеркнет роль Жданова в «выкорчевывании» этих самых «врагов народа, презренных наймитов международного империализма». Но оплошку заметят и доведут до того, «кому следует», а через год подсунут партийным дознавателям, раскручивавшим «ленинградское дело».

Для непосвященных в интриги дравшихся за власть «вождей» этот эпизод несомненно утонул в мощном хоре заупокойных фальшивых дифирамбов главному сталинскому идеологу. Какое-то время — очень, между прочим, короткое — газеты заполонились статьями о его выдающемся вкладе в марксистскую теорию, воспоминаниями о «блестящих» докладах по вопросам литературы, искусства, философии... «С великой убеждающей силой това-

рищ Жданов дал нам урок правильного партийного подхода к решению идеологических вопросов, призвал высоко держать знамя марксистско-ленинской науки и социалистической культуры»,— не заботясь о доказательствах, привычно писали тщательно отобранные в отделах пропаганды «представители общественности». Не упустили, как в войну «он твердой рукой осуществлял веления товарища Сталина». Не забыли «заслуг» перед мировым коммунистическим движением — участия в организованном Сталиным скоропалительном и грубом разрыве с руководством Союза коммунистов Югославии, дорого обошедшемся не только нашей стране, но и всему коммунистическому движению на планете...

Погребли тело Жданова у Кремлевской стены. В последний момент — гроб опущен, могильщики взялись за лопаты — произошла какая-то неприятная пауза: Сталин вдруг вышел вперед и молча, словно завороженный, надолго застыл у развернувшейся ямы. Потом взял ком земли. Подержал, будто взвешивая. Наконец — тут-тук. Резко повернулся, надел фуражку и, ни на кого не глядя, ушел.

Ленинградские газеты еще несколько дней оплакивали бывшего своего «вождя». А в стране, в руководстве вроде как сразу же и забыли, что был такой «ближайший соратник». Постановление Совета Министров СССР «Об увековечении памяти Андрея Александровича Жданова» появилось лишь 23 октября — почти через два месяца — и... практически не реализовывалось. Ни памятников «в Москве и Ленинграде», ни издания (в 1949—1951 гг.) «трудов» Жданова, ни порученной Институту Маркса — Энгельса — Ленина книжки с его официальной биографией... Одни многочисленные переименования городов, районов, улиц, заводов, но это дело по сталинским временам нехитрое и одномоментное*.

...Галина Алексеевна Кузнецова припомнила:

---

* Любопытный отклик пришел в 1989 году на радиовыступление о «ленинградском деле» одного из авторов (В. Демидова). Ленинградец Р. Н. Казарин писал: «Может, Вас, Виктор Иванович, заинтересует такой штрих о похоронах А. А. Жданова. Когда он умер, я учился на 2-м курсе Горьковского политехнического института. Практические занятия по основам марксизма-ленинизма вела у нас родная сестра Жданова. Помню ее мягкой и хорошей — для нас, студентов,— женщиной. И у всех у нас запало в память: какие препятствия вдруг учинили ей местные власти при выезде ее на похороны брата — даже билет в общий вагон она достала с трудом. Было и еще что-то. Хотя мы были студентами, но и до нас это дошло. Удивлялись, но открыто, конечно, не обсуждали, говорили —„значит, так надо...“».

— В конце сорок восьмого папу привезли однажды от Сталина таким, каким я его никогда больше не видела. На следующий день он нам объявил, что его назначают секретарем Приморского крайкома партии.

— Вы не ошиблись — может быть, в сорок девятом?..

Она на минуточку задумалась:

— Нет. Это было вскоре после смерти Андрея Александровича. Папа, дома по крайней мере, реагировал на возможность такого назначения очень спокойно. Он еще припомнил тогда знаменитое ленинское, что, хотя и далекий тот край, «да нашенский». У нас появилось много литературы по Дальнему Востоку, и все мы, особенно папа, с увлечением ее читали.

«У нас, в Управлении кадров ЦК партии, где Кузнецов, как вы знаете, был начальником,— свидетельствовал бывший сотрудник этого управления Н. Д. Христофоров,— о предстоящем назначении Алексея Александровича в Приморский крайком говорили между собою, как о деле решенном».

История наша сделала, однако, неожиданный зигзаг...

«ГОСУДАРСТВЕННЫЕ» ИНТРИГИ

22 декабря 1948 года в 17 часов в Большом зале Таврического дворца открылась Ленинградская X областная и VIII городская объединенная конференция ВКП(б). «Со времени нашей предыдущей партийной конференции,— сказал выступавший с докладом первый секретарь Ленинградских обкома и горкома партии Петр Сергеевич Попков,— прошло больше восьми лет...» Чем же, по мнению составителей доклада, были заполнены эти поистине великие годы?.. «На всех исторических этапах,— отвечал Попков,— Ленинградская партийная организация шла в авангарде трудящихся Ленинграда и Ленинградской области, являясь надежным оплотом Ленинско-Сталинского Центрального Комитета нашей партии, неизменно проявляя свою *безграничную преданность нашему великому и любимому товарищу Сталину...*»

«Преданность...» «Сплоченность вокруг...» Снова — «преданность...», «великий», «мудрый», «любимый», руководящий и вдохновляющий... Чуть ни каждые две минуты доклада — Сталин. Под «аплодисменты», «бурные аплодисменты», «бурные продолжительные аплодисменты...»

Вспоминали и ленинградских «вождей»: «Ленинград выстоял и победил *потому* (!), что непосредственным организатором, вдохновителем и руководителем беспримерной борьбы трудящихся Ленинграда и воинов Ленинградского фронта был выдающийся, горячо любимый всеми ленинградцами... (и т. д. и т. п.— *Авт.*) Андрей Александрович Жданов. Его ближайшим помощником был руководитель ленинградских большевиков Алексей Александрович Кузнецов, вложивший в дело победы немало своей кипучей энергии и организаторского таланта...» Другие ораторы славили и самого Попкова, который, *как теперь оказывалось*, был не просто председателем горисполкома, а уже *третьим* в партийной иерархии «вдохновителем и организатором» ленинградцев.

А почти *три с половиной миллиона* убитых, погибших от голода и болезней, израненных, искалеченных, заплативших за победу под Ленинградом не частью «энергии и таланта», а жизнью и кровью своей?.. Их на этой конференции даже не помянули. Никто...

25 декабря конференция приступила к выборам руководящих органов новых составов обкома и горкома. К концу дня председатель счетной комиссии А. Я. Тихонов, выдвинутый незадолго до этого с секретарства в Кировском райкоме ВКП(б) на заведование отделом тяжелой промышленности горкома, объявил результаты голосования.

— Все прежние руководители оказались избранными «единодушно и единогласно»,— рассказывал делегат конференции от Выборгского района, тогдашний помощник П. С. Попкова, а ныне историк партии, профессор Виталий Федорович Шишкин.— Один лишь Николаев (секретарь горкома партии.— *Авт.*) получил сколько-то «против». Я еще, помню, посмотрел на него — он весь краской покрылся...

А через несколько дней в ЦК ВКП(б) поступило письмо:

«На Ленинградской X областной и VIII городской партийной конференции я был членом счетной комиссии, и мы, все 35 человек, видели, что фамилии Попкова, Капустина и Бадаева (второго секретаря обкома.—*Авт.*) были во многих бюллетенях вычеркнуты. Однако председатель счетной комиссии тов. Тихонов объявил на этой конференции о том, что эти лица прошли единогласно, обманув таким образом свыше тысячи делегатов. Очевидно, такой же обман на районных партийных конференциях и в первичных партийных организациях, когда объявляют о еди-

ногласном избрании секретарей. Неужели это с ведома Центрального Комитета, как пытался дать нам понять тов. Тихонов? Как это стало возможным в Ленинско-Сталинской большевистской партии?

Боясь репрессий — не подписываюсь».

У тех, кто искал только случая, чтобы разделаться наконец с многочисленной «ждановской командой», появился желательный повод к разбирательствам и интригам. Председателя счетной комиссии Тихонова вызвали в Москву, к секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову. За ним последовали еще несколько ответственных работников Ленинградской партийной организации.

Атмосфера, по-видимому, сгущалась довольно быстро. 24 января, к примеру, в ЦК ВКП(б) с отчетом «О состоянии и мерах улучшения партийного просвещения в Ярославской партийной организации» выступал первый секретарь Ярославского обкома И. М. Турко: «Вся Ярославская область следит сегодня за отчетом своей партийной организации...» В перерыве не утерпел — спросил хвастливо и по старой дружбе у А. А. Кузнецова: «Ну как, Леша? Хорошо?..» — «Хорошо-то, может, оно и хорошо, да не всем понравилось...» — мрачновато отозвался Кузнецов.

— Он уже, видно, догадывался, что нас арестуют,— со вздохом заметил, вспоминая этот эпизод, Иосиф Михайлович.

Когда в Москву вызвали П. С. Попкова, там уже была создана и работала специальная комиссия ЦК по «ленинградскому делу». Ее материалами мы не располагаем, но по целому ряду косвенных данных можем утверждать, что, во-первых, серьезная опасность для ленинградских руководителей стала вызревать где-то не позже середины января и, во-вторых, почти сразу же после конференции на них стали подбирать компрометирующий материал не только в связи с подтасовкой результатов выборов, но и по другим вопросам. В частности, из-за проходившей с 10 по 20 января 1949 года в Ленинграде во Дворце культуры имени С. М. Кирова Всероссийской оптовой ярмарки, «незаконно превращенной» во Всесоюзную.

«Все дело в ярмарке,— доверительно сказал как-то Петр Сергеевич Попков своему помощнику. И добавил:— А в действительности — гораздо глубже...»

Когда начались традиционные для Ленинграда юбилейные мероприятия — годовщины прорыва и снятия блокады,— исчезают вдруг ставшие в последние два года

уже привычными славословия в адрес «замечательного организатора ленинградских большевиков в годы войны» П. С. Попкова. Отнюдь не чуждый честолюбия, он явно сам распорядился «не поднимать» его так, как это было еще совсем недавно. Объяснение напрашивается только одно: Попков уже знал, что находится «в зоне серьезной критики», организуемой могучими силами.

Самое страшное обвинение — создание разветвленной антипартийной группы — многоопытный Маленков, очевидно, сумел сохранить до поры в тайне: приберег для разбирательства в присутствии самого Сталина. Не стал бы иначе секретарь Ленинградского горкома по пропаганде Н. Д. Синцов по-прежнему выпячивать факт посылки «в различные районы страны лучших политических и хозяйственных работников» (Ленинградская правда. 1949. 26 января).

Последние аккорды прелюдии к широкомасштабному «ленинградскому делу» прозвучали уже на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) — 15 февраля 1949 года. Разбиралось там, конечно, не только «анонимное письмо» о подтасовке голосов или нелепая история с «незаконной ярмаркой» — это всего лишь зацепки. В распоряжении Маленкова и его комиссии, а тем более самого Сталина, и без того была масса всяческой информации, доставлявшейся по многочисленным явным и тайным каналам обо всех и обо всем. Во всех регионах, в каждом учреждении, на предприятиях, в организациях сидели тысячи официальных и неофициальных соглядатаев и осведомителей — партконтроля и информации, госконтроля, ведомственного контроля, спецслужб...

Солидный взнос в копилку «ленинградского дела» внес, например, служивший тогда начальником Ленинградского управления МГБ, член бюро Ленинградского горкома генерал-лейтенант Д. Г. Родионов. Его прислали сюда летом 1946 года из Москвы, из аппарата Министерства государственной безопасности, на замену прослужившему в Ленинграде всю войну и выдвинутому «на центральную работу», на повышение, генералу П. Н. Кубаткину.

— Родионов,— рассказывал один из его бывших заместителей Михаил Нилович Евстафьев,— с самого начала обратил внимание на всякие неприятные моменты в ленинградском руководстве, особенно во взаимоотношениях Попкова и второго секретаря горкома Капустина: «Зачем связали людей, не живущих дружно?..» Мы к этому притерпелись и особой беды не усматривали. А он —

мне: «Как быть? Я должен об этом информировать...» (Струнка такая аппаратная: чуть что — «сигнализировать».) Ну так информируйте, говорю. «А если это станет известно в Ленинграде?..» Но тем не менее информацию давал систематически: несколько сот информаций послал за три года — в том числе и о непорядках в ленинградском руководстве. И не только нашему министру Абакумову. Помню, я был вместе с ним в Москве в командировке. В гостинице он вдруг достал из портфеля объемистую —30—40 машинописных страниц — докладную и протянул мне из нее два или три листочка: «Прочтите». Это касалось Кубаткина Петра Николаевича — всякие отрицательные моменты в его характере и поведении... Мне не понравилось: не очень-то я был с этим согласен, тем более что ссылки там были на разговоры со мною и еще одним заместителем — Якушевым. «А куда пойдет доклад?» — спрашиваю.— «Доклад пойдет Иосифу Виссарионовичу Сталину».— «С согласия министерства?..» — «Нет, я представлю его сам». Вот так. Кубаткин когда-то работал с Абакумовым в одном отделении, так Родионов, очевидно, боялся, что министр прикроет бывшего товарища*.

— И все же,— повернул Михаил Нилович тему,— нет худа без добра: я считаю, что именно эта информационная активность Родионова во время «ленинградского дела» спасла и наш аппарат, и его самого — нас только разогнали, но никого не расстреляли и даже не посадили...

...Так что Сталин и без сообщений Маленкова знал всю подноготную будущих жертв своего очередного кровавого произвола.

Важны, однако, не только факты, но — акценты, идеи — обобщающие элементы дела. Маленков и стремился показать, что проколы с голосованием, ярмаркой и т. п.— это не просто случаи. «Система», целенаправленные и сознательные действия не разрозненных функционеров, а «*группы*». Почему — сказать трудно, но идея очередного внутрипартийного «заговора» явно заинтересовала и Сталина. Поэтому и в принятом 15 февраля 1949 года постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) товарища Кузнецова А. А и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Роди-

---

* П. Н. Кубаткин-таки вскоре был снят с должности, удален из центрального аппарата МГБ и назначен с понижением, а потом арестован по «ленинградскому делу».

онова М. И. и Попкова П. С.» главное не обвинение в организации «незаконной» Всесоюзной оптовой ярмарки, что якобы привело к разбазариванию государственных товарных фондов и к неоправданным затратам государственных средств на организацию ярмарки, а нечто совсем иное.

«Политбюро ЦК ВКП(б),— записано в постановлении,— считает, что отмеченные выше противогосударственные действия явились следствием того, что у тт. Кузнецова, Родионова, Попкова имеется нездоровый, небольшевистский уклон, выражающийся в демагогическом заигрывании с Ленинградской организацией, в охаивании ЦК ВКП(б), который якобы не помогает Ленинградской организации, в попытках представить себя в качестве особых защитников интересов Ленинграда, в попытках создать средостение* между ЦК ВКП(б) и Ленинградской организацией и отдалить таким образом Ленинградскую организацию от ЦК ВКП(б).

В связи с этим следует отметить, что т. Попков, являясь первым секретарем Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), не старается обеспечить связь Ленинградской партийной организации с ЦК ВКП(б), не информирует ЦК партии о положении дел в Ленинграде и, вместо того, чтобы вносить вопросы и предложения непосредственно в ЦК ВКП(б), встает на путь обхода ЦК партии, на путь сомнительных закулисных, а иногда и рваческих комбинаций, проводимых через различных самозваных «шефов» Ленинграда вроде тт. Кузнецова, Родионова и других.

В этом же свете следует рассматривать ставшее только теперь известным ЦК ВКП(б) от т. Вознесенского предложение «шефствовать» над Ленинградом, с которым обратился в 1948 году т. Попков к т. Вознесенскому Н. А., а также неправильное поведение т. Попкова, когда он связи Ленинградской партийной организации с ЦК ВКП(б) пытается подменить личными связями с так называемым «шефом» т. Кузнецовым А. А.

Политбюро ЦК ВКП(б) считает, что такие непартийные методы должны быть пресечены в корне, ибо они являются выражением антипартийной групповщины, сеют недоверие в отношениях между Ленобкомом и ЦК ВКП(б) и способны привести к отрыву Ленинградской организации от партии, от ЦК ВКП(б).

---

* Средостение — препятствие, преграда, мешающие общению, сближению кого-, чего-либо.

ЦК ВКП(б) напоминает, что Зиновьев, когда он пытался превратить Ленинградскую организацию в опору своей антиленинской фракции, прибегал к таким же антипартийным методам заигрывания с Ленинградской организацией, охаивания Центрального Комитета ВКП(б), якобы не заботящегося о нуждах Ленинграда, отрыва Ленинградской организации от ЦК ВКП(б) и противопоставления Ленинградской организации партии и ее Центральному Комитету».

Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) М. И. Родионов, А. А. Кузнецов и П. С. Попков были сняты с занимаемых постов, и им были объявлены партийные взыскания — выговор*.

В Ленинграде о процитированной выше части постановления Политбюро не догадывались (первыми Москва сориентировала руководителей Ленинградского управления МГБ, но они молчали) — никакого особого беспокойства в связи с вызовом своего первого секретаря в ЦК партии не испытывали. Реакцию Я. Ф. Капустина на известие о снятии Попкова с должности можно даже назвать беспечной. «Кого на твое место?» — деловито спросил он, не замечая потрясения товарища. Отрезвел лишь тогда, когда услышал, что на этом же заседании сняли со всех постов членов Оргбюро ЦК секретаря Центрального Комитета А. А. Кузнецова и Председателя Совета Министров РСФСР М. И. Родионова.

И все равно — что собственно произошло?.. Мухлеж с итогами голосования на конференции? Проверка показала: против П. С. Попкова было подано четыре голоса, второго секретаря обкома Г. Ф. Бадаева — два, против председателя Ленгорисполкома П. Г. Лазутина — два. Больше всех против Я. Ф. Капустина — пятнадцать. Но ведь это же — более чем из тысячи делегатов. Мизер. И так ли уж виноваты в этом сами руководители?..

— Попков вдруг спросил меня,— вспомнил его бывший помощник В. Ф. Шишкин:— «Слушай, ты не знаешь — что там произошло с выборами на конференции?..» Знал бы — разве же стал бы спрашивать?.. Он потом *клялся* нам (своему персональному аппарату), что не знал он ничего об этой выходке Тихонова. И я ему верю. Во-первых, он был все-таки очень осмотрительным — трусоват для такого дела. Во-вторых, ну что такое — четыре голоса «против» из тысячи? Да один он и сам мог подать — из «большевистской скромности», и недоволь-

---

* Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 128—129.

ные, обиженные чем-то всегда могут быть. И с глаз он наших почти не исчезал — «первому» в такой обстановке трудно укрыться. Ну а те? Что же, Тихонов пойдет докладывать: «Мы ради вашего престижа обманули конференцию, сфальшивили...»? Нет, не верю я, что он знал. Никому из них не было никакого смысла идти на такой риск...

Почему, кто и как толкнул председателя счетной комиссии на нелепую авантюру?.. Бывшие работники аппарата убеждены, что это не личная его инициатива. Но это предположение. Исключенный из партии, потом арестованный, отсидевший, освобожденный А. Я. Тихонов много лет проработает в дальнейшем на одном из ленинградских заводов (дойдя, между прочим, до поста директора — ни в хрущевские, ни тем более в «застойные» времена о «незаметных» виновниках «ленинградского дела» не вспоминали) и унесет свою тайну в могилу.

Не чувствовали ленинградские руководители за собой никакой вины и в связи с организацией в Ленинграде Всероссийской оптовой ярмарки. Что из того, что она — за счет прибывших на нее представителей Казахстана, Грузии, Прибалтийских республик, Украины, Белоруссии и т. д.— превратилась фактически во «всесоюзную»?..

Соответствующие права имелись у союзных министерств и ведомств. Они и были главными распорядителями этого мероприятия. А инициатором — сам... Г. М. Маленков, заместитель Председателя Совета Министров СССР. 14 октября 1948 года Бюро Совмина СССР, обсуждая — под председательством Маленкова — отчет Министерства торговли страны и Центросоюза, узнало о наличии у них большого количества (на пять миллиардов рублей) залежалых, не находящих сбыта, товаров и поручило соответствующим ведомствам разрешить эту проблему. 11 ноября сам же Г. М. Маленков подписал постановление Бюро Совмина СССР «О мероприятиях по улучшению торговли»: «Организовать в ноябре — декабре 1948 года межобластные оптовые ярмарки, на которых произвести распродажу излишних товаров, разрешить свободный вывоз из одной области в другую купленных на ярмарке промышленных товаров»*.

Никаких ограничений для союзных, автономных республик, национальных округов, краев, областей, как ви-

---

* Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 127.

дим, в этом постановлении *центрального правительства* не содержится: цель-то единственная — активизировать торговлю в стране.

Министерство торговли СССР (!) «спустило», как водится, должные команды вниз — министерствам торговли союзных республик, в том числе и РСФСР. В соответствии с этим правительство Российской Федерации издало 6 декабря 1948 года свое распоряжение — «О проведении в 1949 г. в г. Ленинграде Всероссийской оптовой ярмарки»:

«1. Разрешить Министерству торговли РСФСР (т. Макарову) провести в г. Ленинграде с 10 по 20 января 1949 г. Всероссийскую оптовую ярмарку.

2. Установить, что все расходы по проведению ярмарки покрываются за счет платы за услуги, взимаемой ярмарочным комитетом в равных долях с покупателя и продавца товара, в размере 0,05% от суммы заключаемых на ярмарке сделок...

5. Обязать... (идет длинный перечень ведомств.—*Авт.*) представить на ярмарку товары в широком ассортименте производства республиканской, местной промышленности и кооперации...» и т. д.

И вот, наконец, *единственный* пункт, прямо обращенный к ленинградским руководителям:

«7. Обязать Ленинградский горисполком (т. Лазутина) оказать Министерству торговли РСФСР практическую помощь в организации и проведении Всероссийской оптовой ярмарки»*.

«Помощь в организации» — чего же тут криминального?.. Тем более, заметим, до этого межобластные оптовые ярмарки прошли в Ростове-на-Дону, Свердловске, Новосибирске, других городах страны. Да и в Ленинграде она — не первая: меньшего масштаба, но по сути такая же была проведена еще в 1946 году.

Был ли от ярмарки, собравшей около двух тысяч представителей государственной и кооперативной промышленности, торговли и предоставившей им товары почти на десять миллиардов рублей (заключено семь тысяч договоров и торговых сделок; только ленинградские универмаги «Пассаж» и «Кировский» приобрели товаров на 18 и 6 миллионов рублей), какой-либо «ущерб»?.. Никто этого, по меньшей мере, не доказал. И кажется, даже и не пытался доказать. Г. М. Маленкову нужен был только по-

---

* Центральный государственный архив РСФСР. Ф. 259. Оп. 6. Д. 5391. Л. 130.

вод для расправы с политическими соперниками. И он его нашел в том, что участие в этой «Всероссийской» ярмарке представителей других республик формально не было нигде оговорено (но и не запрещено!). Когда 13 января 1949 года Председатель Совета Министров РСФСР М. И. Родионов доложил Маленкову о ходе ярмарки и об активном коммерческом интересе к ней со стороны торговых организаций союзных республик, он написал на этом сообщении другим заместителям Председателя Совмина СССР:

«Берия Л. П., Вознесенскому Н. А., Микояну А. И. и Крутикову А. Д.

Прошу Вас ознакомиться с запиской тов. Родионова. Считаю, что такого рода мероприятия должны проводиться с разрешения Совета Министров»*.

Об «ущербе» и речи нет! Раздувая — в целях дискредитации ждановских выдвиженцев — историю с ярмаркой, Г. М. Маленков ловко играл на самой чувствительной струне сталинского руководства — патологической подозрительности тирана к любым проявлениям самостоятельности и инициативы «кадров».

РОКОВОЙ ПЛЕНУМ

21 февраля 1949 года в Ленинград специальным поездом прибыл член Политбюро, секретарь ЦК ВКП(б), заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. М. Маленков. Рассказывают, что, отринув гостеприимные предложения ленинградцев поселиться в одной из резиденций, он выбрал для жительства персональный служебный вагон. Сопровождали его член Оргбюро ЦК ВКП(б) В. М. Андрианов, заведующий отделом ЦК партии Б. Н. Черноусов и его заместитель Л. Ф. Ильичев, небольшая группа работников аппарата ЦК, какие-то сотрудники МГБ.

Следуя указаниям Маленкова, ленинградские руководители спешно созвали на объединенное заседание членов двух бюро — Ленинградских областного и городского комитетов партии. Длилось оно около девяти часов, и что там происходило — в деталях неизвестно: выступления и перепалки не стенографировались. Просочилось лишь, что почти три часа ушло на то, чтобы «уломать» — признать «ошибки», занять «принципиальную» пози-

---

* Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 127—128.

цию — Я. Ф. Капустина, второго секретаря горкома партии.

На следующий день, 22 февраля 1949 года, на 12 часов дня в Лепном зале Смольного назначался внеочередной объединенный пленум Ленинградских обкома и горкома ВКП(б). О том, что там будет обсуждаться, членов этих выборных органов не предуведомляли, о событиях минувшей недели большинство из них (даже первые секретари райкомов партии!) не имели ни малейшего представления.

Полной неожиданностью оказалось появление в президиуме — да еще и в сопровождении двух генералов госбезопасности — секретаря ЦК Маленкова; необычным — что заседание объединенного пленума открыл не первый секретарь обкома и горкома П. С. Попков, молча присевший у края стола, а второй секретарь обкома Г. Ф. Бадаев, что Я. Ф. Капустин и некоторые другие высшие ленинградские руководители не прошли, как всегда, вот уже десять лет подряд, в президиум, а затерялись среди всех, в зале...

С сообщением о постановлении Политбюро ЦК партии от 15 февраля 1949 года «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) товарища Кузнецова А. А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М. И. и Попкова П. С.» выступил Г. М. Маленков.

Записи этого его — говорят, достаточно длительного — сообщения не найдено. Были предположения, что оно не стенографировалось. Но многие участники того пленума отвергают эту версию. (На одном из собраний репрессированных по «ленинградскому делу» бывший член горкома М. Х. Сорока горячился: «Да как же не стенографировалось?! Помните?— это к товарищам по судьбе.— Слева от президиума, за маленьким столиком, черненькая такая сидела стенографисточка... Прекрасно помню: она с первого же слова начала строчить». Товарищи его поддержали.) Надежнее памяти — зафиксированный факт. Промежуточные выступления и реплики Маленкова по ходу прений в стенограмму того пленума попали. Следовательно, какой-либо общей «команды» — не записывать говорившееся членом Политбюро — не было. Очевидно, что сам Маленков или сотрудники его личного аппарата стенографическую запись погромной речи сразу же изъяли (сразу — иначе бы в сброшюрованной стенограмме оказались пропуски). Почему? Не потому ли, что *уже тогда* Маленков прекрасно осознавал преступный харак-

тер затеянного им «ленинградского дела»? И уже тогда прятал его «концы».

Касавшаяся ленинградских руководителей часть постановления Политбюро от 15 февраля читателю уже известна. Помимо записанного в этом документе (гласно не отмененного и до сих пор!), Маленков, по воспоминаниям участников пленума, особенно «давил» на «групповую» связь ленинградских руководителей с теми их представителями, которые оказались на высоких должностях в Москве, на то, что во многих своих делах они пытались решать вопросы в обход ЦК и Правительства, «обособить» Ленинград и его партийную организацию. («*По примеру Зиновьева*» — несколько раз повторенная и намеренно подчеркнутая эта страшная аналогия резанула и запомнилась буквально всем, кто оказался тогда в Лепном зале Смольного.)

Кто-то донес, что П. С. Попков (собеседники его неизвестны) в обычных, житейских разговорах со «встречными и поперечными» «агитировал» за создание, по образцу других союзных республик, Коммунистической партии России — будто бы даже и со «штаб-квартирой» в Ленинграде, за перевод в город на Неве правительства РСФСР. (До сего времени бродят выпущенные тогда из маленковского окружения слухи: якобы представители каких-то республиканских министерств уже и здания себе успели подобрать в нашем городе. Но никто ни одной фамилии «представителя» назвать нам не смог.) И хотя ничего особо крамольного, запрещенного Уставом ВКП(б) и ее Программой в обсуждении такого рода идей никогда не было, Маленков грубой демагогией и из этого плел удавку для ленинградских руководителей.

Со смаком обсасывались, рассказывают, и «конкретные факты». В частности, неоднократные сетования Попкова на экономические трудности, недостаточную помощь центра ленинградской промышленности и городскому хозяйству — например, с использованием производственных мощностей Череповецкого металлургического комбината, месторождений полезных ископаемых в районе Старой Руссы... Г. М. Маленков подавал это как сознательное «очернение» ЦК и Правительства. Признаки «обособления» и сознательного — все по тому же «примеру Зиновьева» — противопоставления Ленинградской парторганизации ЦК «обнаружил», выпячивал он и в уже известной нам истории со Всероссийской оптовой ярмаркой.

Но главное — «группа». Маленков без тени сомнения уверял ошарашенных членов горкома и обкома партии, что «антипартийная группа» у них была, и требовал, чтобы в своих критических и самокритичных выступлениях они ее сами же «вскрыли» и «разоблачили», обещал, что никто, кроме этой «малочисленной группы», наказан не будет.

Трудно теперь, спустя годы, как-то однозначно объяснить — почему, несмотря на откровенно интриганский характер всех действий Г. М. Маленкова, участники этого рокового пленума — все до одного!— все же пошли по указанному им направлению в обсуждении проблем, имевшихся, *как и всюду*, в делах Ленинградской партийной организации. Несомненно, сработал эффект тогдашнего понимания принципа демократического централизма, полная и даже безотчетная, слепая вера в непогрешимость «вождей» и принимаемых ими решений: само Политбюро, жутко сказать — Сталин!— вынесли вердикт по проступкам Кузнецова, Родионова и Попкова,— кто же позволит себе, даже мысленно, усомниться в его мудрости и абсолютной правильности?.. Действовал и инстинкт самосохранения: расчетливое упоминание о «второй зиновьевщине», как звук бича в руке опытного пастуха, могло остановить тогда и самого смелого. Да и были ли в том, Лепном, зале, способные ощущать личную, внутреннюю *потребность* стать на защиту партийного товарища?.. Одно из самых страшных и долгодействующих преступлений Сталина и его ближайшего окружения перед партией, думается нам, заключается в том, что они развеяли сам дух личного партийного товарищества, о сохранении которого так заботились большевики-ленинцы, заместили его атмосферой взаимной подозрительности и холодной, официальной отчужденности.

А что касается конкретной ситуации, то разве же у Попкова, Капустина и других «первых руководителей» не было ошибок и недостатков? Да сколько угодно! На них, не отдавая себе отчета в том, что это не обычная, а *инспирированная критика*, что трагические последствия ее уже кем-то спланированы, и сосредоточили свои выступления участники пленума. Тон речей (в стенограмме их двадцать восемь) — резко разоблачающий.

М. А. Вознесенская (первый секретарь Куйбышевского райкома партии; по «ленинградскому делу» арестована и расстреляна). «...У меня не накопилось личных наблю-

дений и личных впечатлений от бесед и от личного общения с тт. Попковым и Капустиным, ибо этих личных общений было крайне мало. У нас не практиковался в организации такой метод, как личная беседа с секретарем по вопросам партийной и производственной деятельности, по важнейшим вопросам работы, а главным образом все сводилось к совещаниям, заседаниям, накачкам. Поэтому я не имею возможности сообщить объединенному пленуму какие-нибудь новые, яркие факты. Но тем не менее считаю нужным поставить несколько вопросов, частично уже высказанных, о порочном стиле руководства, о порочном стиле работы тт. Попкова, Капустина и некоторых других работников горкома партии.

Я считаю, порочность прежде всего заключается в том, что у нас очень слабо изучаются кадры на практической работе — по их деловым и политическим качествам. И при выдвижении работников, и при оценке их деятельности зачастую исходили отнюдь не из этих принципов, указанных нам Центральным Комитетом партии... Как многие из нас оценивали деятельность т. Тихонова (проштрафившийся председатель счетной комиссии. — *Авт.*)? Как большого говоруна, который без записи может говорить большое время на любую тему, как человека, который может красиво выступать. Все его выступления всегда отличались большой поверхностностью, непродуманностью, неубедительностью, а тем не менее, этот человек оказался (для нас совершенно неожиданно) выдвинутым в аппарат городского комитета...»

И. И. Егоренков (директор завода «Большевик», потом арестован и посажен в тюрьму). «...Принцип подхалимства имел решающее значение при подборе кадров»*.

П. И. Левин (секретарь Ленинградского ГК ВКП(б); по «ленинградскому делу» расстрелян). «...Сначала все принципиальные вопросы решались в кругу трех-четы-

---

* Мы приводим выдержки из выступлений, чем-то характерные для стиля и тона высказываний на пленуме (даже для пересказа конкретных критических замечаний понадобилось бы очень много места). Важно лишь подчеркнуть, что среди «вскрытых» на пленуме недостатков и проступков Попкова, Капустина и других не было ничего такого, чего нельзя было бы обнаружить в деятельности руководителей любых других партийных организаций. Насаждаемый самим Сталиным, его приспешниками и ставленниками бюрократический, «аппаратный» стиль был тогда присущ всем, начиная с ЦК ВКП(б), органам партии. А поскольку подобный стиль, методы работы решительно расходились с требованиями и Устава ВКП(б), и самой жизни, то в «антипартийном поведении» при желании и «соизволении» можно было обвинить какого угодно функционера.

рех человек — Попкова, Капустина, Лазутина, Бадаева, а потом эти решенные вопросы в ряде случаев доводились до нашего сведения, а во многом — не доводились».

И. Д. Дмитриев (председатель Леноблисполкома; арестован, осужден на длительный срок лишения свободы). «...Осуждая... антипартийные действия т. Попкова, я как член бюро областного комитета партии также должен чувствовать свою вину в том, что не сумел заметить и должным образом оценить, поставить перед областным комитетом и перед Центральным Комитетом партии вопрос об антипартийных действиях Попкова.

В чем причина этих антипартийных действий? Почему встало на неправильный путь руководство Ленинградской партийной организации, товарищ Попков?..

...Мне хочется отметить еще одну сторону, крайне отрицательную для нашей Ленинградской партийной организации. У нас в городе Ленинграде (этому в меньшей мере подвержена область) слишком развито чувство бахвальства. Уж слишком часто мы на всякого рода собраниях, митингах и заседаниях употребляем слова «мы — ленинградцы», «город-герой» и т. д. Мы слишком часто слышим об этом, и такие неоднократные заявления не только не пресекались тт. Попковым и Капустиным, а даже поощрялись. Это привело к тому, что и вождизм у нас появился. И, видимо, Тихонов, делая такое грязное преступление перед нашей областной и городской партийной организацией, тоже заразился мыслью, что как же таких вождей, как Попкова и Капустина, мы можем зачитать в протоколе как не получивших единогласных выборов в состав областного и городского комитетов партии? С этим бахвальством и вождизмом надо покончить...»

...Особо, конечно, ожидали выступлений П. С. Попкова и Я. Ф. Капустина.

Петр Сергеевич Попков сказал:

«Товарищи, решение Центрального Комитета нашей большевистской партии, о котором вам доложил товарищ Маленков,— об антипартийном поведении члена Центрального Комитета Кузнецова и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) Родионова и Попкова — я считаю совершенно правильным, большевистским, сталинским решением, направленным на ограждение нашей большевистской партии от всякой групповщины. Это решение направлено на приближение к ЦК ВКП(б) Ленинградской организации, на сохранение единства нашей большевистской партии.

Я считаю, что это решение Центрального Комитета партии поможет Ленинградской партийной организации вскрыть все подлинные причины, породившие антипартийное поведение — как меня, так и товарища Кузнецова... Я считаю, что не в меньшей степени антипартийное поведение выразилось на протяжении всего периода времени и со стороны товарища Капустина. Не в меньшей, если не в большей степени, чем у Попкова.

И последнее в этой части. Я должен сказать, товарищ Маленков, что антипартийное поведение касается главным образом меня и Капустина, но оно не касается ленинградского актива. Ленинградский актив, товарищ Маленков, в этом отношении совершенно чист, и я со всей ответственностью заявляю о том, что Ленинградская партийная организация сплочена вокруг Центрального Комитета партии едино, монолитно, и здесь никакого сомнения нет. И если бы раньше узнала Ленинградская партийная организация о том, что Попков проявил антипартийное поведение, Попков давно не был бы секретарем Ленинградской партийной организации.

[Теперь] по существу отдельных фактов, о которых говорил товарищ Маленков и которые записаны в решении Центрального Комитета нашей партии.

Насчет ярмарки. Я должен здесь признать и доложить пленуму, что на комиссии и на Политбюро Центрального Комитета партии я вел себя неправильно, вел себя формально. По каким причинам? Мне предъявили на комиссии обвинение в том, что я сговорился с Кузнецовым, с Родионовым и с Макаровым (министр торговли РСФСР.— *Авт.*) об организации ярмарки. Я это отрицал. [Но] это формальная сторона. Я действительно переговоров не вел, я это и сейчас утверждаю,— вел переговоры товарищ Лазутин (председатель Ленгорисполкома.— *Авт.*) за спиной городского комитета партии. Но это не делает мне чести...

Я виноват в чем? 28 декабря от товарища Капустина я узнал (он согласовывал со мною повестку дня бюро ГК... и просил включить в повестку дня бюро вопрос — информацию Министерства торговли РСФСР) о подготовке Всероссийской ярмарки в Ленинграде. Я товарища Капустина спросил — что это за ярмарка? Он говорит: «Есть решение Совета Министров РСФСР о проведении оптовой ярмарки в Ленинграде. Министр здесь, сегодня у меня был, и я решил поставить на бюро ГК информацию министра — как идет подготовка к ярмарке». Товарищу Капу-

стину я высказал: «Непонятно — почему на окраину, в Ленинград, тащат всех на эту ярмарку?..» Он говорит: «Не знаю — почему, но решение есть, министр здесь, ярмарка скоро начнется, есть предложение послушать». Я дал согласие слушать. Как на бюро было... я не знаю — я в это время был болен гриппом. [Но], когда мне товарищ Капустин сообщил, что есть решение о ярмарке, я, во-первых, проявил политическую и партийную близорукость в том, что не позвонил в Центральный Комитет партии — не узнал, согласовано ли это решение с Центральным Комитетом партии. Это моя первая ошибка. Второе. У меня было сомнение в целесообразности проведения ярмарки в Ленинграде. Я это сомнение не высказал Центральному Комитету партии. Чего было проще: снять трубку, позвонить и сказать, товарищ Маленков, что у меня есть такое сомнение. И вопрос был бы ясен: ЦК сразу бы мне сказал.

И, наконец, третий момент. 10 января я, Капустин и Лазутин поехали на открытие ярмарки. Из выступления при открытии ярмарки министра торговли РСФСР Макарова мы услышали о том, что на ярмарку приглашены и союзные республики. Открытие было кратким и, когда мы пошли по ярмарке, то воочию убедились, что на ярмарке есть самостоятельный стенд Украинской республики... Белорусской... Грузинской... Казахской... Карело-Финской... Прибалтийских республик, то есть видно было, что ярмарка уже не всероссийская, а всесоюзная. И я, увидев это, проявил и здесь партийную и политическую близорукость — не доложил Центральному Комитету. Тем самым я согласился с организацией ярмарки в Ленинграде в обход союзного правительства, в обход Центрального Комитета партии и тем самым встал на [путь] антипартийных, антигосударственных действий по вопросу организации ярмарки. Решение Политбюро правильно формулирует и характеризует мои действия в этом отношении, как антипартийные, антигосударственные.

Следующий вопрос. Политбюро ЦК считает, что отмеченные выше противогосударстенные действия явились следствием того, что у Кузнецова, Родионова и Попкова имеется нездоровый, небольшевистский уклон, выражающийся в демагогическом заигрывании с Ленинградской организацией, в охаивании ЦК ВКП(б), который якобы не помогает Ленинградской организации, в попытках представить себя в качестве особых защитников интересов Ленинграда, в попытках создания средостения между ЦК ВКП(б) и Ленинградской организацией и отделить,

таким образом, Ленинградскую организацию от ЦК ВКП(б).

Правильно ли это утверждение? Полностью правильное. Разрешите коротенько на этом пункте остановиться. [Только] я, товарищ Бадаев, в 15 минут не уложусь...

Г. Ф. Бадаев. Дать еще?..

Голоса с мест. Дать.

П. С. Попков. В чем проявились действия нездорового, непартийного уклона, заигрывания с Ленинградской организацией и охаивания ЦК ВКП(б)? Я взял [сюда]... свою речь, которую произнес 3 февраля сего года на совещании по строительству Череповецкого завода. В заключение [этой речи] я хотел подчеркнуть большое, жизненно необходимое для Ленинграда значение создания надежной топливно-энергетической базы. [Но] к выступлению не подготовился, и вот послушайте, что я наболтал: «Металлургический завод, который строится нами по указанию товарища Сталина, нужен нам, как воздух. Почему? Вы знаете, что мы взяли обязательство выполнить пятилетку в четыре года. Ленинградцы выступили с этим лозунгом, вся страна подхватила, но нас с марта прошлого года правительство на полном скаку осадило назад...» И так далее.

Что это такое? Это прямое выступление против решений ЦК партии. Здесь демагогия и прямое заигрывание. Выходит, мы, ленинградцы, такие хорошие, а вот нас ЦК и правительство взяли и осадили, а мы, мол, такие люди, что можем дать больше, чем нам разрешают. Это прямая апелляция против решения ЦК. Для меня это теперь ясно.

Вчера меня на бюро товарищ Николаев (секретарь ЛГК ВКП(б).— *Авт.*) спрашивал: в чем выразилось мое выступление против ЦК? Вот в чем и выразилось. Вы, товарищ Николаев, на том совещании (по Череповецкому заводу) сидели вот за этим столом и не сказали, что я выступил неправильно. Значит, и у вас партийная бдительность тоже не очень сильна.

Дальше... Я неоднократно говорил — причем, говорил здесь, в Ленинграде, в присутствии Бадаева, Капустина, Николаев слышал и другие; говорил это в приемной, когда был в ЦК (но не со Ждановым, а в приемной Жданова), говорил и в приемной Кузнецова... о РКП. Обсуждая этот вопрос, я сказал такую штуку: «Как только РКП создадут — легче будет ЦК ВКП(б): ЦК ВКП(б) руководить будет не каждым обкомом, а уже через ЦК РКП». С другой стороны, я заявил, что, когда создадут ЦК РКП,

тогда у русского народа будут партийные защитники. Это уже явно антипартийное заявление. Что же выходит? Попков хочет защитить русский народ, а ЦК ВКП(б), товарищ Сталин не защищают его? Это явно антипартийное заявление.

Мне товарищ Сталин на Политбюро показал, куда это ведет и что это значит. Но ведь когда я говорил это в присутствии ответственных товарищей, меня никто не поправил по этому вопросу...

Третий момент...— это попытка создать средостение между ЦК ВКП(б) и Ленинградской организацией и отделить Ленинградскую организацию от ЦК ВКП(б). Как здесь обстояло дело? Дело обстояло таким порядком, что абсолютное большинство вопросов, которые шли из городского и областного комитетов партии... они шли [в ЦК] через Кузнецова. Меньше было поставлено вопросов через Жданова, больше — через Кузнецова. Причем — я вчера на бюро заявил и сегодня на пленуме заявляю,— что я считал такую постановку правильной, когда ставил вопросы через секретаря ЦК ВКП(б) товарища Кузнецова. Я видел стремление Кузнецова руководить Ленинградской организацией, но я не понимал, что этим он отделяет Ленинградскую организацию от ЦК ВКП(б). Я знал, что Кузнецов честолюбив, и его стремление руководить Ленинградской организацией я объяснял его честолюбием — властолюбием.

Вот некоторые факты. Мне товарищ Кузнецов однажды позвонил и с возмущением накричал на меня (я за один крик должен был поставить в известность Центральный Комитет партии): «Что вы строите дорогу в Терийоки (ныне Зеленогорск.— *Авт.*) — для того, чтобы вам легче было ездить на дачу?!» Я сказал [ему]: создается курортная зона, нужна дорога — есть решение сессии [Ленсовета] и горкома партии. «Это вы все придумали. Такие вопросы нужно согласовывать с ЦК — вы не имеете права самостоятельно решать такие вопросы...»

Теперь я понимаю, что, требуя согласования таких вопросов с ЦК, под ЦК он разумел себя.

Приезжает Вербицкий (секретарь ЛГК ВКП(б).— *Авт.*) из ЦК и говорит: «Я был у Алексея Александровича Кузнецова, который спрашивал меня, на каком основании вы хотите снять трамвайное движение с проспекта Энгельса?..» ...А мне товарищ Сталин однажды указал, что нужно всемерно развивать в Ленинграде безрельсовый транспорт, который имеет большую перспективу...

Вербицкий тогда заявил: такие вопросы Кузнецов требует согласовывать с ним...

Кузнецов мне предложил: «Будете готовиться к пленуму, привезите резолюцию предварительно — мы [ее] вам здесь поправим, у нас аппарат большой».

В этом я видел только честолюбие и властолюбие Кузнецова, что он хочет руководить Ленинградом — через меня, через Капустина. Но в этих требованиях и действиях Кузнецова я не разглядел и не понял, что стал на антипартийный путь отделения Ленинградской организации от ЦК ВКП(б).

Но в правильности действий Кузнецова я сомневался. Будучи в Москве, я зашел к Андрею Александровичу Жданову и рассказал ему об этом. Андрей Александрович разъяснил мне: Кузнецов так действовать не имеет права. «Почему,— сказал,— я таких претензий не имею? А ведь, кажется, я больше прав имею на Ленинград, чем Кузнецов,— тем не менее, я к вам таких претензий не предъявляю». Я говорю: «Как быть?» — «Вы поменьше советуйтесь с Кузнецовым, чаще докладывайте о работе мне, а я буду докладывать Политбюро».

Этот разговор с товарищем Ждановым был примерно в конце 1947 года. Я перестал Кузнецова информировать, перестал с ним советоваться. Так, видите, на меня нажим пошел. Через кого? Через Капустина, через Вербицкого — кто из отделов ехал [в Москву], заходили к Кузнецову,— он всех принимал, и все восхищались, как он любит Ленинград, каждой мелочью интересуется. И обязательно получали какие-нибудь указания. Ведь так же это было? Было так.

Я заходил к Андрею Александровичу — перед тем, как ему пойти в отпуск после проведения [заседания] Информбюро по Югославии. Меня товарищ Жданов спросил: «Чем, товарищ Попков, объяснить, что на вас озлился Кузнецов?..» Тем, говорю, что вы мне посоветовали: я перестал его информировать. «Нет, посмотрите,— здесь что-то большее». Хорошо, говорю, пригляжусь. Но я так и не понял...

И вот случилось горе для партии — Андрей Александрович Жданов умер. В скором времени... я был в Москве... в том числе был у товарища Вознесенского. И вот товарищу Вознесенскому я и предложил взять шефство, не видя в этом [того], что становлюсь на антипартийную линию. Почему? Когда Жданов стал работать в ЦК ВКП(б)... Жданова звали «шефом». Когда Кузнецов уехал в Москву, и Жданова, и Кузнецова — обоих звали «ше-

фами»... У одного министра шеф Берия, у другого министра шеф Вознесенский, у третьего — Сабуров... Неправильно вчера на бюро говорили товарищи, что не знали шефов, что шефов выдумал Попков... Все вы знали: о шефах в открытую говорили, и никто не считал это зазорным.

Голоса с мест. Правильно, правильно...

П. С. Попков. Когда я был на приеме у товарища Вознесенского, сказал ему: основной шеф ушел от нас, ушел из партии. Я хотел бы, товарищ Вознесенский, чтобы вы, как член Политбюро, взяли шефство над Ленинградом. Он меня очень резко сразу оборвал: «Это неправильно. Что вы выдумали — какие «шефы»? У нас, в партии, так не водится».

Я извинился перед товарищем Вознесенским. Но после этого отказа Вознесенского я переключился обратно на Кузнецова. Мне этого и не хотелось, но переключился полностью на Кузнецова. И я должен сказать сегодня на пленуме обкома и горкома: когда обсуждали этот вопрос на Политбюро и товарищ Сталин формулировал это как групповщину, я стал на формальную точку зрения. Я заявил там примерно так — товарищ Маленков может подтвердить,— что я не состоял ни в какой группе, я не знаю такой группы. [Но] это, конечно, товарищи,— формальная сторона. Я понимал так: раз группа организована, значит, она собирается, должна давать директивы. Такой группы не было. [Но] я не понял существа — к чему это дело ведет... Сейчас я совершенно четко себе представляю, что это была самая настоящая групповщина. Потому что я равнялся на Кузнецова, Капустин равнялся на Кузнецова. А Центральный Комитет обходили, в Центральном Комитете вопросы не ставили — действовали только через Кузнецова, и Кузнецов стал стеной между Центральным Комитетом партии и Ленинградской партийной организацией. Это факт, и отказываться от этого я не могу. Это есть антипартийная линия, и правильно ее Политбюро ЦК квалифицировало как антипартийную линию...

Откуда произошли тенденции отрыва, отгораживания Ленинградской партийной организации от ЦК ВКП(б), как они получились?

Они получились по следующим причинам, я вам рассказывал: Кузнецов хотел руководить Ленинградом. Кто [его] поддерживал? Вот обстановка, которая была, когда я пришел: Турко (до сентября 1946 года второй секретарь обкома ВКП(б).— *Авт.*), Капустин... меня обходили —

считали, что я партийной работы не знаю. Я это знал, что они меня обходят. Они приходили ко мне и докладывали: «Алексей Александрович сказал», «Алексей Александрович так рекомендует»... Не говоря мне, они советовались с Алексеем Александровичем, а потом мне только докладывали. И я, поскольку секретарь Центрального Комитета дает указания, соглашался. Это зародилось с самого начала и пошло до самого конца. У меня была робкая попытка вырваться из этого дела, но кончилась она окончательным закабалением... Вместо того чтобы ориентироваться на Центральный Комитет, я ориентировался на Кузнецова. Знали об этом члены бюро — Бадаев, Левин, Николаев и другие. Знали, товарищи,— вчера они неправильно выступали: они все это дело знали...

О товарище Капустине. Вчера мне товарищ Маленков правильную претензию предъявил, что я не все откровенно сказал о Капустине... Когда меня утвердили секретарем, Капустин считал, что это неправильно. Он считал, что он — готовый секретарь, и он должен быть секретарем. Когда обо мне объявили, он плакал по этому вопросу, и ему сочувствовали здесь. Это я знаю, товарищ Маленков. Он очень долго и болезненно переживал это дело.

Теперь, какой товарищ Капустин работник? Как работник он, товарищ Маленков, очень энергичный, очень подвижный, очень оперативный — этого у Капустина никто не отнимет. Он ценный работник, но, мне кажется, его надо держать очень сильно в ежовых рукавицах. Я, например, глубоко убежден, что на самостоятельную работу такого типа, как секретарем областного комитета партии, его посылать нельзя. В этом я убежден. Это по его работе.

О его политической зрелости. Я считаю, что он не выше меня стоит по политической зрелости. Не выше, товарищ Маленков. Я вам сказал, каким я себя считаю... Я его считаю не выше. Надо прямо сказать — может быть, товарищи подтвердят: внутрипартийной работы и партийно-организационной работы Капустин не знает, хотя и кичится этим делом. Я это утверждаю. Я утверждаю, что он не знает внутрипартийной работы.

Личное его поведение. Пусть товарищ Капустин сам об этом скажет. [Но] меня, между прочим, вчера поразило поведение товарищей Николаева и Бадаева. Вспомните Новый год с 1947-го на 1948-й. Кто приходил ко мне и заявил: «Уймите Капустина — второй день он приходит в горком пьяный»? Было это или нет, товарищ Бадаев?..

Теперь вы, товарищ Николаев, вспомните. Я был болен гриппом... когда мы товарища Капустина послали в Госплан готовить вопрос... о перестройке ленинградской промышленности. Мне Николаев звонит и говорит: куда-то пропал Капустин... Кто вам докладывал, товарищ Николаев?

Н. А. Николаев. Иванов с ним ездил...

П. С. Попков. В чем я виноват? Я не поставил и этого вопроса на обсуждение областного и городского комитетов партии...

Об отношениях к Кузнецову. Я сравниваю, товарищ Маленков, Турко и Капустина... Считаю, что у Капустина связи с Кузнецовым значительно больше и лучше. Он под руководством Кузнецова работал восемь лет — он сжился с Кузнецовым... Он, может быть, будет отрицать — я не знаю, как он понимает группу,— но он занимал ту же линию, что и я. А я занимал одну и ту же линию с Капустиным. Это факт, и от этого никуда не денешься...

И последнее, что я вспомнил о товарище Капустине. Он очень честолюбив. Я должен сказать, что он очень любит власть — так, как и Кузнецов страшно любит власть: хлебом не корми, а дай повластвовать. Может быть, он от этого будет отказываться.

Когда «десятка» существовала, до решения ЦК, тогда члены бюро обкома и горкома ездили туда. [Капустин] зашел ко мне: «Куда вы собираетесь?..»

Голос с места. Что это за «десятка»?

П. С. Попков. Это однодневный дом отдыха обкома и горкома партии. Назывался «десяткой» потому, что дом был номер десять на Каменном острове... Потом было решение ЦК,— все это дело аннулировали... Стал разговаривать с Капустиным: все едут на «десятку», говорю, почему ты не едешь?.. «А что мне с ними за одним столом сидеть? Пусть они горбом поработают и доберутся до того, до чего я дошел». Вы мне это заявили... Вот — тщеславие! Он все непартийные стороны Кузнецова в себе воплотил. Пусть об этом сегодня сам скажет...

Мне надо кончать... В чем причина моего политического провала? Я, товарищи, считаю, что имеются две причины политического провала. Я на партийной работе ни разу не был, за исключением института — около четырех месяцев был секретарем партийной организации института. На партийной работе на заводе не работал, в райкоме не работал, в горкоме, в аппарате, не работал, и, когда я сюда пришел, я не знал партийной работы, а товарищи помогали плохо... Это первая причина...

И вторая причина. У меня, [чтобы] охватывать все вопросы политического и партийного руководства, не хватает ни политических, ни общих знаний. Скажем, вопросы литературы я и до сих пор не знаю. Вопросы философии я и до сих пор не знаю. Я не стыжусь признаться — что у меня есть. Это, конечно, сыграло известную роль и в моей работе...

И последнее. На какую бы работу Центральный Комитет партии меня ни послал, я, товарищ Маленков, заявляю, что стал на этот антипартийный путь не по сознанию, а просто по своему политическому недомыслию, по своему партийному невежеству... Я сейчас много понял, товарищ Маленков. Для меня заседание Политбюро явилось настоящим партийным университетом,— я такой школы еще не получал. И я только могу высказать от всего сердца товарищам, которые доложили товарищу Сталину о недостатках, которые были у меня, большую благодарность. Они помогли Центральному Комитету вскрыть эти недостатки... и помогли мне осознать целый ряд вещей, которые я не понимал. Но я заявляю одно, товарищи, что я честный коммунист. Я нашу партию люблю, люблю больше всего на свете и наш ЦК, руководство товарища Сталина люблю, и этим горжусь и всегда гордился тем, что я состою в рядах партии...

Любое наказание, какое будет, я готов выполнить и с честью буду драться за генеральную линию нашей большевистской сталинской партии».

Попков не вернулся в президиум: неловко спустился по лестничке и сел в зале. Одни говорят: «он был позеленевший», другие — «почерневший», третьи — «серый», «спадший с лица»... Ясно, что здоровья ему две тяжкие прошедшие недели не прибавили.

Ждали, что́ скажет в свое оправдание второй секретарь горкома Я. Ф. Капустин. Заметили: контролирует себя Яков Федорович ценой огромного внутреннего напряжения.

«**Я. Ф. Капустин.** Товарищи! Постановление Центрального Комитета нашей партии об антипартийных действиях товарищей Кузнецова, Родионова, Попкова (теперь — при обсуждении вчера на бюро обкома и горкома — мои действия расценены так же) является безусловно правильным. Оно учит руководителей и каждого коммуниста быть правдивым, честным [перед] нашей партией до конца.

Но я, товарищ Маленков, в своем выступлении говорил — может быть, оно было сумбурное,— что Ленин-

градская организация, здесь сидящий актив, трудящиеся нашего города все свои силы, все свои знания отдают Центральному Комитету партии, отдают товарищу Сталину. И речи быть не может об отрыве — не оторвать Ленинградскую партийную организацию от Центрального Комитета! В этом нет никакого сомнения.

Товарищ Маленков, правы тут товарищи, члены областного и городского комитетов партии: вчера, позавчера я был в возбужденном состоянии — они правы, что сомневались в искренности моих заявлений, потому что я невразумительно отвечал на ряд вопросов. С меня, больше чем с кого-либо, надо спросить — почему так произошло в Ленинградской организации.

Я позволю себе воспроизвести то, что мне задали: «Вы ведь тоже вползали в эту группу?» Товарищ Маленков, я над этой фразой думал, думал над этим вопросом. Я не только «вползал» — я вполз в эту группу и основательно там закрепился.

Я вчера построил свое выступление на притеснениях со стороны Кузнецова — Попкова, а [сам] этим претензиям и притеснениям отпора не давал. Я прощал эти личные обиды, которые наносили мне и товарищ Кузнецов... и товарищ Попков — за то, что я побывал у товарища Сталина раньше, чем Попков побывал. Это мне не прощалось, и было в резкой форме заявлено. Я не поставил принципиально вопрос. Я прощал и товарищу Кузнецову, и товарищу Попкову — заискивал перед ними, раболепно [все] выполнял.

Г. М. Маленков. В чем вас обвиняли?

Я. Ф. Капустин. Меня обвиняли: во-первых, товарищ Кузнецов, после избрания Попкова, собрал совещание секретарей и окрестил Капустина таким образом, что Капустин не может быть первым секретарем потому, что он пьяница. Я на глазах актива, если и выпивал,— не было случая в моей жизни, чтобы я на работу не появился. Ни часу.

Товарищ Попков обиделся, что, когда он отдыхал в Сочи, я был у товарища Сталина. Товарищ Лазутин и я у Берии и у Жданова просили поддержать, чтобы нас приняли: успехи ленинградской промышленности были большими,— хотели поделиться, рассказать. И мы были приняты. А как это встретил актив! Ведь прекрасно было встречено. А товарищ Попков вернулся из Сочи,— был его день рождения, все собрались у него,— и в присутствии всего народа сказал: «О тебе в Москве плохое впечатление, сказали, что тебя надо снять». Я хлопнул

дверью и ушел. Но после этого я раболепно выполнял все указания и продолжал дальше работать.

Мне, видимо, надо было вчера так и сказать, но у меня не получилось. Моя политическая близорукость — преклонение перед авторитетами. В особенности перед Кузнецовым, с которым я много работал и который меня выдвигал на работу. Его стиль и методы работы, когда он был вторым и первым секретарем, я воспринял и продолжал дальше. Вот — природа того, что случилось со мною, как с Капустиным. Видимо упорного труда еще мало — надо много думать и распознавать, что к чему идет...

Не поправлял я, как здесь говорили товарищи, и товарища Попкова. Что касается его заявления здесь, будто я возражал против его назначения первым секретарем, то — нет. Если помните совещание в вагоне, то я поставил только вопрос: желательно было бы товарища из ЦК ВКП(б)... А товарищ Кузнецов сказал: ЦК ВКП(б) считает, что надо взять первого секретаря сейчас, после моего ухода, и из самой Ленинградской организации. Все. И вот называют товарища Попкова. Мы сразу поняли, это — кандидат в члены ЦК, сказали: поддержим товарища Попкова.

П. С. Попков. Кузнецов сказал: «Свое мнение я оставлю за собой и скажу, где нужно».

Я. Ф. Капустин. Нет. Насколько мне известно, он сказал, что ЦК считает — нельзя посылать другого в Ленинградскую организацию.

В своей практике работы я продолжал методы товарища Кузнецова — допускал, действительно, резкости [на заседаниях] бюро городского комитета партии. Подтверждаю: просто использовал неправильные методы в нашей партийной организации. Мало считался с мнением товарищей — надеялся на себя, на то, что я имею знания, большой опыт.

Третье. В свою очередь угодничество было порождено до меня. Я его не пресек перед городским комитетом партии, это угодничество перед отдельными руководителями. Ведь дело, товарищ Маленков, доходило до того, что проведешь бюро и спрашиваешь товарищей: «Как?» Все говорят: «Замечательное сегодня было бюро... очень замечательное — очень много интересного было...» Хотя, может быть, не так [уже] было много интересного — неправильные действия руководившего, выступления членов бюро.

[О рвачестве]. Желание быстрее восстановить ленинградскую промышленность породили рваческие тенден-

ции, о которых сегодня говорили... Они породились самой системой нашей работы. Что ни поездка товарища Попкова...— рождалась куча бумаг [с просьбами к ЦК и правительству]: четверть миллиарда, или двести миллионов. Это же рваческие тенденции, негосударственные тенденции. Я принимал в этом участие...

В последнее время, товарищ Маленков, я чувствую, что действительно от организации оторвался: больше стал выступать на парадных актах, вместо кропотливой — что я делал раньше — и усидчивой работы в первичных партийных организациях, районных комитетах партии...

Я считаю, что большая доля моей вины в этом провале в руководстве Ленинградской организацией, в провале товарища Попкова, в моем провале...— я признаю ее. И какое бы суровое наказание партия ни дала бы — я его приму, со страстью выполню, потому что я по натуре не такой. Но когда меня обвиняют, что я честолюбив, я с этим не соглашусь. Я к людям отношусь очень бережно. Никто в Ленинградской организации не скажет, что я отнесся к кому-нибудь по-хамски. Я всякую просьбу человека с письмом лично рассматриваю. Ни один трудящийся не уйдет, пока я его просьбу не рассмотрю. Я трудолюбив по натуре.

Я не распознал, что Кузнецов — это не Центральный Комитет, что все это замкнулось на Кузнецове. Что в системе нашей было так: как поездка — так обязательно зайти. В последний раз, когда я с делегацией приехал приветствовать Московскую партийную конференцию. Я приветствовал ее от души, по-ленинградски. И... опять не преминул к нему зайти. Зайти к снятому секретарю! Чего ради зашел? Зачем?..

Далее, относительно того, что я «властолюбив». Прежде всего само положение предоставляло мне власть,— ее у меня было достаточно. Но я не стремился ни к какому подсиживанию товарища Попкова — у меня и в мыслях этого не было. Товарищ Попков треть года болел, а Капустин, как лошадь, работал. Каждый год Попков с помпой ездил отдыхать, а Капустин с 1937 года не съездил никуда — как лошадь, работал. Поэтому обвинять меня в честолюбии неправильно, товарищ Попков. Это вы барином большим стали. Вы — большущий барин. Это усугубило и вашу вину, и мою вину, что я не поставил этот вопрос.

Я, правда, поставил этот вопрос перед товарищем Ждановым, когда почувствовал, что мы отрываемся, но дело опять замкнулось на товарище Кузнецове.

Когда мы поставили вопрос о том, чтобы рассмотреть обращение ленинградцев о выполнении пятилетки в четыре года, я получил окрик от товарища Кузнецова: «Почему Попков не позвонит?..» Я звоню Попкову, говорю: вот — какой я окрик получил...»

Здесь стенографическая запись выступления Якова Федоровича Капустина обрывается. Возможно, судя по тексту, его неожиданно прервал сам Маленков.

«**Г. М. Маленков.** Почему возник этот вопрос? Все партийные организации пишут обращения, эти документы публикуются, на этом происходит мобилизация партии, мобилизация нашего народа. И Политбюро было удивлено этим обстоятельством — почему у Ленинградской организации, у руководящих товарищей возник вопрос: можно ли к товарищу Сталину обратиться на этот счет. И товарищ Сталин был поражен настолько, что он звонил специально по этому вопросу, он спрашивал: откуда мог возникнуть такой вопрос, что можно ли в ЦК обращаться или нет? У нас все организации обращаются. Так в чем дело? Нам было непонятно.

Видите, до чего дошла групповая связь, когда возникает вопрос: надо ли обращаться к товарищу Сталину. Ну, конечно, надо — ничего тут особенно нет. Так нет [же], обратились по линии своей групповой связи к Кузнецову, тот окрик дал — и на этом дело замкнулось.

Дело не в том, что вы ходили или не ходили к товарищу Кузнецову — он был секретарем ЦК: почему бы не зайти?.. А дело в том, что Центральный Комитет не знал — *о чем вы говорили* с Кузнецовым, какие указания давал Кузнецов. Все это замкнулось в группе. А Центральный Комитет не может ручаться за правильность указаний любого из нас. У Центрального Комитета есть Секретариат, есть бюро (очевидно, имеется в виду Оргбюро ЦК.— *Авт.*), есть Политбюро, и, в зависимости от важности вопроса, решает Секретариат, бюро или Политбюро обычно, в партийном порядке, а в данном случае было установлено Кузнецовым.

Вы поддерживаете другой порядок — единоличное решение вопроса, единоличные указания. Вот — о чем идет речь. А не о том — зашел или не зашел. Заходите, пожалуйста. Разве это запрещено? Он член партии, был секретарем Центрального Комитета — можно зайти. Вы и сейчас не понимаете — о чем идет речь, когда Центральный Комитет говорит о партийной групповщине. Центральный Комитет видит опасность в такой связи.

Правда, она не привела ни к чему (!— *Авт.*). *Ленинградская партийная организация — сильная организация, Центральный Комитет партии уверен в ней.* Но методы являются непартийными, они могут привести к плохим последствиям. Вот почему Центральный Комитет счел себя обязанным сурово одернуть этих товарищей. А вы этого не понимаете. И вчера вы говорили: «я зашел», «опять зашел»... А речь идет совершенно о другом. У вас была групповая связь. Больше того, вы ставили дисциплину по линии своей группы выше партийной дисциплины.

Факты такие: когда уже был снят Кузнецов, когда он не являлся членом Центрального Комитета*— зачем вам было с ним советоваться — кого послать на Московскую конференцию?.. Зачем? Не требуется это[го]. Вы вообще в Ленинграде можете сами решать — кого послать. Но, если советоваться, то уже надо советоваться с Центральным Комитетом. Так нет,— вы держите связь по линии своей группы. У вас — групповая связь. И это очень опасно»**.

Зная теперь масштабы погрома, учиненного Сталиным, Маленковым и их приспешниками, читатель самостоятельно может определить и степень лицемерия Маленкова, который и сам заигрывал с участниками пленума, добиваясь одного — подкрепления своей версии о возникновении в ВКП(б) очередной — в духе 30-х годов — «разветвленной и сплоченной **группы** опасных заговорщиков».

Под напором этой махровой демагогии главного закоперщика «ленинградского дела» объединенный пленум принял угодную ему **резолюцию:**

«Заслушав сообщение секретаря ЦК ВКП(б) тов. Маленкова Г. М. о постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1949 года «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А. А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) т. т. Родионова М. И. и Попкова П. С.» и обсудив это постановление, объединенный пленум Ленин-

---

* Обратите внимание: Г. М. Маленков объявил о выводе А. А. Кузнецова из состава ЦК ВКП(б) вне рамок процедуры, определенной для таких случаев Уставом партии.

** Выдержки из выступлений на пленуме Ленинградских ГК и ОК ВКП(б) от 22 февраля 1949 года приведены по стенограмме (ЛПА. Ф. 24. Оп. 49. Д. 3. Л. 11—27, 46—51, 98, 108—109, 111, 114, 115). В речи П. С. Попкова опущены повторы сюжетов и трудно воспринимаемые современным читателем факты из хозяйственных решений того времени. Стенографическая запись выступления Я. Ф. Капустина, в отличие от других, им самим не правлена. Авторами произведено — очень осторожное и только стилистическое — ее редактирование.

градского обкома и горкома ВКП(б) целиком и полностью одобряет и принимает его к неуклонному руководству.

Нарушив элементарные основы государственной и партийной дисциплины и действуя в обход ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР, председатель Совета Министров РСФСР вместе с ленинградскими руководящими товарищами при содействии члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова самовольно и незаконно организовал в Ленинграде Всесоюзную оптовую ярмарку, что привело к разбазариванию государственных товарных фондов и нанесло материальный ущерб государству.

Противогосударственные действия т.т. Кузнецова, Родионова и Попкова явились следствием того, что у них имеется нездоровый, небольшевистский уклон, выражающийся в демагогическом заигрывании с Ленинградской организацией, в охаивании ЦК ВКП(б), который якобы не помогает Ленинградской организации. Они пытались представить себя в качестве особых защитников интересов Ленинграда, создать средостение между ЦК ВКП(б) и Ленинградской организацией и отделить таким образом Ленинградскую организацию от ЦК ВКП(б).

Объединенный пленум обкома и горкома ВКП(б) рассматривает антипартийные действия т. т. Кузнецова, Родионова и Попкова как попытку ослабить силы Ленинградской партийной организации, нарушить единство и сплоченность ее рядов и посеять недоверие в Ленинградской организации к ЦК ВКП(б). В своих поступках т.т. Кузнецов, Родионов и Попков встали на путь осужденной партией групповщины и противопоставления себя Центральному Комитету партии.

Действуя за спиной Ленинградской партийной организации, вопреки ее воле и стремлению быть надежной опорой ЦК ВКП(б), т.т. Кузнецов, Родионов и Попков взяли на себя никем не порученную им и решительно осуждаемую нашей партией миссию особых защитников интересов Ленинграда.

Став на антипартийный путь, т. Попков не стремился обеспечить связь Ленинградской партийной организации с ЦК ВКП(б), не информировал ЦК партии о положении дел в Ленинграде и вместо того, чтобы выносить вопросы и предложения непосредственно в ЦК ВКП(б), действовал в обход ЦК путем сомнительных закулисных, а иногда и рваческих комбинаций, проводимых через различных самозваных «шефов» Ленинграда, вроде т.т. Кузнецова, Родионова и других.

Объединенный пленум Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) единодушно осуждает как вреднейший для дела нашей партии нездоровый, небольшевистский уклон т.т. Кузнецова, Родионова и Попкова, своевременно и глубоко вскрытый Центральным Комитетом ВКП(б).

Пленум обкома и горкома ВКП(б) считает, что основная задача Ленинградской партийной организации состоит в том, чтобы в корне пресечь какие бы то ни было антипартийные действия, ибо они являются выражением антипартийной групповщины, сеют недоверие в отношениях между Ленинградским обкомом и ЦК ВКП(б) и способны привести к отрыву Ленинградской организации от партии, от ЦК ВКП(б). Ленинградская организация в своей деятельности всегда ощущала постоянную помощь и заботу ЦК ВКП(б) и лично товарища Сталина в решении всех вопросов жизни и работы Ленинградской партийной организации...

Поддерживая настроения самообольщения успехами периода войны и блокады, бюро обкома и горкома ВКП(б) не призывало настойчиво коммунистов к решению новых задач, поставленных партией и товарищем Сталиным, не воспитывало коммунистов, и в особенности партийный актив, в духе высокой требовательности, непримиримости к проявлениям бахвальства старыми успехами, заслонившими у некоторой части руководящих работников задачи, возникшие в послевоенный период. Бюро обкома и горкома не вело борьбы против вредного, неправильного отношения ряда работников к инициативе и передовому опыту, рождавшемуся в других районах страны, считая, что только Ленинграду принадлежит роль инициатора всех передовых начинаний. Такие настроения могли привести и приводили к зазнайству, бахвальству части руководящего актива Ленинградской организации.

Объединенный пленум обкома и горкома ВКП(б) отмечает, что в практике работы бюро не было настоящей принципиальной большевистской критики недостатков, острой и непримиримой борьбы с проявлениями подхалимства и угодничества среди работников аппарата обкома и горкома, отдельных партийных и хозяйственных руководителей. Такое положение не позволило своевременно вскрыть антипартийное поведение т. Попкова и тем самым помочь Центральному Комитету партии в корне пресечь действия, направленные на отрыв Ленинградской организации от ЦК ВКП(б).

Объединенный пленум обкома и горкома ВКП(б) считает, что за антипартийные действия т. Попкова несет ответственность второй секретарь горкома т. Капустин, который знал об антипартийных действиях Попкова и не только не принял мер для их пресечения, но и сам принимал участие в этих действиях.

Объединенный пленум обкома и горкома ВКП(б) с негодованием осуждает позорнейший факт, выразившийся в сообщении делегатам Ленинградской партийной конференции ложных, фальсифицированных данных о результатах выборов в обком и горком ВКП(б) т.т. Попкова, Капустина, Бадаева и Лазутина, в сокрытии от партийной конференции того, что на конференции было подано некоторое количество голосов против избрания названных товарищей в состав пленума обкома, горкома ВКП(б). Пленум считает, что такой вопиющий факт подлога свидетельствует о неправильных, антипартийных нравах, которые стали возможны в результате отсутствия настойчивой работы по воспитанию коммунистов в духе принципиальности и правдивости.

Объединенный пленум обкома и горкома ВКП(б) отмечает, что благодаря своевременному указанию Центрального Комитета ВКП(б) Ленинградская партийная организация сумеет до конца вскрыть и в корне пресечь всякие антипартийные действия, направленные на отрыв Ленинградской организации от партии, от ЦК ВКП(б). Центральный Комитет партии напомнил Ленинградской партийной организации, что Зиновьев, когда он пытался превратить Ленинградскую организацию в опору своей антиленинской фракции, прибегал к таким же антипартийным методам заигрывания с Ленинградской организацией, охаивания Центрального Комитета ВКП(б), якобы не заботящегося о нуждах Ленинграда, отрыва Ленинградской организации от ЦК ВКП(б) и противопоставления Ленинградской организации партии и ее Центральному Комитету.

Объединенный пленум Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) постановляет:

1. Целиком и полностью одобрить и принять к неуклонному руководству постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А. А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) т.т. Родионова М. И. и Попкова П. С.».

2. Считать важнейшей политической задачей Ленинградской партийной организации пресечение в корне каких бы то ни было проявлений антипартийных дей-

ствий, направленных на отрыв Ленинградской партийной организации от ЦК ВКП(б), а также значительное усиление работы по дальнейшему сплочению Ленинградской партийной организации вокруг ЦК ВКП(б).

3. Ввиду того, что т. Попков дискредитировал себя как политический руководитель, не оправдал высокого доверия ЦК ВКП(б) и Ленинградской партийной организации и скатился на позиции антипартийной групповщины, снять т. Попкова П. С. с поста первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), объявить ему выговор и вывести из состава пленума обкома и горкома ВКП(б).

4. Считая, что т. Капустин принимал участие в антипартийных действиях т. Попкова, снять т. Капустина Я. Ф. с поста второго секретаря горкома партии, объявить ему выговор и вывести из состава пленума обкома и горкома ВКП(б).

5. За участие в организации Всесоюзной оптовой ярмарки в Ленинграде без разрешения ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР председателю исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся т. Лазутину П. Г. объявить выговор.

6. В связи с тем, что, как это выяснилось теперь, при объявлении результатов голосования на X областной и VIII городской объединенной партийной конференции было скрыто от конференции, что против избрания в состав пленума обкома и горкома ВКП(б) т.т. Попкова, Капустина, Бадаева и Лазутина было подано некоторое количество голосов, пленум постановляет:

а) снять с работы зав. отделом тяжелой промышленности горкома ВКП(б) и исключить из партии Тихонова А. Я. за антипартийный поступок, выразившийся в том, что, будучи председателем счетной комиссии партийной конференции, совершил подлог при объявлении результатов голосования на X областной и VIII городской объединенной партийной конференции;

б) снять с работы зам. зав. отделом горкома ВКП(б) и перевести из членов в кандидаты партии Грудинина В. Ф. за участие в подлоге при объявлении результатов голосования на X областной и VIII городской объединенной партийной конференции;

в) снять с работы первого секретаря Смольнинского райкома ВКП(б) т. Никитина В. В. и направить его на меньшую работу за скрытие ставшего ему известным факта подлога, совершенного Тихоновым при объявлении итогов голосования на X областной и VIII городской объ-

единенной партийной конференции. Поручить партийной коллегии обкома и горкома ВКП(б) дополнительно расследовать факт непартийного поведения т. Никитина и доложить бюро обкома и горкома ВКП(б);

г) снять тов. Колобашкина В. А. с поста секретаря обкома ВКП(б) и использовать на меньшей работе за противоречащие большевистскому принципу указания, данные им на Волховской городской партийной конференции по вопросу о порядке подсчета голосов при выборах в состав городского комитета ВКП(б).

Объявить т. Колобашкину В. А. выговор и вывести его из состава бюро обкома ВКП(б);

д) поручить бюро обкома и горкома ВКП(б) расследовать факты непартийного поведения членов счетной комиссии X областной и VIII городской объединенной партийной конференции т.т. Крупенина и Катаева»*.

Итак, два долголетних ведущих партийных лидера Ленинграда и области от должностей отстранены — нужно выбирать новых.

Перейдя к этому организационному вопросу повестки дня, председательствующий на пленуме Г. Ф. Бадаев сказал: «Мы вчера на бюро заявили товарищу Маленкову, что у нас нет кандидатуры, которая могла бы сейчас возглавить Ленинградскую партийную организацию, на пост первого секретаря Ленинградского обкома и горкома».

Никто не успел ничего ни сказать, ни подумать, как из президиума раздалось явно провокационное заявление:

«**Г. М. Маленков.** Я бы не сказал, что нет такой кандидатуры».

И тут же из зала — голос. (В стенограмме эпизод не зафиксирован, хотя, по утверждению отдельных участников пленума, он был. Стенограмма, считают некоторые ветераны, «подчищалась» самим Андриановым и сотрудниками аппарата нового первого секретаря.)

И. И. Егоренков, директор завода «Большевик». «А может, все же Петра Сергеевича Попкова? Обойдемся ему взысканием...

Г. М. Маленков. Где вы работаете?..»

И спрошено было так, вспоминают оставшиеся в живых жертвы «ленинградского дела», что всем все стало ясно. Ивана Ивановича Егоренкова в январе 1950 года сняли с работы, чуть позже исключили из партии.

---

*ЛПА. Ф. 24. Оп. 49. Д. 1. Л. 2—6. По инициативе авторов повести это постановление отменено совместным пленумом Ленинградских обкома и горкома КПСС 21 ноября 1989 г.

...Не ожидавший такого поворота событий, растерявшийся председательствующий смотрит на сидящих в в зале, те — на него. Немая сцена длилась минуту, может быть,— больше. И тогда Маленков подошел к трибуне.

«**Г. М. Маленков.** Центральный Комитет, обсудив этот вопрос, считал возможным рекомендовать для Ленинградской организации в качестве первого секретаря обкома и горкома члена ЦК ВКП(б) товарища Андрианова»*.

За столом президиума поднялся молча просидевший все это время новый «хозяин» Ленинграда и области. Кто такой — знали очень немногие. И то понаслышке: с довоенных времен и в войну работал первым секретарем обкома и горкома в Свердловске; потом его взяли в ЦК — инспектором, избрали в 1946 году членом Оргбюро; больше известен как заместитель председателя Совета по делам колхозов при Правительстве СССР...

— Знаете,— вспоминал тот пленум и момент представления Андрианова Михаил Нилович Евстафьев,— был тут такой «мазок», который, не интересовался, как другие, но мы, несколько чекистов, не пропустили. Когда Маленков выставил вперед Андрианова, в зале раздался шум недовольства. Понимаете: на снятие Попкова и Капустина никакой реакции не было — равнодушно отнеслись. А на Андрианова была сильная реакция — на его кандидатуру. И еще усилилась после того, как он выступил. Такое мощное недовольное гудение! Помню, вокруг меня громко, не стесняясь, перешептывались участники пленума: «Это не фигура для Ленинграда!.. Зачем нам такого?!..» И вот я, на своей шкуре испытавший «ленинградское дело», много лет анализировал: приняло бы оно — или нет — такой масштабный размах, если бы не фигура Андрианова и не такая вот острая реакция недовольства при его первом же появлении?.. Я думаю: не было бы такого масштаба. Руководство, конечно, все равно бы не пощадили — раз есть постановление Политбюро да еще с этой страшной фразой: «Зиновьев начинал с этого же...» Они бы кару понесли. Но такого размаха репрессий, не влейся в них личная месть и злоба Андрианова, убежден, не было бы.

Вместо Я. Ф. Капустина вторым секретарем горкома через несколько дней избрали Николая Александровича Николаева, бывшего (почти всю войну) директора Охтинского химического комбината, затем — первого

---

* ЛПА. Ф. 24. Оп. 49. Д. 3. Л. 127.

секретаря Ленинского райкома партии, заведующего машиностроительным отделом ГК ВКП(б), секретаря Ленинградского горкома партии.

Участники же объединенного пленума, проголосовав — под бдительным наблюдением Маленкова — единогласно за нового своего «вождя и учителя», мирно расходились по домам. Первые секретари райкомов, заведующие отделами, другие партработники этого «уровня» собрались, по незапамятно когда и заведенному обычаю, в смольнинской столовой. «Никакого возбуждения не было,— вспоминал один из них.— Да и с чего бы возбуждаться? Маленков ведь сказал: вся эта неприятная история затрагивает только большую политику, самых верхних руководителей. А что они там на самом деле творили, нам неизвестно. У них свои отношения, свои требования и спросы. Нас это не касается...»

Оптимизм оказался преждевременным.

БОЛЬШАЯ ЧИСТКА

...Очень хочется, но трудно себе представить Алексея Александровича Кузнецова в день свадьбы его старшей дочери Аллы. Она выходила замуж за сына члена Политбюро ЦК А. И. Микояна — Серго, но свадьбу решили играть на служебной даче Кузнецова.

— Папа чуть задержался,— рассказывала Г. А. Кузнецова,— но мы привыкли к тому, что он приезжал очень поздно — в час, в два ночи... И уезжал: мы уходили в школу, а он — на работу... В субботу нам резрешалось не спать — ждать его... А свадьба?.. Свадьба прошла нормально. Много пели. Пели хорошо. И папа пел: у него был красивейший голос; у мамы очень низкое контральто — ей даже предлагали учиться... А у папы — баритон, но... ближе к тенору... У нас в семье все пели. Дядя Сима, это мамин брат — Серафим Дмитриевич, играл на рояле, и они с папой пели оперетты — папа классические любил... Нормально прошла свадьба. Папа был жизнелюбивый, жизнерадостный, веселый... А наутро — папа уже ушел на работу — мама нам сказала, что вчера папу сняли... На дачу он больше не приезжал. Вскоре мы ее освободили — переехали в город...

В нашумевшем очерке о Кузнецове в «Комсомольской правде» «Победитель» его автор А. Афанасьев приводит «факт», будто 15 февраля 1949 года секретарь ЦК А. А. Кузнецов «пришел, как всегда, на работу и обнаружил

на своем столе бумагу, из которой явствовало, что он от занимаемой должности освобожден». Думается, это — очередная дань отживающему мифологическому сознанию. Так, без разбирательств, без выяснений — что, почему, с кем? — даже Сталин с секретарями ЦК не поступал. Кузнецов безусловно был на заседании Политбюро, выслушивал обвинения Маленкова, защищался... И это только Галине Алексеевне Кузнецовой кажется, что последующие месяц-полтора «папа был дома — и утром дома, и вечером»... Его несомненно — и не раз — вызывали: в ведомство М. Ф. Шкирятова, в аппарат центрального партийного контроля. К сожалению, нет еще анализа — почему оказалась неэффективной система внутрипартийного контроля, особенно его *защитная* функция, хотя именно здесь, как правило, и начинали варить чертово зелье необоснованных обвинений против коммунистов. Так было при Сталине, было и при Хрущеве, при Брежневе...

«Милок» — прозвали главного партийного следователя М. Ф. Шкирятова в верхних этажах тогдашней партийной бюрократии: «Ты иди, милок, погуляй часик, подумай, а потом продолжим...» И — снова — пять, шесть, семь часов самых настоящих допросов. «Гуманизм» этого чудаковатого, не шибко грамотного мужичка был своеобразен. Рассказывали, как однажды, приехав в деревенский свой (кажется, вятский), материнский дом, он поинтересовался братом. «Посадили! — заголосила мать.— Ты бы поспособствовал, сынок!..» — «За что?» — строго спросил заместитель председателя ЦПК.— «Да ни за что! Говорят, два кило хлебушка без разрешения не сдал — и два года. Два года не будет кормильца!..» «Два года, говоришь. Гм... Мало дали...» Поехал в район, устроил там всем разгон и добился, чтобы брату еще три года прибавили. «Поспособствовал»...

С этим внутрипартийным Малютой Скуратовым и «беседовали» часами на первом этапе разбирательства почти все «главные» фигуранты «ленинградского дела». Представляли ли они себе, догадывались ли, что судьба их может оказаться трагической?

Кто как, но Алексей Александрович Кузнецов не мог исключить и такого исхода. Уж он-то хорошо знал, как организуется и проходит борьба с «уклонистами», «зиновьевцами», создателями и членами «антипартийных групп»...

Он говорил с трибуны избравшего его членом ЦК ВКП(б) XVIII съезда Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков):

«...Ленинградская парторганизация под руководством Центрального Комитета, при непосредственной помощи товарища Сталина проделала большую работу по укреплению своих рядов, по разоблачению и выкорчевыванию врагов народа, которые особенно сильно засели у нас в Ленинграде в партийном и хозяйственном аппарате.

Враги народа в свое время культивировали в Ленинградской парторганизации зазнайство, самоуспокоенность, предавали забвению особое положение Ленинграда как форпоста Советского Союза на северо-западной границе. Притупление классовой бдительности, преступная беспечность, граничащие с предательством, имевшие место в Ленинградской организации, облегчали гнусную подрывную работу врагам народа...

Центральный Комитет партии, лично товарищ Сталин оказали большую помощь Ленинградской организации в укреплении ее партийных рядов, в разгроме и выкорчевывании врагов народа. Центральный Комитет поставил во главе Ленинградской организации секретаря ЦК ВКП(б) т. Жданова, под руководством которого ленинградские большевики провели большую работу по разгрому врагов народа, укреплению своих рядов...»*

Увы, это — не пропагандистские лозунги. Еще в 20-х годах, описывала в ноябре 1937 года основные достоинства кандидата в депутаты Верховного Совета СССР А. А. Кузнецова газета «Ленинградская правда», Алексей Кузнецов активно «разоблачал подрывную работу кулачества». «В первый же год своего пребывания в партии (1925-й. — *Авт.*) тов. Кузнецов показал себя, как стойкий, непримиримый к врагам большевик». Как секретарь Маловишерского уездного комитета комсомола он громит уездных «зиновьевских молодчиков». «В 1929 году тов. Кузнецов был избран секретарем окружного комитета комсомола в г. Луге. Лужский окружком ВКП(б), возглавлявшийся тогда людьми, впоследствии разоблаченными как враги народа, вел антисоветскую, правооппортунистическую политику. Тов. Кузнецов вступил в борьбу с тщательно замаскировавшимися врагами, сигнализировал об их подрывной работе в областной комитет партии, и руководство округа было обновлено. **Непримиримость к врагам** (выделено редакцией газеты. — *Авт.*) — вот черта, характеризующая тов. Кузнецова как большевика-ленинца-сталинца.

---

* XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. ОГИЗ. 1939. С. 77.

...С особой силой тов. Кузнецов развернул свои организаторские способности партийного руководителя на посту первого секретаря Дзержинского райкома ВКП(б). В Дзержинском районе сосредоточено много советских, хозяйственных и культурных учреждений, имеющих большое государственное значение. Районный комитет много сделал для очищения этих учреждений от окопавшихся в них троцкистско-зиновьевских и бухаринско-рыковских подонков... Поучительны факты, иллюстрирующие борьбу райкома партии и, в частности, тов. Кузнецова против бюрократизма, насаждавшегося в ряде учреждений врагами народа. Секретарь райкома ВКП(б) тов. Кузнецов нередко появлялся в том или ином учреждении района в качестве рядового посетителя. Пришел он однажды в управление по делам искусств... А руководителем здесь сидел разоблаченный ныне враг народа Рафаил. Секретарь обвел посетителя (Кузнецова.— *Авт.*) ледяным взором и процедил ему, что он записан «в очередь на прием»...

Этот эпизод лучше пространных отчетов и обследований показал тов. Кузнецову, насколько издевательски относятся к людям в управлении по делам искусств. Райком ВКП(б) крепко ударил по этим негодным порядкам, насаждавшимся врагами с целью вызвать среди трудящихся недовольство советской властью. Вскоре Рафаил при активном содействии районного комитета был разоблачен полностью*.

...С неутомимой энергией боролся тов. Кузнецов за разоблачение врагов, орудовавших на идеологическом фронте — в Государственном Эрмитаже, в Русском музее, музее Революции и ряде других культурных учреждений.

Недавно тов. Кузнецов избран вторым секретарем областного комитета партии. Он является одним из верных, энергичных помощников славного руководителя ленинградских большевиков тов. Жданова. Под руководством А. А. Жданова тов. Кузнецов осуществляет большую работу по выкорчевыванию троцкистско-зиновьевских и бухаринско-рыковских мерзавцев, пробравшихся к руководству в ряде районов Ленинградской области

---

* Арестованному Рафаилу «помогли вспомнить»: еще в 1923 году он «завербовал» в «троцкистскую организацию» известного режиссера В. Э. Мейерхольда и других деятелей искусства. Так «цепочка», первое звено которой сумел выхватить лично А. А. Кузнецов, потянула длинный ряд «врагов» — интеллектуалов.

и развернувших свою гнусную вредительскую и шпионскую деятельность»*.

У последней фразы этой газетной статьи не менее зловещий смысл. Именно с приходом А. А. Кузнецова в Ленинградский обком ВКП(б) совпадает пик прокатившихся по области жутких кровавых судилищ над партийными, советскими и иными руководителями, специалистами районов, хозяйств, учреждений — в Островском районе Псковского округа, в Красногвардейском (ныне — Гатчинском) районе, Новгородском...

Выступая 19 ноября 1937 года на собрании избирателей Волховского района, Алексей Александрович заявил: «Считаю большим счастьем работать под руководством товарища Жданова. Под его руководством я буду и впредь громить подлых фашистских агентов, троцкистско-бухаринских вредителей, шпионов, диверсантов, бороться за чистоту рядов нашей великой коммунистической партии»**.

И это, к сожалению, не «голая демагогия». И до войны, и во время войны, и после нее политическая биография А. А. Кузнецова тесно переплеталась с деятельностью карательных органов и с карательными функциями. И совсем не случайно именно ему в 1946 году Сталин поручил «наблюдение» за МГБ, МВД...

Теперь эта опасная стезя вела к трагической развязке.

Не исключено, что мысль о возможности сфабриковать «разоблачение» широчайшего — на всю страну — «заговора антипартийной группы» пришла к Маленкову на ленинградском объединенном пленуме — когда П. С. Попков упомянул о давних «связях с Кузнецовым» еще одного крупного партийного функционера: бывшего второго секретаря Ленинградского обкома, а с лета 1946 года первого секретаря Ярославского обкома ВКП(б) И. М. Турко.

— 25 февраля 1949 года,— рассказывал Иосиф Михайлович с трибуны собрания актива Ленинградской областной парторганизации (2 июля 1957 г.),— во время областной партийной конференции в Ярославле, я — с нарочным, прямо в президиум конференции,— получил решение Политбюро, которым отзывался в распоряжение ЦК. 28 февраля, в последний день месяца, в понедель-

---

* Ленинградская правда. 1937. 16 ноября.

** Там же, 22 ноября.

ник, во второй половине дня, я уже был в кабинете Маленкова.

Он принял меня стоя, заложив руки назад, сесть не предложил, не поприветствовал по-товарищески, а сразу: «Что скажете?..» Я сказал, что пришел спросить — что со мною случилось...

И тут я увидел не того человека, которого привык представлять — по портретам,— как большого человека, который «с богом» разговаривает, я увидел перед собою тогда хулигана. Было все — кроме мата и физических ударов. «Скажите,— посыпалось на меня,— что группа у вас была... Вы — хитрый хохол, но не хитрите с Центральным Комитетом — все равно попадетесь... Не хотите закончить разговор здесь — пойдете от меня в КПК...»

Вы представляете мое состояние?.. Я говорю — нет. Он говорит — да... Только потом мне стало все ясно... Формулировки, которые употреблял Маленков, легли затем в основу фальсифицированного протокола на следствии...

На вторую часть этой, с позволения сказать, «беседы» пришли Шепилов и Черноусов. Маленков их встретил словами: «Посмотрите на него — он «не знает», оказывается, за что его сняли!..» — «Не знает? — деланно удивляются эти двое.— Видали! Это же отъявленный враг партии! Его сажать надо». И все это — в кабинете секретаря Центрального Комитета партии...

Когда кончилось это дело — часа полтора оно продолжалось,— я поехал в гостиницу. Вдруг мне звонит туда Черноусов: «Все, о чем вы говорили у товарища Маленкова, напишите в своем заявлении в ЦК».— «Я ни о чем у Маленкова не говорил».— «Как — не говорил?! Но вы слышали, что Маленков сказал?.. Выходит, вы не согласны с мнением ЦК в оценке вашей деятельности? Так и пишите...»

Я сам приехал в ЦК, к товарищу Черноусову: «На чье имя писать заявление?.. Я хочу — на имя товарища Сталина».— «Нет, пишите товарищу Маленкову». Я такое заявление написал. Отнес прожженному жулику Суханову (помощник Г. М. Маленкова.— *Авт.*). Он схватил заявление и побежал к Маленкову. Дверь была открыта — вошел и я. Ну вот, говорит мне Маленков, вы и признали. А сам даже и не читал еще... «Ленинградское дело», товарищи, началось с Маленкова и Маленковым — самыми грязными, коварными, непартийными, заговорщицкими методами. Не тогда, когда на следствии,

суде все привлеченные заявляли, что они себя оговорили,— оговор этот начался, я себя имею в виду, в тот момент, когда я «беседовал» в кабинете Маленкова. Он же мне сразу сказал: «Не признаете — будет то же, что с Кузнецовым»...*

Еще в ходе индивидуальной обработки Петра Сергеевича Попкова — выжимания из него «чистосердечных признаний» — всплыл эпизод с его нереализованным предложением Н. А. Вознесенскому о «шефстве» над Ленинградом. В постановлении Политбюро от 15 февраля 1949 года по этому поводу записано:

«Отметить, что член Политбюро ЦК ВКП(б) т. Вознесенский, хотя и отклонил предложение т. Попкова о «шефстве» над Ленинградом, указав ему на неправильность такого предложения, тем не менее все же поступил неправильно, что своевременно не доложил ЦК ВКП(б) об антипартийном предложении «шефствовать» над Ленинградом, сделанным ему т. Попковым»**.

Учитывая уровень документа, «тычок» мощный, весьма болезненный, но недостаточный, чтобы свалить самого, пожалуй (после смерти А. А. Жданова), сильного из политических соперников Маленкова и его группы. По справедливости ли — нет, но на фоне невежественных в области управления народным хозяйством страны «вождей» авторитет председателя Госплана СССР, фактического руководителя всей экономикой государства Н. А. Вознесенского казался незыблемым. Именно поэтому, похоже, вошедший в азарт крупной политической игры Маленков решил дать противнику бой на его собственном поле — в планировании производства.

Поиски повода затруднения не представляли. Ставший заместителем Председателя Совета Министров СССР, участвуя в заседаниях правительственных органов, Маленков не раз был свидетелем жарких споров министров, представителей ведомств, специалистов вокруг тех или иных живых экономических проблем. Политическое руководство требовало максимума в производстве продукции, министры настаивали на признании «принципа реализма»... Н. А. Вознесенскому и его коллегам волей-неволей приходилось не только «жать», но и изыскивать

---

* ЛПА. Ф.24. Оп.102. Д.261. Л.75—76. (С незначительной, стилистической, правкой и сокращениями.)

** Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С.129.

какие-то компромиссы. Один из них Маленкову запомнился: почти двадцать дней (задолго до начала «ленинградского дела») обсуждали на заседаниях Бюро Совета Министров СССР верстку народнохозяйственного плана на первый квартал 1949 года. Директивой высшего политического руководства определялся пятипроцентный рост производства продукции. Никто эту директиву не оспаривал и даже не подвергал сомнению. Единственное, с чем приходилось считаться председателю Госплана — специфические сложности именно *первого* квартала хозяйственного года. Как и в «деле» с ярмаркой, его и поймали на «излишней» самостоятельности — «извращении государственных интересов».

«Эти извращения, сохранявшие и прикрывавшие ведомственные тенденции,— каялся на разбиравшем его персональное дело партийном собрании снятый вместе с Вознесенским с поста члена Госплана и начальника Сводного отдела народнохозяйственных планов Б. М. Сухаревский,— означали уступку объективным трудностям, имеющимся в отдельных отраслях в первом квартале,— недостатак сельскохозяйственного и другого сырья, сокращенное (только и именно в первом квартале.— *Авт.*) число рабочих дней и т. д.

...Я утверждаю,— говорил дальше Сухаревский,— что товарищ Вознесенский дал задание — и он это признал на бюро — о том, что пять процентов роста в *начале первого квартала* обеспечивать необязательно — частично директива Правительства может быть якобы выполнена за счет перевыполнения плана.

Я утверждаю, что при подготовке доклада за январь товарищ Вознесенский позвонил мне по телефону в присутствии товарища Шалина и заявил, что счет по *календарным* дням при исчислении темпов роста производства в I квартале применен мною «безграмотно» — нужно считать по *рабочим* дням...»*

Вот, собственно, все *реальные* прегрешения Н. А. Вознесенского перед требованиями государственной дисциплины. Остальное — по «ведомству» государственных интриг.

«Неожиданно» на всесильного и отнюдь не забывчивого на обиды члена Политбюро и заместителя Председателя Совета Министров СССР Вознесенского поступает (к Маленкову, а «ленинградское дело» уже в ходу)

---

* Партийный архив (ПА) МК и МГК КПСС. Ф.421. Оп.4. Д.18. Л.96.

кляуза заместителя председателя Госснаба СССР М. Т. Помазнева о... занижении Госпланом СССР плана промышленного производства страны на первый квартал. Тут же (это где-то между 15 и 20 февраля 1949 года: Маленков торопится — боится потерять темп) создается соответствующая комиссия. Суть дела — причинно-следственные связи «заниженного» плана с реальностями в экономике, возможности роста производства продукции и т. п.— ее не интересовала. Искался морально-политический криминал. И, разумеется, нашелся — если не в экономических дебрях, то хотя бы в *поведении* обвиняемых перед комиссией. «В ходе проверки, которую проводило Бюро Совета Министров,— информировал три недели спустя после окончательного ниспровержения Вознесенского коллектив Госплана один из маленковских сторонников,— выявлено, что Вознесенский, Панов (также снятый заместитель председателя Госплана СССР.— *Авт.*) и Сухаревский вместо осознания антигосударственных действий, допущенных Госпланом, упорно пытались *путем подгонки цифр скрыть положение вещей — стать на путь обмана государства*... Две недели морочили голову Правительству... Они состряпали объяснение Правительству, чтобы доказать, что план, который представлен Правительству, был занижен всего на 0,1 процента от того, что было предусмотрено в директивах Правительства»*.

Соответствовали эти «0,1 процента» действительности или нет, не имело значения — главное слово произнесено: из тенёт, расставленных на Н. А. Вознесенского, выпросталась одна из грозных сталинских «мудростей» (сказанная по иному поводу) — «попытка подогнать цифры под то или иное предвзятое мнение есть преступление уголовного характера».

5 марта 1949 года Сталин лично подписал постановление Совмина «О Госплане СССР», освобождавшее Н. А. Вознесенского от руководства этим органом, вывели его и из состава Политбюро ЦК ВКП(б) (Н. С. Хрущев говорил на XX съезде КПСС, что мнением членов Политбюро Сталин не поинтересовался), и из Совета Министров страны... Дальше судьба академика Н. А. Вознесенского покатилась по давно наезженной колее. В архиве Госплана «обнаружилась» пропажа каких-то старых документов — как раз под суровый Указ 1947 года, резко усиливший ответственность за разглашение государственных

---

* ПА МК и МГК КПСС. Ф.421. Оп.4. Д.17. Л.68.

тайн. «Выявился» порочный стиль в деятельности бывшего председателя Госплана: «методы разносов, вместо конкретной помощи», «принижение человеческого достоинства», «чиновническое зазнайство»... Правильно. Был груб, высокомерен; еще в Ленинграде, возглавляя плановую комиссию горисполкома, не чурался активных поисков «вражеской руки» в органах городского хозяйства: «До одного выкорчевать все корешки вредительства».* Хотя Госплан при нем, считают специалисты, работал четче, чем после него, он первым поставил вопрос о существовании объективных экономических законов социализма и т. д., но в 1949-м еще месяц назад смотревшие ему в рот коллеги и подчиненные Вознесенского элементарно топили. Уже тонущего...

9 сентября 1949 года Шкирятов представил Маленкову решение Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) «О непартийном поведении Вознесенского». Пересказывать, что там было написано, не имеет смысла (тем более что все эти решения отменены). Но два момента надо упомянуть: «связи с ленинградской антипартийной группой» и... «смыкание Госплана СССР с определенными министерствами и ведомствами».

Похоже, программа новой «большой чистки» Г. М. Маленкова была значительно шире «ленинградского дела»...

...В Ленинграде же, в его партийных кругах, какое-то время царила напряженная смутными тревогами тишина. Сухой и подозрительный новый первый секретарь горкома и обкома В. М. Андрианов, сколько мог, избегал пока общения с работниками аппарата прежнего руководства. «Опирался» лишь на немногочисленную группу привезенных с собою давно проверенных и доверенных сотрудников — почти сразу же назначенного им нового заведующего особым сектором Ленинградского горкома ВКП(б) Н. А. Романова, совсем свежего, но многоопытного в аппаратных играх управделами партийных органов в Смольном Н. А. Ладыгина, некоторых других.

Многим ветеранам почему-то вспоминается, что Андрианов «начал с создания себе несокрушимого фундамента» — монументальной пропаганды Сталина. Похоже, это не совсем так. Огромные гранитные скульптуры «вождю всего прогрессивного человечества» на «парад-

---

* Ленинградская правда. 1937. 17 июля; 29 августа.

ных» въездах и выездах города, в Московском парке Победы, «Музей обороны Петрограда в 1919 году» в Ломоносове, где «14 июня 1919 года И. В. Сталин проводил совещание морских и сухопутных войск Западного фронта и изложил свой гениальный план разгрома белогвардейцев, взятия с моря фортов „Красная Горка“ и „Серая Лошадь“» и т. д. стали сооружаться несколько позже, в 1950 году*. Хотя о «надежной опоре» Андрианов действительно начал заботиться сразу же. Бывший попковский помощник В. Ф. Шишкин, до того как его убрали из Смольного, успел заметить: первую же поздравительную телеграмму по какому-то пустячному поводу новый первый секретарь послал... Берии.

Но вообще первое время Андрианов, по словам очевидцев, целыми днями внимательно, с карандашом в руке, читал старые протоколы партийных конференций, пленумов, активов, заседаний бюро — выявлял «крамолу»...

Потом, примерно в конце марта — начале апреля, началась повальная «чистка» партийного аппарата всех уровней. Особый размах она приобрела с «высадкой» в июне 1949 года в нашем городе «десанта» — группы посланных Андрианову «в помощь» специально подобранных в центре и других областях партийных работников. Был среди них и работавший тогда инструктором Управления кадров ЦК ВКП(б) Н. Д. Христофоров.

— Как-то днем,— рассказывал Николай Дмитриевич,— меня вызвал исполнявший обязанности начальника управления Афанасий Лукьянович Дедов: «В числе других работников поедешь в Ленинград — работать заведующим отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов обкома партии...» Как гром среди ясного неба!

— Так ли уж и «гром», Николай Дмитриевич? Даже официально «ленинградское дело» началось 15 февраля, с постановления Политбюро... Что же вы, и о постановлении Политбюро, снявшего вашего начальника Кузнецова, ничего не знали?..

— Не знали! Ничего абсолютно не знали! Хотите — верьте, хотите — нет. Я и при этом разговоре с Дедовым был сильно удивлен. Что же это такое, говорю, Афанасий Лукьянович (мы его давно знали: он у нас начинал с инструктора, был заведующим сектором...): ехать заве-

---

* ЦПА. Ф.17. Оп.88. Д.954. Л.167,192.

дующим отделом?.. Я все-таки был уже секретарем Куйбышевского обкома, неплохо учился в Высшей школе партийных организаторов при ЦК, и здесь, в аппарате ЦК, меня уже не раз отмечали... В чем я провинился?.. «Ни в чем! Но обстановка такая, что надо поработать там». И все. И никого из приглашенной к Дедову вместе со мною нашей пятерки, которую посылали в Ленинград, никто, по-моему, не инструктировал. Не знали мы ничего!.. Вы вот про Кузнецова спрашивали, а я его, несколько лет работая в Управлении кадров, и не знал совсем: видел иногда в президиумах общих собраний, один раз, помнится, он выступил перед нами на совещании аппарата — обычные руководящие указания и установки, даже и не запомнилось ничего...

В Ленинграде нас принял Андрианов. Очень сухая, официальная беседа, короткая и лишенная всяких «напутствий». Я сменил освобожденную от работы Закржевскую, Борис Федорович Николаев стал вторым секретарем обкома — заменил Бадаева, Николай Дмитриевич Казьмин пошел секретарем по пропаганде в обком, Малин — на такую же должность в горкоме (вместо Синцова), Попов Алексей Иванович стал при нем заведующим отделом пропаганды. Был еще Алексей Дубинин — назначен директором Музея обороны Ленинграда...

— Разорять?..

— Выходит, разорять. Но толковый был человек, хороший, добродушный... Он потом долго работал директором Музея Октябрьской революции, ушел на пенсию и года два назад умер... Носенков?.. Этот приехал раньше — он с Андриановым еще в Свердловске где-то работал...

— Новиков...

— Антон Яковлевич? Его прислали возглавить партколлегию обкома партии несколько позже (направлен в Ленинград специальным решением ЦК ВКП(б) от 5 августа 1949 года.— *Авт.*). До этого он работал в аппарате Комиссии партийного контроля при ЦК — я его там не знал... Позже приехали Шумилов, Замчевский... Всех и не вспомнить...

Сделать это действительно трудно — Андрианов и его «команда» стали снимать с постов и исключать из партии коммунистов в массовом порядке. Ссылались при этом на указания ЦК и «лично товарища Сталина»*. Только в одном горкоме и только на одном его пленуме, состояв-

---

* ЛПА. Ф. 24. Оп. 83. Д. 438. Л. 93.

шемся 5—6 октября 1949 года и, формально, обсуждавшем вопрос о мерах по улучшению внутрипартийной работы в городской партийной организации — фактически же: задачи борьбы с «охвостьем антипартийной группы»,— из состава горкома партии вывели 31 человека*.

Такое же происходило и на уровне районов, первичных партийных организаций, в советском, профсоюзном, хозяйственном аппарате, комсомоле...

Разгром Невской районной партийной организации, например, начался с *бывшего* ее первого секретаря, работавшего уже секретарем областного комитета партии Владимира Антоновича Колобашкина, активного в прошлом комсомольского работника, боевого, имевшего ранения, комиссара — в Великую Отечественную войну, одного из организаторов Московской дивизии народного ополчения, многое сделавшего и для восстановления города после войны... Из секретариата обкома партии его прогнали еще в феврале сорок девятого; определили (так часто делали, чтобы не привлекать внимания к погрому) парторгом ЦК ВКП(б) треста «Свирьстрой». И почти тут же исключили из партии, арестовали и по сфальсифицированному политическому обвинению приговорили к длительному сроку тюремного заключения.

Аналогичная судьба постигла сменившего Колобашкина на посту первого секретаря Невского РК ВКП(б) — конец 1948 года — Германа Михайловича Нестерова, энергии и разворотливости которого Ленинградский фронт был обязан обеспечением крайне нужными радиостанциями «Север», организатора сложных восстановительных работ на «Электросиле»... 4 октября 1949 года Г. М. Нестеров предстал перед членами бюро Ленинградского горкома партии. Докладывал новый заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ГК А. В. Носенков: «Проверкой подтверждено, что Нестеров был приближенным человеком у бывшего вражеского (обратите внимание: до первого судебного процесса по «ленинградскому делу» — еще почти год, а их уже именуют преступниками, «врагами».— *Авт.*) руководства обкомом и горкомом. Он, вслед за Левиным (секретарь ГК П. И. Левин расстрелян.— *Авт.*) участвовал в гнусной церемонии преподношения скульптуры Петра I Кузнецову...»

---

* ЛПА. Ф. 25. Оп. 28. Д. 25. Л. 105—112.

Тут требуется пояснение. Когда Кузнецов в 1946 году уезжал в Москву, расчувствовавшиеся сотрудники аппарата вручили ему на память первый попавшийся на глаза ленинградский сувенир — ширпотребовскую чугунную статую «Медного всадника». Вот и все. Но новые «хозяева» Смольного, андриановские подручные, раздули из этого «криминальную историю» — усмотрели в банальном сувенире тайный замысел представить А. А. Кузнецова спасителем Ленинграда в годы войны. Многие провожавшие Кузнецова и невольно присутствовавшие при «акте подношения» партработники пострадали потом из-за этого эпизода.

А Германа Михайловича Нестерова по подобной «информации» сняли с руководства Невским райкомом. Через четыре дня он предстал перед его пленумом, обсуждавшим вопрос «Об антипартийных действиях первого секретаря Невского РК ВКП(б) т. Нестерова Г. М.». Докладывал все тот же Носенков. Вторила ему, ставшая две недели тому назад секретарем райкома по идеологии Г. В. Ухтомская: «Вы подписывали адрес Кузнецову. Вы преподносили памятник Петра Кузнецову. Что это значит? Это значит прорубить дорогу в Центральный Комитет, за спиной Ленинградской партийной организации творить грязные дела, пытаясь противопоставить Ленинградскую партийную организацию ЦК ВКП(б). А что значит противопоставить партийную организацию Ленинграда ЦК партии? Это значит вместо построения коммунизма вести к реставрации капитализма»*.

Вот такая, вполне в сталинском духе, «логика». Мы специально привели выдержку из этого выступления без редактирования и сокращения, чтобы наглядно показать характер *типичных* тогдашних обсуждений, когда демагоги и карьеристы брали верх.

Г. М. Нестерова исключили из партии и позже отправили в тюрьму. Участь его разделили полностью или частично секретари Невского РК ВКП(б) В. Н. Алябьева и Г. К. Григорьев, председатель райисполкома Н. Д. Дмитриев, другие руководители района — 34 человека.

Расскажем подробнее о Г. К. Григорьеве. Снятый с должности секретаря райкома, он пошел работать диспетчером на телефонный завод. В сентябре 1951 г. был арестован. Во время обыска в личной библиотеке обнаружили

---

* ЛПА. Ф. 5. Оп. 6. Д. 1. Л. 111.

«контрреволюционную» литературу: «Протокол допроса Керенского следственной комиссией по делу Корнилова» 1918 года издания, «Ялтинские беседы и речи архиепископа Николая», вышедшие в свет в 1907 году. отдельные номера «Правды» за 1917 год, фотографии П. С. Попкова, В. А. Колобашкина. Так как у Григория Карповича никаких отношений, кроме служебных, с В. А. Колобашкиным не было, то в основу приговора было положено наличие «контрреволюционной» литературы, а также мнимая антисоветская агитация, клевета на партию и восхваление жизни в буржуазных государствах в период работы на телефонном заводе. В феврале 1952 года бывшего фронтовика, имевшего ранения, награжденного двумя орденами, исключили заочно из партии, а в апреле 1952 года Ленинградский городской суд осудил Г. К. Григорьева по статье 58—10 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы с последующим поражением в правах на пять лет*.

Бывший заместитель заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Ленгоркома ВКП(б) Василий Васильевич Садовин, хорошо знавший кадры тех лет, утверждает, что жертв в районе могло бы быть и еще больше, если бы не осторожная позиция сменившего Нестерова нового первого секретаря райкома Г. Н. Шумилова. Он, говорят, оказался в числе немногих из присланных «в помощь» Андрианову работников, кто вел себя разумно, по мере возможности старался не драматизировать обстановку в районе, сохранять тех, кто хорошо проявил себя в годы войны и блокады.

Настаивает на своей непричастности к злодейским погромам и «присланный из Москвы» Н. Д. Христофоров:

— Я имею право гордиться, что, как начал работу с тем составом аппарата отдела, который оставила мне моя предшественница Закржевская, так в том же составе ее и продолжал. Даже к «проштрафившемуся» Ивану Дмитриевичу Козлову — члену той комиссии Тихонова, что подтасовала результаты выборов на конференции,— я не требовал никаких санкций. Остались Алла Петровна Шапошникова, ставшая потом секретарем Московского горкома партии, Раиса Кирилловна Иванова (сейчас в совете ветеранов партии Ленинского района), Борис Иванович Газа, Кондрашов Георгий Филимонович, Стариков

---

* ЛПА. Ф. 4505. Оп. 7. Д. 724. Л. 2—5, 9.

Петр Ильич, Кижин Иван Яковлевич... И, поймите вы, мы — отдел обкома: мы городом не занимались...

— В области тоже немало пострадало...

— Пострадали. И мне их всех искренне и до боли жаль. Но на моей душе за них греха нет. Поднимите все архивы — нет моей подписи под бумажками на замену или передачу дела в парткомиссию. Спросите всех, кто действительно хорошо знает, что́ тогда творилось,— никто не скажет, что Христофоров «зверствовал»!.. Я принимал участие в снятии с работы, и активное...— Он назвал фамилию тогдашнего первого секретаря одного из крупных районов области.— Но ведь он сменил двух жен, две квартиры, пьянствовал, ликеро-водочный заводик приспособил для личных нужд — своих и своих дружков... Снимал. И до сих пор не жалею...

— А Кингисеппский, Сланцевский, Волховский районы?..

— Я там не участвовал. Это второй секретарь обкома Николаев Борис Федорович. И формулировки там были *не такие*, а «для смены обстановки». Знаете, как бывает: заварилось что-то в руководстве района — для оздоровления обстановки и производят замену. Но мы, аппарат нашего отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов обкома партии, там никого к ответственности не привлекали. При мне... Я вообще никогда агрессивным по натуре не был... Ну и, кроме того, меня быстро самого освободили. В самом начале июня пятидесятого года, глубокой ночью, они там — Андрианов и его окружение — что-то решали, а наутро помощник Андрианова Романов звонит: «Приготовься сдавать дела».— «Кому?» — «Мне. Ты,— сказал потом,— оказался недостаточно активным в обновлении кадров...» Я позвонил в Москву Афанасию Лукьяновичу Дедову: как же, дескать, так — еще ниже иду, секретарем облисполкома?.. «Ничего не могу сделать — со-гла-совано...» Андрианов с Маленковым успел согласовать. Страшный был человек, зверь, а не человек!..*

До области кампания «по обновлению кадров» докатилась действительно несколько позже — когда отладили своеобразную систему этой «работы». В форме так называемых отчетов райкомов на бюро горкома или обкома партии. Каждый такой отчет заканчивался тем, что пер-

---

* В 1956—1957 годах Н. Д. Христофоров работал секретарем ЛГК КПСС, потом — до выхода на пенсию — секретарем Ленинградского горисполкома.

вый секретарь прогонялся с должности, а вопрос о его и других секретарей райкома, руководителей райисполкомов принадлежности к партии передавался на рассмотрение партийной комиссии. Там разговор вели короткий: отбирали партийный билет — и все. Недаром в ленинградских партийных кругах эту партколлегию называли «пытошной», а ее председателя А. Я. Новикова — «начальником пытошной».

Как следует из отчета партколлегии при Ленинградских обкоме и горкоме ВКП(б) (она была объединенной), только в 1950 году по результатам проверки «материалов, связанных с разоблачением участников антипартийной группы и их подхалимов и угодников, а также разложившихся лиц из числа бывших руководящих работников», партколлегия исключила из партии 95 человек и 100 членам ВКП(б) объявила различные партийные взыскания. В том числе исключили из партии: семь работников обкома и горкома, 19 секретарей райкомов, шесть председателей райисполкомов, двадцать руководителей предприятий и трестов, десять работников вузов*.

Массовость внутрипартийного террора «оправдывалась» теперь неким «скрытым сопротивлением» работавших при Кузнецове — Попкове — Капустине партийцев.

«Скрытое сопротивление проведению в жизнь решения ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1949 года...— говорил с трибуны IX городской конференции Ленинградской организации ВКП(б) (30 мая — 2 июня 1950 г.) новый ее «глава» Ф. Р. Козлов, вытребованный в андриановскую «команду» из Куйбышевского обкома партии,— имело место не только со стороны бывших работников (?— *Авт.*) антипартийной группы. Сопротивление оказывали и некоторые бывшие работники городского комитета партии, а также некоторые секретари районных комитетов партии, близко стоявшие к антипартийной группе. Они двурушничали, всячески прикрывали лиц, близко связанных с антипартийной группой, подхалимов и угодников...»**

А были ли действительно попытки не поддаваться грубому нажиму внутрипартийных громил? Слабые, чаще в пассивных формах, но были. Валентина Георгиевна Демина вспоминает: «...Нас, коммунистов нескольких школ Октябрьского района, созвали на кустовое закрытое парт-

---

* ЛПА. Ф. 24. Оп. 65. Д. 122. Л. 10—11.
** ЛПА. Ф. 25. Оп. 28. Д. 361. Л. 62.

собрание. Кратко пересказали решение вышестоящего партийного органа об исключении из партии (кажется, за «отрыв от народа») Попкова и других. Нам предложили его «одобрить и поддержать».

Проголосовали. И тут секретарь райкома ВКП(б), руководивший собранием, вдруг забеспокоился: «Товарищи, зарегистрировано 113 человек, а голосовали 85. Почему не все голосуют?..»

Проголосовали вторично — результат тот же. Кто-то выкрикнул: «Проголосуйте воздержавшихся». Таких оказалось человек пятнадцать. На глаза секретарю попалась я: «Вы почему воздержались?» — скорее с удивлением, чем с возмущением спросил он. «А потому, что прежде чем голосовать «за» или «против», я должна выслушать ту и другую сторону...» — «Но нам же доверяют, и мы должны доверять. Мы с вами исключаем их за „отрыв от народа“».— «Если нам доверяют, пусть подробно изложат суть дела, а если нам это доверить нельзя, то нечего и голоса наши подсчитывать...»

Молодость бывает порой безрассудна. Не знаю, в каком виде ушел в горком или райком протокол, но нас больше к вынесению партийного приговора руководителям города не понуждали. Странно, что меня,— насколько знала, и других воздержавшихся,— даже не «прорабатывали»...

Как жаль, что «простые» коммунисты не пользовались тогда своим уставным правом иметь собственное мнение. Многое бы могло пойти по-другому».

В реальности все шло по-старому.

Сочувствуя «перегруженным» борцам, В. М. Андрианов направил в ЦК ВКП(б) ряд просьб об облегчении их деятельности.

1 июля 1950 года. «Увеличить количество работников партколлегии на 5 человек: трех помощников членов партколлегии, одного заведующего канцелярией и одного архивариуса».

15 июля того же года. Просит ЦК предоставить Ленинградскому горкому партии право окончательного утверждения решений райкомов ВКП(б) об исключении из партии. (По Уставу такой вопрос решался только на уровне обкома.)

11 августа. Просит ЦК, Маленкова, конечно, разрешить Ленинградской партийной организации иметь **две** партколлегии — и при обкоме, и при горкоме ВКП(б)*.

---

* См.: Вопросы истории КПСС. 1989. № 3. С. 58—59.

Наконец, вообще пошли на грубейшее нарушение Устава ВКП(б): минуя стадию рассмотрения персональных дел коммунистов в первичных партийных организациях, партбилеты стали отбирать на заседаниях бюро райкомов. Над мотивами не мудрили: не написал разоблачительного заявления о «враждебной деятельности» того-то и того-то, угораздившего попасть в быстро расширяющийся список «антипартийной группы»,— самое расхожее обвинение.

В партийных организациях культивировалась обстановка всеобщей подозрительности, поощрялись люди нечестные, карьеристы и кляузники... Поощрялись открыто, без стеснений. В феврале 1951 года, на пленуме обкома ВКП(б) Андрианов прямо заявил:

«Товарищи подвергают критике и считают неправильным, что много пишут анонимных заявлений, которые якобы дезавуируют кадры и создают неуверенность в работе кадров.

Мы считаем, что любые заявления, подписанные или без подписи, должны быть проверены и рассмотрены. Они во многом помогли выполнить до конца решение ЦК партии по Ленинградской партийной организации в ликвидации последствий деятельности антипартийной группы. Незачем проявлять неосновательную робость и подвергать сомнениям объективность получаемых нами писем и сигналов»*. (Псковский обком ВКП(б) пошел еще дальше: 20 июня 1949 года его бюро приняло постановление — анонимные письма, касающиеся руководящих работников обкома и горкома партии (многие из них — бывшие ленинградцы), направлять для расследования прямо... начальнику областного управления МГБ.)**

В результате только в 1949—1951 годах в Ленинграде и области было заменено (читай: выгнано из партийных и иных органов) свыше двух тысяч руководящих работников***. В составе избранных в июне 1950 года IX Ленинградской городской партийной конференцией Ленгоркома и ревизионной комиссии из 109 их членов осталось лишь три человека, избиравшихся в эти органы и полтора года назад.

В итоге такой «политики» руководство партийными организациями города и области оказалось буквально обескровленным. Штаты партийных и советских органов

---

* ЛПА. Ф. 24. Оп. 58. Д. 65. Л. 65—66, 69.
** ЦПА. Ф. 17. Оп. 88. Д. 939. Л. 114.
*** ЛПА. Ф. 24. Оп. 70. Д. 1. Л. 260.

подолгу оставались неукомплектованными, несмотря на обилие принимавшихся по этому поводу решений. Так, уже 17 октября 1949 года бюро обкома обратило внимание заведующих отделами «на недопустимость такого положения, когда многие отделы обкома не укомплектованы кадрами». Спустя год — такое же напоминание и требование в десятидневный срок дать предложения по укомплектованию отделов... И все равно на 15 декабря 1951 года (уже два лета прошло) из 240 должностей ответственных работников ЛК ВКП(б) 26 оказались незамещенными. В ЛГК ВКП(б) и городских райкомах неукомлектованность штатов —89 ответственных работников*.

Причины? М. А. Сиволобов на февральском (1951 года) пленуме обкома ВКП(б) делился:

«Берут личное дело, знакомятся. По всем данным товарищ вроде подходит. Но есть одна, как говорят, закавыка — давно работает в Ленинграде, работал при прежнем руководстве. Спрашивают друг друга: знаком ли (кандидат на должность) с кем-нибудь из участников антипартийной группы? Нет, не знаком. Но ведь черт его знает — все-таки много лет работал: давайте подождем. Потом — зачем брать старых — давайте выдвигать молодых. Берут молодых, а оказывается, у молодых нет опыта»**.

И все равно — тупо, настойчиво «*главным направлением*» в работе Ленинградской партийной организации продолжали считать «искоренение последствий враждебной деятельности антипартийной группы, пробравшейся (?!— *Авт.*) к руководству Ленинградской организацией».

«Искоренение» захватило не только внутрипартийную сферу...

РЕПРЕССИРОВАННЫЙ ГОРОД

В ходе работы над этой повестью встречали мы людей с парадоксальным типом мышления, готовых искать аргументы, «оправдывающие» даже таких монстров, как Маленков и Андрианов. Но даже они не могли выдвинуть ничего смягчающего для варварского глумления над трагедией и подвигом Ленинграда в годы блокады.

Ну, пусть — внутриклановая рознь, яростная, кровавая схватка за сомнительное упоение властью... Пусть. Но

---

* См.: Вопросы истории КПСС. 1989. № 3. С. 60.
** Там же.

при чем тут массовая тревожная и гордая память сотен тысяч жителей и защитников города?..

Или — кривил душою «всесоюзный староста» М. И. Калинин, вручая в январе 1945 года Ленинграду орден Ленина? — «Без колебаний могу сказать, что другого такого патриотизма, как тот, какой проявило население великого города Ленина в борьбе с самым отъявленным врагом прогрессивного человечества, с врагом, который возымел дерзкую мысль — подчинить человечество взбесившейся банде закоренелых реакционеров,— мир еще не видел. Пройдут века, но дело, которое сделали ленинградцы — мужчины, и женщины, старики и дети этого города... никогда не изгладится из памяти самых отдаленных поколений».

Отсчитались всего четыре года, и другая взбесившаяся банда надругалась над памятью, завещанной самым отдаленным поколениям. Любое упоминание о страданиях и подвиге ленинградцев в блокаду стало запретным — «мифом», придуманным «антипартийной группой».

Первым пострадал Музей обороны Ленинграда, создание которого началось во время войны.

Сначала, с весны 1942 года, как в Москве и ряде других городов страны, это была выставка «Великая Отечественная война советского народа против немецких захватчиков». Но уже тогда, в блокаде и при продолжавшихся ожесточенных боях за город, руководители его обороны думали о будущем.

8 августа 1943 года командующий Ленфронтом генерал-полковник Л. А. Говоров и члены Военного совета фронта генералы А. А. Жданов и А. А. Кузнецов подписали приказ № 18:

«...Организовать в войсковых соединениях учет коллективного и личного оружия Героев Советского Союза, лучших бойцов и отдельных расчетов, проявивших доблесть и мужество в боях за родину.

2. Оружие, с которым отдельные бойцы и командиры, или группы бойцов показали образцы мужества и героизма, заменять по возможности и сдавать в Артиллерийское снабжение фронта для дальнейшей передачи в Артиллерийско-Исторический музей. На сдаваемое вооружение высылать описание боевых эпизодов, характеризующих его боевое применение.

3. В случаях оставления в соединениях — частях ценных реликвий стараться сохранить его в дальнейшей эксплуатации. На указанное оружие вести историю его

боевого применения, учитывая, что после боевого использования его оно подлежит сдаче в Артиллерийско-Исторический Музей как памятник героической обороны города Ленина...»*

Эвакуированный в глубь страны Артиллерийско-исторический музей вернется в родные стены лишь в сентябре сорок пятого года. Но собиравшиеся для него реликвии уже два года как работали на долговременную память поколений.

26 ноября 1943 года секретарь ЛГК ВКП(б) по пропаганде и агитации А. И. Маханов и начальник Политуправления фронта генерал Д. И. Холостов представили в военный совет докладную: выставку «Великая Отечественная война советского народа» с 1 января по 30 августа 1943 года посетили 94 500 человек,— интерес, по блокадному времени, огромный. Но расположена выставка в неудобном помещении, в экспозиции мало материалов о битве за Ленинград. Предлагалось устроить принципиально новую выставку.

Военный совет поддержал это предложение. 4 декабря 1943 года он принял постановление № 1823 «Об организации выставки „Героическая защита Ленинграда“».

«Учитывая большой интерес военнослужащих и трудящихся города к материалам, отображающим защиту Ленинграда... реорганизовать выставку «Великая Отечественная война советского народа» в выставку «Героическая защита Ленинграда», пополнив ее необходимыми экспонатами... Использовать для размещения выставки «Героическая защита Ленинграда» часть здания Инженерного замка, выходящую фасадом на реку Мойка и с прилегающим садом».

Организацию новой выставки поручили комиссии в составе генерал-майора Д. И. Холостова, секретаря ГК ВКП(б) А. И. Маханова, директора Ленинградского института истории партии С. И. Аввакумова, председателя Ленинградского отделения Союза советских художников В. А. Серова, начальника Управления по делам искусств Ленгорисполкома Б. И. Загурского.

Эта выставка, развернутая, вопреки первоначальному замыслу, неподалеку от Инженерного замка, в так называемом Соляном городке на правом берегу Фонтанки, и стала базой для музея республиканского значения «Оборона Ленинграда», созданного уже по распоряжению Совета Народных Комиссаров РСФСР от 5 октября 1945 го-

---

* ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1258. Д. 204. Л. 69.

да. Переоформляли выставку в музей всего лишь шесть с небольшим месяцев — в мае сорок шестого музей принял первых посетителей.

И вот — новая «реорганизация» по принципу — «долой!» Долой всех без исключения руководителей битвы за Ленинград, всякие следы горя и мученичества в блокаду, весь «ленинградский дух»... Даже директором музея в июне 1949 года назначили «варяга» — погромщика, выписанного из Москвы.

Формально музей продолжал существовать, но с августа сорок девятого посетителей в него не пускали. Хотя ученые работали над планами новой экспозиции, ими никто не интересовался, проекты не желали рассматривать. А 21 августа 1951 года по директиве из столицы все музейные помещения приказали передать военному ведомству. На сотрудников — и бывших и настоящих — шли гонения. Четверых посадили — за прославление «антипартийной группы» и... «террористическую деятельность»... В военном (!) музее «нашли» оружие! «Так оно же просверленное — приведено в полную негодность...» — «Мало ли что!..» Апофеозом розыскных мероприятий стало обнаружение и изъятие пороха. Ничего удивительного в том, что он попал в музей, нет — экспонаты привозили порой с фронта «горяченькими». Порох, конечно, следовало передать специалистам или сжечь, но какой-то умник, поленясь, зарыл его в оружейной мастерской... Глаз и ушей в то время в городе было предостаточно — донесли и про старую историю с порохом. «Компетентные органы» вынесли вердикт: разложившиеся и никуда не годные уже «зернышки» и «макаронины» «заговорщики» содержали для... «диверсий».

...Не потерявшие чувства ответственности и гражданской совести сотрудники музея умоляли о помощи: «Войсковая часть... требует немедленного освобождения помещения и самовольно, применяя силу, выбрасывает имущество. Так, 10 октября с. г. без ведома дирекции Музея была разломана стенка материальной кладовой и силами солдат перенесены материальные ценности... Солдаты, не подчиняясь охране Музея, заходят в экспозиционные залы с военной техникой, подвергают ее порче и растаскивают отдельные экспонаты и материалы». Куда девать 32 092 еще оставшихся (в 1949 году их было 37 654 — пять с половиной тысяч уже уничтожили) экспоната: 245 скульптур, 123 макета и диорамы, 201 картину, 7 танков, 6 самолетов, 23 пушки, 2 ка-

тера, 2 самоходные установки, 131 карту-схему и т. д. и т. д.?..

Наконец, частично имущество и материалы стали раздавать (или растаскивать?) по другим музеям, часть — в... тюрьму Трубецкого бастиона, в усыпальницу Петропавловской крепости, в Мраморный дворец, в войсковые части... Но что-то еще осталось. Остались и люди — 129 человек из первичных 248. Чем их занять, за что платить деньги?..

— Отчаявшись — никто же нас и слушать не хотел, все избегали,— вспоминал один из быстро менявшихся там руководителей коллектива, ныне москвич Василий Иванович Баранов,— я самовольно поехал в Москву, пришел на площадь Ногина и написал маленькое прошение на имя секретаря ЦК Суслова с просьбой принять меня для решения судьбы музея. Собственно, не музея уже — сотрудников. Почему к Суслову? Ко многим другим мы уже не раз обращались — взывали к уважению к ленинградцам, живым и павшим, к чувству патриотизма, гражданского долга... Безрезультатно, хотя даже пробитый осколком комсомольский билет демонстрировали, другие подобные экспонаты. Пять дней я следил по телефонам за прохождением моей записки. Наконец, поздно вечером, около 22 часов, ко мне пришли: «Баранов?» — «Да».— «Завтра в десять ноль-ноль быть в ЦК. Там все вам объяснят...»

«Мы, товарищ Баранов,— сказал мне своим, очень характерным, немужским голоском Михаил Андреевич Суслов,— в курсе дел этого музея, и вы нас не агитируйте (я уже и не пытался «агитировать») — возвращайтесь домой, все решим». На следующий день меня уже материл за обращение к секретарю ЦК наш местный секретарь горкома... Но дело было сделано: еще дней через пять — через неделю мне в Смольном показали постановление «О ликвидации Музея обороны Ленинграда». Без всякой мотивировки — ликвидировать.

Ликвидационная комиссия работала по февраль 1953 года.

...В октябре 1949 года тихо и незаметно прикрыли краеведческий музей в Луге, где наряду с другими экспонатами были представлены материалы о героической обороне Ленинграда. В постановлении бюро Лужского горкома ВКП(б) по этому вопросу (20 октября 1949 г.) утверждалось, что в музее якобы «были выставлены материа-

лы, искажающие фактическую действительность, особо подчеркивалась роль отдельных личностей, принижалась руководящая роль партии и тов. Сталина...» На самом же деле речь шла о портретах и документах руководителей партизанского движения в Ленинградской области, в том числе, например, бывшего комиссара Лужской партизанской бригады И. Дмитриева. Директора музея Шаурскую за то, что она будто бы «самовольно практиковала показ имеющихся в музее материалов отдельным гражданам», сняли с работы и наказали строгим выговором с занесением в учетную карточку. Влепили взыскание и заведующему отделом пропаганды и агитации Лужского ГК ВКП(б)*.

И это — не единственные музеи, репрессированные по «ленинградскому делу»: переделка экспозиции, «обновление кадров» коснулись многих музейных учреждений. В 1950 году они подверглись тщательному политическому контролю. «В результате проведенной проверки,— докладывали «наверх» из отдела культурно-просветительной работы Ленгорисполкома,— было выявлено и изъято из экспозиции значительное количество материалов, не подлежащих экспонированию, и дан ряд указаний о перестройке экспозиции»**.

Блокадную «крамолу» искали всюду.

«Большой вред,— утверждал на пленуме ЛГК ВКП(б) в октябре 1949 года Андрианов,— принесла антипартийная группа на идеологическом фронте. В издаваемой литературе замаскированно протаскивались и печатались статьи злейших врагов народа — Зиновьева, Каменева, Троцкого и других (к сожалению, ни один голос не прозвучал против этой откровенной, махровой лжи сталинско-маленковского наместника в нашем городе.— *Авт.*). Они всячески восхваляли себя, приписывали себе несуществующие заслуги. Музей обороны Ленинграда, призванный сыграть большую воспитательную роль, показать героические подвиги тружеников Ленинграда в защите своего города, антипартийная группа использовала для самовосхваления и противопоставления ЦК ВКП(б). Они, как диверсанты, вели себя на идеологическом фронте, воспитывали актив в духе неправдивости и нечестности перед партией, шли на подлоги и фальсификацию. Всем известен случай фальсификации, вопиющего обмана на областной и городской партийной конферен-

---

* ЛПА. Ф. 24. Оп. 60. Д. 192. Л. 54.
** ЛПА. Ф. 24. Оп. 63. Д. 4. Л. 4.

ции. Понадобилась анонимка, а не живой голос, чтобы разоблачить фальшь и обман...»*

Других, *не соответствовавших требованиям общественной морали того времени*, «фактов» Андрианов и К° не знали — все строилось на густой демагогии и силовом давлении. Снятому в июне 1949 года секретарю ЛГК ВКП(б) по пропаганде Н. Д. Синцову при исключении его из партии поставили в вину, помимо стандартных обвинений,— «засорение враждебными элементами» Лениздата, Ленинградского отделения ТАСС, Института истории партии, лекторской группы горкома ВКП(б), социально-экономических кафедр вузов... И еще — что он не только «не раскритиковал» себя, но продолжал продвигать на руководящую идеологическую работу скомпрометированных людей.

В результате в Лениздате, например, политическим и творческим руководителем стал бывший заместитель директора по административно-хозяйственной части, из четырнадцати редакторов удержались пять, причем в ведущем секторе, в редакции общественно-политической литературы,— ни одного**.

Разгром Института истории партии начался еще до «ленинградского дела»— в связи с арестом по нелепому политическому обвинению старшего научного сотрудника, ветерана партии Г. Шидловского. Это послужило поводом для снятия с работы директора института С. Аввакумова, его преемника К. Шарикова и заместителя Н. Кружкол. Но андриановское руководство нашло уже состоявшееся «обновление кадров» недостаточным — ведь вместо Шарикова «антипартийная группа» назначила директором П. А. Тюркина, старейшего из ждановских протеже: несколько лет работавшего с ним на берегах Волги, члена бюро Нижегородского крайкома ВКП(б). Уже в 1935 году Жданов перетянул Петра Андреевича Тюркина в Ленинград — директором Индустриального института, заведующим облоно, заместителем председателя, а потом и председателем Леноблисполкома. Сильная рука «второго лица в ВКП(б)» А. А. Жданова поднимала Тюркина на министерскую должность — наркомом просвещения РСФСР, в годы войны — на весьма важный пост начальника Политического управления Ленинградского фронта; после войны — заместителем председателя Ленгорисполкома... Мог ли такой человек (а попутно — все, с кем он

---

* ЛПА. Ф. 25. Оп. 28. Д. 24. Л. 4.
** ЛПА. Ф. 24. Оп. 54. Д. 21. Л. 12; Д. 150. Л. 6.

когда-нибудь общался) не попасть в поле зрения маленковской команды... Тюркина исключили из партии и арестовали, сотрудников «вверенного ему» Института истории партии начали разгонять. Новый директор С. П. Князев писал 23 марта 1950 года В. М. Андрианову: «За истекшие 5—6 месяцев моей работы... деятельность в основном свелась к... раскрытию и устранению последствий деятельности прежнего вражеского руководства института. По мере выявления непригодности прежние работники освобождаются...» Вакантными, писал Князев, стали уже пятнадцать (!) должностей*. Практически это почти весь научный сектор Института.

В вузах Ленинграда тоже творилось черт-те что. Лишь с июня 1950-го по июнь 1952 года прогнали 18 ректоров и 29 заведующих кафедрами социально-экономического профиля. Лишали работы не только «начальство», но и рядовых преподавателей. В Ленинградском университете, скажем, уволили около 300 человек — каждого седьмого профессора, доцента, ассистента, преподавателя...

Масштабы репрессалий в Ленинграде и области достигли таких размеров, что нет возможности даже упомянуть каждый из эпизодов — приходится прибегать к цифрам или, в качестве примера, к отдельным судьбам. Тем более что гонения шли не только на обществоведов, но и на хозяйственников. Настигли они и уже знакомого читателю — по взбесившей Маленкова реплике на февральском, «роковом», объединенном пленуме обкома и горкома 1949 года — директора завода «Большевик» И. И. Егоренкова.

Ивана Ивановича в городе знали давно и хорошо. Он шесть лет проработал первым секретарем Володарского райкома ВКП(б), заведовал отделом судостроительной промышленности горкома партии, с октября 1946 года возглавлял коллектив широко известного завода «Большевик» (бывшего Обуховского). До 1949 года о нем отзывались только самыми добрыми словами. В 49-м тон характеристик резко изменился. На заседании бюро горкома ВКП(б) ему предъявили шесть... анонимок. «Опираясь» на них, обвинили в том, что 42 процента начальников цехов и отделов завода якобы имели «компрометирующие связи» с бывшими «врагами народа», осужденными по печально знаменитой 58-й статье тогдашнего уголовного кодекса. Не забыли, конечно, и близость к бывшему «антипартийному руководству». Не мудрствуя лукаво в по-

---

* ЛПА. Ф. 24. Оп. 60. Д. 261. Л. 2.

исках мотивов для снятия с работы и исключения из партии, секретарь горкома Ф. Р. Козлов так Егоренкову и сказал: «Вы близко стояли к бывшему антипартийному руководству». И одного этого было тогда более чем достаточно.

И тем «сорока двум процентам» подчиненных Егоренкова с лихвой хватило для крупных неприятностей контактов — у кого подлинных, у кого липовых — с заклейменными 58-й статьей и самим бывшим директором завода...

Очень, нам представляется, важно: *открыто* про «антипартийную группу», его «охвостье», «враждебную» деятельность и т. п. говорили только в достаточно узком кругу — в аппарате, перед вновь избранными членами обкома и горкома... Для всех иных «ленинградское дело» изображалось как обычный — может быть, несколько интенсифицированный — процесс «обновления кадров». Традиционный — «великий и мудрый» Сталин не раз подчеркивал необходимость правильного сочетания старых и молодых кадров.

Возможно, поэтому основной источник кадрового резерва партийных органов — комсомольское руководство до поры до времени не трогали: надеялись, что оно само проявит молодой задор и инициативу в борьбе с этим самым «охвостьем». Но не дождались. Явно разочарованный этим обстоятельством секретарь ЦК ВЛКСМ А. Шелепин говорил 5 августа 1949 года на заседании бюро ЦК комсомола:

— Мы привыкли рассматривать Ленинградскую организацию ВЛКСМ как один из передовых боевых отрядов ВЛКСМ и как правую руку ЦК ВЛКСМ. И меня прямо поразило это дело. У меня возникает вопрос: почему вы (он обращался к вызванным в Москву руководителям ленинградского комсомола.— *Авт.*) раньше не поставили вопрос на бюро, почему нужно было ждать вызова в ЦК ВЛКСМ? Создается впечатление, что товарищам трудно исправить положение в Ленинградской организации комсомола. Трудно навести порядок, *потому что* некоторые секретари сами оказались замешанными в некоторых вопросах...

Все еще полагавший себя «на коне» первый секретарь Ленинградских обкома и горкома ВЛКСМ В. И. Чернецов (незадолго до «ленинградского дела» стал членом бюро ЦК ВЛКСМ, депутатом, кавалером ордена Ленина) немедленно отпарировал:

— Я за собой никаких антипартийных поступков не чувствую.

Забеспокоился второй секретарь Ленгоркома комсомола А. Ситников:

— За год моей работы в горкоме комсомола я ни от товарища Чернецова, ни от бюро горкома комсомола не слышал ни одного замечания по стилю и практике моей работы...

Но это уже никого не интересовало. На столе первого секретаря ЦК ВЛКСМ Н. Михайлова лежала составленная выезжавшими в Ленинград представителями ЦК Зайчиковым и Корнеевой справка с «компроматом» на Чернецова: бюро ЛОК и ГК ВЛКСМ «оторвались» от первичных комсомольских организаций и молодежи города и области, «отвыкли советоваться с комсомольским активом», «пренебрежительно» к нему иногда относились... Выкопали, будто, когда на комсомольской конференции Октябрьского района Ленинграда Чернецова избирали делегатом объединенной областной и городской конференции, семь человек (из нескольких сотен!) проголосовали «против», но счетная комиссия это скрыла... Знакомые мотивы. И легко представим ход дальнейшего «разбирательства» на заседании бюро ЦК ВЛКСМ...

«**Михайлов.** По-моему, надо принять следующее решение: ...первое, освободить товарища Чернецова В. И. от обязанностей первого секретаря Ленинградского обкома и горкома комсомола. Второе, освободить товарища Ситникова А. Г. от обязанностей второго секретаря Ленинградского горкома комсомола. Третье. Поручить секретариату подготовить предложения по укреплению кадрами Ленинградского обкома и горкома комсомола»*.

Так и решили. «Укреплять» органы руководства ленинградской комсомолии послали секретаря ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепина. На запланированный в Москве на 12 августа 1949 года объединенный пленум Ленинградских ОК и ГК ВЛКСМ он уже вез с собою нового первого секретаря — В. Н. Зайчикова. При подготовке этого пленума, как вспоминает В. И. Чернецов, Андрианов учил своих помощников не мудрствовать лукаво: «Возьмите постановление партийного пленума,

---

* Составлено по материалам заседания бюро ЦК ВЛКСМ. ЦА ВЛКСМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 631. Л. 31, 34, 36, 38—39; оп. 3. Д. 606. Л. 13—14; Д. 607. Л. 29, 35. Аналогичные «разбирательства» прошли руководители Псковского (5.10. 1949 г.) и Новгородского ОК ВЛКСМ (28.10 и 16.11. 1949 г.).

замените слова „партийная организация“ словами „комсомольская организация“».

Началось повальное избиение и комсомольских работников. Из множества найденных в архивах документальных следов этой «борьбы» самый выразительный, пожалуй, следующий:

«Секретарю Центрального Комитета ВЛКСМ
тов. Михайлову Н. А.

СПРАВКА

об итогах обсуждения на заседаниях бюро райкомов, горкомов ВЛКСМ области постановления пленума обкома и горкома комсомола от 12 августа 1949 г. «О крупных недостатках в работе бюро Ленинградского обкома и горкома ВЛКСМ».

...За последнее время освобождены от работы, как несправившиеся со своими обязанностями, 22 ответственных работника Дворца пионеров...»*

И до пионерских кадров добрались!

Дотянулись и до ленинградских военнослужащих. Вопрос о них, конечно, решался не в Ленинграде. После войны лишь лично Сталин мог позволить новому фавориту, становившемуся «вторым лицом» не только в ВКП(б), но и в государстве, Г. М. Маленкову и входившему в большую силу министру Вооруженных Сил СССР свежеиспеченному маршалу Н. А. Булганину припугнуть на всякий случай и кадровый офицерский корпус. Ни к Кузнецову, ни тем более к Попкову, Капустину и т. п. военные отношения не имели. Но так уже сложилось, что значительную часть руководящих постов в Ленинградском военном округе и Краснознаменном Балтийском флоте занимали бывшие защитники города на Неве, герои Ленинградской битвы. Это их портреты висели в Музее обороны Ленинграда, их имена давались улицам, площадям, пионерским дружинам...

Роль в «ленинградском деле» Булганина еще очень неясна. Но не лишен, видно, смысла факт, что из всех причастных к погрому центральных ведомств военное оказалось самым оперативным.

---

* ЦА ВЛКСМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 631. Л. 50.

...Перед нами — протоколы собраний первичной партийной организации окружной газеты «На страже Родины».

10 февраля 1949 года. Многолетний (он сел в кресло редактора фронтовой газеты «На страже Родины» еще в 1942 году) и от того вальяжный и очень уверенный в себе руководитель коллектива редакции, издательства и типографии полковник Максим Ильич Гордон рассказывает коммунистам о Ленинградской X областной и VIII городской объединенной партийной конференции. Выступающие наряду с вечными для всех редакций проблемами творчества и производства призывают друг друга повышать политическую бдительность: в стране разгорается борьба с «безродными космополитами». Одного из них на этом собрании рассматривают в персональном порядке. Решают его партийную судьбу заочно: сорокалетний «космополит» — фронтовик, член ВКП(б) с 1943 года — уже прибран органами МГБ и находится под стражей. Что он натворил? «В декабре 1948 года в пьяном виде попал в 7-е отделение милиции — вел среди милиционеров контрреволюционные разговоры и порочащую советскую действительность агитацию. В ноябре на партийном собрании допустил неуместную ссылку на реакционного философа Ницше — сравнил дежурного по редакции со „сверхчеловеком“». Все. Но, шумели ораторы, почему МГБ, «наши славные чекисты», сумели его разглядеть и разоблачить? Почему не мы?!

Все — чин-чинарем, в духе того незабвенного времени. Тихо. И вдруг — взрыв.

12 марта 1949 года. На повестке — постановление объединенного пленума ЛОК и ЛГК ВКП(б) от 22 февраля 1949 года. И с первых же, после «горячо одобряем и всецело поддерживаем», слов: «Гордон для нас — очень серьезный урок...» Сняли Максима Ильича Гордона, закрутили расследование. «Оказывается», «уже в 48-м [году] было ясно, что Гордон перерожденец. Он долгое время обманывал нашу партию: будучи далеким от партии, выдавал себя за коммуниста... а творил свое грязное дело. Ловко маскируясь, он превращал нашу газету в рупор антипартийной группы Кузнецова — Попкова, и этим нанес большой ущерб делу воспитания воинов нашего округа».

Пройдет еще немного времени, и «антипартийную работу» уже арестованного М. И. Гордона повернут новой гранью: «Кузнецов приписывал себе несуществующие заслуги в обороне Ленинграда, но скрывал роль страны,

партии, Ставки ВГК, роль товарища Сталина, а Гордон кузнецовскую шайку выдавал за спасителей Ленинграда, восхвалял — в ряде передовиц — Гусева, Богаткина, Холостова... Угодники Гордона (идет целый ряд фамилий.— *Авт.*)... писали статьи за Гусева, Богаткина, Холостова, раздавали несуществующие заслуги генерал-полковнику Гусеву и другим...»

В армии не принято говорить в столь неподобающем тоне о генерал-полковнике, командующем войсками военного округа, бывшем (с октября 1941-го и до конца войны) весьма почитаемом начальнике штаба Ленинградского фронта... Да и член Военного совета ЛенВО генерал-лейтенант В. Н. Богаткин, и фронтовой ленинградский политработник генерал-лейтенант Д. И. Холостов — неподходящая мишень для таких словесных залпов... Значит, коль скоро капитаны, майоры и подполковники себе это позволили, *была соответствующая установка* еще более высоких чинов...

Чья — пока не знаем и гадать не будем. Приезжавший тогда в Ленинград в составе специальной группы Главного политического управления Советской Армии и ВМФ полковник (давно в отставке, конечно) Константин Иванович Харитонов уверял:

— Вот представьте себе: не было никакого инструктажа. Никаких «особых» заданий мы не получали. Знаю, что конкретные цели по «ленинградскому делу» имел начальник нашей группы, заместитель начальника Главпура генерал-лейтенант Сергей Савельевич Шатилов. Но с нами он не делился и намеченными жертвами занимался лично. Помню только некоторых политработников. Подкаминер был такой, начальник отдела Политуправления ЛенВО,— его сразу же «на ковер» к Шатилову доставили. Что там было, не знаю, но вышел он из кабинета «ошпаренным»... Теперь — Марон, лектор политуправления, Добрежинский Лев — тоже лектор, знаменитый на весь Ленинград: нарасхват всегда приглашали... Кто еще — не помню. Моя задача?.. Обычная проверка. Кроме того, мне поручили подготовить аттестации на офицеров отдела пропаганды. Главным образом, сказали,— на начальника отдела полковника Константина Степановича Бочкарева. Я написал положительную и попал с этим в неприятную историю. Уже в Москве, на собрании партийного актива, помянул вдруг мою фамилию Пастухов, кадровик-полковник. «Есть,— заявил с трибуны,— у нас такие работники, как Константин Иванович Харитонов. Был в составе группы в Ленинграде,—

там ему была поручена определенная работа. И смотрите, *что* он написал в аттестации на Бочкарева: «Заслуживает... выдвижения... на б о л ь-ш у-у-ю... работу»!..» Понимаете, слово-то, при таком ударении (не «бо́льшую», а «большу́ю») совсем по-другому звучит. Ну, я, конечно, возразил с места, что надо не искажать — грамотно читать текст... Думал: что-нибудь мне будет. Обошлось...

Поймем, разумеется, что не все эпизоды 1949—1953 годов хочется вспоминать теперь участникам наводнявших Ленинград «десантов», комиссий, специальных групп проверок... Поэтому обратимся к документам. На октябрьском (1949 г.) пленуме Ленинградского горкома ВКП(б) отмечалось: «Особенно засорены кадры в редакции окружной военной газеты, военной группе музея «Обороны Ленинграда» и в военном отделе библиотеки имени Салтыкова-Щедрина»*.

Добавим, что пострадали также военнослужащие — члены счетной комиссии объединенной городской и областной партийной конференции и родственники лиц бывшего «антипартийного руководства». На последнем обстоятельстве остановимся отдельно. В архиве хранится докладная записка секретаря партколлегии при Ленинградском обкоме ВКП(б) А. Новикова от 4 января 1952 года на имя В. М. Андрианова. Приведем ее с сокращением:

«Решением бюро обкома ВКП(б) от 24 декабря 1951 г. партколлегии поручено рассмотреть вопрос о поведении Харитонова М. С. (брат Харитонова — участника антипартийной группы).

Будучи вызван в партколлегию, Харитонов сообщил, что он связь с братом поддерживал до момента его ареста...».

Харитонов рапортом по команде донес об аресте брата, в связи с чем в июле 1950 г. был уволен из органов контрразведки МГБ. До последнего времени работал начальником одного из отделов во флотском экипаже. В настоящее время, указано в записке, имеется приказ о назначении его на работу на базу подводных лодок. «Ввиду того, что Харитонов состоит на партийном учете в воинской части, полагал бы необходимым вопрос о его партийности передать на рассмотрение парткомиссии Ленинградской Военно-Морской базы»**.

---

* ЛПА. Ф. 25. Оп. 28. Д. 25. Л. 82.
** ЛПА. Ф. 24. Оп. 65. Д. 123. Л. 62—63.

Добавим, что в конце концов брат бывшего председателя исполкома Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся И. С. Харитонова был исключен из партии, уволен из органов, стал рабочим-станочником.

Похоже, настоящие репрессии против военных только готовились, но на каком-то этапе и уровне были остановлены. А что готовились — сомнений почти нет: никто бы не позволил иначе говорить о командующем и членах военного совета, как о врагах.

С военными обошлись по-иному. Дмитрия Николаевича Гусева, значительную часть других генералов и офицеров-ленинградцев (сняли даже всех райвоенкомов, многих сотрудников гор- и облвоенкоматов) отправили служить в дальние внутренние округа и гарнизоны. Только во внутренние! Бывший многоопытный военный кадровик полковник в отставке С. М. Мотылев вспоминал, как даже у них, в Группе советских войск в Германии, в связи с «ленинградским делом» производили по личным делам специальную выборку ленинградцев — «вытаскивали» их и отправляли служить на Дальний Восток, Камчатку, в Забайкалье и тому подобные места.

Сколько было таких, кто преследовался и в уголовном порядке,— точно неизвестно. Нам достоверно ведомы двое — получивший большой срок лишения свободы редактор газеты «На страже Родины» полковник Гордон и начальник отдела кадров ЛенВО полковник Кураев, член известной читателю счетной комиссии декабрьской (1948 г.) объединенной конференции Ленинградской партийной организации. Нынешние сотрудники прокуратуры Ленинградского военного округа не нашли пока ни одного такого случая. Но это еще ничего не значит. Суть в том, что в юридическом смысле никакого «ленинградского дела»... не существует. Как целого, организованного и целенаправленного этого крупнейшего в истории нашего города (и не только нашего) преступления не замечали и не торопятся признавать — в судебных, следственных и надзорных инстанциях готовы в законном порядке исследовать лишь совершенно разрозненные акты произвола по отношению к отдельным личностям.

Всего-то — густо запахло выговорами да дорогой дальней (главное — без «казенного дома») и в огромном здании на Литейном проспекте, в Ленинградском управлении государственной безопасности.

Понятно, что отношение к тем, кто служил здесь при «антипартийной группе», было нескрываемо подозрительным. Сразу же, после февральского решения Политбюро, и особенно после визита Маленкова, начались — сначала единичные, с выбором, потом все более массовые — замены сотрудников «органов».

— Всех прорабатывали,— вспоминал ветеран этой службы Е. М. Соколов,— кого на партийных, кого на комсомольских собраниях, на служебных совещаниях... Помню, был у нас хороший такой паренек, Павлушка Пальчиков — секретарь комитета комсомола управления. Угораздило его послать *личную* телеграмму с поздравлениями — ко дню рождения — приятелю, одному из секретарей горкома ВЛКСМ. Так его уж таскали, таскали... Заместителя начальника одного из отделов, Цуцаева, уволили — «обнаружилось», что он учился в одном институте с каким-то родственником Попкова... А всех остальных сотрудников — от старшего оперуполномоченного и выше — разогнали. Всех. В разные регионы Советского Союза, кого — в наши органы, кого — в МВД...

— Из руководящих работников я уходил отсюда, пожалуй, последним,— делился М. Н. Евстафьев.— Дело в том, что в сорок девятом году меня избрали в состав парткома управления. Он фактически распался, и меня не трогали, как фигуру, обеспечивающую кворум, до апреля пятидесятого. Все это время — между молотом и наковальней: старые сотрудники смотрели на меня как на человека, способствующего их выдворению из Ленинграда, ну а новые — понятно как... Наконец, министерство предложило мне равноценную должность в Ярославле. И вдруг — паника. Мне начальник управления кадров МГБ говорит: «Чуть с тобой не прогорели: ярославские товарищи грозят, что в ЦК будут жаловаться — ведь ты и при Турко (до лета 1946 года — второй секретарь ЛОК ВКП(б).— *Авт.*) работал...»

Чтобы вывести из номенклатуры ЦК партии, послали меня в Харьковское управление, на Украину. Первым секретарем обкома в Харьковской области был Николай Викторович Подгорный. Две недели я добивался у него приема для утверждения в должности. Наконец, все же переступил порог его кабинета. «Почему вы, товарищ Евстафьев, рветесь из такого хорошего города, как Ленинград?..» — «Но вы, поди, уже знаете, что происходит в Ленинграде...» — «Гм...— почмокал Подгорный,— но из ЦК мне о вас пока еще никто не говорил...» Я все понял — это

уже второй «подзатыльник» только за то, что я служил в Ленинграде. Пришлось тем, кто ко мне хорошо относился, искать новое место.

В 1951 году телеграммой вызвали в Москву. Там, в гостинице, встретил еще двух наших бывших руководящих работников. Оказывается, Комиссия партийного контроля при ЦК занялась бывшим начальником ленинградского управления Родионовым: он уже послужил в Ташкенте и перебрался в Москву. Как сейчас помню, комиссия задала мне девять вопросов. И главный — об «антисоветских высказываниях» Родионова, будто бы даже на служебных совещаниях. Что им ответить? Я сказал: «Если вы считаете меня коммунистом, то как же можете поверить, что я бы не дал отпора таким высказываниям... Как вы считаете?..» Решительно все отмел. Нас заставили изложить все письменно. Через день один из членов комиссии сказал: «У товарища Шкирятова к вам вопросов нет». Родионова к ответственности не привлекали. И вообще, повторю, его политика активного информирования министерства и ЦК — о том, что происходило в Ленинграде, спасла, по-моему, и наших сотрудников, и его самого. Больше скажу: я потом работал в министерстве и знаю — после прекращения «ленинградского дела» свыше трети ленинградских чекистов, выдворенных в сорок девятом — начале пятидесятых из Ленинграда, пошли на повышение... Но клеймо «попковцев» долго отравляло нам жизнь...

Клеймились не только люди, но и книги, газеты, произведения искусств...

Ленинградский обком ВКП(б) в постановлении от 6 октября 1950 года просит ЦК ВКП(б) разрешить изъять из библиотек общественного пользования и книготорговой сети г. Ленинграда и Ленинградской области 38 названий книг и брошюр, согласно приложению к протоколу.

...Ленинградский обком ВКП(б)... 59 названий книг и брошюр по прилагаемому списку...

...219 названий книг и брошюр...*

...Псковский обком ВКП(б)... доводит до сведения отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) об отсутствии со стороны Министерства кинематографии СССР надлежащего контроля за политическим содержанием картин в

---

* ЦПА. Ф. 17. Оп. 88. Д. 957. Л. 58; Д. 969. Л. 74; Д. 997. Л. 53.

фильмотеках областных баз Главкинопроката, в результате чего недавно на курорте «Хилово» демонстрировался киножурнал «Ленинград встречает победителей» с запрещенными кадрами...*

По указанию нового руководства Ленинградского обкома ВКП(б) во всех книгохранилищах были тщательно просмотрены все издания по 1949 год — монографии, брошюры, сборники документов и материалов, мемуары, биографии, хроники... Из 173 наименований трудов Института истории партии, например, 50 были изъяты по распоряжению цензуры и 33— как «порочные». На основании приказов по Ленинградским областному и городскому управлениям по делам литературы и издательств от 28 июня и 18 июля 1950 года ленинградцы лишались доступа почти ко всем книгам и брошюрам о войне и послевоенном периоде,— в них упоминались А. А. Кузнецов, П. С. Попков, Д. Н. Гусев и другие «нежелательные» участники обороны и восстановления Ленинграда.

Жгли газеты, документы, уникальные кинокадры, изымали и сжигали личные творческие архивы блокадных ленинградских фотокорреспондентов (уничтожен, например, почти весь блокадный негативный фонд фотокорреспондента фронтовой газеты «На страже Родины» Н. И. Хандогина)... Невидимый горький дым, пепел застилали красоту многострадального Ленинграда. Начав с узкого круга лиц, организаторы «ленинградского дела» превращали в репрессированный весь город...

В АБАКУМОВСКИХ ЗАСТЕНКАХ

Основные фигуранты «ленинградского дела» какое-то время считались всего лишь опальными. Чтобы не мешали, не возбуждали партийную среду и не «сговаривались», их потихонечку изолировали. И. М. Турко, например, под благовидным предлогом с должности первого секретаря Ярославского обкома пересадили в кресло зампреда Владимирского облисполкома... Многих вдруг определили учиться — в Высшую партийную школу, Академию общественных наук и т. п. Этс как раз не должно было вызывать подозрений: в 1946—1949 годах значительная часть кадров прошла через созданную тогда (А. А. Кузнецов очень много этим занимался) широкую сеть подготовки и переподготовки партийных, советских и

---

* ЦПА. Ф. 17. Оп. 88. Д. 953. Л. 88.

хозяйственных работников. Снятые с постов руководители увлеклись, было, наукой всерьез. В следственной прорве сгинул даже какой-то труд Я. Ф. Капустина. Жена его, Екатерина Васильевна, расставив ладошки, показала объем рукописи — страниц на 400—500, не меньше. Многое могли бы мы узнать о ленинградской промышленности в дни мира и войны — лучше Якова Федоровича ее никто не знал.

...А. А. Кузнецова в конце марта или самом начале апреля 1949 года облачили в уже и забытую им, похоже, форму генерал-лейтенанта и поместили за забором (по субботам он все-таки приезжал в семью) подмосковных высших курсов при Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Учился он, по словам Г. А. Кузнецовой, с упоением. Очень гордился дипломом с отличием. Но... Он ему уже не понадобился...

Первым арестовали Я. Ф. Капустина.

— Когда его сняли,— рассказывал Владимир Яковлевич Капустин,— отец стал учиться на высших партийных курсах — заочно. В июле поехал сдавать экзамены в Москву. И — ни слуху ни духу...

Арест спровоцировал (и сомнений нет, что в тесном контакте с Маленковым) тогдашний министр госбезопасности СССР В. С. Абакумов. Как докладывал 6 мая 1954 года ленинградскому партийному активу Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко, 21 июля 1949 года Абакумов довел до Сталина заведомо сфальсифицированную «информацию» («спецсообщение») о том, что Капустин — «агент английской разведки», что материалы на него давно имелись в местных органах безопасности, но бывший начальник ленинградского УМГБ П. Н. Кубаткин приказал их уничтожить. Через два дня Сталин дал санкцию арестовать Капустина и Кубаткина*.

Банда Маленкова — Берии — Абакумова вычислила: Капустин в тайно подготовлявшейся широкомасштабной «операции» против ждановских выдвиженцев — самое уязвимое звено,— в 1937-м на него уже заводили «дело» и исключали из партии «за вредительство».

Получилось это так. Тверской крестьянин, чернорабочий Волховстроя, помощник слесаря, шабровщик, помкомвзвода 57-го стрелкового полка 19-й дивизии Яков Капустин пробился в люди — как «профтысячник» посту-

---

* Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 129.

пил во Всесоюзный котлотурбинный институт, вполне прилично (всего две «тройки» из 43 предметов в дипломе) его закончил и был принят технологом на знаменитый Кировский завод... Затем угодил в... Англию — стажироваться на всемирно известных манчестерских предприятиях. В конце тридцать шестого вернулся и стал на Кировском заводе помощником начальника цеха турбинных лопаток.

Индустриальные беды проклятого тридцать седьмого известны, хотя и по-настоящему еще не изучены: подхваченные мощными волнами репрессий сошли в могилы, растворились в таежно-тундровых далях опытные инженерно-технические специалисты; десятилетиями отлаживавшаяся производственная технология разваливалась, заводы начал душить брак. Ну не истинным же виновникам — Сталину, Молотову, Кагановичу и т. п.— отвечать за содеянное: козлов отпущения искали пониже. На Кировском заводе в качестве одного из них наметили молодого инженера (ему еще не исполнилось и тридцати трех, а в инженерной должности — года) Якова Капустина: «в Англии ничему не научился»— только разваливать производство; брак —«черный материал»— явно «оттуда»...

Бочку катили какой-то Эндыков и начальник турбинного цеха Зальцман.

На заседании партийного комитета цеха (29—30 сентября 1937 г.) они говорили:

«**Эндыков.** Капустина я знаю давно, с института, много раз с ним разговаривал, но он ни разу не поставил меня в известность о тех вопросах, которые выплывают сейчас. Такие большие технические вопросы Капустин не осветил передо мною, хотя знал, что я мимо них пройти не могу... Я удивляюсь этому поведению, а поэтому Капустину в дальнейшем доверять не могу...

Зальцман. Капустин ни разу не ставил технические вопросы для их разрешения. Я просил Капустина написать о всех вопросах, но в его записке не было вовсе о темном материале, который в два раза быстрее выводит из строя турбину. Не было поставлено технологических вопросов. Я поэтому относился к Капустину весьма осторожно. Капустина посылали за границу, от него ждали внедрения новейших процессов. Но этого Капустин не сделал и поэтому не оправдал доверия партии. Я считаю, что Капустину оказывать политического доверия нельзя».

По тем временам этого было достаточно. Яков Федорович, правда, пытался отмести огульные политические обвинения («Я утверждаю, что наши лопатки лучше заграничных. Я не ставил вопросов, потому что думал сам их решить. И решал...»), но безрезультатно. «За преступное отношение к ведению технологического процесса изготовления лопаток для турбин оборонного значения, что привело к большому браку лопаток и выпуску их с явно пониженной стойкостью, ведущей к быстрому выходу из строя турбин, за неразоблачение работников из Центральной лаборатории, внедрявших неправильные процессы, дающие понижение стойкости лопаток на 20—30 процентов, Капустина как не оправдавшего политического доверия из рядов партии исключить».

— Звонит мне,— рассказывала жена Капустина Екатерина Васильевна,— одна наша деревенская, Марией звали,— она тоже на Кировском заводе работала: «Катенька, горе-то какое, ты, наверно, не знаешь — Яков Федорович повесился...» С трудом разыскала его по телефону: «Ты, говорят, повесился?» — «Что ты, дура, мелешь, если я с тобою говорю?!» — «Ну так и приезжай домой — переживем. Тачку, как на Волховстрое, надеюсь, не разучился еще катать,— не надо нам инженерства...»

Якова Федоровича выручили рабочие, кадровые путиловцы.

«Начальнику турбинного цеха товарищу
Зальцману.
От рабочих холодно-прокат. турбинного цеха

ЗАЯВЛЕНИЕ

Не откажите в нашей просьбе о более тщательном смотре дела Я. Ф. Капустина. Мы считаем его лучшим другом, начальником, который при своей работе никогда не повышал на нас голоса, обходился с нами, как с равными себе, всегда приветствовал нас рукопожатием. На все непонятные для нас вопросы с большим желанием давал ответы, разъяснял, показывал, учил. Мы хорошо понимаем приказания старого члена партии ВКП(б), вышедшего из наших рядов тов. Якова Федоровича. Он пользуется всеобщей симпатией всех рабочих нашего участка. Мы под его руководством стали политически грамотными людьми. Читка газет про-

исходила каждый обеденный перерыв, и очень часто лектором и нашим консультантом являлся Яков Федорович. Он сумел подойти к рабочему с любовью, на которую мы отвечали взаимностью. Все его приказания старались выполнять быстро и точно. Он поднял нашу сознательность на высокую ступень. Многие из нас сдали техминимум на отлично. Он из нас выковал хороших производственников, производящих свою работу сознательно, политически благонадежных людей. Просим обратить внимание, что это производство молодое, плохо освоенное нами — возможно, большой процент брака шел за счет нашей невнимательности. Мы обязуемся: 1) быть более бдительными в работе; 2-е, работать по-большевистски; 3-е. Идти рука об руку со своим начальником. 4-е. Увеличить свои тех. знания. 5-е. Снова наладить прерванную читку газет за время отсутствия Я. Ф. Капустина».

И — двадцать восемь подписей: первая смена, вторая...*

Подключились и пожилые рабочие — старые, уважаемые на всем заводе большевики. На засаленной от ста-ночной смазки бумаге, карандашом, трудно читаемым почерком... Но как они хвалили молодого инженера Капустина, как отстаивали! И — подписи (по 15—20 под каждым письмом): «член ВКП(б) с 1903», «905», «914-го»... «17-го года...»

Короче, *тогда* Я. Ф. Капустину повезло. В тридцать восьмом его уже рекомендовали в секретари парткома (он же — парторг ЦК) на Кировском заводе, через год он — первый секретарь Кировского райкома, еще через лето — секретарь Ленинградского ГК ВКП(б)...

С Марией Алексеевной Вознесенской, сестрой снятого 5 марта 1949 года с постов заместителя Председателя Совета Министров СССР, председателя Госплана страны (чуть позже Сталин самолично «выведет» его и из Политбюро, и из ЦК ВКП(б)...) Н. А. Вознесенского, в тридцать седьмом году сталинский режим обошелся гораздо круче.

---

* ЛПА. Ф. Коллекция. № 777398.

— В тридцать седьмом маму, она, по-моему, заведовала кабинетом партпросвещения в Пушкине, под Ленинградом,— рассказывал Владимир Федорович Визнер,— арестовали по ложному доносу. Что, кто — не знаю, слышал, что по «ложному». Дядя, Николай Алексеевич Вознесенский, был уже тогда в силе, и, несмотря на это, маму около девяти месяцев продержали во внутренней тюрьме НКВД, в «Большом доме», и приговорили к ссылке... Вы читали «Дети Арбата»?.. Там упоминается село Богучаны Красноярского края. Так вот и маму сослали в этот район, в село Климино, километров восемьдесят от Богучан. Отец бросил работу, и мы все — мне — восемь, брату Евгению — три года — поехали вслед за матерью. Ну, вы читали про жизнь «спецпоселенцев»...

— А совпадает с вашими впечатлениями?

— Не совсем. Везли нас на теплоходе, потом — до Богучан — на баржах без конвоя, хотя целыми партиями, да и, наверное, кто-то приглядывал все-таки. Меня там отдали в первый класс, но проучился я в нем всего две недели: сказали, что надо сразу во второй, потому что читать, писать и считать я уже умел, требовалось только выучить таблицу умножения. Папа у меня был строгих правил: взял ремень, ночь посидел надо мною, таблицу к утру я освоил, и на следующий день меня посадили во второй класс. Так вот у нас года полтора протекли. Тут вдруг и отца арестовали. Обвинили его в том, что, будучи директором МТС — это еще давно, в Чудове,— он «по заданию» какой-то «разведки» «занимался экономической диверсией» — плохо ремонтировал трактора. Семь месяцев держали в тюрьме в Богучанах, допрашивали, он ни в чем не признавался. Наконец,— то ли дядя Николай Алексеевич помог, то ли Жданов отреагировал на мамино письмо,— родителей освободили, мы вернулись в Ленинград. Мама стала директором дворцов-музеев в Пушкине, потом перебралась в Ленинград. Война. Отец сразу же ушел на фронт — воевал в саперном батальоне под Ленинградом. Нас, детей, эвакуировали в Галич Ярославской области. Затем — Свердловск. Мама приехала к нам из блокады летом сорок второго. Почти сразу же включилась в работу — секретарем райкома, дальше — горкома по пропаганде. Между прочим, и принимал ее, и «продвигал» тот самый Андрианов,— он всю войну был первым секретарем в Свердловской области,— что потом свел ее в могилу. Тогда он к ней хорошо относился...

— Ну да, сестра «сильного человека»: Вознесенский ведал всей экономикой страны.

— Наверное... А отец к нам приехал в сорок третьем: он был тяжело ранен и получил назначение в учебный танковый батальон под Свердловском. В январе сорок шестого мы вернулись. Мама стала директором Центрального лектория, на Литейном, в сорок восьмом — первым секретарем Куйбышевского райкома партии Ленинграда. В апреле... может быть, в начале мая сорок девятого* ее от работы в райкоме освободили. Мама наша была такая, что я, по молодости, этого даже и не почувствовал. Она решила заняться диссертацией: завела ящик с картотекой, материалы разные собирала... Мы все жили на даче старшего маминого брата Александра Алексеевича, который был ректором нашего университета, а к тому времени — министром просвещения РСФСР.

Потом пришел июль. Я заканчивал второй курс Военно-механического института и часто бывал на городской квартире. В двадцатых числах так же, как ни в чем не бывало, поехал домой. Подхожу к двери, а она... опечатана. Перепуганные соседи говорят, что приходили с обыском. Я — на дачу: утром там — мать, отец, бабушка, брат — вся семья была в сборе. Оказывается, уже приезжали и увезли маму.

— Больше никого?

— Тогда только ее — отец продолжал работать директором автобазы «Заготзерно». Он пытался носить ей какие-то передачи в тюрьму, на Литейный... Пытался попасть на прием к первому секретарю обкома Андрианову — он же ее хорошо знал. Не принял.

— Понятно: «сильного человека» Вознесенского у власти не стало...

— Да. Когда Николая Алексеевича освободили с постов, я слышал, как мама по секрету говорила, что у Маленкова с Берией были к нему личные счеты: Маленков видел в нем одного из реальных противников в овладении государственной властью...

...Арест М. А. Вознесенской почти одновременно с Капустиным с головой выдает организаторов «ленинградского дела». Она меньше года была на руководящем партийном посту в Ленинграде и уже по этой причине не могла иметь никакого отношения ни к «групповщине»,

---

* Бюро ЛГК ВКП(б) освободило М. А. Вознесенскую от должности первого секретаря Куйбышевского РК ВКП(б) 22 июня 1949 года.

ни к какой-либо «особой политике» бывшего ленинградского руководства. Но за ней — готовое «дело» тридцать седьмого, она — «слабая женщина» и, безусловно главное, родная сестра Н. А. Вознесенского — одного из ключевых объектов азартной охоты заговорщиков.

Немаловажно и другое. То ли по природному своему характеру и воспитанию, то ли из-за горького опыта ареста и ссылки тридцать седьмого — тридцать девятого годов, но Мария Алексеевна была исключительно осмотрительна, сдержанна и осторожна. Не представляем, какую фантазию должны были развить ее преследователи, чтобы найти хоть какие-то зацепки в ее поведении, отношении к соблюдению Устава ВКП(б) и партийных директив.

Хорошо знавший М. А. Вознесенскую Павел (Пантелеймон) Николаевич Жучков, «курировавший» тогда Куйбышевскую районную парторганизацию в качестве инструктора горкома партии, упорно доказывал:

— Для меня Мария Алексеевна была эталоном коммуниста-ленинца. Это я вам просто от души говорю! Она — не то, что ее предшественница по Куйбышевскому райкому Таисия Владимировна Закржéвская, которую надо было по шерсти гладить, а против шерсти уже нельзя, с гонором. Нет, Мария Алексеевна все делала только в пределах разумного и законного. Уж если у кого и учиться партийной скромности, бескомпромиссности и преданности ленинской партии, так это у Марии Алексеевны. Примеры?.. Вот, пожалуйста,— разбор персональных дел. Ни в одном райкоме не было такой тщательности, осторожности и объективности. До тех пор, пока лично не убедится, что рассматриваемый товарищ заслуживает именно того наказания, что предлагалось в проекте решения, не поставит вопрос на голосование. Она понимала, что такое — незаслуженно обвинить человека... И притом учтите: Куйбышевский район — не промышленный, интеллектуальный: тут — вузы, НИИ, проектные институты, восемь театров... Народ все ранимый, самолюбивый, с «мнением»... И она при всей своей занятости для каждого была доступной,— к ней не записывались на прием, прямо шли, со всеми разговаривала спокойно и благожелательно...

— Павел Николаевич, а не расписываете ли вы благостную картинку?.. Ведь именно в это время громили как раз творческие организации — за генетику, «антипавловские» учения, космополитизм, «буржуазную идеологию» в архитектуре, драматургии, издательских делах, «паул-

гизм-ингольдизм» в химии... Что же, вы с Марией Алексеевной к этому непричастны?..

Жучков задумался, подавил смущенный смешок:

— Да ведь верили, что это так. Верили в лысенковскую «науку». Ну, я, может быть, в ней и не разбирался, но раз партия так говорила — из Москвы, значит,— куда же нам еще вникать? Попробовал вон Юрий Жданов «вникнуть», возразить Лысенко, а потом пришлось каяться. Сложный был период... А театры мы в руках держали. К Пушкинскому театру, Большому драматическому, Театру комедии претензий, помнится, не предъявлялось... Разве что к филармонии... Но я вам — про скромность и осторожность Марии Алексеевны: лишнего слова не проронит — умна была, к *первым личностям* старалась не обращаться, не выносить наверх решение вопросов. Даже к братьям своим... Помню, был я свидетелем разговора с нею ректора Педагогического института имени Герцена Федора Федоровича Головачева, члена бюро Куйбышевского райкома. «Мария Алексеевна,— просит,— обратитесь к Александру Алексеевичу, министру просвещения, по вопросам, которые в Ленинграде не решаются». А она мне говорит: «Вот они *не представляют*, что если и приходится мне изредка бывать в Москве, то я даже по телефону не могу поговорить с братьями — настолько они заняты государственными делами. И вообще, у нас не принято решать служебные вопросы, используя родственные отношения»... Жаль, что с нею так поступили. Я был на пленуме райкома партии, когда ее освобождали. Приехал секретарь горкома Николаев, который потом, испугавшись ареста или еще по какой причине, отравился газом, и сказал: «Товарищи, есть предложение освободить Вознесенскую Марию Алексеевну от обязанностей первого секретаря райкома партии». И ничего более — ни мотивировки, ни обвинений... «Есть вопросы?..» Все молчат. «Возражений нет?» — «Нет». Проголосовали. Я еще неудачно пошутил: с вас, говорю, «отвальная», Мария Алексеевна... «Неизвестно, с кого и по какому еще будет поводу...» И ни слова больше — ушла.

Про «отвальную» Павел Николаевич Жучков упомянул не зря. Шумный и многолюдный «прощальный» банкет-складчина, устроенный в ресторане «Москва» в честь убывавшей в Москву, на работу в ЦК ВКП(б) Т. В. Закржевской, дорого стоил (не в смысле, разумеется, денег — собирали по десятке) едва ли не всем его участникам.

Маленков, Шкирятов и К° расценили это как «целенаправленное спаивание партийных кадров в интересах создания антипартийной организации»...

Никаких деталей о трагической судьбе Марии Алексеевны Вознесенской от момента ее ареста и до убийства абакумовскими палачами мы до сих пор не знаем.

Несколько больше сведений о мученической доле Я. Ф. Капустина. Еще 6 мая 1954 года, выступая на собрании ленинградского партийного актива, Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко докладывал:

«По приказанию Абакумова Капустин был арестован и без санкции прокурора заключен 23 июля 1949 года в тюрьму. Санкция на арест Капустина была получена у прокурора только 1 августа, то есть через восемь дней после фактически произведенного ареста и после получения от Капустина так называемого «признания».

Бывший следователь Сорокин показал, что Абакумов требовал обязательно и любыми средствами добиться показаний Капустина о том, что он английский шпион. Капустин на допросах отрицал свою принадлежность к английской разведке, что вызвало злобу и недовольство у Абакумова. После этого Абакумов приказал начать избивать Капустина. Сорокин показал: «Мне было тогда же передано указание Абакумова о том, чтобы я не возвращался в министерство без показаний Капустина о шпионаже. После избиения Капустина, он начал давать показания, что, находясь в командировке в Англии, он был завербован английской разведкой. Однако эти показания были путаны и настолько нежизненны, что я не мог им поверить и не записал это в протокол допроса». Действительно, из материалов уголовного дела по обвинению Кузнецова, Капустина и других видно, что обвинение в шпионаже Капустину предъявлено не было, хотя [он] в этом преступлении и «сознался»*.

---

* В Справке КПК и ИМЛ при ЦК КПСС «О так называемом „ленинградском деле“» приведена несколько иная версия событий: «Несмотря на то, что Я. Ф. Капустин формально был арестован по подозрению в связях с английской разведкой, с первых же дней ареста допросы велись на тему существования в Ленинграде антипартийной группы» (Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 129). Очевидно, что в 1954 году на собрании ленинградского партийного актива (в присутствии Н. С. Хрущева) Р. А. Руденко решал двойную задачу: рассказать о «ленинградском деле», но так, чтобы за счет произвольного вы-

С 23 июля по 4 августа,— продолжал Генеральный прокурор,— Капустин непрерывно допрашивался и 4 августа подписал протокол о вражеской деятельности в Ленинграде, назвав ряд участников... Следствием по делу руководил лично Абакумов. Его ближайшим помощником являлся Комаров. Как показал Комаров, Капустин по указанию Абакумова подвергался избиениям. После получения от Капустина ложных показаний были арестованы в августе 1949 года остальные обвиняемые»*.

5 августа 1949 года арестовали первого секретаря Крымского обкома партии Николая Васильевича Соловьева, бывшего (в 1938—1946 гг.) председателя Ленинградского облисполкома, члена Военного совета Ленинградского фронта по тылу.

О Николае Васильевиче наш читатель, к сожалению, знает значительно меньше, чем он заслуживает. Такие уж нравы царили в нашей исторической литературе: все хорошее и заметное (по справедливости — нет ли) обязательно приписывали действовавшему на данный конъюнктурный момент «первому лицу». Брежнев Л. И.— ярчайший тому пример. (Так было со Ждановым, Кузнецовым, Попковым...) У Н. В. Соловьева были не мнимые, а реальные заслуги: в том, что перед войной Ленинградская область превратилась из потребляющей в производящую; в строительстве оборонительного рубежа на подступах к Ленинграду; в организации стойкой и активной обороны 42-й армии, где в самые критические дни и недели он был членом Военного совета... Но особенно ярко все талантливое и доброе в нем проявилось тогда, когда в ноябре 1941 года Соловьева назначили членом Военного совета Ленинградского фронта по тылу. В многочисленных изданиях «воспоминаний» так называемого «уполномоченного ГКО по продовольственному снабжению Ленинграда» Д. В. Павлова деятельность такой ключевой фигуры высшего фронтового руководства, как член Военсовета по тылу, не упоминается вовсе. Но тут объяснение простое: ни один историк пока не обнаружил документаль-

---

пячивания роли В. С. Абакумова *скрыть главных виновников* этого преступления — все еще почитавшегося в стране Сталина и занимавшего в 1954 году пост Председателя Совета Министров СССР Г. М. Маленкова. Не случайно Р. А. Руденко дважды подчеркнул, что Абакумов, дескать, действовал на свой страх и риск: «...поручения производить следствие МГБ дано не было».

* ЛПА. Ф. 24. Оп. 83. Д. 438. Л. 16.

ных следов пребывания в блокадном Ленинграде самого автора широко известных «воспоминаний». На самом же деле на плечах именно Н.. В. Соловьева (вместе с Ждановым и, частично, с Т. Ф. Штыковым) лежал тяжелейший груз организаторских забот по созданию и функционированию легендарной Дороги жизни. Он непосредственно и персонально отвечал за все виды снабжения населения и войск, за транспорт, медицинское обеспечение, квартирно-эксплуатационное... Как он справился со всем этим — другой вопрос, еще фактически никем не исследованный. Но если есть у всего самого верхнего ленинградского руководства периода войны какие-либо заслуги, то доля в них Н. В. Соловьева будет куда значительнее, чем мы сегодня знаем.

Но вот 5 августа 1949 года Соловьева арестовали. Накануне его под каким-то предлогом вызвали из Крыма в ЦК ВКП(б), скорее всего к Маленкову. Так срочно, что пришлось воспользоваться самолетом старого товарища по Ленинградскому фронту — командующего Таврическим военным округом генерала армии М. М. Попова.

В Секретариате ЦК он пробыл недолго. Потом оказался в Комитете партийного контроля у Шкирятова. И — исчез. Ближайшую судьбу свою Николай Васильевич явно не предугадывал — неотступно сопровождавший Соловьева охранник В. И. Шумков («прикрепленный» — по тогдашней терминологии), следуя указаниям «не отлучаться — скоро полетим обратно», прождал до следующего дня, пока кто-то, имевший право распоряжаться персональной охраной высоких лиц (их самый высокий начальник подчинялся непосредственно Сталину, а не МГБ), не приказал ему вернуться в Симферополь.

Больше Соловьева никто не видел. Лишь избежавший расстрела первый секретарь Новгородского обкома партии Григорий Харитонович Бумагин — в войну он был секретарем Ленинградского обкома ВКП(б) — утверждал, что однажды в проклятой Лефортовской тюрьме, внезапно повернутый конвоиром лицом к стене (заключенные не должны были видеть друг друга), он услышал у себя за спиной «характерные шаги Николая Васильевича». И все...

«А в Симферополе,— написал нам председатель Совета бывших партизан и подпольщиков Крыма Евгений Данилович Киселев, работавший в конце сороковых в Крымском обкоме,—7 августа собрали внеочередной и за-

крытый (информация о нем прошла в крымских газетах лишь спустя две недели) пленум, на котором заведующий оргинструкторским отделом ЦК партии (т. Дедов) представил привезенную им из Москвы «команду» новых секретарей обкома, утвержденных ЦК. О Н. В. Соловьеве, Н. П. Хованове, П. А. Чурсине и М. И. Петровском, бывших секретарях, сообщил, что они с работы сняты и из партии исключены; об их аресте мы узнали позже. Через некоторое время были сняты с работы и арестованы председатель облисполкома В. И. Никаноров и редактор газеты «Красный Крым» Л. М. Скрипченко, оба — члены бюро обкома, а в Севастополе — заместитель командующего Черноморским флотом контр-адмирал П. Т. Бондаренко. Потом пришла наша очередь. Новый состав бюро прогнал нескольких завотделами, в том числе и меня, заменив нас прибывшими из других областей. На партийную работу я был возвращен лишь после смерти Сталина... Поучительно, думаю: кое-кто из подлецов, клеветавших в 1949 году на наших товарищей, ныне здравствует и ратует за... перестройку».

...Спустя несколько дней (13 августа 1949 года*) пришел черед А. А. Кузнецова. Страстный любитель природы, в тот день он с раннего утра отправился с младшей дочерью и Михаилом Дмитриевичем, шурином, в Измайловский парк. Так хорошо начавшуюся прогулку испортила увиденная ими пьяная драка каких-то военных, лупивших друг друга пряжками поясных ремней. В метро Алексей Александрович сидел молчаливый и мрачный, опустив голову и зажав сцепленные до побеления руки между колен. Дома Зинаида Дмитриевна ему сказала, что просил позвонить Шкирятов. Краткий телефонный разговор его оживил — он снова стал бодрым, веселым: возможно, в него вселили надежду, что «*все разъяснилось и уже позади*»... Он помыл руки. Послал племянницу жены

---

* В Справке КПК и ИМЛ при ЦК КПСС «О так называемом „ленинградском деле“» сообщается: «13 августа 1949 года в Москве в кабинете Г. М. Маленкова без санкции прокурора были арестованы А. А. Кузнецов, П. С. Попков, М. И. Родионов, П. Г. Лазутин, Н. В. Соловьев» (Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 130). В то же время бесспорным нам представляется факт, что Н. В. Соловьев исчез еще 5 августа. Остается предположить, что все эти восемь дней Н. В. Соловьева, как, возможно, и некоторых других, содержали и «обрабатывали» в особо секретном (официальные сведения о нем в печать еще не просачивались) «узилище» ведомства М. Ф. Шкирятова и начальника личной охраны Сталина генерал-лейтенанта Власика.

Лиду и сына Валерия за мороженым. Предупредил: за накрытый уже стол не садиться (семья очень любила эти редкие совместные обеды с «Ленюшкой», как звали его теща и жена, во главе) — «Вы меня ждите — я *скоро* приду!» Отодвинув штору, Зинаида Дмитриевна и ее брат смотрели, как он уходил. Обернулся, словно почувствовав их взгляды, радостно улыбнулся. Они помахали ему руками. Больше его не видели...

Иосиф Михайлович Турко от момента «Вы арестованы» до «Свободны и полностью реабилитированы» отсидел, по его подсчетам, четыре года, восемь месяцев, шесть дней и тридцать минут. Почти год из них — следственный изолятор, издевательства, допросы. Первый — в кабинете полковника М. Д. Рюмина, полуграмотного подонка, поднятого в дальнейшем за усердие в пытках и грязных трюках до начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР. Все, кому выпала горькая доля встречаться с этим негодяем, отмечали: стройный, щеголеватый, в глянцевых сапогах — красавец. Более наблюдательные (даже в таких условиях!) побывавшие у него на допросах женщины уточняли: «Красавец, а красота какая-то *змеиная, порочная, ужасающая*. Осклится в усмешке — страшно становится. А говорить начнет, рот только откроет — сразу понимаешь, к кому попала: «сука» — это еще приличное слово в его крайне скудном лексиконе...»

— Сидит за столом и как будто носом клюет: дескать, не высыпается в борьбе с контрой,— вспоминал Иосиф Михайлович.— Ну, я понял, что это спектакль, сижу, молчу... «За что вас арестовали?..» — «Это я у вас хочу узнать, гражданин следователь...» Еще что-то хотел сказать, а он вдруг как вскочит и: «Слушай... Тур-ку, забудь, что ты первый секретарь и депутат Верховного Совета...» — Турко горько усмехнулся: — «Депутатская неприкосновенность...» Какая там! Только на третий день официально объявили, что я арестован. А он — дальше; пальцем мне у самого носа: «...И вот что, ты нам (непечатное) не крути! Мы тебе сами, знаешь как (непечатное) накрутим, если будешь... Подпиши вот». Я прочитал, как в тумане, какую-то абракадабру, только попытался что-то спросить или возразить — хрясь он мне по физиономии! А там, знаете, по-интеллигентски не бьют — по щечке не гладят, там — кулаком с маху, по-мужицки, по-извозчицки. И кивнул конвойному — убрать, дескать.

А мне — в спину: «Достукаешься — пойдешь в тридцать первый кабинет...» Я потом узнал: тридцать первый — кабинет *предварительных пыток...*

В него я попал через два или три дня... Только не через «дня» — по ночам допрашивали. Сидит новый следователь, Путинцев (он потом стал моим «ведущим»). «Да вы садитесь, Иосиф Михайлович, садитесь, пожалуйста... Слышал я, что Рюмин с вами грубо обошелся?..» Молчу — что тут сказать, чего ждать?.. «Да вы не бойтесь: этот позорный случай уже разбирался,— Рюмин за побои из органов уволен. Так что подпишите вот и — пойдете себе на свободу...» Тридцать семь страниц текста. А я размяк от такого обращения и чуть было не подписал. Потом вчитался, а там!.. «Гражданин следователь, но ведь тут то же самое...» И вдруг — вижу вполглаза: Рюмин в своих лакированных штиблетах сбоку заходит и мне своим характерным, донбасским, акцентом: «Ну шо ты, сука, трусишься? Подписывай!» Путинцев тут, как на пружине, и — в морду: «Что (непечатное) — обрадовался?! Честного чекиста из-за тебя «уволили»?.. Все скажешь, когда пойдешь *в четвертый* кабинет!..» Вот там-то и есть настоящие пытки...

Был я в четвертом. У Комарова. Фамилия — русская, а облик — кавказский. Ввели. Совершенно пустой кабинет, только несгораемый ящик (на нем какие-то странные предметы — орудия пыток) и два низких кресла. Комаров — в синей рубашке, расхристанный — в одном сидит, на другое ноги положил. И, вполоборота ко мне, презрительно: «За что вас арестовали, Турко?» Четвертый месяц сижу и все — «за что арестовали»!.. Не успел ничего ответить — он уже рядом со мной. Схватил за робу — новую дали и сами же ее изодрали,— приложил так, что у меня кровь изо рта пошла... Из этого кабинета я попал на неделю в тюремный лазарет... Удивительная штука: на следствии *уже по их* (Абакумова и К°.— *Авт.*) *делам* отыскался вдруг документ, зафиксировавший нанесенные мне повреждения. Выходит, заставляли их отчитываться, кто жив, кто умер,— регистрировать состояние.

— Да вы что?!— услышав историю с медицинским заключением по результатам пыток, сверхэмоционально отреагировал имевший отношение к реабилитационным делам доктор юридических наук, профессор Владимир Кузьмич Глистин.— Да вы хоть представляете себе тюремную больницу и тех врачей, которые там работали? Зарплату они получают где? От тех же МВД и МГБ! И

погоны на них, на врачах. Да за составление таких актов их моментально бы вышибли! Если самих бы не посадили...— Подумал, остыл:— Впрочем, «дело» особое: *такие люди* в нем — член Политбюро, секретари ЦК и обкомов... И за всем этим стоял Маленков. Могли кое-что документировать, чтобы и его держать «на крючке»... Известно также о внутренней борьбе в этом ведомстве: Рюмин, например, уже «копал» под своего начальника, министра Абакумова,— написал на него донос Сталину, добился снятия и ареста... Да, могли быть и такие, *крайне редкие* исключения,— согласился профессор,— могли...

А Турко, как он рассказывал, пытался бороться. Потребовал очной ставки с А. А. Кузнецовым, на «свидетельства» которого сослался следователь. Путинцев отреагировал спокойно: «Сам скажешь. Или подпишешь на полу вот здесь, когда кровь из ж... пойдет. И не *это* подпишешь, а что ты — японский шпион... И что ты сопротивляешься следствию, Турко? Ведь следствие — это орган ЦК. Что же ты думаешь, что товарищ Сталин выйдет и скажет, что он тебя зря посадил?.. Уж лучше бы тебе подписать и просить пощады у товарища Сталина...»

В уже известном читателю выступлении Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко перед ленинградским партийным активом (май 1954 г.) приводились свидетельства И. М. Турко, данные им следственной группе по делу Абакумова и его сообщников: «Спустя некоторое время Путинцев вызвал меня и предложил подписать заранее составленный им протокол моего допроса. На мое замечание, что в этом протоколе все неправда и возводится клевета на А. А. Жданова, Путинцев заявил, что они ведут следствие, невзирая на лица. Я отказался подписать этот протокол, тогда Путинцев меня избил и бросил в карцер». Далее Р. А. Руденко сказал: «Проверкой показаний Турко было установлено, что с 26 августа по 29 октября 1949 года он вызывался на допросы 41 раз... Первый протокол допроса Турко с «признанием», причем не записанный от руки, а отпечатанный на пишущей машинке, датирован 30 октября. В этом протоколе Турко признал себя виновным в антисоветской вражеской деятельности и дал показания против других лиц. Нужно указать, что 27 октября Турко был заключен на 5 суток в карцер. Он был освобожден из карцера досрочно, 29 октября, после того как согласился подписать требовавшиеся от него фальсифицированные показания. Бывший

следователь Путинцев на вопрос о причинах заключения Турко в карцер показал: «Признаю, что заключение в карцер Турко, по указанию Комарова и Абакумова, было с целью получения признательных показаний... Должен откровенно признать, что я лично сомневался в обвинениях, предъявленных Турко и Закржевской»...*

— Я объявлял голодовку,— рассказывал Иосиф Михайлович.— Пришла молодая женщина-врач: свежая, красивая, статная, с таким вот бюстом... И нежненько так, небрежно: «Напрасно вы, Турко, это затеяли — мы вас насильно будем кормить. Вы как предпочитаете: через задний проход или как обычно?.. Как обычно — мне зубов ваших жалко...» Тут же два молодца свалили, челюсть отжали, она туда какую-то блестящую трубку сунула, что-то влила, и сразу меня на парашу кинули... Потом, уже на суде *над ними*, генеральный прокурор Руденко с возмущением говорил: «Единственного права заключенных всего мира — права на голодовку — и того лишили!» Из зала — «Бандиты!»

«Бандиты» — мало, звери они, выродки рода человеческого! Женщины, старики, дети — всех без разбору и угрызений совести бросали в дьявольский костер. Мать «всех» (почти двадцать членов ее семьи подверглись репрессиям!) Вознесенских, Любовь Георгиевна, уже и до войны еле ходила.

— Даст, бывало, скамеечку,— вспоминала *единственная из оставшихся после «ленинградского дела» в живых* ее детей Валентина Алексеевна Вознесенская.— «Доченька, помоги дойти до больницы». Пока дойдет — раз пять сядет...

Арестовали ее... восьмидесятипятилетнюю, с трудом ориентирующуюся в окружающем мире. Товарки по камере любопытничали: «Сколько же тебе дали, бабушка?» — «А ничего мне не дали: думала — хоть каши дадут, а они ничего...» Так и умерла она в Туруханском крае, где, по легендам, отбывал когда-то ссылку и сам «великий и мудрый», «лучший друг» детей и старушек.

Другой женщине — еще молодой, полной сил и надежд, ответственному работнику Ленинградского обкома партии — с маху, носком лакированного сапога, в живот — выбили не увидавшее белого света дитя...

---

* ЛПА. Ф. 24. Оп. 83. Д. 438. Л. 18.

Генеральный прокурор Руденко сообщал ленинградскому партийному активу: «На очной ставке с Закржевской Комаров (бывший следователь МГБ) показал, что, когда он впервые увидел Закржевскую на допросе, то обратил внимание на ее беременность, и, приехав в министерство, доложил, что допросы беременной женщины производят ночью. Как показал Комаров: «Абакумов грубо обрезал меня, заявив: «Нашелся мне тоже защитник. Врач не запрещает, а ты определяешь возможности ее допроса. Не вмешивайся в это и занимайся своими делами»...» Доведенная до состояния морального и физического изнеможения Закржевская подписала сфальсифицированные, лживые признания».

Екатерину Васильевну Капустину Рюмин «допрашивал» в Лефортовской тюрьме всю ночь. Муж ее, Яков Федорович, видно, какое-то время крепко сопротивлялся. Подонки решили сломить его на ревности (из кого-то выжали, что имел он такую человеческую слабость): «Подпиши, что дети не его!» Впавшая уже в истерику женщина кричала: «Его! Что хотите делайте — его!» — «Брось! (Дальше много непечатного.) Вы даже долго не расписывались — что ты ему своих подкидываешь?! Пиши! Или я тебя на электрический стул посажу!..» Под утро к Рюмину зашел какой-то следователь, сладко потянулся: «Ну и славный допросик у меня получился!..» — «А у меня вот...» И опять много-много непечатных слов...

Жену секретаря ЦК Зинаиду Дмитриевну Воинову-Кузнецову долго держали в кандалах, измывались (уже перед самым освобождением втолкнули в душ и пустили на полную мощь кипяток)... А она писала потрясающие душу (вы только представьте себе условия!) письма:

«Дорогие мои детки, старушка мама! (Все — убористым почерком, на одном тетрадном листочке — больше не разрешали.) Поздравляю вас с праздником 1 Мая и желаю вам всего наилучшего. С нетерпением буду ждать от вас ответа. Пишите сегодня же, т. е. в день получения от меня письма... в один конверт вложите и пошлите заказным. Меня все интересует: как здоровье бабушки, ваше, на какой работе вы, во сколько раз больше бабушки зарабатываете, как проводите выходной день, учитесь ли? Мама, ты береги здоровье и без детей не хозяйничай, ведь ты можешь упасть, а это тебе очень опасно (еще в конце 20-х годов Анну Алексеевну Воинову парализовало.— *Авт.*)... Сынка, у тебя скоро экзамены. Мне будет очень

радостно, если ты их успешно сдашь, а летом отдыхай и помогай бабушке. Галочка, все подробно напиши об Алочке, о ее здоровье, как Володя (внук Кузнецовых и Микоянов.—*Авт.*) рос и развивался, когда начал ходить, какие слова говорит... Мама, детки, обо мне не беспокойтесь. Конечно, скучно без семьи, но я здорова... Проводите 1 Мая весело, и мне будет спокойно. В письме, если мое получите после 1 Мая, напишите, как провели майские дни. Валерий, ты до меня сохрани ведомости об успеваемости, а в письме напиши только отметки за 6 класс, и экзаменационные, и за все четверти за 7-ой класс... Сынок, этот месяц ты ложись спать раньше, а утром раньше вставай, а в дни экзаменов строго проводи режим, как кл. руководитель скажет... Я вам могу два письма в год писать, а вы сразу же отвечайте по адресу: г. Владимир, п/я 21, Воиновой-Кузнецовой. Справок о нас никаких не наводите. Крепко, крепко целую, обнимаю моих дорогих маму, дочурок, племянниц и племянников и всех родных. Я тороплюсь писать, а поэтому письмо немного небрежно пишу. Еще раз обнимаю крепко и жду с нетерпением ответа. Ваша дочь, мама, тетя и т. д. Дочурка, Аленька, заранее поздравляю тебя с днем рождения и всего, всего лучшего желаю. P. S. Письмо занимает один тетрадный лист».

У З. Д. Кузнецовой и М. А. Вознесенской, жены члена Политбюро ЦК ВКП(б), хоть детей не тронули. У Екатерины Васильевны Капустиной, как и у многих других, младшего — в «спецдетдом», старшего — в лагеря. Где теряли даже родовую фамилию — у малышей, и у тех на спине и груди нашивались «зековские» номера. Это и было «именем».

— Майор, который меня арестовывал прямо около института,— рассказывал Владимир Яковлевич Капустин,— добродушно сказал: «Слушай, я за тобою весь день гоняюсь — раз пять уже на квартире был. Решил — прямо здесь. Не возражаешь?..» И хоть бы какую-нибудь бумажку, санкционирующую арест, предъявил — ничего... Потом — тюрьма, допросы. Следователь зачитал «приговор» Особого совещания — восемь лет. Даже не сказал: по какой статье и за что. Уже в Сибири, в лагере, устроили очередной «шмон»— проверку: каждый по списку должен выходить, называть фамилию, имя-отчество и статью. Меня офицер спрашивает: «Почему статью не называешь?»—«А я ее не знаю». Даже не удивились. Сказали

лишь: «Запомните: ваша статья —58—1,в». Потом кто-то разъяснил: это — член семьи «врага народа», который будто чего-то знал, но не донес...

КРОВАВАЯ КОМЕДИЯ — «СУД»

Первой физической жертвой «ленинградского дела» стал сменивший Я. Ф. Капустина на должности второго секретаря Ленинградского горкома партии Николай Александрович Николаев, широко известный в войну инженер-химик, «главный поставщик» Ленинградскому фронту блокадного пороха, затем первый секретарь Ленинского райкома ВКП(б).

Инструктор этого райкома Ирина Александровна Медунецкая была, пожалуй, последней из ленинградских партийных работников, кто видел Н. А. Николаева живым. Она рассказывала:

— В августе сорок девятого года меня неожиданно вызвали на заседание бюро нашего райкома. «Коллега» Воронцов зачитал информацию: Медунецкая скрывает «связи» с живущим в Соединенных Штатах Америки родственником. Это была вопиющая ложь! Родственника этого я никогда не видела, о существовании его узнала уже после войны и сразу же — я тогда работала секретарем парторганизации завода имени Степана Разина — внесла соответствующую запись в свое личное дело. И когда меня в райко́м брали, ничего не скрывала, а тут... Короче — строгий выговор с занесением и уволить, а скоро и из партии исключили. Куда податься, с кем посоветоваться?.. Самым уважаемым и авторитетным для меня человеком оставался наш бывший первый секретарь — Николай Александрович Николаев. Не утерпела и поехала разыскивать его даже на даче. Это было в воскресенье, примерно в середине августа. Я его с женой, Людмилой Николаевной (она врачом работала), встретила на улице. Сбивчиво рассказала ему, что со мною стряслось, поплакала даже... Он меня утешил, сказал: «Приходите во вторник в горком — во всем разберемся». — «Так меня не пустят...» — «Пустят, я предупрежу секретаря». И даже на прощанье — они так вдвоем на одном велосипеде и покатили — крикнул: «Обязательно скажите секретарю, что со мною договорились!..» А во вторник я пришла в Смольный и сразу же поняла: произошла какая-то трагедия...

Евгений Михайлович Соколов был в то время заместителем начальника следственного отдела Ленинградского УМГБ:

— Именно с этого эпизода для меня лично начались все мрачные реальности «ленинградского дела». Даты не помню — летом. Звонит мне начальник управления: «Поедем со мной: что-то случилось с секретарем горкома — на звонки не отвечает, из квартиры вроде бы не выходил и на дачу, на день рождения жены, почему-то не приехал...» Вскрыли дверь. В нос сразу — острый запах газа: вся плита пущена в ход, все конфорки открыты. Сам — в одном белье на тюфяке, мертвый...

Что толкнуло Н. А. Николаева на самоубийство — известно: Е. М. Соколов и его коллеги обнаружили короткую записку. Евгений Михайлович привел ее предельно краткое содержание по памяти: «Я ни в чем не повинен». А вот — *кто и в чем* пытался обвинить действительно ни в чем не повинного второго секретаря Ленинградского горкома партии, возможно, так и останется темным пятном грязного «ленинградского дела». Расследование самоубийства Н. А. Николаева замяли, пренебрежительно бросив на крышку его гроба: «...испугался разоблачения...»

А ведь в середине августа 1949 года никаких официальных разоблачений еще и быть не могло: абакумовские костоломы только приступили к выколачиванию из своих жертв «признательных показаний».

«Великая Сталинская Конституция» торжественно провозглашала для граждан первого в мире социалистического государства самый широкий набор гарантий от любых посягательств на личность. «Статья 127. Гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора». Правосудие в стране осуществляется только выборными судами (ст. 102). Обвиняемому гарантируется право на защиту (ст. 111)... Соблюдение всеобщей законности в стране надежно обеспечивается (ст. 117) строжайшим надзором «независимых» (подчиненных «только Прокурору СССР») прокуроров.

Абсолютное большинство жертв «ленинградского дела» прокурорский надзор своим вниманием обошел. Ни в трехэтажное желтое здание дома номер 3а по Энерге-

тической улице в Москве — знаменитую Лефортовскую тюрьму, ни на особо режимный «объект № 1/10» в бывшем Екатерининском монастыре в подмосковной Сухановке, ни в другие следственные изоляторы МГБ прокуроры никогда не заглядывали и тем, что там творилось, не интересовались. Единственный контакт с прокурором (и то лишь для тех, кто представал перед судом, а не «шел» по Особому совещанию) — момент официального предъявления несчастному обвинительного заключения. Но что это были за «свидания»... Бывший военный юрист Р. В. Платов вспомнил, как Н. А. Вознесенский, ознакомившись с полным абсурдных обвинений в свой адрес документом, попенял Главному военному прокурору генерал-лейтенанту юстиции А. П. Вавилову: «Вы же — прокурор, высший блюститель законности: как же вы можете допускать такое?!» На что «блюститель» якобы ответил: «Я вообще с врагами народа не разговариваю...»

Единственной надеждой обвинявшихся оставался «независимый суд».

Организаторы «ленинградского дела» тоже готовились разыграть кровавый судебный спектакль. 18 января 1950 года к Сталину поступили представленные министром госбезопасности списки сорока четырех арестованных по этому «делу» с «соображениями» по их дальнейшей судьбе: «судить в закрытом заседании выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР в Ленинграде без участия сторон, то есть обвинения и защиты, группу 9—10 человек основных обвиняемых», а остальных — в общем порядке. По этому, *утвержденному лично Сталиным*, сценарию и стали готовить позорный и грязный фарс «беспристрастного» судебного разбирательства.

4 сентября 1950 года два высших «правоохранителя» страны — министр государственной безопасности СССР Абакумов и Главный военный прокурор Вавилов представили «вождю народов» фактически уже готовое судебное решение: записку с предложением — Н. А. Вознесенского, А. А. Кузнецова, П. С. Попкова, Я. Ф. Капустина, М. И. Родионова и П. Г. Лазутина приговорить к расстрелу, И. М. Турко дать пятнадцать лет лишения свободы, Т. В. Закржевской и Ф. Е. Михееву — по десять.

Сталин против этих предложений не возражал *.

---

* Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 131.

Будущих подсудимых уже ни о чем не допрашивали — их интенсивно готовили к лицедейству на своей собственной кровавой тризне. Роль «главного режиссера», по свидетельству бывшего следователя МГБ Носова и других «помрежей», Абакумов поручил полковнику госбезопасности Комарову.

«Перед началом суда,— показывал И. М. Турко на следствии по делу Абакумова и его подручных,— следователь Носов предупредил меня, чтобы я в суде показал все так, как записано в протоколах допроса. Он говорил, что вина моя небольшая и моя задача состоит в том, чтобы разоблачить подлость Кузнецова. Затем меня вызвал полковник Комаров и потребовал, чтобы я на суде повторил лишь то, что записано в протоколах допроса, и с угрозой предупредил меня: «Суд идет и пройдет, а вы останетесь у нас». Я это понял так, что, если я на суде откажусь от показаний и расскажу о том, как со мной поступали на следствии, меня снова будут бить... Накануне суда следователь Носов дал мне копию протокола моего допроса от 30 октября 1949 года и сказал, чтобы я хорошенько его прочел, запомнил и повторил на суде. Копию этого протокола я несколько раз прочел, зазубрил и повторил в суде» *.

Подобные же показания о подготовке к судебному процессу дали и оставшиеся после него в живых Т. В. Закржевская и Ф. Е. Михеев. Ясно, что не избежали такой участи и те, кто был расстрелян. Для того чтобы первая и последняя «премьера» гнусной комедии «суда» вполне удовлетворила Сталина, Маленкова и присных, «режиссеры» лезли из кожи. Они не только физически истязали, запугивали, ломали психологически своих «актеров» (даже о каких-то «уколах» нам рассказывали), но и иезуитски играли на остававшихся у многих из них чувствах веры в партию и «мудрость» ее руководства. Их уверяли, что публичные признания «во враждебной деятельности» необходимы в интересах «высшей политики» — в целях консолидации партийных рядов. Их грубо обманывали: каким бы ни был приговор, он останется данью общественному мнению — в исполнение приводиться не будет.

Была еще причина, которая, на наш взгляд, могла оказать решающее влияние на поведение всей первой группы жертв «ленинградского дела» — на их поразив-

---

* ЛПА. Ф. 24. Оп. 83. Д. 438. Л. 20.

шую многих свидетелей процесса *покорность* в исполнении отведенной каждому «роли».

Их арестовали в июле — ноябре 1949 года. Все они знали (а некоторые, как курировавший правовую систему А. А. Кузнецов и член Президиума Верховного Совета СССР П. С. Попков, и непосредственно в этом участвовали), что 26 мая 1947 года в стране был принят Закон «Об отмене смертной казни». Учитывая возросшую мощь СССР, говорилось в нем, «исключительную преданность Советской Родине и Советскому Правительству всего населения Советского Союза», обеспеченность «на длительное время» дела мира, а также «идя навстречу пожеланиям профессиональных союзов рабочих и служащих и других авторитетных организаций, выражающих мнение широких общественных кругов, Президиум Верховного Совета СССР считает, что применение смертной казни больше не вызывается необходимостью в условиях мирного времени». В широко и лицемерно рекламируемую «справедливость самого демократичного в мире» суда вряд ли кто из них верил — слишком хорошо они знали нашу тогдашнюю судебно-правовую систему. Но то, что их готовят именно к суду, а не к Особому совещанию при МГБ, вселяло надежду: *жить* будут. А там, несмотря на все «признания» и самооговоры, может быть, и до «самого товарища Сталина» дойдут за правдой...

Не предвидели — следователи и тюремщики сумели-таки скрыть,— что 12 января 1950 года тот же президиум принял другой Указ — «О применении смертной казни к изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам». (Чуть позже его распространили на убийства при отягчающих обстоятельствах.) Другой вопрос: как Абакумов и К° собирались распространить задним числом действие этого специфического закона на жертвы «ленинградского дела»? Очевидно, полагались на профессиональную ловкость судей...

А в Ленинграде тоже шла интенсивная подготовка к процессу. Освобождались самые надежные камеры внутренней тюрьмы УМГБ. Подчистую заменялись на присылавшихся из Москвы надзиратели, охранники... Один из очень немногих уцелевших и сейчас еще служащих офицеров Ленинградского управления КГБ, срочно мобилизованный тогда со второго курса университета в «органы», рассказывал:

— Идешь, бывало, по каким-то делам в следственный изолятор внутренней тюрьмы, начальник предупреждает: в такие-то блоки (где содержали арестованных по «ленинградскому делу») — ни ногой, а то «сам там останешься»...

На высоком уровне и очень тщательно провели проверку места будущих действий — Литейный проспект, 20, Ленинградский окружной дом офицеров. Вскоре всех служащих Дома офицеров удалили (один его начальник, рассказывают, бродил «неприкаянным», всюду наталкиваясь на охрану), здание заняли два батальона войск МГБ, контролируемые московскими офицерами-оперативниками. На втором этаже, в так называемом Малом лекционном зале, солдаты сколотили дощатые загородки, скамейки. В день начала процесса все входы и выходы перекрыли посты: солдат в парадной форме с карабином и двумя подсумками и рядом — московский офицер госбезопасности. (Второй батальон в полном полевом снаряжении держали во дворе здания.)

26 сентября 1950 года старший помощник Главного военного прокурора Н. Н. Николаев подписал, а его начальник генерал-лейтенант юстиции А. П. Вавилов, впоследствии разжалованный до солдата, утвердил официальный текст обвинительного заключения. Под ним дали расписаться обвиняемым. И. М. Турко вспоминал, как вопреки всем процессуальным нормам и элементарной человечности понукали его прокуроры: «Быстрее, не копайтесь, смотрите то, что вас лично касается,— и достаточно...»

29 сентября утром двести с небольшим мест Малого лекционного зала стали заполнять «представители общественности»: половина — генералы МГБ во главе с самим министром Абакумовым, прокуроры, чины судейские; часть мест отвели андриановскому окружению. В узеньком зале сразу стало жарко и душно...

На крохотной сцене появились судьи: генералы юстиции И. О. Матулевич, И. М. Зарянов, Я. П. Дмитриев, «коронный состав», говорят юристы, все — члены Верховного суда СССР (его Военной коллегии), считавшиеся особо опытными и знающими правоведами.

Не очень много, но теперь кое-что о кровавом «опыте» этих сталинских палачей в благородных судейских мантиях знаем и мы. Во главе со своим чудовищным Ульрихом, возглавлявшим Военную коллегию высшего суда государства с 1926 по 1948 год, они, все трое, активно уча-

ствовали почти во всех сталинских преступлениях, пропускавшихся им через военно-судебную систему. Матулевич, например, остался в истории как член выездного суда на состоявшемся 28—29 декабря 1934 года процессе по делу об убийстве С. М. Кирова, отправившем на тот свет не только убийцу, но и большую группу ни в чем не повинных граждан. Его подпись стоит под смертным приговором «участникам» так называемой «бухаринско-рыковской оппозиции»... Мелькали в мрачных газетных сообщениях 30-х годов и фамилии Зарянова с Дмитриевым... Чтобы представить себе потрясающий размах их палаческой деятельности, приведем лишь один, ставший недавно известным, ульриховский документ, переданный лично Сталину: «За время с 1 октября 1936 года по 30 сентября 1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР и выездными сессиями коллегий в 60 городах осуждено: к расстрелу —30.514 человек, к тюремному заключению —5.643 человека. Всего 36.157. В. Ульрих. 15 октября 1938 г.»* В штат Военной коллегии избирались не более десятка членов. Сколько же невинной крови пролито каждым?..

...Ввели подсудимых. Все, кроме, пожалуй, П. С. Попкова и М. И. Родионова, отмечают очевидцы, выглядели очень изможденными, особенно А. А. Кузнецов и Н. А. Вознесенский. Однако опытный глаз «гостей» из числа ленинградских следователей УМГБ подметил: «Их не били, по крайней мере, перед самим судом — их сильно изнуряли...» Действительно, за месяц до процесса бить перестали и даже улучшили питание и отдых. В ходе процесса в Ленинграде примерно через каждый час делался перерыв: подсудимых выводили в маленькую комнатку подкрепиться, а главное, получить наставления непрерывно крутившихся — вопреки всем нормам законов! — при своих жертвах закулисных «режиссеров» — следователей. Каждый час меняли и караул. Пока не произошел эпизод, который многим запомнился и почему-то стал обрастать «романтическими» подробностями. Неожиданно упал часовой. Некоторые ветераны теперь говорят: «с грохотом» и — «от чувств, вызванных чтением кошмарного приговора»... Бывший командир взвода этого солдата Н. П. Водянников опротестовывает: «Обморок с ефрейтором Шпаком случился еще в первый день процесса. От духоты. И никакого «грохота» не было — его успел подхватить московский оперативник. Недовольный

* Красная звезда. 1989. 8 апреля.

министр Абакумов приказал менять караул каждые полчаса...»

Деталей так называемого «судебного следствия» *ни один* из «приглашавшихся» в какой-либо последовательности или с подробностями не запомнил. И это уже — «опыт» и «искусство» председательствовавшего Матулевича. Обычные свои «выездные сессии» он умудрялся укладывать в... десять — пятнадцать минут. И это не «художественный образ», а жуткая реальность. Каждому из обреченных, представавшему перед «судом», он давал на объяснения и оправдания ровно... две минуты. Потом задавал, не вслушиваясь в ответы, несколько вопросов и, не поднимаясь с места (подсудимого уводили), объявлял об «удалении суда на совещание». На самом же деле «в перерыве» объявляли приговор стоявшему перед «судьями» десятью минутами раньше. Так он успевал пропустить через свою кошмарную «мясорубку» по двадцать и тридцать человек за ночь...

Процесс по «ленинградскому делу» шел два дня. Если вычесть из них время всевозможных формальных процедур (объявление состава участников процесса, чтение длинного обвинительного заключения, выяснение отношения к нему девяти подсудимых и т. д. и т. п.), частых перерывов («Почти в каждый из них,— твердо заверил нас полковник в отставке Е. М. Соколов,— Абакумов либо Матулевич докладывали по телефону о ходе процесса лично Сталину») и прочие потери, то на «речи» и «прения» остается немного. Грязный спектакль шел в очень высоком темпе.

Впрочем, «прения сторон» и не закладывались в сценарий — ни представителей обвинения, ни защитников, ни экспертов, ни свидетелей на этот «суд» не звали. Один Матулевич бросал отрывистые, как команды, вопросы и требовал еще более коротких ответов. Тут он слыл мастером высшего класса.

Суть выдвигавшихся в судебном заседании политических обвинений читателю уже достаточно известна. За год «работы» абакумовские костоломы сумели «обогатить» их лишь многочисленными обывательскими деталями: сколько платьев обнаружили при обыске у жены такого-то подсудимого, «фильдеперсовых чулок» — у такого-то, с какими именно женщинами встречался на отдыхе такой-то...

Замордованные «режиссерами» подсудимые обреченно подтверждали любую возводимую на них грязь. Никаких политических заявлений «для истории», по дружному

свидетельству присутствовавших на процессе, не было*. Доведенный до крайнего изнурения, хуже всех, похоже, чувствовавший себя А. А. Кузнецов говорил так тихо, медленно и невнятно, что Матулевич зачастую, не дослушав ответа, бросал ему следующий вопрос, следующий... Одному из свидетелей этого позорного судилища врезалась в память деталь: когда «давшего признательные показания» Алексея Александровича выводили (в части процесса, вопреки процессуальным нормам, их допрашивали поодиночке), могучий московский охранник на глазах у всех грубо забил ему рот жестким кляпом...

Любопытна реакция на «разоблачения» развалившегося в первом ряду кресел Андрианова: «Вот — бродяги!», «Ну — сволочи!..»

«И все это громко, не стесняясь!» — удивляется оказавшийся тогда бок о бок с маленковским наместником Е. М. Соколов. Что это — дешевая игра на публику?.. Попытка взвинтить себя, заглушить остатки совести, если она у него когда-нибудь была?..

...Единственным, рассказывают, попытавшимся осуществить какую-то самостоятельную линию поведения, был Н. А. Вознесенский. Подробности каждый помнит и передает по-своему, но в смысле сходятся все — Вознесенский резко отмежевался от товарищей по трагической судьбе: называл их «бонапартиками», «кем-то вроде Тито» и, заявив, что не имеет к ним «никакого отношения», связи своей с «антипартийной группой» не признал. Во всем остальном с обвинениями согласился и просил только «великого Сталина» сохранить ему возможность завершить труд (учебник) по политической экономии социализма...

«Дежурившему» у телефона Сталину несомненно это передали. Все помнят огромную, многочасовую паузу в процессе, возникшую, когда «суд удалился на совещание». В зале сидели люди далеко не наивные в понимании царивших в стране политических нравов. Но даже и в этой среде не многие, очевидно, догадывались, что облеченные — по Конституции СССР — колоссальной властью судьи вовсе не совещались, а продолжали ломать жалкую комедию: прикрывшись «тайной совещательной комна-

---

* Есть исключение из таких свидетельств: тогдашний директор Института истории партии С. П. Князев впоследствии утверждал, что А. А. Кузнецов в своем последнем слове заявил: «Я был большевиком и останусь им, какой бы приговор мне ни вынесли — история нас оправдает!»

ты», преспокойно болтали либо играли в шахматы, читали прихваченные в дорогу романчики — коротали время в ожидании поправок и указаний по не ими же и составленному приговору...

Уже после полуночи члены Политбюро ЦК ВКП(б) утвердили решение о казнях в том виде, в каком они давным-давно были предложены Сталину. «Вождь всех времен и народов» дал Матулевичу команду озвучить последний трагический монолог:

«Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики...» Подсудимые Кузнецов, Попков, Вознесенский, Капустин, Лазутин, Родионов, Турко, Закржевская, Михеев представляли собой враждебную группу, которая с 1938 года проводила вредительско-подрывную работу...

«...Объединились в антисоветскую группу с целью превратить ее в опору по борьбе с партией и Центральным Комитетом ВКП(б)...» Их вредительско-подрывная работа выражалась в «насаждении» в Ленинградской партийной организации недовольства по отношению к ЦК ВКП(б), в обмане и сокрытии от него фактов и документов «с целью отрыва Ленинградской организации от ЦК ВКП(б) и в намерении превратить Ленинградскую организацию в свою опору для борьбы с партией и ее ЦК, как это делали зиновьевцы...» Вражеская группа расставляла «антипартийных людей в различных пунктах СССР с той целью, чтобы, опираясь на таких антипартийных людей и имея в руках Ленинградскую организацию, взорвать партию изнутри и узурпировать партийную власть...»

«Участники преступной группы» проводили вредительско-подрывную работу, выразившуюся в нарушении через Вознесенского государственных планов и снижении темпов развития народного хозяйства страны, в дезорганизации через Вознесенского и Родионова распределения материальных фондов между организациями и передаче «в преступных целях» этих фондов за счет других ведомств и областей тем организациям, в которых у руководства находились «свои люди».

Кузнецов, Попков, Капустин и Лазутин, возглавив, а Турко, Закржевская и Михеев, приняв активное участие во вражеской группе, существовавшей в Ленинграде, и использовав свое пребывание на руководящей партийной и советской работе в Ленинградской организации, повели дело на отрыв и противопоставление ЦК ВКП(б) и, «действуя как раскольники, подрывали единство партии,

распространяли клеветнические измышления в отношении ЦК ВКП(б), вынашивали и высказывали изменнические замыслы о желаемых ими изменениях в составе Советского правительства и ЦК ВКП(б). Они нашли опору и поддержку в лице Вознесенского и Родионова...»

«Участники антипартийной группы» подрывали государственную и бюджетную дисциплину, срывали выполнение решений и указаний Совета Министров СССР относительно развития экономики Ленинграда и области, обходили советские законы и «своими преступными действиями наносили ущерб экономическим интересам Советского государства...» Вознесенский, кроме того, «преступно нарушал установленный правительством порядок хранения секретных материалов, вследствие чего в Госплане СССР было утрачено значительное количество документов, составляющих государственную тайну СССР... Родионовым и Попковым, при участии Капустина и Лазутина, без ведома и разрешения правительства в 1949 г. была проведена Всесоюзная оптовая ярмарка, в результате которой имело место разбазаривание государственных товарных фондов и был причинен крупный материальный ущерб государству»*.

А. А. Кузнецов, Н. А. Вознесенский, М. И. Родионов, П. С. Попков, Я. Ф. Капустин и П. Г. Лазутин приговаривались к расстрелу, М. И. Турко — к 15 годам лишения свободы, Т. В. Закржевская и Ф. Е. Михеев — к десяти.

---

* Архив Верховного суда СССР. Ф. 4862. Оп. 48. Д. 4НОО4862/54. Л. 28—30. Напомним читателям, что 30 апреля 1954 года Военная коллегия Верховного суда СССР под председательством А. А. Волина (председателя Верховного суда СССР) вынесла определение: изложенный приговор для подсудимых «по вновь открывшимся обстоятельствам отменить и дело прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления и их реабилитировать».

Рискнем присоединить свой голос к тем правоведам, кто считает формулу этого определения недостаточной. Читателям уже известно, что жертвы «ленинградского дела» не только не совершали ничего *преступного*, что справедливо отметила 30 апреля 1954 года Военная коллегия, но и сами фигурировавшие в их «деле» «*действия*» — конкретные факты и эпизоды — фикция, измышления абакумовских следователей и их высокопоставленных патронов. Не объединялись они ни в какую — преступную ли или законную — «группу», не скрывали никаких фактов и документов, не высказывали и не вынашивали никаких «изменнических» замыслов... И значит, реабилитировать их следовало бы *в связи с отсутствием самого «события преступления»*. Важно, чтобы мы четко понимали: Маленков и его компания не просто «ошибочно раздули» какие-то *реальные* «грехи» своих жертв, а злонамеренно сочиняли и приписывали им то, чего они никогда не делали.

Оглашение приговора закончилось в 0 часов 59 минут уже 1 октября. Он был окончательным и обжалованию не подлежал. Но даже во время войны осужденным часто давали возможность заявить ходатайство о помиловании. Здесь ее исключили: Матулевич отдал распоряжение об исполнении приговора немедленно. В два часа ночи 1 октября 1950 года их убили*. *Убили*, а не «расстреляли» — незачем прикрывать это даже тенью законности.

27 октября и в другие дни — уже без «представителей народа», тайно, неизвестно где, в каком составе судей и по каким формулам обвинительного приговора — присудили к расстрелу и зверски уничтожили еще несколько групп (а также поодиночке) жертв «ленинградского дела»: первого секретаря Крымского обкома ВКП(б) Н. В. Соловьева; второго секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) Г. Ф. Бадаева; второго секретаря Мурманского обкома партии (в войну — секретарь ЛГК ВКП(б), член Военного совета Краснознаменного Балтийского флота) А. Д. Вербицкого; первого заместителя председателя Совета Министров Российской Федерации (бывшего секретаря ЛГК ВКП(б) и первого заместителя председателя исполкома Ленсовета) М. В. Басова; председателя исполкома Леноблсовета И. С. Харитонова; министра просвещения РСФСР (бывшего ректора ЛГУ) А. А. Вознесенского; его сестру первого секретаря Куйбышевского РК ВКП(б) Ленинграда М. А. Вознесенскую; секретаря ЛГК ВКП(б) П. И. Левина; секретаря Ленгорисполкома А. А. Бубнова; третьего секретаря Саратовского обкома ВКП(б), а до этого заместителя секретаря и заведующего отделом электростанций Ленинградского обкома партии П. Т. Талюша; инспектора ЦК ВКП(б), бывшего первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВЛКСМ В. Н. Иванова... Кого еще — мы не знаем. Материалы этого (или этих) «процессов» где-то в недрах судебно-следственной системы. В положенном им месте хранения — в архиве Военной коллегии Верховного суда СССР, заверили нас в этом авторитетном органе, их нет.

...Родственников убиенных трусливо и нагло обманывали:

---

* См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 132.

«СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ
ЮБ № 012721

Капустин Яков Федорович... 46 лет, умер 30 сентября 1950 года.

Причина смерти: **паралич сердца**...

О чем сделана запись в Сталинском Бюро ЗАГС г. Ленинграда за № 1373... 4 декабря 1954 года...»

В графах, касающихся мест гибели и захоронения,— прочерки...

ЗНАТЬ И ПОМНИТЬ

Председатель Военной коллегии Верховного суда СССР генерал-лейтенант юстиции Георгий Иванович Бушуев листает при нас основательно тронутый временем и архивной пылью приговор Матулевича, Зарянова и Дмитриева первой девятке обвинявшихся в тяжких преступлениях по «ленинградскому делу». Сам он к нему никакого отношения не имеет: как в сорок первом ушел на фронт, лейтенантом, командиром огневого взвода 48-го полка гвардейских минометных частей, так всю войну и провоевал, ни разу не встретив ни одного юриста... На юрфак и в военную юстицию пришел уже после всех сталинских репрессий... Однако дел, подобных «ленинградскому», поперевидал и поразбирал уже много. Но и на всем этом мрачном фоне замечает: «Исключительно грязное дело — обязательно о нем надо рассказывать...» Бушуев снова принимается за документ.

— Все сформулировано в самом общем виде,— комментирует генерал, а сам думает о чем-то своем и снова принимается листать бумаги.— Странно... Прямой формулировки об «измене Родине» нет. Нет и «антисоветской направленности»... Как же они?..

Георгий Иванович так и не решился назвать все своими именами: что «приговор» этот вопиюще беззаконен не только по существу обвинений («судебная ошибка» — огорчительно, но бывает...), но и по юридическому обоснованию и оформлению, по самым заниженным нравственным, гуманитарным критериям — во всем! А это уже не «ошибка» — это означает, что к массовому убийству по «ленинградскому делу» впрямую причастны не только Сталин, Маленков, Абакумов и их подручные...

Вспоминая членов высшего судебного органа страны периода сталинизма (и даже персонально И. О. Матулевича и И. М. Зарянова), коллега Г. И. Бушуева, в недавнем прошлом первый заместитель председателя Верховного суда СССР С. И. Гусев писал: «...Деятельность каждого должна быть подвергнута анализу. Необходимо пересмотреть архив. *Впрочем, до 1953 года все они были своего рода заложниками за судейским столом*».

Это очень серьезно и крайне опасно, когда в наши дни и на *таком* уровне делаются попытки хоть как-то «отмыть черного кобеля»...

Заложники у сталинских палачей были — жены и дети арестованных. Но чтобы сами палачи?! Ничего фатального, предопределенного в карьере не существовало — каждый, на худой конец, мог уклониться от исполнения позорно-грязной работы. Когда в 1948 году кровавого Ульриха наконец сняли и отправили в Военно-юридическую академию готовить «смену», должность председателя Военной коллегии Верховного суда СССР секретарь ЦК ВКП(б) по кадрам А. А. Кузнецов предложил старому знакомому и подчиненному по Ленинграду и Ленинградскому фронту генерал-майору юстиции И. Ф. Исаенкову. «Я всеми правдами и неправдами,— вспоминал Иван Фролович,— убедил Алексея Александровича, что не подхожу для этого сугубо политического поста... Меня назначили на административную должность начальника Управления военными трибуналами». И наверное, куда благороднее было бы прослыть неумехой, путаником, пьяницей, непочтительным с начальством, бытовым разложенцем, чем истязать и убивать ни в чем не повинных людей...

Однако у нас речь о конкретном деле и конкретном приговоре. Оставим в стороне содержание обвинительного заключения — допустим, что опытнейшие профессиональные юристы «не заметили» вопиющих с каждой страницы грубых подтасовок следователей. Учтем «главный козырь», который потом, когда его, разжаловав из генералов, прогнали из Военной коллегии, Матулевич, разводя в деланном недоумении ручками, выкладывал перед теми, кто спрашивал: «Как вы могли!..» — «Ведь они же (его жертвы) сами во всем признались...»

Но есть и другое. *По какому Закону были осуждены на смерть эти люди, если ни один пункт обвинения не содержал признаков преступлений, подпадавших под действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12*

января 1950 года «О применении смертной казни к изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам»? (Помните, как искал в приговоре да так, к полному своему недоумению, и не нашел прямой формулировки об «измене Родине» недавний председатель Военколлегии Г. И. Бушуев.) *На каком основании закон 1950 года был применен к людям, арестованным еще в 1949 году?..* Разве правовые акты в нашей стране имели когда-нибудь обратную силу?.. Юристы такого класса, если они не выродки, прикрывавшиеся судейскими мантиями, обязаны были задаться такими вопросами и соответственно, профессионально, на них среагировать. Иначе это становилось не правосудием, а прямо ему противоположным действием. А поскольку все это творилось на самой вершине государственно-правовой системы, то оказалось огромной национальной трагедией, анализа которой и уроков нет до сих пор.

Читателю уже известно, что облавы на партийных, советских и других работников, сопричастных когда-то Жданову, Вознесенскому, Кузнецову, а также на тех, кто сотрудничал уже и с этими работниками, шли не только в Ленинграде, но и в Москве, Горьком, Мурманске, Рязани, Симферополе, Севастополе, Новгороде, Пскове, Петрозаводске, Таллинне и других городах. А Н. А. Булганин 6 ноября 1950 года (через месяц после расправы с первой группой арестованных по «ленинградскому делу»!) уверял человечество: «В мире нет ни одного буржуазного правительства, внутреннее политическое положение которого было бы так же прочно и незыблемо, как прочно и незыблемо положение Советского правительства».

Не ведал, что происходит?.. Мы, например, ничего о «ленинградском деле» не знали. Один из нас, литератор, учился прямо напротив «Большого дома», руководил комсомольской первичкой в курсантском дивизионе, получил в это время карточку кандидата в члены партии... И ничего такого не слышал. Однажды лишь, где-то около одиннадцати яркого солнечного дня, случайно вдруг увидели через окно выходившей на Литейный проспект аудитории: откуда-то с верхних этажей охраняемого часовыми огромного здания местного управления МГБ падает женщина — пестрый комочек безжизненно расслабленного тела... Выскочили из роскошного парадного подъезда какие-то люди, споро, без суеты, подхватили

комочек и унесли внутрь. Часовые, сверкая примкнутыми штыками, продолжали мерно шагать вдоль фасада ничем не выдававшего своей деятельности учреждения...

Это — характерная особенность всей серии «ленинградских дел»: при всем их размахе они, в отличие от политических репрессий 20-х и 30-х годов, раскручивались в глубочайшей тайне и от нашего народа, и от международной общественности.

Отгороженный непроницаемым «железным занавесом» от мировой цивилизации, народ наш и не представлял себе, что́ на самом деле говорят в мире о первом на планете Земля социалистическом государстве. До Сталина, конечно же, доносились голоса, возмущавшиеся его кровавым режимом, но до поры и до времени, пока международная обстановка оставалась относительно стабильной, его не очень-то волновала слава крупнейшего в истории преступника. Но вот в мире запахло порохом. Чтобы хоть сколько-нибудь оттянуть нападение на нашу страну, пришлось резко активизировать внешнеполитическую деятельность — образ кровожадного тирана стал нашему «великому вождю и учителю» в тягость. В 1939 году на XVIII съезде ВКП(б) он объявляет о крутом повороте в своей карательной политике: «Теперь основная задача нашего государства внутри страны состоит в мирной хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работе. Что касается нашей армии, карательных органов и разведки, то они своим острием обращены уже не во внутрь страны, а во вне ее, против внешних врагов».

Он не только объявил об этом повороте. 17 ноября 1938 года они с Молотовым подписали и разослали в местные партийные органы и органы НКВД документ с «разоблачениями» массовых беззаконий, разогнали — кого расстреляли, кого посадили или выгнали, заменив совсем новыми людьми,— ставшую слишком одиозной «ежовскую команду»...

И... все оставили по-старому. Более того, 10 января 1939 года, спустя всего полтора месяца после «разоблачающей» и «строго предупреждающей» ноябрьской (1938 г.) директивы «против беззаконий», Сталин снова и официально санкционирует, поощряет применение пыток: «ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно (!— *Авт.*) применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и нера-

зоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод»*.

По-прежнему действовали многочисленные драконовские политические статьи уголовного кодекса, на полный ход работала запущенная еще в чрезвычайных условиях гражданской войны машина *внесудебных* репрессий, явно вошедшая в грубое противоречие с Основным Законом СССР 1936 года. Так называемое Особое совещание при ОГПУ (потом НКВД и МГБ СССР), наделенное по первоначальному положению 1924 года лишь правом на высылку социально опасных элементов, стало *заочно* (!) и в широких масштабах лишать их права на саму жизнь. Сжить же человека с места мог фактически (особенно в глубинке) любой сержант спецслужб. «Протокольчик составил и — на высылку»,— весело бросил нам бывший сотрудник «органов». Положение граждан усугублялось нигилистическим отношением «вождей» к самой правовой культуре в стране. Даже в 1946 году только 12 процентов работников юстиции имели высшее образование, свыше 70 процентов (!) не имели никакой юридической подготовки... На судебных процессах по делам Абакумова, Рюмина и других костоломов выяснилось, что подавляющее большинство из них не дотянули до окончания даже семилетки...

Единственным следствием сталинского поворота в карательной политике с осени 1938 года оказалось всего лишь то, что, не переставая творить преступления, Сталин и его окружение стали теперь тщательно их скрывать.

— Как выделенной, правовой картины страны сороковых — начала пятидесятых годов мы не имеем вовсе,— заявил одному из нас историк государства и права профессор А. И. Королев. Хотя, возможно, уточнили его коллеги — ученые-правоведы, она не менее страшная, чем это было в тридцать пятом — тридцать седьмом.

Трагедии выселения «на вечные времена» целых народов; репрессии против огромного массива бывших военнопленных и репатриантов (почти пять с половиной миллионов человек), многих из которых, после соответствующей «фильтрации», отправляли не по домам, а — под конвоем — на «великие стройки коммунизма»; колоссальные «чистки» (1947—1953 гг.) крупных городов и целых районов от «социально чуждых элементов» (**всех** бывших ссыльных, давно отбывших свой срок политиче-

---

* Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 145.

ских заключенных, лиц дворянского и кулацкого происхождения, «националистов» и т. д. и т. п.); многочисленные жертвы борьбы с «космополитизмом» и «низкопоклонством перед Западом»...— вот тот правовой фон, на котором раскручивалось «ленинградское дело». Сугубо «внутрипартийное», локальное, отражавшее только яростную клановую схватку за «наследие» диктатора, оно не привлекало к себе широкого внимания — утонуло в общенародной беде. К тому же его стали не только скрывать (в прессе тех лет не найти на него даже намека), но и особым образом камуфлировать...

Обстановку в правоприменительных органах Ленинграда тех лет нам частично обрисовал бывший заместитель прокурора города А. Д. Тихомиров. По понятным причинам крайне осторожный, не слишком словоохотливый, он, присланный в сентябре 1949 года, все же согласился повспоминать начало своей долгой деятельности в Ленинграде.

Первый сигнал об особом характере своей будущей работы он получил на приеме у нового второго секретаря ЛГК ВКП(б) Ф. Р. Козлова.

— Сначала все как обычно: кто? что? происхождение?.. И вдруг услышал, что прислали меня из Ярославля. «Постой, так ты *при Турко* там работал?.. Ты с ним разговаривал?!» — «Минут семь, пока, как у вас сейчас, обсуждалась моя кандидатура...» — «А потом?..» — «Потом ничего: он наверху, я внизу — никаких контактов...» Козлов заглянул в какие-то бумаги: «Ладно, ясно...»

Следующие неожиданности ждали Тихомирова уже в самих юридических кругах: прокурор Ленинграда С. Н. Однаков — новый, только что переведен с Дальнего Востока (его предшественника А. С. Неганова, еще совсем недавно отмеченного орденом, отправили в Киров, там его как «попковца» не приняли,— с трудом нашел место следователя в Прибалтике), заместители — новые, руководство УМГБ, УМВД, судов — все новые...

— Самое тяжелое,— продолжал Алексей Дмитриевич,— обстановка взаимной подозрительности. С работниками МГБ мне, прокурору по надзору за их деятельностью, просто опасно было разговаривать. Ни одно дело, ни один арест, в том числе и для Особого совещания, суда, без моих «утверждаю» и печати, производиться не могли... А теперь представьте мое прокурорское положение:

является в городскую прокуратуру с двумя своими офицерами заместитель начальника Ленинградского УМГБ Лякин, протягивает мне папку: «Познакомься...» В бумаге, адресованной УМГБ, примерно такой текст: «Согласно прилагаемому списку возбудите уголовные дела, арестуйте и представьте обвиняемых в Особое совещание при МГБ СССР. С ЦК партии согласовано. Абакумов». Поперек — резолюция цветным карандашом: «Согласен. Андрианов». Что прокурору делать?.. А тут еще такая история. Я обязан проверять исполнение санкции. Смотрю: двух старух из того списка не тронули. Звоню начальнику следственного отдела: «Наумов, почему такие-то не арестованы?..» — «А что мы с ними делать будем — одну в следственный отдел на «скорой» доставили и на носилках вносили; другую — еле под руки ввели?.. Ты — прокурор: подумал бы...» Я взял и эти дела прекратил. И что вы думаете!.. Сам же мне этот Наумов и звонит: «Алексей Дмитриевич, ты что — с ума сошел: отменять указания Абакумова и Андрианова!.. Генерал приказал подготовить письмо в обком партии на тебя. Бросай свой либерализм! Что тебе эти старухи? Отправляй в Особое совещание...» Я, поверите ли, три дня по дому, как оглушенный, бегал, у самого же — жена, ребенок... Повезло: через три дня из Особого совещания вернули целый ряд точно таких же дел — «прекратить ввиду престарелости и в связи с отсутствием социальной опасности...» Это меня и спасло — не пошло письмо в обком партии...

Тревога за судьбу близких по-человечески понятна. Но мы спрашивали и о чувствах по отношению к тем, кого произвол, включая и прокурорский, ставил в обстоятельства драматические и даже трагедийные. Тщательно подбирая, взвешивая каждое слово, Тихомиров ответил:

— В мои обязанности входил и надзор за местами заключения: КПЗ на Дворцовой площади на две тысячи восемьсот человек, еще одна тюрьма — на две тысячи, женская и внутренняя МГБ. Каждую из них я ежемесячно обходил. Ну что, зайдешь: «Жалобы есть?» — «Нет». — «Книги дают?» — «Дают». Понимаете, жалоб почти не поступало! Почти. Я и в допросах участвовал — жалоб не было. И мне не приходилось встречаться ни с одним случаем избиений во время следствия... Не было жалоб!

— Можно так вас и процитировать?..

— Гм... Нет. Я не утверждаю, что не били. Я говорю только, что *я* с этим не встречался. А так... Может быть, к

моему приходу их как-то замазывали, припудривали — станут разве такое афишировать?.. А «по большому счету»?.. Я — воспитанник сталинских времен и работал совершенно искренне. Говорили: «Надо очищать Ленинград от всякой нечисти» — я очищал. Что же касается конкретных судеб и дел, то так вам скажу: с моей стороны было бы неумным бахвальством утверждать, что я отдавал себе отчет в их ненужности и противозаконности — что я двурушничал. Разве же это не трагедия?.. Я никогда не собирался вредить Советской власти. И я же ей вредил. Вредил! И в этом, повторяю, моя трагедия...

Этот вроде бы хоть потом понял что-то. («В пятьдесят шестом, когда *они* вернулись,— говорил он нам,— а ведь многие видели меня на допросах, процессах, при предъявлении обвинений,— я понял: я морально устарел, устарел, как устаревает машина...»)

А другие подручные Андрианова — инициаторы и фальсификаторы многочисленных грязных дел?.. Поднятый своим «шефом» до поста второго секретаря Ленгоркома ВКП(б) «типичный блондин с типичными полицейскими замашками» (определение ветеранов) А. В. Носенков, опираясь на прошлые связи, в декабре 1953 года потихоньку сбежал в Москву, в аппарат ЦК партии. Потом, говорят, добрался до кресла министра бытового обслуживания населения РСФСР. В мае пятьдесят третьего же года скромно ушел на учебу в Высшую партийную школу при ЦК КПСС и не менее памятный жертвам «ленинградского дела» своими интригами и буйной фантазией на «обвинения» Н. А. Романов, «мозговой трест» андриановской клики. Через год его двинули в культуртрегеры — возглавлять Ленинградское областное управление культуры*. Затем он, передав в апреле 1956 года эту непыльную по тем временам должность еще одному погромщику — председателю парткомиссии при ЛОК КПСС (помните: «начальником пытошной» прозвали его в кругах партработников?) А. Я. Новикову, устроился уполномоченным Совета по делам русской право-

---

* Выступая в марте 1955 года на партийном собрании трансформаторного электроремонтного завода, его директор П. П. Пирогов говорил в связи с этим: «...Некто Романов, будучи заведующим особым сектором обкома Андрианова, изрядно испачкавший в крови свои руки по фабрикованию дел на активистов-коммунистов Ленинградской партийной организации, ныне работает начальником управления культуры Ленинградского облисполкома. Какую же «культуру», с позволения сказать, может насаждать указанный «деятель»? (ЛПА. Ф. 25. Оп. 68. Д. 11. Л. 49.)

славной церкви. На время — пока в октябре того же 56-го года друзья и приятели не расчистили ему теплого местечка в Москве.

Трусливо бежал (даже на пленум обкома, отрешавший его в 1953 году «за ошибки в работе» от должности, не явился) и главный маленковский ставленник в городе на Неве Андрианов. Ему подобрали стул заместителя министра Госконтроля СССР. Потом тихо отправили на пенсию. Разумеется, персональную и всесоюзную. Еще бы, если даже в 1980 году, когда гнусная роль В. М. Андрианова в послевоенной истории партии ни для кого не составляла секрета, авторы 12-томной Истории СССР (главный редактор академик Б. Н. Пономарев) не нашли для этого приспособленца и негодяя иного определения, кроме как «опытный и авторитетный». У *кого* авторитетный?.. *В чем* опытный?..

Впрочем, и без того многогранную репрессивную практику сталинизма Андрианов и его компания действительно кое в чем и обогатили...

Секретаря Ленинградского ГК ВКП(б) Вячеслава Павловича Щербакова (всю войну он работал секретарем, первым секретарем важнейшего для города-фронта Красногвардейского РК партии) вывели из состава горкома ВКП(б) в сентябре 1949 года. «...По сговору с бывшим секретарем горкома Николаевым,— записано в постановлении ЛГК ВКП(б),— стал на антипартийный путь сохранения и протаскивания на руководящие посты скомпрометированных работников, не оправдавших доверия партии и снятых с занимаемых постов... пытался протаскивать на руководящую работу бывшего заместителя председателя исполкома Ленсовета Решкина...»

Со следующего дня знающий и опытный инженер В. П. Щербаков уже и сам оказался безработным и даже подпадающим под рискованное определение «тунеядца». На какую должность ни сунется — бдительные андриановские соглядатаи сразу же объявляют ее «руководящей». И так — месяц за месяцем, от завода к заводу, от учреждения к учреждению безрезультатно ходили люди, бесценный опыт которых собирался, накапливался и проверялся в блокаду и в сложнейших условиях восстановления Ленинграда. (В. Ф. Шишкин, работавший до «ленинградского дела» помощником П. С. Попкова, после долгих мытарств устроился преподавателем русского языка

и литературы в 28-е ремесленное училище. «На директора,— рассказывал Виталий Федорович,— сделали «накатку»: «пригрел бывшего»,— пришлось уйти. Спасибо добрым и смелым людям, принявшим на такую же работу в техникум физкультуры...») А Андрианов придумал для них и еще одну каверзу: в «своем» районе, где опальный когда-либо работал, руководил, трудоустройство категорически запретил. Бесцеремонно выбрасывали с работы жен, других родственников — семьи обрекались на голодное существование...

Казалось бы, ну чего же еще?.. Придумали! Пополнили арсенал средств сталинского геноцида против собственных партии и народа. В конце 1951 года в прокуратурах города и районов одновременно и вдруг началась лихорадочная подготовка целой серии *групповых* «хозяйственных» дел с обвинением бывших партийных и советских руководителей городских районов в «хищении социалистической собственности». Как правило, «в крупных» и «особо крупных размерах». Стряпались они во всех районах по одному-единственному примитивному шаблону.

— Подходила, допустим, к концу районная партийная конференция,— делился с нами тем давним «опытом» непосредственно участвовавший в фальсификации «районных дел» (они так и назывались: «дело Смольнинского района», «Дзержинского», «Куйбышевского», «Октябрьского», «Петроградского»...) бывший заместитель городского прокурора А. Д. Тихомиров.— Из аппарата райкома звонили директорам предприятий: «Надо бы организовать товарищеский ужин...» Делали. Украшения и наглядная агитация на митингах и праздничных демонстрациях, на избирательных участках и в агитпунктах. Есть норматив расходов. Их, конечно, никогда не хватало, да еще каждый хочет отличиться... Опять делали. Все это мы рассматривали как хищение социалистической собственности. До мелочей. Не слышали, как в одном из районов подарили уезжавшему в Москву Кузнецову чугунную скульптурку «Медного всадника»?.. Тоже — хищение соцсобственности. Я, правда, из обвинительного заключения этот эпизод изъял. Но он там был. Политика?.. Политических преступлений мы им не инкриминировали. Но подпочву, конечно, чувствовали — продолжение «ленинградского дела»...

Ее невозможно было не чувствовать — выдавала хотя бы синхронность: в один день, 15 августа 1952 года, были арестованы и преданы суду свыше пятидесяти человек,

работавших во время блокады и после войны секретарями райкомов и председателями исполкомов...* Андрианов и его подручные наносили рассчитанный, жестокий и подлый удар по сложившемуся у ленинградцев моральному, нравственному образу тех, кто руководил ими в трагически тяжкие месяцы и годы блокады.

В обывательских пересудах, слухах и домыслах отзвуки этого удара докатились даже до наших дней.

Перед арестом второго секретаря Рязанского обкома ВКП(б) Павла Васильевича Кузьменко (до этого он работал в Ленинградском горкоме) заместитель председателя ЦКК Шкирятов вызвал его на прощальную беседу: «Кузьменко, ты — самый коварный и заядлый враг: все уже признались, а ты сопротивляешься партии...» В 1954 году, когда всех оставшихся в живых заключенных по «ленинградскому делу» освободили и шел процесс полной их реабилитации (кстати, теми же, кто его и фальсифицировал), Кузьменко снова попал в кабинет к Шкирятову и услышал от него полную пафоса тираду: «Спасибо вам, товарищ Кузьменко, за то, что вы своей стойкостью большевика — непризнанием сфальсифицированных обвинений — не ввели в заблуждение Центральный Комитет партии...»

Не только на следствии, но и на службе, в быту, семейных делах, других жизненных обстоятельствах каждый вел себя по-своему. Но есть и равняющее, объединяющее их в единый образ — все они были людьми своего и только своего времени, подчинявшимися *его* стереотипам, нацеленными на *свои* идеалы, признававшими главенствующие в той социальной среде ценности...

Мы не нашли ни малейших доказательств тому, что хотя бы кто-нибудь из них жил двойной политической моралью. Нелепы выдумки, будто кто-то (писали такое, не заботясь о надежной аргументации, о А. А. Кузнецове, например) был в явной либо тайной «оппозиции» к Сталину, боролся с пороками его режима или пытался их как-то исправить. Напротив. Все они честно и добросовестно ему служили, а многие, может быть, даже честнее, чем «ближайшие соратники». А это *неизбежно* приводило некоторых и к соучастию в сталинских преступлениях.

---

* Подробнее о «хозяйственных» процессах «ленинградского дела» читайте в воспоминаниях В. В. Садовина, М. Е. Червякова и других.

Полномочные члены высших и региональных органов власти, блюстители Конституции и Устава ВКП(б), они знали о неприглядной изнанке общества неизмеримо больше, чем простой смертный. Но, работая с дьяволом, упорно утверждали, что служат богу...

Таким образом, в целом и по большому счету политика наиболее заметных фигур из «ленинградского дела» была сталинской по всем вопросам внутренней жизни страны. Но, и это важно подчеркнуть, без характерного для ближайшего окружения Сталина авантюризма и интриганской возни. В деятельности абсолютного большинства жертв этого «дела» мы не нашли признаков их личного и сознательного участия во внутриклановой схватке за «наследие» Сталина, как раз и вызвавшее «ленинградское дело».

Собранные нами многочисленные факты убедили авторов и в том, что шумная кампания маленковско-андриановско-абакумовской клики по ошельмованию, дискредитации большинства пострадавших по «ленинградскому делу» как «несостоятельных руководителей» так же не соответствует исторической правде. И в годину военных испытаний, и при восстановлении разрушенного народного хозяйства страны они, по выражению одного из современников, действительно «полностью выкладывались», а некоторые показали себя и образцовыми организаторами. С 1949 года, писал нам, к примеру, бывший кандидат в члены бюро Крымского обкома партии Г. В. Ивановский, «в Крыму... сменилось шесть первых секретарей, работает седьмой; работу еще двоих я знал по Мурманскому обкому, но ни один из них не обладал в полной мере теми качествами партийного организатора, которыми обладал безвинно уничтоженный по «ленинградскому делу» Николай Васильевич Соловьев». Среди множества наших собеседников — бывших руководителей районов, предприятий, инженеров, ученых, рабочих — не оказалось таких, кто бы бросил серьезный упрек Я. Ф. Капустину и П. С. Попкову за руководство промышленностью и городским хозяйством. В том числе и во время блокады.

Искусственны, нарочиты и былые попытки ошельмовать репрессированных по «ленинградскому делу» с позиций общественной нравственности и морали. Как ни копались в их «грязном белье» многочисленные дознаватели, следователи и «доброхоты», ничего сенсационного «по части бытового разложения» они не выудили. «Я не знаю случая,— твердо и по собственной воле заявил нам быв-

ший заместитель прокурора Ленинграда по спецделам А. Д. Тихомиров,— чтобы кто-нибудь из секретарей райкомов или руководителей райисполкомов принес домой незаконно полученный рубль».

Конечно, в бытовом и житейском смысле условия существования руководителей, особенно высокого уровня, резко отличались от жизни простого труженика. Были (неискорененные и до сих пор) и «спецобслуживания», «спецпайки», и т. д., и т. п. Но не они, ленинградские лидеры, это придумали. Сталин еще с конца 20-х годов наряду со стимулом непрерывного устрашения разлагал кадры, привязывая их к своему диктаторскому режиму подачками многочисленных привилегий.

Книги — единственное богатство, обнаруженное при обыске у Соловьевых... Золотые часы — вся пожива оперативников на квартире Капустиных... «Мир обрушился бы — скажи кто, что Михаил Васильевич Басов купил себе дачу!» — не раз слышали мы такие слова об уничтоженном по «ленинградскому делу» председателе Госплана РСФСР, бывшем секретаре ЛГК ВКП(б) и первом заместителе председателя Ленгорисполкома, (много лет, кстати, прожившем в густонаселенной коммунальной квартире на Невском проспекте). Блокадный референт председателя исполкома Ленсовета Нина Павловна Дорофеева свидетельствует: «Всю блокаду я видела Петра Сергеевича Попкова в одной и той же гимнастерке. Ни разу при мне — а я чуть не круглые сутки сидела в его приемной — никто не приносил никаких свертков, пакетов, не знаю случая хоть каких-то притязаний его на так называемые „спецзаказы“». «Никаких бытовых излишеств»,— поддерживает свидетельства Дорофеевой уже послевоенный помощник П. С. Попкова профессор В. Ф. Шишкин...

Хорошие организаторы, люди житейски порядочные — тут ничего не скажешь... Но если мы хотим действительно извлечь уроки из прошлого, то должны прежде всего видеть в них политиков, полностью ответственных за события на своем участке истории. Обязаны знать и помнить: ослепленные сталинской демагогией, активно поддерживая тиранический режим и «вождизм» во всех его формах (сталинском, ждановском, кузнецовском, попковском...), они и сами соскользнули с ленинского пути развития нашего общества. И в этом тоже их большая человеческая трагедия.

«Ленинградское дело» явилось вполне закономерным результатом такой политики и одним из убедительных доказательств внутренней несостоятельности и неотвратимости крушения сталинского абсолютизма как формы существования социалистического государства. Оно стало и последним из многочисленных ударов Сталина и сталинизма по партии и ее прогрессивнейшему детищу — социализму.

«ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО»

ЧЕРНОЕ ЭХО

ИВАН ВИНОГРАДОВ

К. И. ТАММИСТУ

В. СМИРНОВ

Л. П. ГОРДЕЕВА,
Е. И. КИЛЬСЕЕВ,
П. А. РОЗАНОВ

ПЕТР ГАРМАШ

ДОКАТИЛОСЬ ДО ПСКОВА

ИВАН ВИНОГРАДОВ

РЕПРЕССИВНЫЙ СМЕРЧ, пронесшийся над Ленинградом в сорок девятом году, докатился и до псковской земли. Уже сама весть о том, что в городе на Неве сняты с постов и арестованы руководящие партийные и советские работники, а в Москве эта же участь постигла бывшего ленинградца — секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецова и других деятелей, вызвала острую тревогу у псковских руководителей.

«Что же произошло в Ленинграде? — гадали они.— Неужели заговор? Против кого? Центрального Комитета? Быть не может!»

Слухи ходили разные. Одни говорили, что ленинградцы задумали отделиться от Москвы и создать столицу в Ленинграде. Другие намекали на шпионаж ленинградцев в пользу иностранных разведок. Но, слушая эти досужие вымыслы, многие разводили руками, не верили ни в то, ни в другое.

Однако тревога псковских руководящих работников была вполне оправдана. Их волновало то, что репрессии коснулись не только тех, кто жил и работал в Ленинграде, но и других ленинградцев, оказавшихся к этому времени далеко за пределами ленинградской земли. Обойдется ли без беды? Ведь подавляющее большинство псковских руководителей тоже были выходцами из Ленинграда.

После того как 23 августа 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР была образована Псковская область, Ленинградский обком командировал в Псков группу своих работников на руководящие посты. Заведующий организационно-инструкторским отделом Ленинградского городского комитета ВКП(б) Леонтий Макарович Антюфеев был рекомендован на должность первого секретаря обкома. Ему и было поручено сформировать будущий областной партийный аппарат. Помню, пригласил он и меня (я в то время работал инструктором отдела пропаганды и агитации Ленинградского обкома

© Иван Виноградов, 1990

партии), предложил поехать на Псковщину. А я только этого и ждал. Мне очень хотелось вернуться к себе домой, на свою родину. В Пскове я был утвержден заместителем редактора областной газеты «Псковская правда».

Слов нет, некоторые ленинградцы болезненно переживали отрыв от родного города. Чтобы как-то смягчить, ослабить свои переживания, они прибегали к чисто внешним эффектам. Так, например, шрифт заголовка областной газеты «Псковская правда» оказался таким же, как и у «Ленинградской правды». При входе в здание Дома Советов были пристроены колонны, что в миниатюре напоминало вход в Смольный. Но это — мелочи. Главное: ленинградские кадры взяли в свои руки руководство областью.

И вдруг к ним — ленинградцам — подозрительное отношение, явное недоверие. Логично было предполагать, что это может коснуться и тех ленинградцев, которые оказались на псковской земле.

Тревога псковичей, бывших ленинградцев, особенно усилилась после того, как из Центрального Комитета партии прибыла в Псков авторитетная комиссия и начала проверять деятельность псковских руководителей. И хотя внешне все это выглядело вполне нормально и обычно — работники ЦК изучали положение в промышленности и сельском хозяйстве, в идеологической работе и культуре,— какое-то особое пристрастие в беседах с партийными кадрами и сам характер задаваемых вопросов настораживали.

Проверка коснулась всех звеньев партийного, советского и хозяйственного аппарата. Не помню фамилию представителя ЦК, который проверял идеологическую работу, но он не обошел и меня, хотя я в то время не занимал каких-либо высоких постов, а руководил всего лишь областной литературной группой. Проверяющий запросил все изданные нами книжки, тщательно, с карандашом в руке. прочитал их и потом в беседе со мной придирчиво цеплялся за каждую оговорку или неточное выражение, находя во всем какой-то скрытый смысл.

В моей книжке «Ясски» он жирной чертой подчеркнул одну фразу и поставил сбоку сразу три вопросительных знака. В этом месте рассказывалось, как в январе 1942 года к нам в Партизанский край прилетел заместитель начальника партизанского отдела Северо-Западного фронта А. А. Тужиков и вручил в Серболовском лесу ордена и медали отличившимся партизанам. А фраза

была такая: «В лесу, на снежной поляне, лучшие партизаны и партизанки получили из рук Алексея Алексеевича Тужикова ордена и медали». А Тужиков на момент проверки был секретарем Псковского обкома партии. И мне сразу был задан вопрос:

— С какой целью вы так возвеличиваете Тужикова? Что у него — особые руки, не такие, как у других? Вот если бы это было «из рук товарища Сталина или товарища Жданова» — другое дело. А то — Тужиков... Подумаешь! Нашли кого подымать.

Вскоре после проверки Центральный Комитет вынес постановление «О работе Псковского обкома ВКП(б)». Для обсуждения этого постановления 20 октября 1949 года был созван пленум обкома. Вторым в повестке дня пленума стоял организационный вопрос. Мне довелось присутствовать на этом пленуме и даже выступать на нем.

Пленум проходил остро. Было вскрыто много недостатков. Люди говорили об ошибках в подборе и расстановке кадров, о больших недоработках в сельском хозяйстве и промышленности, о запущенности идеологической работы. Все это было убедительно, аргументированно. Делался критический анализ деятельности руководителей области, анализ придирчивый, нелицеприятный, но такой, после которого надо было засучить рукава и энергично работать.

Нуждался в критике и стиль работы Л. М. Антюфеева. Где-то зарождалось самодовольство, начинало прорастать подхалимство, принижалась критика. На берегу реки Великой вырос особняк Антюфеева, обнесенный забором, который спускался до самой речной глади, что нарушало даже инструкцию о безопасности на воде. Однако эти явления не были только псковскими, они наблюдались и в других областях. Но в том-то и дело, что здесь была поставлена определенная цель: освободиться от бывших ленинградцев, очиститься от них.

Правда, никто напрямую не связывал недостатки и просчеты с «ленинградским делом». Можно было подумать, что обсуждались чисто псковские дела. Но это только казалось. Накал страстей, сгущение красок, грубые нападки говорили о другом замысле организаторов пленума. Во всем чувствовалась предгрозовая атмосфера. И несмотря на тщательную маскировку, невольно прорывались и прямые, истинные нотки обвинения. В Актовом зале, где проходил пленум, глухо слышались раскаты ленинградского грома.

Резкие критические выступления на пленуме были продиктованы и тем, что его участники уже знали о судьбе руководителей области: они будут сняты со своих постов. Не случайно руководивший пленумом Н. Н. Шаталин — главный инспектор ЦК ВКП(б), заместитель начальника управления кадров (а начальником был не кто-нибудь, а Г. М. Маленков) изменил порядок вопросов в повестке дня: оргвопрос он поставил первым, и когда первый секретарь обкома был уже снят, можно было бросать вдогонку ему любые камни,— не страшно.

Для меня освобождение Л. М. Антюфеева было особенно огорчительным. Я хорошо знал его, нередко ездил с ним в районы области, удивлялся его прозорливости, умению работать с людьми... Ко мне Леонтий Макарович относился с подчеркнутым вниманием, много сделал для меня хорошего. И вдруг — как гром среди ясного неба: Антюфеев — чуть ли не враг народа. Да может ли это быть?

Но обратимся к стенограмме пленума, посмотрим, как он проходил. Читаю страницу за страницей и удивляюсь: сколько же тут наносного, предвзятого, подогнанного под намеченную схему!

Пленум открыл второй секретарь обкома партии А. Н. Гуров. В президиуме сидели инспектора ЦК ВКП(б) Н. Н. Шаталин и Г. Н. Шубин, инструктор ЦК П. А. Матюшин. Обсуждение, как уже было сказано выше, началось со второго вопроса. Докладывал Н. Н. Шаталин. Он сообщил, что Центральный Комитет заслушал отчетный доклад Псковского обкома партии и признал работу обкома неудовлетворительной. В связи с этим ЦК пришел к выводу, что первый секретарь обкома партии товарищ Л. М. Антюфеев дальше руководить партийной организацией области не может. А. Н. Гуров добавил: есть решение Центрального Комитета партии об освобождении Антюфеева от работы первого секретаря обкома партии.

Леонтий Макарович попросил слова. Он был расстроен, но пытался скрыть свое волнение. Говорил негромко, сдержанно:

— Постановление ЦК партии об укреплении руководства Псковской областной партийной организации и освобождение меня от работы совершенно правильно. Я оказался недостаточно зрелым руководителем. Вся моя работа проходила у вас на глазах. Начинали мы поднимать хозяйство, как вы знаете, из пепла и развалин. Вместе с активом я рос и учился. И, прямо скажу, научился

многому... Все силы я отдавал работе, стремился сделать как можно больше, лучше для народа, для партии. Но, как вы слышали, допустил ряд серьезных ошибок, за которые, естественно, несу ответственность...

Пленум освободил Л. М. Антюфеева от обязанностей первого секретаря и вывел его из состава бюро обкома партии. Далее Шаталин сообщил, что ввиду запущенности в Псковской области идеологической работы ЦК пришел к выводу: секретарь обкома С. В. Перминов, ведающий этим участком, тоже не сможет обеспечить дело — и принял решение освободить его. И это предложение было также принято единогласно.

— Центральный Комитет,— продолжал Н. Н. Шаталин,— утвердил первым секретарем Псковского обкома партии Шубина Геннадия Николаевича.

Вопросов к Шубину не последовало, и он был единогласно избран на пост первого секретаря. Эта процедура повторилась, когда вместо С. В. Перминова избрали Петра Ананьевича Матюшина.

После этого развернулись прения. Из тридцати записавшихся выступили 24 человека. Стрелы критики, как уже говорилось, были острыми и жгучими. Досталось многим членам бюро обкома партии и секретарям. Временами возникала перепалка.

Двое выступавших коснулись и меня, представили как «потерпевшего» от неправильных действий Л. М. Антюфеева. Но это было не так. Я не считал себя потерпевшим. Просто однажды выступил с критикой в адрес обкома, а со мной не согласились.

Пришлось мне выступить на пленуме, чтобы внести ясность. И тут не было никакого навета. Я действительно однажды покритиковал обком за неправильное отношение к газете, за мелочную опеку, за низкий уровень критики. В самом деле, нормальное ли дело, когда мы, журналисты областной газеты, по указанию С. В. Перминова ходили согласовывать свои материалы, прежде чем их напечатать, с заведующими отделами обкома партии, с начальниками областных управлений, работниками обкома комсомола, с инструкторами обкома и облисполкома. Об этом я и заявил в обкоме партии.

— Я считал,— говорил я на пленуме,— что сделал нужное партийное дело. Если я прав — прислушаются, если не прав — поправят, если оклеветал кого-то — накажут. Но не было ни первого, ни второго, ни третьего. Ко мне не прислушались, меня не поправили и не наказали.

А газета по-прежнему страдает от мелочной опеки. Зато ко мне отношение резко изменилось.

Когда объявили перерыв, все поднялись с мест и направились к выходу. Л. М. Антюфеев одиноко сидел в третьем ряду в зале. Мне показалось странным: все отвернулись от него. Потом он встал, подошел ко мне и сказал:

— Помните, я вам советовал в своих произведениях уходить от конкретных фамилий? Видите, что происходит с людьми. Вчера человек был вполне достойным, а сегодня... Вот назвали бы вы меня в своей книге подлинным именем, а я, как видите, уже сошел со сцены.

Не могу не высказать своего недоумения, возникшего при изучении архивных материалов, связанных с «ленинградским делом». Почему никто из нас, участников пленума, не вступился за Л. М. Антюфеева? Казалось бы, встать и сказать: «Товарищи! Что же это происходит? Мы жестоко осуждаем человека, снимаем его с поста, ломаем ему судьбу, а ведь он этого не заслуживает». К сожалению, этого мы не сделали. Что помешало? Боязнь потерять свой пост, лишиться благополучия? Может быть, и это. Но главное: мы очень верили в правоту всего, что делалось по линии Центрального Комитета партии, считали действия ЦК правильными, хотя и сомнения были тоже немалые.

Зато в зале нашлись люди, правда, их были единицы, готовые погреть руки на чужой беде. Эти рьяные обвинители старательно мазали черной краской псковских руководителей, отмежевывались от них, выпячивали себя, демонстрируя свою принципиальность, чтобы на этой волне возвыситься в глазах нового руководства. Частично они признавали и свою вину за дела в области, но в основном стремились взвалить все грехи на Л. М. Антюфеева.

Чем дальше шел пленум, тем яснее становилось, отчего загорелся сыр-бор в Пскове. Перед глазами маячила ленинградская трагедия. Да и сам Н. Н. Шаталин своими репликами прозрачно намекал на это.

Сначала один из ораторов намекнул на то, что Антюфеев имел «руку» в ЦК в лице товарища Кузнецова и через него решал все вопросы. Очень активно поддержал эту мысль заведующий транспортным отделом обкома партии И. А. Дорофеев.

— Антюфеев привез сюда своих бывших сослуживцев,— сказал он,— подбирал кадры по знакомству. Этот порочный стиль в работе он завез к нам извне, из Ленин-

града. Ведь не секрет, что товарищ Антюфеев в 1947 году выезжал в Ленинград специально для консультации, для того, чтобы получить там инструктаж, как работать. Разве неизвестно, что он считает себя учеником не товарища Кирова и Жданова, а, я подчеркиваю, считает себя учеником Кузнецова?! Вот где корень серьезных политических ошибок...

Во время выступления секретаря обкома партии И. И. Иванова директор педагогического института П. П.Михайленко тоже подбросил дровишек в огонь.

— Чем вызван приезд в Псков Попкова и пышная встреча, устроенная ему? — спросил он.

— Вы задайте этот вопрос тому, кто встречал Попкова,— ответил Иванов.

В заключительном слове Л. М. Антюфеев ответил на этот и на другие вопросы. Он сказал:

— Здесь говорили, что Антюфеев имеет «руку» в ЦК, и называли Кузнецова. За все время работы я беседовал с Кузнецовым по телефону два раза по деловым вопросам. Если нужно рассказать об этом, то я расскажу. Мне скрывать от пленума обкома и от ЦК партии нечего. Отсюда судите сами, имел ли я там руку или не имел этой руки. Товарищ Дорофеев сообщил еще одну новость: якобы я ему говорил, что являюсь учеником Кузнецова. Может быть, я настолько уважал товарища Дорофеева, что только ему одному и поведал об этом? Не говорил я этого, и даже в мыслях не было. Считать себя учеником Кузнецова я не могу, так как им не являюсь. Товарищ Дорофеев сделал заключение, что порочный стиль я завез из Ленинграда. Я не знаю, как можно возить стиль в чемодане. Стиль работы вырабатывается в течение определенного отрезка времени. Поэтому говорите то, что есть на самом деле, не выдумывайте, не заслужил я этого. У меня совесть спокойна.

Затем Л. М. Антюфеев рассказал о приезде в Псков П. С. Попкова.

— Вам судить, товарищи, правильно я поступил или нет. Как-то вечером нам сообщили со станции о том, что приехал Попков — секретарь Ленинградского обкома и горкома партии, кандидат в члены ЦК ВКП(б). Я тут же позвонил председателю облисполкома Перегуду, и мы поехали на станцию. Предложил Попкову посмотреть город, зашли в Дом Советов, а потом я пригласил его пообедать.

Шаталин грубовато прервал Антюфеева:

— Вы наивно ведете себя! Подумаешь, приехал кандидат в члены ЦК ВКП(б)! Сюда приезжали и члены ЦК, и члены Оргбюро ЦК, но вы не встречали их...

После пленума в «Псковской правде» было опубликовано информационное сообщение. Оно состояло из полутора десятков строк. В нем говорилось о замене двух секретарей обкома. Никаких комментариев и никакого подробного отчета. Тогда было так принято. И о последующих пленумах публиковались лишь короткие сообщения.

С ЭТОГО НАЧАЛОСЬ. А дальше... Дальше — репрессивная машина стала набирать обороты. Вслед за Л. М. Антюфеевым и С. В. Перминовым был снят с поста второго секретаря обкома партии и выведен из состава бюро А. Н. Гуров. Бывший председатель Псковского облисполкома В. Д. Семин работал в то время в Москве, заведовал отделом Совета Министров РСФСР. Но и его, как бывшего ленинградца, не оставили на прежнем посту. Коснулось «ленинградское дело» и бывшего секретаря Псковского обкома партии по идеологии Н. И. Пономарева, работавшего в аппарате КПК при ЦК ВКП(б). Его даже исключили из партии (потом он был восстановлен и работал секретарем парткома Ленинградского политехнического института имени Калинина).

Не миновал снятия и редактор газеты «Псковская правда» А. П. Гришкевич. 17 декабря 1949 года он в последний раз подписал номер газеты. Следующий номер — за 18 декабря — вышел уже за моей подписью, как исполнявшего обязанности редактора. Но меня тоже ожидала неприятность.

Страна отмечала 70-летие со дня рождения И. В. Сталина. Ответственно готовились к этой дате и мы, журналисты. И надо же было такому случиться: 21 декабря, в день рождения Сталина, газета утром не вышла. И хотя мы работали всю ночь, но нас подвели работники ТАСС. Они растянули передачу юбилейных материалов, которые мы обязаны были поставить в номер, почти до утра. Подумать только: в такой день не вышла газета!

Едва я вернулся утром домой, не успел еще прилечь отдохнуть, как раздался звонок из обкома. Меня вызывали на экстренное заседание бюро. Вопрос один: почему «в такой знаменательный день» сорван выпуск областной газеты? Я доложил, как было дело. Мне и верили, и не верили. Но и заподозрить меня в умышленном срыве не бы-

ло никаких оснований. За меня вступился А. А. Тужиков. Поверили в мои доводы и остальные члены бюро. И хотя я аргументированно доказал, что никто из нас, псковских журналистов, ни в чем не виноват, все равно обвинили ответственного секретаря редакции Л. Г. Трумпельдора. Ему пришлось расстаться со своим постом.

Вскоре в Псков прибыла большая группа партийных работников, направленных Центральным Комитетом «для укрепления кадров» в нашей области. В числе их был и Григорий Григорьевич Ларионов, которого утвердили редактором «Псковской правды». Я стал его заместителем. Меня в области знали многие и потому чаще всего приносили свои материалы именно мне, надеясь, что я дам им ход. Но я сам оказался бесправным. Принесу, бывало, статью Г. Г. Ларионову (в коллективе его в шутку называли Гри-Гри), а он поднимет на меня глаза и, не читая статьи, непременно спросит:

— Это кто? Старый работник или вновь присланный?

— Старый,— говорю,— но честный, порядочный человек.

— Среди старых работников порядочных нет,— отвечал мне Ларионов и открывал правый ящик письменного стола, куда он складывал материалы, предназначенные к сдаче в архив.

Если я приносил статью «нового» работника, неважно какую по качеству, она ложилась в левый ящик стола, что означало — будет опубликована, ей давалась зеленая улица.

Волна снятия с постов, разного рода обвинений и доносов катилась все дальше. Все это называлось «оздоровительной работой». «Старые» кадры освобождались без особого разбора. Формулировки применялись стандартные. Некоторых освобождали, как «не обеспечивших руководства», но чаще всего — «как не оправдавших политического доверия».

На очередном пленуме, который состоялся 24—25 января 1950 года, были выведены из состава членов обкома сразу 20 руководящих работников — с той же стереотипной формулировкой: «как не оправдавшие доверия». В их число вошли Л. М. Антюфеев, А. Н. Гуров, А. И. Перегуд, С. В. Перминов, А. П. Гришкевич, заместитель председателя облисполкома В. И. Жидков, первый секретарь обкома комсомола Н. Е. Хитров, секретарь облисполкома М. Б. Вишнякова, заведующий особым сектором обкома партии А. К. Зальнов... В газете сухо и бесстрастно пере-

числялись эти фамилии без каких-либо объяснений. В чем провинились эти люди перед страной, перед партией? Почему им отказано в доверии? Об этом ни слова. Газета называла вновь назначенных работников. Кто они? В печати о них не говорилось.

Было странно слышать и читать в печати, что недавние организаторы партизанской борьбы, бесстрашные вожаки народных мстителей, командиры и комиссары бригад, руководители партийного подполья, такие, как Н. А. Рачков, А. В. Юрцев, А. Г. Поруценко, В. А. Акатов, которые прошли огонь и воду, тоже попали в число тех, кому отказано в политическом доверии.

На январском пленуме 1950 года подводились первые итоги «оздоровительной кампании». На трибуну поднимались руководители организаций и учреждений, докладывали о ходе массовой чистки кадров, называли количество освобожденных работников. В зале то и дело звучали слова: «...как не внушающие политического доверия». Выступая на пленуме, Г. Н. Шубин не утруждал себя в выборе выражений. Он говорил:

— При внимательном рассмотрении дел выяснилось, что редакция нашей областной газеты возглавлялась порочными людьми... Редактор Гришкевич и его заместитель Князев, а также другие сотрудники были отстранены от работы... Обследование Пыталовской и Качановской партийных организаций показало, что руководители этих районов товарищи Поруценко и Гудков полностью обанкротились, и их пришлось снять с постов... Если рассматривать всю работу в целом, то можно смело заявить, что областная партийная организация делает правильные выводы из постановления Центрального Комитета...

Шубин сообщил, что на железнодорожном узле «орудовали» (слово-то какое подобрал!) недостойные люди, и назвал их фамилии. Примерно такими же нелестными словами он характеризовал обстановку в областной прокуратуре, на заводе радиодеталей, в Порховском райкоме партии и в других организациях.

На пленуме критиковали и тех, кто попытался принять на работу освобожденных по «политическому недоверию». Новый заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов обкома ВКП(б) Н. С. Черемхин отругал председателя президиума облпотребсоюза Ф. И. Стрелкова за то, что тот обратился в обком с просьбой разрешить ему оформить на работу своим заместителем А. К. Зальнова или Н. Е. Хитрова.

— Видите, какие кадры подыскал Стрелков к себе на работу!— запальчиво заявил Н. С. Черемхин.

— За три месяца вычищено из партийного аппарата области 270 недостойных людей,— похвалялся на пленуме Г. Н. Шубин.— Большинство из них активно сотрудничало с врагом. Но довольствоваться сделанным нельзя. Это только первые шаги...

В постановлении пленума было записано: «Принять необходимые меры по очищению областных и районных организаций и учреждений от лиц, не внушающих политического доверия...»

Чистка продолжалась. На апрельском пленуме 1950 года был выведен из состава членов обкома и бюро обкома, как «не оправдавший доверия», первый секретарь Псковского горкома партии В. Ф. Михайлов, который в годы войны руководил Псковским подпольным партийным центром. Мне довелось присутствовать на этом пленуме. Главная «вина» В. Ф. Михайлова состояла в том, что его брат, проживающий за «семью морями» на Дальнем Востоке, был осужден за антисоветскую деятельность. «Откопали» в архивах данные о том, что и сам Михайлов когда-то исключался из партии и скрыл это.

На следующем партийном пленуме, который состоялся 5—6 июня 1950 года, были выведены из состава членов обкома все с той же злополучной формулировкой, «как не оправдавшие доверия», начальник Управления МВД Н. А. Алмазов, председатель горисполкома П. Е. Одновалов и ответственный секретарь Псковского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний В. И. Новицкий. В августе — заместитель председателя облисполкома Е. А. Фурдман...

В то время искали любую зацепку в биографиях людей, чтобы перечеркнуть все доброе, что сделано человеком. В вину ставилось и нахождение на оккупированной территории, и недостойный поступок кого-то из родственников, и критические высказывания на собраниях. Дело дошло до того, что многие партизаны опасались писать в анкете о своем участии в партизанской борьбе на оккупированной врагом земле.

Кстати, нас, бывших ленинградских партизан, возмущало и то, что в городе на Неве был закрыт Музей обороны Ленинграда. Какие там были экспонаты! Наиболее известным партизанским бригадам — Второй, Третьей и Пятой — там были отведены отдельные залы. Специаль-

ная экспозиция была посвящена партизанской печати. И все это предали забвению, куда-то убрали или уничтожили. Может быть, там излишне выпукло были показаны руководители обороны Ленинграда? Ну ослабили бы их показ. А зачем же закрывать уникальный музей?

Удивительно, что поголовная чистка кадров на Псковщине, поиски «неблагонадежных» не связывались напрямую с «ленинградским делом». По документам получается так, словно все эти массовые репрессии, снятие с постов, навешивание ярлыков были обычной работой по укреплению кадрами партийного аппарата. И все наказания выносились только за недостатки в работе. Но какой парадокс: до этого все шло более или менее нормально, ладно, и вдруг, словно землетрясение качнуло псковскую землю, и полетели со своих постов руководящие работники.

НЕ ИЗБЕЖАЛ В КОНЦЕ КОНЦОВ воздействия ленинградской грозы и секретарь обкома А. А. Тужиков. Сначала к нему не придирались, щадили. Он не ленинградец, прошел славный путь руководителя партизанской борьбы на Северо-Западном фронте, его знали и уважали все партизаны Псковщины. Это как-то спасало Тужикова. Из пяти секретарей обкома ВКП(б) он оставался единственным, кого не сняли. Но обстановка для него была более чем тяжелой. Начались всякого рода придирки. Новый первый секретарь обкома Г. Н. Шубин старался хоть в чем-то уличить Тужикова, искал повод для его освобождения. И тут использовалось все, вплоть до мелочей. Поговорил Алексей Алексеевич со старым знакомым — уже подозрение: «О чем сговаривались?..» Задержался где-то на несколько минут — опять замечание: «Нарушаете дисциплину. Не дорожите работой?..»

А тут нашлись, как всегда, «доброжелатели», любители выслужиться — стали наговаривать на него, писать ложные злопыхательские доносы. (Конечно, потом их самих «раскусили» и удалили с руководящих постов за беспринципность и клевету, но Тужикову все это пришлось пережить.)

Вспоминаю десятый пленум областного комитета партии, проходивший в июне 1950 года. Там разыгралась настоящая баталия по случаю отлучки А. А. Тужикова на вокзал в первый день работы пленума. Начали, правда, не с Тужикова, решили подойти к нему исподволь. Запросили объяснение у трех участников пленума, почему они

отсутствовали после обеда. Один из них — В. И. Новицкий — сказал, что он провожал друга.

— Какого друга?— оживился Г. Н. Шубин.

— Алмазова.

— А вы разве не знаете, что он решением ЦК партии снят с работы?— резко спросил Шубин.— Снят по просьбе бюро обкома за порочные методы в работе, за засорение органов МВД лицами, не внушающими политического доверия, бывшими пособниками фашистских разбойников. И вот Новицкий без всякого разрешения покидает пленум и едет провожать своего друга Алмазова. Интересы пленума он противопоставил гнилой дружбе с этим халтурщиком. Я должен сообщить пленуму, что начальником канцелярии у Алмазова работал троцкист, личный шофер у него — сын расстрелянного врага народа. Уже эти два факта характеризуют личность Алмазова. Кто еще провожал его?

— На вокзале был товарищ Тужиков, но он провожал свою жену,— сказал Новицкий.

— Это что, случайное совпадение?— Шубин вскинул глаза на Тужикова.

— Да, я Алмазова не провожал,— ответил Тужиков.— Я провожал жену с ребенком в Новосибирскую область. Так совпало, что в этом поезде ехал и Алмазов.

И тут началось такое, что не укладывается в рамки разумного. Тужикова обвинили в том, что он провожал на вокзале освобожденного по «политическому недоверию» бывшего начальника Управления МВД Н. А. Алмазова.

— Вы обманули меня!— кипел Шубин.— Просились у меня на пятнадцать минут, чтобы проводить работника КПК Никифорова, а сами провожали жену, которая ехала в одном купе с вашим личным другом Алмазовым. Вы хорошо знали проделки Алмазова, но скрывали от бюро. Материалы об Алмазове мы получили не от вас. Что вас связывает с Алмазовым? Единство взглядов?

Допросили заведующего финхозсектором обкома партии Н. И. Есина, который был на вокзале — провожал работника КПК.

— Я видел, как Тужиков вошел в купе, внес чемодан и быстро вернулся к машине. Там же, в купе, был Алмазов,— сказал Николай Иванович.

— Я только попрощался с женой, остальным поклонился и ушел,— пояснил Тужиков.— Я уже девятнадцать лет в Пскове. Приехал сюда солдатом-пограничником. В двадцать лет стал секретарем горкома, в двадцать

шесть — секретарем окружкома. Потом работал первым секретарем сначала Сошихинского, а затем Островского райкома партии. А вы отчитываете меня, как мальчишку.

Но Тужикова продолжали донимать вопросами: прощался ли он с Алмазовым, взглянул ли в его сторону... И это на пленуме, где сидели десятки ответственных работников!

Кто-то подбросил новое обвинение:

— Когда вы были в командировке в Полновском районе, почему ночевали на квартире секретаря райкома Петровой? Ведь она бывшая жена троцкиста.

— Пусть скажут секретари райкомов партии, у кого из них я не ночевал,— ответил Тужиков.— Гостиниц-то нет. Не на улице же оставаться...

Тужикову пришлось шесть раз выходить на трибуну для объяснений.

А теперь посмотрим, кто же такой Н. А. Алмазов, что нельзя было ни провожать его, ни взглянуть в его сторону? Что же это был за человек, общение с которым расценивалось как предательство интересов партии?

В годы Великой Отечественной войны Николай Алексеевич Алмазов являлся заместителем начальника Ленинградского штаба партизанского движения, направлял деятельность партизан, вылетал в тыл врага, был в нашем Партизанском крае. После образования Псковской области получил назначение на пост начальника областного управления МВД. В трудных условиях на очищенной от фашистов территории вел борьбу с бандитами, скрывавшимися в лесах.

Тужиков дружил с ним. Вместе ходили на охоту (оба заядлые охотники). Алмазова освободили, как и других, за «политическое недоверие». Но из партии не исключили, дали направление на другую работу — начальником лагеря в Горьковскую область. Он там честно работал, заочно закончил Высшую партийную школу (мы встречались с ним в Москве, когда он приезжал сдавать экзамены, а я учился в этой школе на стационаре). Почему же его считали чуть ли не прокаженным?

Читаю сейчас документы того времени, лежащие в личном деле Тужикова в архиве, и не могу сдержать горькой улыбки. Ну как не покачать головой, читая такую, например, запись: «По некоторым сведениям, А. А. Тужиков поддерживал связь и не раз встречался с начальником Ленинградского штаба партизанского движения М. Н. Никитиным и его заместителем М. Ф. Алек-

сеевым». Еще бы ему не встречаться, когда он работал в непосредственном их подчинении! Теперь на сборах в Ленинграде бывшие партизаны дружно встают, как только произносится имя Никитина, выражая ему свою признательность.

Работать в такой обстановке Тужикову стало невозможно. Хорошо знавшие его товарищи из Центрального Комитета партии отозвали Тужикова на учебу в Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б). Окончив школу, Алексей Алексеевич стал инструктором, а затем инспектором ЦК, заведовал сектором, возглавлял орготдел Комитета народного контроля СССР и везде проявил себя дисциплинированным, политически зрелым и честным коммунистом.

Как видим, А. А. Тужиков преодолел все препоны и избежал большого ущерба в жизни. В этом его счастье. Многим другим этого сделать не удалось. Почти все незаконно снятые с постов в то время так и не поднялись не только на новую, но даже и на прежнюю ступень. Л. М. Антюфеев, например, попытался было снова стать в строй. Ему предложили должность заместителя председателя Талды-Курганского облисполкома. Он выезжал в Казахстан, поработал там, но недолго. В Казахстане Леонтий Макарович не прижился, его тянуло обратно домой, он попросился в Ленинград, где и закончил свою трудовую деятельность на посту начальника Управления кинофикации. Другие, как правило, все последующие годы находились на незначительных постах советской или хозяйственной работы.

Когда Псковскую область наградили орденом Ленина, на церемонию вручения награды были приглашены и прежние руководители. Приехал из Ленинграда и Л. М. Антюфеев. Он сидел в президиуме торжественного собрания. Его назвали как одного из достойных руководителей области в послевоенное время. Он встал, поклонился, но на его лице я все же прочел незаживающую обиду.

НЕЛЕГКО БЫЛО ЛЮДЯМ, задетым репрессиями, переживать случившееся. Но они держались стойко. Сошлюсь только на один пример — расскажу о жизни Екатерины Мартыновны Петровой. Вся ее биография — образец честного служения делу партии. В двадцатом году получила комсомольский билет, в двадцать шестом стала коммунисткой. Окончила комвуз и преподавала в Высшей коммунистической сельскохозяйственной школе историю

партии на двух языках — русском и финском. (По национальности Е. М. Петрова финка, ее девичья фамилия — Курхинен)

У Петровой сложилась нелегкая судьба. Большое неутешное горе свалилось на ее плечи еще в тридцать седьмом году. Ее мужа Ивана Степановича Петрова, кавалериста Первой конной, с которым они вместе находились на партийной работе в Петрозаводске и Дедовичах, по ложному доносу арестовали и осудили на десять лет. Осталась она с двумя малышками — Леной и Эйлой. Жила в холодной проходной комнате, перебивалась, как могла.

Беда не приходит одна. Вскоре Екатерину Мартыновну исключили из партии. Причина — муж в лагере. Еще тяжелее стало на сердце. Твердая она была, но и то старалась не подходить к реке: боялась — вода заманит...

Петрова не надломилась, все перенесла, выстояла. Через два года в партии ее восстановили. Заведовала в Дедовичах партийным кабинетом. И когда грянула война, Петрова не задумывалась, где ее место. В первые же дни вражеского нашествия она стала партизанкой. Была заместителем председателя Дедовичской оргтройки по восстановлению Советской власти в тылу врага, потом стала комиссаром полка, позднее возглавила Полновскую тройку. Работала она честно, преданно. Немногие женщины отмечены такой «мужской» наградой, как орден Богдана Хмельницкого, а Петрова, наряду с другими орденами, имеет и этот государственный знак отличия.

Нередко самолеты доставляли партизанам письма из советского тыла. Получала письма и Екатерина Мартыновна. Это были письма из лагеря, от незаслуженно отбывавшего наказание супруга. Петрова доверительно показывала эти письма мне. Каким высоким патриотическим духом веяло от этих писем! Иван Степанович писал, что он был и остается коммунистом, что несколько раз просился на фронт, чтобы вместе со всем народом участвовать в смертельной схватке с фашизмом, но ему не разрешили...

Завершилось освобождение Ленинградской области. Е. М. Петрову избрали первым секретарем Полновского райкома партии. И здесь она работала самозабвенно. Часто думала о муже. Она любила его и ждала. Но ждала с тревогой. «Как отнесутся к этому в обкоме партии?— мучительно думала Екатерина.— Разрешат принять мужа или нет?»

Срок ссылки Ивана Степановича подошел к концу. Петрова съездила к первому секретарю обкома партии Л. М. Антюфееву, чтобы посоветоваться, как быть? Не будет ли ей замечаний по партийной линии, если она примет в семью мужа, прибывшего из лагеря?

Леонтий Макарович ответил твердо и определенно:

— Это ваше сугубо личное дело. Встречайте мужа, как и положено. Без всяких опасений. К вам не будет никаких претензий.

Встретила. Но муж сильно изменился. Стало трудно налаживать прежние отношения. Десятилетнее пребывание в лагере наложило свой отпечаток. Решили на время расстаться, пожить врозь. Ивана Степановича устроили работать в Пыталовском районе, где он руководил промкомбинатом. Но ненадолго. Вскоре поступила команда выселить всех бывших репрессированных в северные районы.

...В стране началась реабилитация незаконно осужденных. Был реабилитирован и Иван Степанович. В справке, выданной Военной коллегией Верховного суда Союза ССР, которую он получил, сказано: «Дело по обвинению Петрова Ивана Степановича, до ареста — 25 ноября 1937 года — секретаря Дедовичского райкома партии, пересмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР 16 июля 1955 года.

Постановление от 11.9.39 года в отношении Петрова Ивана Степановича отменено, и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Петров И. С. по данному делу реабилитирован».

Петрова восстановили в партии. Он очень хотел побывать в Петрозаводске, где в это время жила Екатерина Мартыновна, но решил сделать это после того, как получит партийный билет, чтобы с легким сердцем встретиться с бывшей женой и дочерьми. Получил билет, радостным пришел домой, сел на диван и... умер.

А сколько мытарств пришлось пережить самой Екатерине Мартыновне! Ведь ее тоже 4 декабря 1949 года сняли с поста заведующей областным отделом культурно-просветительной работы, куда она была выдвинута из района. И этой женщине тоже отказали в политическом доверии. Более того, ей припомнили и то, что она приняла мужа. Сняли, как «не обеспечившую руководство», а вывели из состава членов обкома, как «не оправдавшую доверия». Да еще дополнили: «и как имеющую связь с мужем — бывшим троцкистом, который отправлен в отдаленные края Советского Союза».

Но и этого оказалось мало. Придирались к национальности. На пленуме обкома партии, где допрашивали А. А. Тужикова, первый секретарь обкома партии Г. Н. Шубин бросил ему обвинение:

— Вы лучше расскажите, как вместе с Петровой дали возможность финнам захватить власть в Полновском районе? Финка Петрова стала первым секретарем райкома партии, сестра ее сидела в райплане, вторая сестра — в райпарткабинете, дочь заведовала отделом в райкоме комсомола, тетка верховодила в отделе пропаганды. В общем, финны захватили власть. Почему партийная власть перешла к жене, муж которой троцкист?..

После изгнания из Пскова Е. М. Петрова уехала сначала в Ленинград, потом в Карелию, где проживает и в настоящее время. В Петрозаводске ее знают как активную общественницу. Она вела огромную пропагандистскую и воспитательную работу. И только болезнь и возраст (Петровой исполнилось 85 лет) оторвали ее от дел.

...«ОЗДОРОВИТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ» на Псковщине продолжалась до середины 1951 года. За два года сменилось 814 руководящих работников (63 процента), состоявших в номенклатуре обкома. Из числа тех, кто входил в номенклатуру райкомов партии, только за один 1950 год сменилось 2280 человек, или 47 процентов.

21 октября 1950 года бюро обкома партии приняло постановление о создании специальной комиссии для проверки председателей правлений, ревкомиссий, бригадиров и счетоводов колхозов. Это была сплошная чистка всех колхозных кадров. Обкому были представлены списки на 1094 человека, якобы «не внушающих политического доверия». Многие из них без всяких оснований были сняты с работы.

Дошла очередь и до учителей. Осенью пятидесятого года было намечено отстранить от педагогической деятельности более 500 человек, из них 370 учителей предполагалось освободить только за то, что они жили на оккупированной территории. Ранее по этим же мотивам было уволено более тысячи учителей.

На одном из списков поставленных под сомнение учителей (632 человека) сохранилась резолюция Г. Н. Шубина: «Тов. Матюшину — для принятия мер по очищению школ от немецко-фашистских приспешников».

Почти все работники, представленные на утверждение бюро обкома, проходили специальную проверку через органы госбезопасности. В 1950 году такой проверке подверглись 578 различных работников. Эта практика распространилась и на районы области.

В октябре 1950 года Г. Н. Шубин направил в областное управление МГБ для специальной проверки четыре списка кандидатов в состав членов избирательных комиссий по выборам в местные Советы — более чем на полторы тысячи человек. С этой же целью был подан список на 125 сотрудников облисполкома, 102 из них являлись техническими работниками — уборщицы, сторожа, водопроводчики, гардеробщицы. В марте 1951 года Г. Н. Шубин направил в МГБ список тех, кто должен был обслуживать партконференцию — служащих, рабочих столовой и даже работников обкома партии.

Пошли в ход самые незначительные факты из биографий работников, чтобы выразить им недоверие. В анкетах перечислялись сведения о родных и двоюродных дядях и тетках, ближних и дальних родственниках, их женах. Одному отказали в доверии за то, что его дядя был старостой, другого обвинили в том, что его двоюродный брат, с которым он не имел связи с 1934 года, в период оккупации вел себя непатриотично.

В списке «не заслуживающих доверия» оказались председатель колхоза «Пролетарий» Псковского района Валетов и бригадир колхоза «Красный пахарь» Дновского района Семенов только за то, что их братья оказались в плену. Недоверие выражалось даже тем, кому в годы оккупации было 10—15 лет от роду.

У каждого искали какие-то грехи. Если уж ничего не удавалось найти, тогда обвиняли в том, что человек жил на оккупированной фашистами территории. А где же он мог жить, если эвакуация населения почти не проводилась? Не успели,— фашисты нагрянули внезапно, в несколько недель захватили Псковщину, и люди не успели выехать. Не могли же они взлететь на Луну. Сама судьба обрекла их жить на занятой врагом земле.

Правда, у Г. Н. Шубина на одном из пленумов блеснула здравая мысль. Он сказал, что на оккупированной земле оказалось 40 миллионов людей, они же, мол, не виноваты в этом. Даже власовцев в годы войны оставляли в рядах сражающихся. Говорил Шубин правильно. А как поступал на деле?

Обстановка в области накалялась. Все ждали какого-то взрыва. И он произошел. В июле 1951 года было принято постановление Центрального Комитета партии «О недостатках и ошибках в работе Псковского обкома ВКП(б)». Не знаю, чем было порождено это постановление, кто инициатор этого разумного шага, но, слава богу, дальнейшее избиение кадров на Псковщине было пресечено.

14 июля был созван пленум обкома партии. И снова, как и осенью 1949 года, в повестке дня стояло два вопроса: о постановлении ЦК ВКП(б) и организационный. С речью на пленуме выступил заместитель заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) Иван Тихонович Виноградов. В президиуме сидел незнакомый псковичам человек — инспектор Центрального Комитета партии Михаил Яковлевич Канунников.

И. Т. Виноградов привел многочисленные факты огульного осуждения и массовой чистки кадров в Псковской области. Снова были бурные прения, выступавшие резко осуждали деятельность Г. Н. Шубина. Он сидел растерянный и стыдливо прятал глаза.

17 июля в газете «Псковская правда» появилось короткое сообщение о пленуме. В нем говорилось: «Пленум освободил тов. Шубина Г. Н. от обязанностей первого секретаря и члена бюро обкома ВКП(б) и избрал первым секретарем и членом бюро Псковского обкома ВКП(б) тов. Канунникова М. Я., а также рассмотрел другие оргвопросы». И все. Никаких комментариев и, как и прежде, никаких подробностей. В принятом же пленумом постановлении было сказано более четко: «Освободить т. Шубина Г. Н. от обязанностей первого секретаря обкома ВКП(б) в связи с допущенными им перегибами в работе с кадрами и вывести его из состава бюро обкома».

На пленуме были также освобождены второй секретарь обкома партии К. С. Фирсов и заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов обкома Н. С. Черемхин.

Я долго размышлял потом над поведением Г. Н. Шубина. Вряд ли он мог самостоятельно, не получив указаний сверху, начать массовую чистку кадров. Сам-то он не был жестоким. Мне часто приходилось общаться с ним. Кое-что в нем мне нравилось. Он не выступал с готовыми, кем-то написанными текстами — писал свои речи сам, а чаще всего говорил без бумаги, по краткому кон-

спекту. Был внимателен к тем, кому доверял. Во время моей учебы в Высшей партийной школе мы встретились с ним на заседании сессии Верховного Совета СССР. Прохаживаясь по Георгиевскому залу, Шубин подошел ко мне, взял под руку и сказал:

— Хотел отозвать вас из школы, сделать редактором областной газеты, да рука не поднялась. Прервать вашу учебу, оставить полупустой графу «образование» — это же будет вам во вред. Потому и отказался от этой мысли.

Мне это понравилось. Вроде бы Шубин проявлял заботу о кадрах. А в то же время жестоко расправлялся с людьми. Как это совместить?

В заключительном слове на пленуме обкома он сказал так:

— Субъективно наши действия были направлены как будто на благородную цель. Я, будучи молодым партийным работником, считал, что так и должно быть, особенно в условиях Псковской области, где руководящие партийные, советские и хозяйственные кадры были засорены порочными людьми... Но мы сбились на путь массовой проверки...

Своим работникам Шубин неоднократно говорил, что проводимые мероприятия поддерживаются в ЦК ВКП(б). Это подтверждал и второй секретарь К. С. Фирсов. Он тоже говорил, что ему в ЦК сказали: «Действуйте в таком же духе!» Что ж, в это можно поверить.

Размышляя по этому поводу, я прихожу к выводу, что Шубин был своего рода инструментом в руках работников ЦК. Они его сделали «козлом отпущения». Вина Шубина состояла в том, что он слишком рьяно, бездумно, а может быть, и ради конъюнктуры выполнял указания сверху. Ему сказали, что в Пскове кадры поражены коррозией вредительства, пронизаны «ленинградским духом», их надо расчистить. И Шубин взял метлу и начал махать ею направо и налево. Летели не только щепки, но и целые деревья. Выполняя задание с перехлестом, не думая о том, к чему это приведет, Шубин много наломал дров. И когда его вызвали в Центральный Комитет и сообщили, что он снимается с поста первого секретаря обкома партии за избиение кадров, он, как рассказывал бывший с ним рядом заведующий особым сектором обкома А. В. Вахмистров, вернулся в гостиницу, упал лицом в подушку и заплакал.

— С какими глазами я вернусь в Псков? — сквозь слезы говорил он.— Позор-то какой!

Да, это был действительно позор. И Шубин «заработал» его своими же руками. От него отвернулись партийные и советские кадры Псковской области. И в ЦК его обвинили во всех грехах. Вот, мол, какой он «дуролом», наломал дров на много лет вперед. А тот, кто давал наряд на «вырубку леса», видимо, остался в стороне.

Что сказать в заключение? В 1949—1951 годах в историю Псковской областной партийной организации были вписаны мрачные страницы. О них я и поведал читателям. Все рассказанное мною давно ушло в прошлое. Документы, запечатлевшие эти события, лежат в архивах. И если мы к ним возвращаемся, то только для того, чтобы сделать один-единственный вывод: такое не должно повториться. Никогда!

У НАС, В ЭСТОНИИ...

Двойник «ленинградского дела»

К. И. ТАММИСТУ

Вслед за «ленинградским делом» началось и «эстонское дело», которое вошло в историю под названием VIII пленума ЦК КП(б) Эстонии. Этот начавшийся 21 марта 1950 года и продолжавшийся около недели пленум рассматривал по требованию ЦК ВКП(б) положение в республике. Его ход, решения и последствия вызвали столько споров, догадок, пожеланий, бахвальства, негодования, осуждения, требований, сколько ни один другой пленум эстонского руководящего партийного органа.

На этом историческом пленуме и на том, что там происходило, до сих пор лежит печать таинственности. В период оттепели отдельным избранным посчастливилось заглянуть в записи, плесневевшие в архивах.

III пленум нового состава ЦК КПЭ, проходивший в октябре 1956 года, слегка приподнял и сдвинул эту глыбу, которая одних раздавила, других задела и, конечно, лежала гнетом на всей республике. Определенное облегчение это принесло, но все же камень остался. К тому же вскоре было принято официальное мнение, что все было сделано, как надо, вот только в ходе претворения решений в жизнь допущены промахи. На официальном языке: допущены отдельные ошибки, имели место перегибы. Имя бывшего руководителя ЦК партии Н. Г. Каротамма, главного «еретика», оставалось табу, его не желали слышать, а еще меньше — видеть в напечатанном виде. Вместо беспристрастной истории писали половинчатую, причем «вывод» был предписан историкам сверху, их же задачей оставалось только заполнять исторический фон материалами, которые должны были наводить на «правильный вывод».

Все это и стало причиной столь различного отношения к пленуму, вызвав у одних подчеркнутое неприятие, у других апатию, а третьим дав возможность извлечь выгоду из сложившейся ситуации. Но в воздухе остался висеть вопрос, с новой силой зазвучавший во время пере-

---

© К. И. Таммисту, 1990

стройки,— что явилось поводом для этого пленума: причины ли местного характера, или то было очередное звено в длинной цепи принуждений, а может, сознательно вносимый «великим вождем» штрих в общую карательную картину? Чтобы дать ответ, нужно проанализировать исторический фон рассматриваемого события.

ОБЩИЙ ФОН: СТАЛИНИЗМ И СТАЛИНЩИНА

В начале 1989 года на эстонском радио состоялась очередная передача «Час творческих союзов», где речь шла о VIII пленуме ЦК КП(б) Эстонии. Там прозвучал ряд дельных высказываний, вопросов, ответов. В том числе и интересное рассуждение кандидата исторических наук Х. Роотса: «Когда мы анализируем любую диктатуру и ее кровавые деяния, будь то в Чили или где-то еще, сегодня или столетия назад, мы всегда объясняем, что существовали движущие силы, чьи интересы данный диктатор выражал и защищал, кого он представлял, кто поставил его у власти и т. д. А вот когда говорим о Сталине, то... Сталин, мол, был больной человек, параноик, что тут поделаешь, и все в таком же духе. Или же вторая возможность — виноват рабочий класс, рабочий класс был заинтересован в уничтожении ленинской гвардии и т. д. Но это же полный абсурд. Почему мы здесь не подходим с классовых позиций? Что же это за силы все-таки были у власти, которые все это организовали? Все это находится под таким табу, что ответа ждать не приходится. Или он все же возможен?»

Ведущий предложил спрашивавшему ответить самому. Х. Роотс дважды не то чтобы отклонял, но откладывал ответ.

Меня к пониманию ответа привела вторая часть статьи ведущего научного сотрудника Института философии АН СССР, кандидата философских наук А. Панарина «Диалектика гуманизма» (Коммунист, 1989, № 5), где говорится о разного рода маргиналах и люмпенах — своего рода париях цивилизации, которых привлекает наиболее легкий способ разрешения ее противоречий: не совершенствовать и развивать, а покончить с ней разом, создав на развалинах «новый прекрасный мир». Рассуждение А. Панарина о люмпенстве — это не посторонняя, а злободневная тема. Уяснив причины возникновения человеческого слоя, оторвавшегося от своих классовых, культурных и родных корней и не вжившегося в новую среду,

образ мышления и жизни этого слоя, его сущность, мы сможем понять, кто был главной опорой Сталина, чьи интересы он выражал и защищал, каковы были движущие силы сталинщины. После этого легче постигнуть, почему было сфабриковано «ленинградское дело» и еще много «дел» до и после этого, в том числе и VIII пленум ЦК КП(б) Эстонии,— что там произошло, почему это приняло столь разрушительный характер, что последствия ощутимы еще и сегодня.

Исследуя события 1949—1950 годов в Эстонии и в Советском Союзе в целом, нужно видеть их прямую связь с характерной для конца 30-х годов практикой сталинского режима. Именно в 30-х годах в стране произошел своеобразный сдвиг — национальные проблемы стали до крайности политизироваться и непосредственно связываться с внутрипартийной борьбой. После разгрома «блокировавшихся с троцкизмом» на передний план были выдвинуты тезисы: на местах наблюдается националистический уклон, действуют закоренелые буржуазные националисты, идеологи местничества, которые вступят в сговор с любыми врагами Советской власти, включая интервентов. Шел целенаправленный поиск новых потенциальных врагов. В 1946—1948 годах одно за другим вышли и известные постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам.

Из всего этого и получился основной строительный материал для будущего VIII пленума. Но все же корни этого пленума были еще в более раннем времени. Из-за складывавшихся потом обстоятельств медвежью услугу оказали эстонским коммунистам их самостоятельные мышление и действия, что были неприемлемы «отцу всех народов». У главы еще первого правительства Эстонской Советской Республики Я. Анвельта уже в конце 1918 года было не менее двух серьезных стычек с наркомом по делам национальностей Советской России И. Сталиным из-за его грубого и несправедливого вмешательства во внутренние дела суверенного государства, союзника. Осложнения были преодолены под мудрым руководством В. И. Ленина. Сталин отступал, но затаил злобу.

Можно предположить, что в сценарии Сталина, Молотова и Жданова для установления в 1940 году Советской власти в Прибалтике эстонским коммунистам не отводилось никакой сколько-нибудь заметной роли. Для этого была исходящая частично из вышеприведенного весомая причина. Незадолго до названных событий были

объявлены врагами народа и уничтожены жившие в Советском Союзе видные эстонские коммунисты Я. Анвельт, Х. Пегельман, О. Рястас, Я. Палвадре, В. Вельман, известные военачальники А. Корк, Д. Палу, Х. Туммельтау и еще сотни менее известных эстонских большевиков. Так как Компартией Эстонии руководили объявленные врагами народа, подручными империализма, шпионами и троцкистами Я. Анвельт, Х. Пегельман, О. Рястас и др., то для Сталина КП(б)Э была такой же контрреволюционной организацией, как Компартия Польши, безосновательно распущенная Коминтерном по личному распоряжению Сталина в 1938 году.

У нас довольно часто пишут, что коммунисты Эстонии, опираясь в дни июньского (1940 г.) переворота на Красную Армию, сыгравшую в событиях решающую роль, в дальнейшем утратили *всякий* контроль над происходящим. В сталинском строго централизованном государстве когда-то провозглашенный принцип федерации был к этому времени давно забыт.

Со сказанным можно согласиться, исключив слово «всякий». Поначалу что-то все же оставалось. Вот за это «что-то» и шла борьба. Такое рассуждение о подоплеке VIII пленума верно только в смысле общего фона, в смысле теоретической неизбежности, по которой каждого барана в конце концов ждет бойня. Но в том-то и дело, что ни до, ни во время, ни после войны руководители Эстонии (я не говорю здесь о присланном Сталиным особом порученце К. Сяре, который попал во время немецкой оккупации в руки гестапо и стал впоследствии предателем), не были баранами или сталинистами, они всегда оставались самостоятельно мыслящими марксистами-ленинцами. Однако любая самая скромная попытка вступить в защиту экономики своей республики, национальной культуры, людей влекла за собой наказание.

После войны первый секретарь ЦК Компартии Эстонии Н. Каротамм, председатель Верховного Совета И. Варес, а после его самоубийства Э. Пялль, председатель Совета Министров А. Веймер, его заместитель Х. Аллик и некоторые другие руководители республики (в том числе и русской национальности) сделали попытку удержать бездумный темп индустриализации и связанный с этим нарастающий ввоз из соседних разоренных войной областей братских республик им самим нужной рабочей силы, избежать извращенного сталинского пути коллективизации сельского хозяйства в Эстонии, предотвратить без-

законное, бесчеловечное массовое выселение 1949 года в Сибирь десятков тысяч ни в чем не повинных граждан республики, а также провести ленинскую политику использования старой интеллигенции в интересах строительства нового общества.

Но в условиях сталинщины такое, даже очень осторожное, сопротивление не могло проходить безнаказанно.

ВОСЬМОЙ, ОЖИДАЕМЫЙ, НО ВНЕЗАПНЫЙ И ВСПЫЛЬЧИВЫЙ, С «КАПАНИЕМ»

Если исходить из сказанного, то VIII пленум как форма наказания должен был состояться. Не случайно и его совпадение с «ленинградским делом».

Проведению VIII пленума способствовали еще созданная в ту эпоху всеобщая подозрительность и поощряемая система доносов, или «капания». Если личность в обществе не свободна и если нет демократии, гарантировавшей бы свободы личности, то в результате эта самая личность переложит свою этическую ответственность на суверена, на вышестоящего. Другими словами, она вообще лишится этических тормозов. Сталинщина как система производила помимо люмпенов еще и подлецов, «стукачей», которые по лестнице иерархии или прямо охотно «капали» наивысшему на руководство республики. Кто-то хотел опередить разоблачение своего грешка, другой сделал это с целью отомстить за что-то, третьи из чувства зависти или садизма, а некоторые с целью, чтобы освободить для себя приглянувшееся кресло.

В такой обстановке Г. Маленковым и была направлена в Эстонию для ознакомления с партийной работой республики бригада ЦК ВКП(б) во главе с заместителем председателя КПК при ЦК ВКП(б) И. Ягодкиным и инспектором ЦК В. Косовым. По итогам работы бригады Оргбюро ЦК ВКП(б) под председательством Г. Маленкова заслушало 20 февраля 1950 года отчетный доклад Н. Каротамма, а также содоклады И. Ягодкина и В. Косова (присутствовали А. Веймер и секретарь по пропаганде ЦК КП(б)Э И. Кэбин) и приняло постановление «О недостатках и ошибках в работе Центрального Комитета КП(б) Эстонии». 7 марта Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило это постановление, и было решено созвать пленум ЦК КП(б)Э для обсуждения соответствующей информации, критики имеющихся ошибок, чтобы наметить

меры улучшения работы партийной организации республики.

Пленум, по очередности восьмой, собирались провести в середине марта, но отложили и созвали внезапно, с извещением его участников лишь накануне открытия, вечером 20 марта. Для проведения пленума в Таллинн прибыли секретарь ЦК ВКП(б) П. К. Пономаренко и контрольная бригада во главе с уже названными работниками.

С утра 21-го проводили заседание Бюро ЦК КП(б) Эстонии (П. Пономаренко и другие члены бригады в работе бюро не участвовали), где обсуждался проект постановления пленума, в отношении которого у членов бюро были существенные разногласия. Возражение вызвала однобокость, возложение ответственности за все имеющиеся ошибки и недостатки только на первого секретаря и т. д.

В первый день, 21 марта, успели заслушать только доклады П. Пономаренко и Н. Каротамма. Обсуждение вопроса продолжалось три дня. Всего выступало 55 участников, еще 14 отдали свои тезисы для приложения к протоколу. Последнее заседание пленума состоялось 26 марта.

До сих пор в нашем распоряжении нет никаких материалов о работе контрольной бригады ЦК ВКП(б) и об их обсуждении на Оргбюро и Политбюро.

С докладом о постановлении Политбюро и Оргбюро ЦК ВКП(б) на пленуме ЦК КП(б)Э, как было уже сказано, выступил П. Пономаренко, но его выступление не стенографировалось. В партархиве КП Эстонии есть только записи доклада Н. Каротамма и записи выступлений, а также текст постановления пленума и воспоминания участвовавших в работе пленума.

На основе этих материалов можно сделать вывод, что в докладе Пономаренко, а следовательно, в постановлении Политбюро и Оргбюро ЦК ВКП(б), партийное руководство Эстонии обвинялось в основном в том, что оно, во-первых, не вело должной борьбы с буржуазным национализмом, проходило мимо многих фактов восхваления старых буржуазных порядков в Эстонии и пропаганды превосходства западноевропейской буржуазной науки и культуры, протаскиваемых буржуазными националистами в литературе, науке и искусстве; проявляло политическую неразборчивость, в результате чего имелось много фактов проникновения на ответственные посты, а также в республиканскую партийную организацию буржуазно-

националистических элементов; не обеспечивало развертывания большевистской критики и самокритики, не поправляло Совет Министров ЭССР и его Председателя А. Веймера, которые проходили мимо фактов серьезных нарушений законов и извращений политической линии в работе ряда министерств республики; ЦК КП(б)Э и Совет Министров ЭССР недостаточно занимались работой по организационно-хозяйственному укреплению вновь созданных колхозов, а также МТС и усилению их роли в политическом и организационно-хозяйственном укреплении колхозов. Имеют место факты, указывалось в постановлении, проникновения в руководство колхозов кулацких и других враждебных колхозному строю элементов и т. д.

Вторым основным направлением была критика Н. Каротамма, утверждение, что он лично повинен в отсутствии борьбы с буржуазным национализмом; часто брал под защиту разоблачаемых партийными организациями и отдельными коммунистами националистов. Например, препятствовал «разоблачению» коммунистов Э. Адамсон-Эрика (с 1943 г.— председатель Союза художников ЭССР, с 1945 г.— ректор Таллиннского государственного института прикладного искусства), Х. Аллика (член партии с 1917 г., член ЦК КП(б)Э с 1923 г., сидевший за революционную деятельность 14 лет в буржуазной тюрьме, один из руководителей революционной деятельности в Эстонии летом 1940 г., член правительства, с 1943 г. заместитель Председателя СНК ЭССР), Н. Андрезена (с 1940 по 1946 г.— зампред СНК ЭССР, а с 1946 г.— зампред Президиума Верховного Совета ЭССР), А. Иыээра (в 1940 г.— нарком сельского хозяйства, а с 1941 г.— нарком юстиции ЭССР), Э. Крууса (в 1940 г.— заместитель премьер-министра, с 1946 г.— министр иностранных дел и президент АН ЭССР) и других.

Пленум был проведен по типичному для того времени сценарию. П. Пономаренко выступал, как говорят участвовавшие в заседаниях, спокойно, но показывал направление критики. Подготовленные заранее выступающие сосредоточили главный огонь на Н. Каротамме, а также на Х. Аллике, А. Веймере и Э. Пялле. Даже та суровая критика в адрес ЦК КП(б) Эстонии и его первого секретаря, которая содержалась в постановлении Центрального Комитета ВКП(б), не устраивала демагогов и перестраховщиков,— в своем запале они пошли дальше, нагромождая одно тенденциозное обвинение на другое. Тон выступлениям задали секретарь Вильяндимааского укома партии В. Янус и секретарь Харьюмааского укома

А. Кельберг, любители рубить с плеча. Н. Каротамм не раз критиковал их за ошибки и заскоки. На VIII пленуме они взяли реванш.

Участник пленума, член ЦК,— к тому времени уже по ложным обвинениям снятый с должности редактора органа ЦК КП(б)Э газеты «Советская Эстония»,— Д. Руднев вспоминает, что с каждым днем атмосфера в зале становилась все более нервозной. Создавалось впечатление, что многие ораторы утратили чувство меры и больше всего были озабочены тем, как бы сохранить свое положение. Самое тяжелое впечатление произвела речь прокурора республики К. Пааса. Он, зная, чем это кончается, возвел нелепое, чудовищное обвинение против Х. Аллика, с которым много лет делил одну тюремную камеру при власти буржуазии.

Подавленный, обескураженный потоком обвинений, великолепный оратор Н. Каротамм на этот раз не смог должным образом ответить. Видимо, его охватило и подавило чувство обреченности.

Н. Каротамм и Э. Пялль на том пленуме были сняты с работы*. А. Веймера обязали «исправить ошибки» (но это ему дали делать не долго). Первым секретарем утвердили И. Кэбина, секретарями ЦК стали задававшие на пленуме тон в избиении кадров А. Янус и А. Кельберг, а также работавший раньше на этой должности и прибывший с учебы Д. Кузьмин. Одновременно пленум обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой направить в республику опытного партийного работника для использования его на

---

* Мысли и деяния всевышнего владыки, «отца всех народов» непостижимы простому смертному. Через несколько дней после пленума Н. Каротамм получил от ЦК ВКП(б) согласие на отъезд из республики. С тех пор он жил и работал в Москве. Н. Каротамм уцелел, несмотря на неофициальные и официальные доносы на него. (Ответ на это могут дать только архивы.) Ему удалось уже в 1951 году защитить кандидатскую диссертацию, а затем, в 1964 году, он стал и доктором экономических наук. Во время работы в Институте экономики Академии наук СССР Н. Каротамм пользовался большим уважением сотрудников, избирался в партбюро института, в состав Киевского райкома партии столицы. Изредка приезжал в Эстонию, но встречался лишь с узким кругом друзей. Из дневника Н. Каротамма видно, что в последние годы своей жизни он надеялся на возвращение в родную республику. Он не претендовал на крупные посты, хотел работать в науке. Но не встретил понимания. Перевод, продажа и распространение его книг были долгое время под запретом местных директивных органов. Умер Николай Георгиевич Каротамм в Москве в 1969 году. Постпредство Эстонской ССР уклонилось от участия в его похоронах под предлогом того, что «не получило из Таллинна указаний». Впоследствии останки покойного были доставлены в Таллинн и без лишней огласки преданы земле.

должности второго секретаря ЦК, которая осталась вакантной после ареста бывшего ленинградца Г. Кедрова. Им стал тот же инспектор ЦК ВКП(б) В. Косов (позже был исключен из партии).

Но это было лишь начало VIII пленума. «Дело» продолжалось на городских и уездных собраниях партийного актива. Широко процветали в это время анонимщина, клевета, карьеризм. Произвол царил и в отношении семей опальных работников. По фальсифицированным обвинениям исключили из партии, арестовали и передали суду убежденных и честных коммунистов А. Аллика, Н. Андрезена, А. Иыээра и многих других людей, таланты которых раскрылись в труднейшие годы революционного движения, воины и герои последующего восстановительного периода. Министр торговли ЭССР А. Ханзен был расстрелян. В марте 1950 года был исключен из партии, а в декабре арестован И. А. Андреенко, заместитель министра торговли. В мае 1951 года особым совещанием при МГБ СССР Иван Андреевич был осужден на 15 лет лишения свободы. Вся его вина состояла в том, что в блокадном Ленинграде он возглавлял отдел торговли Ленгорисполкома, а в 1946—1949 годах, до откомандирования в Эстонию, работал в аппарате ЦК ВКП(б) вместе с А. А. Кузнецовым и, следовательно, разделял коллективную ответственность с бывшим ленинградским руководством. Все они, кто при жизни, кто после смерти, были реабилитированы.

...У обвинений, которые им предъявлялись и прошли через руки Маленкова, есть одна общая черта с обвинениями по «ленинградскому делу» — надуманность: «антисоветская» деятельность, шпионаж, вредительство, различного рода экономические преступления, растрата государственных средств. Но прибавилось универсальное, всеобъемлющее политическое обвинение — «буржуазный национализм».

«ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО» И ЭСТОНИЯ

У нас в республике существуют различные мнения относительно взаимосвязанности VIII пленума ЦК КП(б) Эстонии и «ленинградского дела». Одни считают, что между ними была прямая связь, и указывают на то важное обстоятельство, что вторым секретарем ЦК КП(б) Эстонии в октябре 1948 года был избран арестованный вскоре по «ленинградскому делу» Г. Т. Кедров, который до того был секретарем Ленинградского горкома пар-

тии по кадрам. Другие утверждают, что, существуй между этими двумя событиями связь, дело на VIII пленуме приняло бы еще более крутой оборот. Их довод: «ленинградское дело» закончилось более трагично; на VIII же пленуме ЦК КП(б) Эстонии ни разу не было упомянуто даже имя Г. Кедрова. Кто прав?

Секретарь ЦК ВКП(б) по кадрам А. Кузнецов и секретарь Ленинградского горкома партии по кадрам Г. Кедров долго проработали вместе, были больше, чем коллеги, и первый порекомендовал второго в секретари ЦК КП(б) Эстонии.

Кроме преподания «урока», Эстонию хотели втянуть в это мероприятие и по другой причине. Жданов, как показали уже события 1939—1940 годов и последующий период, был куратором Ленинграда и Прибалтики. После его смерти задание перешло к другому любимцу «вождя» — Маленкову. Маленков был достойным преемником покойного — столь же стандартный, с ограниченным мирком мышления, бедный духом, властолюбивый исполнитель приказов. В его руках, как мы уже видели, была теперь дирижерская палочка во всех делах Эстонии, в том числе и в подготовке принимаемых «наверху» решений (музыку, конечно, верховный правитель заказывал по-прежнему самолично). Но стандартному мешало нестандартное, которое в лице Кедрова вмешалось в дела Эстонии помимо куратора. Этому следовало положить конец.

Работавший в то время в ЦК КП(б)Э заместителем заведующего отделом коллега Г. Кедрова по совместной работе в Ленинградском партийном аппарате его близкий друг А. П. Бураченко (ныне живет в Таллинне, персональный пенсионер) помнит, что «ленинградское дело» сразу насторожило Кедрова. Он следил за ходом событий, за исчезновением руководителей Ленинградской партийной организации, вел часто разговор на эту тему, был встревожен. По воспоминаниям его супруги Р. Кедровой, можно предположить, что сотрудники госбезопасности стали вскоре открыто следить за Г. Кедровым. Он знал, что репрессии не минуют его.

29 августа 1949 года было срочно созвано Бюро ЦК КП(б)Э, которое освободило Г. Кедрова от занимаемой должности. Такое же решение принял 30 августа V пленум ЦК КП(б)Э. Официально никто ничего ни у кого не спросил и никто ничего не объяснил. Д. Руднев, который, как журналист, тоже знал Кедрова по Ленинграду, помнит, что после пленума они окружили удрученно-

го, но державшего себя стойко Кедрова. Спросили что-то, утешали. Хотя никто не сомневался, что́ ожидает Кедрова, который должен был вечером выехать в Москву, некоторые члены Бюро во главе с Н. Каротаммом приехали на вокзал проводить уезжающего товарища, тепло простились с ним, пожелав твердости духа перед лицом ожидавших его испытаний. По тем временам это был мужественный поступок. А. Бураченко и его супруге Г. Кедров запретил быть на вокзале, сказав, что всех провожающих принимают «на карандаш», а бывшим ленинградцам это вдвойне опасно. Он и в этой обстановке думал и заботился о судьбе друзей.

В Москве Кедрова сразу послали в КПК, к Шкирятову, а там, как он потом рассказал А. Бураченко, отобрали партийный билет. Он вышел из ЦК и на улице Горького потерял сознание. Его подобрали и по обнаруженному в кармане полученному в ЦК направлению отвезли в общежитие ЦК. Там признали его своим, вызвали врача, который привел его в чувство. Кедров ждал, что его «возьмут» в гостинице, потом — что на вокзале, в поезде. Нет. «Взяли» его в октябре 1949 года. Он приехал на «Стреле» в Ленинград, домой, жена была уже там. Принимал ванну, сел чай пить. В это время постучали в дверь, вошли трое, двое остались в коридоре. Его «взяли» и отвезли...

РОЛЬ Г. КЕДРОВА В «ДЕЛЕ»

От Кедрова потребовали показаний против «руководителей антипартийной группы» Ленинграда, признания, что А. Кузнецов якобы направил его в Эстонию со спецзаданием. Он же, Кедров, якобы создал в ней антипартийную группу. Он от всего решительно отказался. Это было расценено как «недостойное поведение». А в решение Комиссии партийного контроля ЦК ВКП(б) от 17 сентября 1949 года, по которому Кедров был исключен из партии, внесли формулировку «за политически недостойное поведение в бытность работы в качестве секретаря Ленинградского горкома партии по кадрам».

27 октября VI пленум ЦК КП(б)Э без всякого обсуждения вывел Кедрова из состава ЦК КП(б)Э и его Бюро как исключенного из партии. Ни одного вопроса не задавали. Решения были приняты единогласно.

Тогда же, в октябре, «непартийно» поступивший Кедров был причислен к ленинградской «преступной» груп-

пе и арестован. Можно предположить, что к группе он был бы причислен и в случае «очень партийного» поведения, т. е. если бы поддакивал всем надуманным обвинениям в свой адрес и адрес других.

Еще до ареста его брат Александр, работавший в органах госбезопасности, предупредил Г. Кедрова, что не следует признавать свою вину ни в чем — только так есть шанс остаться в живых. Этого совета Кедров, несмотря ни на что, твердо придерживался. Следователь пытался его уговорить, перечислял крупных деятелей «ленинградского дела», которые якобы уже признались. Не влияло. Следователь не выдержал и крикнул: «Что вы меня мучаете?!» В конце концов следователь написал, что Г. Кедров «ненормален», и его отправили на исследование в психиатрическую больницу. Тамошний врач сочувствовал Кедрову, предлагал дать такой диагноз, что может спасти жизнь...

«Вину» Кедрова рассматривали через два года. 21 января 1952 года он был вызван на Военную коллегию Верховного Суда СССР. В течение 10—15 минут Кедров был ознакомлен со всеми своими «прегрешениями»: не сообщил в ЦК ВКП(б) о фактах «вражеского» поведения бывших руководителей Ленинградской партийной организации, «засорял» кадры, в своей работе проводил небольшевистскую линию... За это ему вынесли наказание — «25+5». Кедров был выслан в Воркуту, работал на шахте, нажил тяжелую форму астмы и был затем направлен на лесопилку.

Р. Кедрова была арестована 21 октября 1950 года как жена политического преступника и месяц спустя приговорена особым совещанием к 8 годам ссылки в Магаданской области. Сына Владимира арестовали еще раньше и выслали в какой-то малоизвестный поселок в Казахстане, где он под надзором соответствующих органов продолжил учебу. Майор госбезопасности А. Кедров, о котором уже упоминалось, его жена Тамара, а также старший брат Г. Кедрова Петр, управляющий Ленинградской конторой Госбанка СССР, были уволены, исключены из партии.

«Ленинградское дело» на VIII пленуме ЦК КП(б)Э, как сказано, не упоминалось, но его ледяное дыхание коснулось и эстонских коммунистов. Многие из выступавших на пленуме упрекали Н. Каротамма в том, что в Эстонском стрелковом корпусе он покровительствовал бывшим буржуазным офицерам. И теперь, мол, воевавший в

гражданскую войну против Красной Армии, в корпусе за год поднявшийся от капитана до полковника и (в 1944 г.) принятый в партию Я. Лукас выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета. Каротамм объяснил дело так: у нас были трудности с подбором подходящих кандидатов, видимо, об этом стало известно секретарю ЦК ВКП(б) А. Кузнецову. Он по телефону сказал: почему бы не выдвинуть генерал-майора (1943 г.) Эстонского стрелкового корпуса Лукаса... Мы и выдвинули.

Я. Лукас был всячески достоин такого доверия. Но рекомендация «такого» секретаря ЦК ВКП(б) (во время VIII пленума ЦК КП(б)Э — уже одного из главных действующих лиц формируемого «ленинградского дела») оказалась для Я. Лукаса роковой. Его арестовали еще во время пленума, сослали в лагерь, где он и умер в мае 1953 года. Посмертно реабилитирован.

Можно предположить, что и сам Н. Каротамм в какой-то мере страдал и за то, что А. Кузнецов был о нем высокого мнения, считал его достойным полного доверия, отметил его хорошую академическую подготовку, высокую культуру, интеллигентность. Об этом пишет в своих воспоминаниях С. В. Сазонов, работавший с конца 1944 года по лето 1948 года вторым секретарем ЦК КП(б) Эстонии, а затем заведующим отделом планово-финансовых и торговых органов ЦК ВКП(б). Это мнение Кузнецова и его нередкие телефонные звонки Каротамму, их встречи в ЦК ВКП(б) не остались, вероятно, незамеченными Маленковым и самим Сталиным. Это тоже склоняло их, очевидно, к тому, чтобы соединить два звена — «дела» «ленинградское» и «эстонское». И все же они вошли в историю каждое само по себе. Почему? Можно предположить, что прежде всего «подвел» Г. Кедров. Его отказ от дачи показаний по «преступлениям» в Ленинграде, а также категорическое отрицание существования в Эстонии мифической антипартийной группы внесло технические неполадки в процесс соединения звеньев цепи. То есть заслугой именно Г. Кедрова можно считать то, что карательная машина сталинщины на этот раз задела парторганизацию и народ Эстонии в определенной степени меньше, чем в Ленинграде.

ДОБРЫЕ СЛОВА О Г. КЕДРОВЕ

Хотя эту заслугу Г. Кедрова перед Эстонией у нас в республике до сих пор не очень-то знают, люди, которых с ним сводила судьба, отзываются о Кедрове, все как один, с большим уважением, ни одного плохого слова о нем сказано не было. Более того, говорят, что он был душевным, общительным человеком, опытным партийным работником, как и его предшественник С. В. Сазонов (Н. Каротамму повезло со вторыми секретарями ЦК). Тем более веришь словам Р. Кедровой, живущей в интернате для ветеранов партии под Ленинградом, что они с супругом всегда хорошо ладили с людьми в Эстонии. Они жили летом в Козе, это дачное место под боком Таллинна, где в основном коттеджи, и Георгий Тихонович все росшие в саду ягоды и яблоки раздавал окрестным ребятишкам, относился к ним так же, как к своему родному сыну.

Родившийся в семье крестьянина Новгородской губернии, Г. Кедров уже в 13 лет стал рабочим, с 1927 года — в Ленинграде. В 19 лет вступил в комсомол, в 21 год — в партию. В 28 лет он окончил институт с дипломом инженера-экономиста по планированию. Работал по специальности в Ленинграде. Через два года его выбрали секретарем парткома крупного завода, через год — секретарем райкома партии, еще через год — первым секретарем. На этом посту он работал и в дни блокады. На 39-м году жизни Кедров был избран секретарем Ленинградского горкома партии по кадрам. О том, как сложилась его жизнь в дальнейшем, как он защищал себя и Эстонию, к которой до конца своих дней относился с глубокой симпатией, мы уже говорили. Трагическую роль в его судьбе сыграла не Эстония, а то обстоятельство, что он был коллегой А. Кузнецова по Ленинградскому горкому, что Кузнецов как секретарь ЦК ВКП(б) ценил его.

Процесс реабилитации жертв и пострадавших от массовых репрессий в Ленинграде в 1949—1953 годах оказался делом и небыстрым, и достаточно сложным. Г. Кедров одним из первых в 1953 году послал заявление в ЦК КПСС о пересмотре несправедливого обвинения и решения суда, а также восстановлении его прав как коммуниста и гражданина. К обращению Кедрова отнеслись с пониманием. 14 мая 1954 года Военная коллегия Верховного суда СССР пересмотрела его дело, отменила его в уголовном порядке и прекратила за отсутствием состава пре-

ступления. 29 мая Г. Кедров был освобожден из-под стражи, реабилитирован, восстановлен в партии.

Ему предлагали руководящую должность в Казахстане. Но Г. Кедров, как он потом объяснил А. Бураченко, не хотел быть снова «высланным». С 1955 по 1967 год Г. Кедров работал в Ленинграде директором крупного завода. К сожалению, видимо, никто из историков нашей республики, исследовавших столь интересующий нас сегодня период, не попытался получить у Кедрова его воспоминания. Г. Кедров умер в июне 1983 года и унес с собой в могилу так и не зафиксированные на бумаге воспоминания.

«НОВГОРОДСКОЕ ДЕЛО»

В. СМИРНОВ

«Ленинградское дело» — это грандиозная провокация, которую можно уподобить «адской машине», хитроумно сконструированной, предательски подложенной и приведенной в действие в нужный момент и с максимальным эффектом. Прогремевший в Ленинграде в феврале 1949 года взрыв унес множество жертв, но еще долго разлетевшиеся во все концы страны осколки косили людей, вся вина которых заключалась в том, что они были выходцами из колыбели русской революции.

Новгородская область традиционно тяготела к Ленинградской области, в состав которой она входила до войны, и эта близость, не только географическая, к эпицентру влекла за собой особые последствия. Можно без преувеличения сказать, что эхо того далекого взрыва звучит и сегодня, на пятом году перестройки...

Указ Президиума Верховного Совета СССР об образовании Новгородской области был принят 5 июля 1944 года. Решение диктовалось многими причинами. Катастрофические разрушения, которым подверглась эта земля, колоссальный ущерб, составивший 36 миллиардов рублей, невосполнимые людские потери требовали не только централизованных вложений, но и оперативного, максимально приближенного к объекту руководства. Подготовительная работа началась задолго до Указа, и началась с кадров. ЦК ВКП(б) возложил задачу формирования руководства будущей области на Ленинградский обком. После рассмотрения нескольких кандидатур на пост первого секретаря обкома определилась фигура секретаря Ленинградского обкома Г. Х. Бумагина, и теперь мы можем констатировать, что выбор был сделан на редкость точный.

Григорию Харитоновичу только что исполнилось сорок лет, но за широкими плечами этого невысокого че-

---

© В. Смирнов, 1990

ловека в круглых очках было уже столько, что другому бы хватило на несколько жизней. Крестьянский сын, он четырнадцатилетним подростком в разгар гражданской войны добровольцем вступил в Красную Армию, потом учился на экономиста, с 1932 года на партийной работе. Войну встретил секретарем по кадрам Ленинградского обкома ВКП(б), был членом Военного совета округа. Организовывал подпольную и партизанскую деятельность на оккупированных территориях, обнаружив недюжинный конспиративный талант, а затем возглавил комиссию по руководству северо-восточными районами Ленинградской области, обеспечивая поставки в блокированный Ленинград топлива и продовольствия — задача, требовавшая нечеловеческих усилий.

В Новгороде отличное знание ленинградских кадров облегчило Бумагину формирование его «команды». И сейчас, раскладывая этот кадровый пасьянс, ощущаешь тщательность отбора, определенные, повторяющиеся требования к «бумагинцам». Это мужчины в возрасте 40—45 лет, с большим опытом практической работы на ответственных должностях, проверенные в самых драматических ситуациях, почти все с боевыми наградами, прошедшие фронт, блокаду или партизанский отряд. Не оставляет чувство, что Григорий Харитонович тяготел к людям, напоминающим его самого,— интеллигентным, житейски порядочным. Надо отдать должное и Ленинградскому обкому, безропотно пославшему в Новгород добрую треть своего руководящего состава. Впоследствии в этом усмотрят преступный умысел.

Итак, вот эти люди.

Вторым секретарем Новгородского обкома стал Иван Иванович Баскаков. Он был на четыре года моложе Бумагина, но его послужной список выглядит не менее внушительно. Начинал бондарем на цементном заводе, учился в педтехникуме, в комвузе, работал в Сталинграде на «Тракторострое», был секретарем парткома Свирьстроя, в апреле 1941 года избран секретарем Ленинградского обкома по промышленности. В годы войны возглавлял Лужскую группу по организации и связи партизанских отрядов, одновременно руководил сооружением оборонительных рубежей на поручавшихся ему участках обороны Ленинграда, за что был награжден орденом Красной Звезды. К трагической фигуре И. И. Баскакова нам еще предстоит вернуться.

Секретарь по сельскому хозяйству Николай Иванович Королев. 42 года, по образованию агроном, в прошлом ди-

ректор совхоза, управляющий трестом молочных хозяйств, в последнее время секретарь Ленинградского обкома по животноводству. Глубокий знаток сельскохозяйственного производства.

Секретарь по идеологии Иван Тимофеевич Иванкин. 41 год. Работал секретарем Архангельского обкома ВКП(б), преподавал основы марксизма-ленинизма в Ленинградском кораблестроительном институте, заведовал агитпропом Ленинградского обкома.

Председатель облисполкома Петр Павлович Еремеев. 46 лет, бывший зампред Леноблисполкома, по образованию — экономист-плановик с большим опытом практической работы на территории будущей Новгородской области. В начале войны — один из организаторов строительства оборонительных сооружений, с 42-го по 44-й год — член комиссии обкома по руководству северо-восточными районами Ленинградской области.

Все ведущие отделы Новгородского обкома также возглавили ленинградцы: Н. И. Кирьянов, И. И. Иванов, В. Е. Алешин, П. Г. Матвеев, В. П. Гордин, М. А. Фишман, Ф. Ф. Зенкевич. Первым редактором «Новгородской правды» стал опытный ленинградский журналист Б. М. Патрикеев. Много ленинградцев было и на других должностях.

...Ранним летним утром от Ленинграда по Московскому шоссе в сторону Новгорода выехала небольшая автоколонна. С собой взяли только самое необходимое, семьи остались в Ленинграде, поскольку знали: жилья в Новгороде нет. Впереди медленно катил, объезжая еще незасыпанные воронки, видавший виды «бьюик» Бумагина.

Ехали долго, а когда приехали, не сразу поняли, что это Новгород. Города не было. Был громадный пустырь, просматривавшийся насквозь, заросший бурьяном, загаженный как только способны загадить сдаваемый город предчувствующие свою гибель оккупанты. Всюду страшные картины разрушения и одичания, груды битого кирпича, остовы церквей, коробки полуразрушенных зданий. В кремле, словно павшие воины, лежали разбросанные фигуры памятника «Тысячелетию России» и бродили уцелевшие люди, оглохшие от бомбежек, оцепеневшие от горя и лишений. Приехавших встретил председатель горисполкома Михаил Васильевич Юдин, тоже ленинградец. Новгородским мэром Юдин стал в июне 1941 года. Не успел принять дела, как началась война, и фронт с ошеломляющей быстротой покатился на восток — надо

было срочно спасать древние сокровища, эвакуировать население, обеспечивать транспорт. Из горящего Новгорода Юдин ушел в партизанский отряд, воевал в разведке, был комбатом, участвовал в знаменитой диверсии на перегоне Батецкая — Мойка, а в январе 1944 года с передовыми частями Волховского фронта вошел в Новгород и приступил к исполнению прерванных обязанностей. Еще дымили пожарища, слышалась перестрелка, а в одном из подвалов кремля Юдин вел прием граждан, обеспечивал их кровом и пищей.

Обком обосновался в Колмове, в одном из зданий бывшей психбольницы. В окнах остались решетки, но не хватало стекол, по коридорам с писком бегали крысы размером с кошку. Первое время спали тут же, вповалку. Хотя времени для сна почти не оставалось. На них сразу обрушилась лавина дел, крупных, тяжелых, как валуны, и мелких, но острых, как щебенка. Возвращение к жизни региона, две трети которого находилось в длительной оккупации, восстановление экономики, всех неисчислимых оборванных связей, утраченных структур — партийных, советских, административных — переплеталось с самыми первоочередными проблемами жизнеобеспечения людей. Надо было организовать энергоснабжение, добыть стройматериалы, обеспечить разминирование будущих улиц, наладить питание, врачебную помощь,— и все это сплеталось в один тугой узел, так что не отделишь, где партийная работа, где советская, а где хозяйственная. Но превыше всего было возвращение людям веры в то, что мы еще заживем, только придется на несколько лет стиснуть зубы, затянуть пояса и работать, работать до черного пота. И все они, будь то секретарь обкома или инструктор, в стоптанных кирзачах бредущий за десятки верст по сельскому проселку, были равно ответственны за все, что происходило вокруг, и шли они не в контору «для подготовки вопроса», а к людям.

Аппараты обкома и облисполкома пополнялись местными кадрами. Выбор был небогат, приходилось брать совсем молодых, неопытных и учить на ходу. «Как же терпеливо они возились с нами,— вспоминает работавшая в те годы в сельхозотделе Е. С. Гумбург,— какую ответственность за нас чувствовали!» «Отношения в аппарате были самые товарищеские, без чинопочитания, но дисциплина железная,— подчеркивает бывший инструктор И. А. Зайцев.— Помню, целый месяц был в командировке в Тесове, организовывал торфоразработки. Возвращался за полночь, но обязательно должен был позвонить домой

Баскакову, доложить, что сделано за день». «Работали по-комиссарски, на результат,— подтверждает бывший зав. сектором печати Н. К. Кулепетов.— Сначала сделаем, потом ждем звонка. Не позвонили — значит, все правильно». «Дисциплина в аппарате обеспечивалась не разносами, а делом»,— соглашается В. П. Молотков.

Так постепенно утверждался своеобразный стиль работы, который впоследствии стали называть «бумагинским» или «ленинградским». В основе его, если говорить попросту, хорошее отношение к человеку, внимание к его нуждам. И это было вполне естественно: какого же еще отношения заслуживали люди, вынесшие на своих плечах трагедию, которой еще не знала история, не разуверившиеся в социализме, несмотря на обрушившиеся жестокости и несправедливости. Впрочем, как оказалось, не всем такой стиль показался естественным. Но это будет потом, а пока все силы и помыслы отдавались возрождению области, и каждый, даже небольшой шаг воспринимался как победа: электричество от энергопоезда, вода из крана, первая парикмахерская, столовая, первый звонок в школе, первый киносеанс, первый спектакль в восстановленном театре и даже первая книга, выпущенная в Новгороде в сорок пятом году. К социальным вопросам отношение было особое. В докладе на первой областной партконференции Бумагин целый абзац посвятил городской бане. Баня — это была не просто гигиена, это был символ возвращения мирной жизни, по которой так истосковались люди после четырех лет разлаженного, исковерканного быта. В выступлениях Бумагина часто мелькает слово «культурно», чувствуется, что оно ему не просто нравится, но идет от понимания того, что в конечном счете все определяется уровнем культуры человека и общества в целом.

Вместе с тем обком не замыкался на текущих делах. Уровень перспективного планирования, стратегического мышления был весьма высок даже по нынешним меркам. В экономике приоритеты отдавались стройиндустрии и местной промышленности, которые должны были стать базой дальнейшего развития и насытить рынок товарами. Предприятия планировалось широко рассредоточить по области, чтобы обеспечить социальное развитие районов и вместе с тем не перегружать областной центр, который должен был развиваться как город-музей. В сельском хозяйстве ставилась задача восстановления колхозов и совхозов с упором на традиционные отрасли, особо подчеркивалась необходимость оказания помощи личным хозяй-

ствам: инвентарем, семенами, трофейным скотом. Выступая 10 июня 1946 года перед директорами промышленных предприятий, Баскаков говорил об отличных перспективах новгородской экономики при условии грамотного хозяйствования. Поразительно, но тогда среди разрухи, вместо того чтобы подхлестывать, кричать: «План любой ценой!», он говорил о хозрасчете, о техническом прогрессе, осуждал рекордоманию. «Не восстанавливать то, что было до войны,— говорил он,— а сразу выходить на новый технический уровень. Думать о будущем, не копировать довоенную технику, старую технологию, завязать связи с наукой, окунуться в техническую информацию».

В 1948 году Новгородская область по целому ряду основных показателей вышла на довоенный уровень. С огромными усилиями, но выполнялся план хлебозаготовок, крестьянин отдавал хлеб до зернышка и фактически задаром. Во многих районах пахали на коровах, на себе, но урожайность была на уровне 10—12 центнеров зерновых, то есть такой же, как в восьмидесятые годы. Люди работали истово, на совесть, без понуканий. На глазах менялся Новгород. Архитектор Щусев, приехав летом сорок седьмого, не узнал город. «Вместо мертвого, разрушенного, осквернённого Новгорода встает оживленный, многолюдный город, чувствуется, что он быстро растет, стремительно набирает силы. Стало меньше развалин, на солнце ярко играют красками стены восстановленных домов, в разных концах видны целые поселки и улицы. Всюду кипит стройка, высятся леса», — писал Щусев в «Новгородской правде».

...Ночь на новый, 1948 год выдалась изумительная. Падал мягкий снег. Ярко горели электрическим светом окна Дома культуры железнодорожников, там играл духовой оркестр и кружились нарядные пары. Все верили, что впереди только хорошее, а все страшное осталось позади. Верил в это и Григорий Харитонович Бумагин.

Тревожные симптомы стали появляться сразу после войны. Многие вещи не укладывались в сознании. Например, эшелоны бывших советских военнопленных, которые из гитлеровских лагерей прямиком отправлялись в лагеря отечественные. Снова стали исчезать видные военачальники. Постепенно сгущалась общественная атмосфера. В прессе тошнотворные восхваления вождя перемежались глухими угрозами в адрес интеллигенции. Появилось постановление ЦК ВКП(б) по журналам «Звезда» и «Ле-

нинград», на выходе было постановление по опере Мурадели «Великая дружба», где шельмовались гениальные Шостакович и Прокофьев. Лысенковцы добивали «вейсманистов-морганистов».

Николай Кузьмич Кулепетов, зав. сектором печати Новгородского обкома, находясь в командировке в Боровичах, увидел, как жгут уникальную библиотеку Кончанского монастыря. Выхватил из огня «Царственный летописец» 1872 года, привез в Новгород, показал Бумагину. Тот молча схватился за голову. Потом спросил: «Что мы можем сделать?» Сделать было ничего нельзя — приказ Главлита, который напрямую подчинялся МГБ.

Точила мысль: неужто возвращаются тридцатые годы? За что же так с народом-победителем? Понимали: что-то не то, но Сталину верили безоговорочно. От черных дум уходили в работу, не зная, что где-то на самом верху уже разработана операция, которую мы теперь именуем «ленинградское дело».

Отсчет «ленинградского дела» обычно ведется с 15 февраля 1949 года, когда на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято постановление «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) товарища Кузнецова А. А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М. И. и Попкова П. С.».

Но для новгородских коммунистов «ленинградское дело» началось раньше, а именно: 24 ноября 1948 года, когда состоялся пленум, освободивший Г. Х. Бумагина от обязанностей первого секретаря Новгородского обкома ВКП(б). Это свидетельствует о том, что расправу со своими политическими противниками организаторы провокации начали не с Ленинграда, а с периферии, что подтверждает мысль о существовании давнего, тщательно готовившегося замысла.

Прежде чем рассказать о пленуме Новгородского обкома, надо упомянуть о драматическом и загадочном происшествии, случившемся много раньше. 4 февраля 1948 года вечером в своей квартире выстрелом из револьвера покончил жизнь самоубийством второй секретарь Новгородского обкома И. И. Баскаков. При обыске были обнаружены две записки. Первая: «Дорогие товарищи, я ухожу из жизни честным патриотом своей Родины, верным делу Ленина — Сталина. Прошу не забыть семью». И вторая: «Дорогая, любимая Вера, милые ребята, прощайте, желаю вам счастья. Иван». В заключении экспертной комиссии причиной самоубийства называлось «врожденное заболевание, которое выразилось в увеличении вилочковой же-

лезы и отсутствии ее обратного развития. Указанное отклонение сопровождается большой чувствительностью организма к заболеваниям, легкой утомляемостью, неспособностью противостоять даже незначительным раздражениям». Особо подчеркивалось, что «возможность самоубийства на политической почве полностью исключается».

Шаткость заключения очевидна. Легенда о сверхчувствительности и легкой утомляемости человека, который не только работал сутками, но и находил силы серьезно заниматься философией, экономикой (Баскаков вел семинар для работников обкома), отличался сильной волей и мужеством,— такая легенда мало кого убедила. Поползли слухи, и, чтобы пресечь их, сочиняли всякие «версии», делали намеки, возмущавшие тех, кто близко знал Баскакова.

Сейчас нам трудно строить догадки, хотя многие из бывших работников обкома убеждены, что к самоубийству Баскакова толкнули именно политические мотивы. Известно, что в тот день он говорил по телефону с Бумагиным, находившимся в Москве на сессии Верховного Совета СССР. Е. С. Гумбург, последней разговаривавшая с Баскаковым, рассказывает о папке с документами неизвестного содержания, которую он просил передать Бумагину, когда тот вернется, и непременно с глазу на глаз. На ее недоуменный вопрос: «А почему вам самому не отдать ее?» — Баскаков ответил, что заболел, и, кажется, надолго. Наводит на размышление и тот факт, что Баскаков в 1937 году арестовывался по ложному обвинению, но избежал расправы. По-разному можно толковать и посмертную записку. Почему Баскаков подчеркивает свою верность партии Ленина — Сталина, может быть, у кого-то появились сомнения на этот счет? Однако, повторяю, все эти соображения не дают оснований для определенного вывода. До начала раскрутки «ленинградского дела» было еще далеко. И все же выстрел, раздавшийся в Новгороде глухим февральским вечером, прозвучал сигналом тревоги.

Освобождение Бумагина от обязанностей первого секретаря обкома прошло спокойно. Товарищи тепло простились с Григорием Харитоновичем, которого ЦК отзывал телеграммой на курсы переподготовки, и только он сам да еще несколько человек чувствовали неладное. Первым секретарем Новгородского обкома был назначен (выборы носили чисто условный характер) Михаил Николаевич Тупицын. Раньше Тупицын работал в Белоруссии. Симптоматично, что в недоброй памяти 1938 году он воз-

главлял управление НКВД Полесской области. По характеру, по манере поведения Тупицын резко отличался от своего предшественника, бывшие обкомовцы отмечают в нем грубость, нажимной, авторитарный стиль. Впрочем, справедливости ради надо привести и другое мнение. Как полагает бывший секретарь обкома И. Т. Иванкин, Тупицын не проявил той ретивости в избиении ленинградских кадров, которую ожидали те, кто его послал.

Тем временем Григорий Харитонович учился на курсах в Москве. Там организовалась целая колония бывших ленинградцев. Потом их стали одного за другим вызывать в Ленинград. Бывший секретарь Лужского горкома И. И. Сергунин был арестован, как только появился в Смольном. Продержав сорок дней в «Крестах», его вызвали на бюро. Разбирательство занимало не более двух минут, обвиняемому не давали раскрыть рот. Наказание определялось не степенью вины, а занимаемой должностью. Сергунину как первому секретарю горкома «полагалось» 10 лет, но его спасла Звезда Героя Советского Союза.

Г. Х. Бумагин был отчислен с курсов 31 августа 1949 года. Два месяца ждал ареста. Его дочь Людмила Григорьевна рассказывала мне, что за отцом велась открытая слежка, он перестал спать, заболел на нервной почве фурункулезом. Наконец, его арестовали и увезли в Москву. 11—12 ноября в Новгороде состоялся пленум обкома, рассмотревший вопрос «О состоянии внутрипартийной работы в областной партийной организации». М. Н. Тупицын сделал пространный доклад и только в самом конце сказал то, ради чего и был созван пленум: «Бывший секретарь обкома Бумагин и председатель облисполкома Еремеев, погрязнув в целом ряде дел, встали на антипартийный путь обмана ЦК ВКП(б), на путь разложения кадров».

Первым пунктом обвинения был вопрос о землянках. Речь шла о том, что два года назад «в целях создания видимого авторитета» руководители Новгородского обкома и облисполкома сообщили в ЦК о ликвидации землянок в области, в то время как в ряде мест землянки остались и в них жили люди. Вспоминая пресловутую историю с землянками, И. Т. Иванкин рассказал: «К тому времени мы народ из землянок действительно выселили. Нам бы их тут же срыть. Собрались на бюро: что будем делать? Баскаков говорит: давайте оставим как резервный фонд. Люди возвращаются из эвакуации, на первое время пусть лучше землянки, чем ничего. Решение было коллективное, а обвинили во всем Бумагина. Просто искали повод».

Другой пункт обвинения звучал устрашающе: Бумагин якобы истратил на обстановку для своей квартиры 135 тысяч партийных денег и 78 тысяч прокутил через «малый буфет». Что-либо более абсурдное трудно было придумать: личная скромность Бумагина была общеизвестна, но клеветники не заботились о правдоподобности, руководствуясь принципом — чем чудовищнее ложь, тем больше шансов, что в нее поверят. Не поверили. Ни один из выступивших в прениях секретарей горкомов и райкомов партии не сказал ни одного плохого слова о Бумагине, как к тому ни понуждал их президиум. Горько признать, но по-иному вели себя члены бюро, работавшие с Бумагиным много лет бок о бок,— инстинкт самосохранения оказался сильнее чувства справедливости. Особенно активно отмежевывался от товарища А. Д. Федоров, второй секретарь обкома: «Мы знали о всех безобразиях, но не дали им должной оценки,— каялся он и тут же добавлял:— хотя я и давал правильную оценку действий старого руководства». Сочувствие партийного актива Бумагину было настолько очевидно, что начальник областного управления МГБ Речкалов разразился угрозами в адрес тех, кто «занял линию молчания» или ведет разговоры «о повторении 1937—1938 годов, об избиении кадров и т. д. Антипартийная линия, занятая этими людьми, не помогает исправлению ошибок, а только усугубляет искривление политики нашей партии». Уличающим тоном Речкалов клеймил Бумагина за то, что «в первые годы существования области он поощрял строительство личных домов и приобретение коров, что привело к разложению части актива». В заключение Речкалов сообщил об арестах коммунистов за антисоветскую агитацию.

Вскоре после ареста Бумагина и Еремеева был взят под стражу и впоследствии расстрелян сменивший Еремеева на посту председателя Новгородского облисполкома М. И. Сафонов, в прошлом первый заместитель председателя Леноблисполкома. Поводом для отстранения Сафонова от должности стала опубликованная им в «Новгородской правде» совершенно безобидная статья. Через некоторое время был снят с работы редактор газеты Патрикеев.

1950-й — год лихорадочной перетряски кадров. Все, кто носил «клеймо» ленинградца, были сняты с работы по надуманному поводу, а то и без повода. По команде сверху был отстранен секретарь обкома по сельскому хозяйству Н. И. Королев. Лишились должностей практически все заведующие отделами. В. Г. Алешина и

П. Г. Матвеева обвинили в том, что, «работая в Новгородской области, все время выжидали подходящего момента, чтобы выехать в Ленинград». Трагикомично, что многие отстраненные ленинградцы впоследствии вернулись в Новгород и работали здесь до пенсии, а их главный обвинитель М. Н. Тупицын в апреле 1952 года убыл в Москву на повышение и более здесь не появлялся. Остались без работы В. П. Гордин, М. А. Фишман, И. И. Иванов. Долгое время находился «под колпаком» И. Т. Иванкин, познавший, что значит оказаться в опале: бывшие товарищи, встретившись с ним в коридоре, шарахались от него, как от прокаженного. Кончилось вызовом в ЦК и направлением на работу в далекую Читу. Вскоре вся «бумагинская команда» была расформирована. На место ленинградцев пришли другие люди, часто случайные, во многом уступавшие по деловым качествам. Также выброшенный за ворота по вздорному обвинению в хищении 20 тысяч рублей Н. К. Кулепетов вспоминал, как на пост секретаря обкома по идеологии прислали какого-то морячка, добрейшего парня, но ничего не смыслившего в деле, к которому он был приставлен, зато виртуозно игравшего на гармошке. Кадровая чехарда продолжалась несколько лет. Тупицына сменил Федоров, вскоре снятый за развал работы, и только с приходом в область Т. Ф. Штыкова, уже после смерти Сталина, положение стабилизировалось.

Но вернемся в год 1950-й. Из Ленинграда ползли черные вести. 1 октября выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР приговорила к расстрелу Н. А. Вознесенского, А. А. Кузнецова, М. И. Родионова и группу партийных руководителей.

31 марта 1950 года в Новгороде выездная сессия Верховного суда РСФСР вынесла приговор бывшему председателю облисполкома П. И. Еремееву и другим руководящим работникам. По надуманному обвинению они были осуждены к различным срокам заключения. 30 октября услышал свой приговор Г. Х. Бумагин: 25 лет лишения свободы. Наказание Григорий Харитонович отбывал во Владимирской тюрьме вместе с нацистскими преступниками, причем к тем относились лучше, чем к «врагам народа».. Его семья отправилась в ссылку в Сибирь, в район Канска. Там трагически погиб его сын. Зять Бумагина Владимир Васильев, слушатель Военно-медицинской академии, был вызван к начальству, где ему было предложено официально и публично отречься от тестя. В ответ молодой человек официально и публично заявил, что не

верит ни одному слову обвинения в адрес тестя, считает его настоящим коммунистом и никогда не откажется от него. В тот же день он был отчислен из академии, исключен из партии и отправлен за решетку. Как рассказывала дочь Бумагина, Григорий Харитонович до конца дней не мог спокойно говорить об этом, на глаза наворачивались слезы.

Трагические испытания выявляют мужество и человеческое благородство. Но они же способны вызвать самые низменные чувства, развязать темные инстинкты. Именно эти годы отмечены эпидемией доносительства. Случайная фраза, неосторожное слово, сказанные вроде бы среди своих, странным образом мгновенно передавались «куда следует». Это было явление не местного масштаба, оно захватило всю страну, с доноса был снят моральный запрет, он объявлялся символом патриотизма, и этим воспользовались ущербные, завистливые, чем-то недовольные люди. И. Т. Иванкин вспоминает, как однажды в ЦК увидел свое «личное дело» и ужаснулся громадному количеству подшитых в нем чудовищных анонимок. Характерна история исключения из партии М. В. Юдина, к тому времени возглавившего областную плановую комиссию. По заявлению секретаря парторганизации Щедриной его обвинили в непартийных разговорах, в том, что он критически отозвался о «Кратком курсе истории ВКП(б)», заявив, что история идет вперед, а история партии остается без поправок и изменений. Этого оказалось достаточно, чтобы изгнать из партии человека, тысячекратно доказавшего преданность ей на деле в самые страшные дни войны.

Кануло в небытие партийное товарищество, которым была сильна «бумагинская команда». Дело все чаще уступало форме. М. С. Гумбург вспоминает ночные бдения в кабинете Тупицына. Пресловутый ночной режим, изобретенный Сталиным, постепенно выродился в нелепое и бесцельное пересиживание друг друга. Как ни странно, но дисциплина при крутом и жестком Тупицыне была хуже, чем при «либерале» Бумагине: количество персональных дел резко возросло, зато экономика буксовала. Впрочем, причины экономических проблем коренились глубже: давала сбой в мирных условиях административно-командная система.

17 февраля 1954 года первым секретарем Новгородского обкома стал Т. Ф. Штыков, в прошлом секретарь Ленинградского обкома. Начинались новые времена, надвигалась «хрущевская оттепель». Штыков вернул в Нов-

город многих ленинградцев. В стиле работы обкома снова стали просматриваться знакомые черты: демократизм, внимание к человеку, интеллигентность. Но не всех и не всё можно было вернуть. У людей оставался горький осадок, тяжкие воспоминания, во многом было утрачено светлое подъемное настроение первых мирных лет, оборваны в самом начале многие планы и замыслы.

Как-то летом приехал в Новгород реабилитированный Бумагин. Попросил у Штыкова машину, долго ездил по городу, вспоминал. Его узнавали с трудом. Четыре года тюрьмы сделали пятидесятилетнего Бумагина стариком. Он тоже узнавал не всех. Одних обнимал, от других отворачивался. В партийном архиве долго читал протоколы того ноябрьского пленума, заново узнавая своих товарищей. Григорий Харитонович прожил долгую жизнь. Много работал, много занимался общественными делами, хотя был не в чести у новых ленинградских руководителей. К Г. В. Романову пробивался по ветеранским делам два года, но так и не был удостоен... О Новгороде всегда вспоминал с нежностью, часто бывал здесь. Умер Г. Х. Бумагин 7 ноября 1980 года, в годовщину революции, которой беззаветно служил. В газетном некрологе о черной полосе в его жизни стыдливо умалчивалось.

Сорок лет спустя мы задаемся вопросом: что это было? Какова подоплека «ленинградского дела»? Одни исследователи полагают, что А. А. Кузнецов и его товарищи стояли в оппозиции к сталинскому режиму, были «белыми воронами», которых заклевали вороны черные. Другие, напротив, считают, что ни о какой оппозиции говорить не приходится, а была борьба за власть двух принципиально не отличавшихся друг от друга группировок, подогреваемая Сталиным придворная интрига, закончившаяся кровавой баней.

Попытаемся рассмотреть третью точку зрения, а для этого обратимся к постановлению Политбюро от 15 февраля 1949 года. Поскольку речь в нем шла о высшем эшелоне власти, не вызывает сомнения, что Сталин был если не автором, то редактором этого документа. Итак, читаем: «Политбюро ЦК ВКП(б) считает, что отмеченные выше противогосударственные действия явились следствием того, что у тт. Кузнецова, Родионова, Попкова имеется нездоровый, небольшевистский уклон, выражающийся в демагогическом заигрывании с Ленинградской организацией... в попытках создать средостение между ЦК

ВКП(б) и Ленинградской организацией и отдалить таким образом Ленинградскую организацию от ЦК ВКП(б)» (Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 128).

А теперь зададимся вопросом: в чем же выразился «нездоровый, небольшевистский уклон», о каком «демагогическом заигрывании» идет речь? И что стоит за характерным книжно-семинаристским словом «средостение», означающим препятствие, преграду, мешающую объединению? Не идет ли речь о том самом «ленинградском стиле», который несли с собой партийно-советские кадры, прошедшие суровую, очищающую школу в блокированном Ленинграде? Колоссальные испытания, смертельная угроза требовали инициативы, смелых, самостоятельных решений, они же сблизили аппарат с народом, заставили уверовать в человека. Все это в сочетании с длительной вынужденной изоляцией от центра усилило характерную для Ленинграда, идущую от Кирова и еще раньше, от Ленина, демократическую традицию, которая в постановлении именуется «демагогическим заигрыванием». Не в ней ли увидел опасность архитектор командно-административной системы? И пусть субъективно А. А. Кузнецов и его товарищи были душой и телом преданы Сталину, объективно «ленинградский стиль» означал альтернативу насаждаемому им жесткому, авторитарному, основанному на слепом повиновении стилю. Вот почему были уничтожены не только руководители Ленинграда, не только первые лица, но и разъехавшиеся по стране выдвиженцы этой партийной организации. Семена могли дать нежелательные всходы, и в ряде мест, например, в Новгороде, они их дали, но были безжалостно затоптаны. Как знать, не случись этого, может быть, не пришлось бы партийным комитетам сегодня так трудно, порой мучительно обретать новый стиль, восстанавливать доверие людей.

ДРАМА НА ВОЛГЕ

Л. П. ГОРДЕЕВА, Е. И. КИЛЬСЕЕВ, П. А. РОЗАНОВ

В результате так называемого «ленинградского дела», сфабрикованного против видных партийных, советских и хозяйственных руководителей, выдвинувшихся в период Великой Отечественной войны, пострадали кадры не только Ленинградской партийной организации, но и ряда других. Одним из видных руководителей, проходивших по этому делу, был бывший первый секретарь Горьковского обкома ВКП(б), а затем Председатель Совета Министров РСФСР М. И. Родионов.

Осудив ленинградских товарищей и М. И. Родионова, фальсификаторы этого дела стремились, по традициям 30-х годов, придать ему вид крупного заговора, направленного на подрыв партии и государства. Как правило, для этого необходимы были «заговорщики», в качестве которых привлекались люди, ранее работавшие с репрессированными. Можно предположить, что ближайшее окружение Сталина тревожил рост влияния и популярности молодых партийных деятелей, выросших в областных организациях в годы Великой Отечественной войны.

Очевидно, именно поэтому фальсификаторы «ленинградского дела» обратили свои взоры и к Горьковской партийной организации, которая была одной из крупнейших в стране.

С 30 ноября по 2 декабря 1950 года проходила Горьковская X областная партийная конференция. В отчетном докладе обкома ВКП(б) первый секретарь обкома Д. Г. Смирнов подчеркнул, что в текущем году обком партии исправлял «нарушения большевистского принципа подбора и расстановки кадров, протаскивание на руководящие посты неустойчивых и политически невыдержанных работников», на которые указывал в своих постановлениях ЦК ВКП(б), заменял скомпрометировавших себя партийных и советских работников*. Чем же ском-

---

* Партийный архив Горьковской области (ПАГО). Ф.3. Оп.1. Д. 7437. Л. 16.

© Л. П. Гордеева, Е. И. Кильсеев, П. П. Розанов, 1990

прометировали себя руководители партийных и советских органов Горьковской области? Какие решения принял ЦК ВКП(б) о Горьковской партийной организации?

В 1949—1950 годах ЦК ВКП(б) дважды обращал внимание на Горьковскую парторганизацию или, как оценивали в то время, «оказывал помощь областной партийной организации»*.

В 1949 году, 23 марта, было принято постановление ЦК по отчету «О работе Горьковского обкома ВКП(б)», в котором Центральный Комитет указал на крупные ошибки и недостатки в работе обкома по руководству партийной работой. Уже в этом постановлении было подчеркнуто, что Горьковский обком партии «недостаточно воспитывал руководящие кадры в духе соблюдения государственных интересов, не вел должной работы с проявлениями иждивенческих настроений»**. Особое внимание ЦК ВКП(б) обратил на то, что «Совет Министров РСФСР и его бывший председатель Родионов допускали вредную опеку и своими неправильными действиями приучали некоторых руководителей партийных и советских органов области к иждивенчеству»***.

Острой критике в связи с этим подверглись председатель облисполкома Н. В. Жильцов и особенно председатель Горьковского горисполкома А. М. Шульпин. Как отмечалось на V пленуме Горьковского обкома ВКП(б), обсуждавшем постановление ЦК, Жильцов и Шульпин, пользуясь покровительством Родионова, допускали «политические ошибки», «антигосударственные действия, по существу урывали у государства побольше, хотели дать ему поменьше»****. Присутствовавший на пленуме обкома инспектор ЦК ВКП(б) Шварев в своем выступлении привел данные о «покровительстве» Родионова: за 1946 год было издано 108 специальных распоряжений по Горьковской области, в 1947-м —123, в 1948 году —87. Шварев обратил внимание на последний пункт постановления ЦК ВКП(б) — «признать необходимым укрепить руководство Горьковского обкома ВКП(б)»*****.

Так решение Политбюро ЦК ВКП(б), разбиравшего 15 февраля 1949 года «ленинградское дело» и снявшего М. И. Родионова с поста Председателя Совета Министров РСФСР, отразились на оценке деятельности руково-

---

* ПАГО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 7429. Л. 57.
** Там же. Д. 7008. Л. 3.
*** Там же. Л. 15.
**** Там же. Л. 119.
***** Там же. Д. 7008. Л. 73.

дителей партийных и советских органов Горьковской области.

Михаил Иванович Родионов, проходивший по «ленинградскому делу», почти всю свою жизнь был связан с Горьковской партийной организацией. Он родился в 1907 году в Нижегородской губернии, в семье крестьянина-середняка. Трудовую деятельность начал в 10 лет. Пройдя комсомольские университеты, Михаил Иванович в 1929 году вступил в члены партии и уже в 24 года был на выборной партийной работе. В 1938 году, работая заведующим областным отделом народного образования, он был избран депутатом Верховного Совета РСФСР. Накануне войны М. И. Родионов избирается секретарем Горьковского обкома ВКП(б), затем — председателем облисполкома, с января 1940 года — первым секретарем Горьковского обкома партии.

В годы Великой Отечественной войны под руководством партийной организации трудящиеся превратили Горьковскую область в подлинный арсенал фронта. Достаточно сказать, что только в 1943 году промышленные предприятия Горьковской области давали 28 процентов всех производимых в стране танков, 25 процентов артиллерийских систем, 46 процентов автомобилей*. А всего за годы войны рабочий класс области дал фронту 100 тысяч орудий, 23,6 тысячи танков, более 15 тысяч самолетов, свыше 10 тысяч минометов, 9 тысяч самоходных установок, много боеприпасов и другой военной техники**. Здесь зародились патриотические движения двухсотников и комсомольско-молодежных фронтовых бригад, ставшие всесоюзными.

Все это говорило о большой организаторской и идеологической работе Горьковской областной партийной организации и лично ее руководителя — М. И. Родионова.

Вскоре после войны, в марте 1946 года, М. И. Родионова назначили Председателем Совета Министров РСФСР. В феврале 1949 года М. И. Родионов вместе с первым секретарем Ленинградских обкома и горкома партии П. С. Попковым и секретарем ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецовым был обвинен в антипартийных действиях, а в

---

* *Кисилев В. П.* Идеологическая работа партийной организации среди тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны (На материалах областей и автономных республик Поволжья). Горький. 1975. С. 9.

** Во имя победы. Трудовой подвиг горьковчан в годы Великой Отечественной войны. Горький. 1976. С. 37.

августе 1949 года он был арестован*. М. И. Родионову, как и бывшим руководителям Ленинградской парторганизации, было предъявлено обвинение во «вредительской подрывной» работе в партии, в государственных органах, нарушении государственных планов.

14 января 1950 года ЦК ВКП(б) (точнее, Секретариат ЦК) вновь обращается к работе Горьковской партийной организации, принимает постановление «О первом секретаре Горьковского обкома ВКП(б)».

Первым секретарем Горьковского ОК ВКП(б) в то время работал С. Я. Киреев. Сергей Яковлевич Киреев родился в 1901 году во Владимирской губернии, в семье крестьянина-бедняка. Хотя в семье было 9 детей, ему удалось закончить школу-шестилетку. В 18 лет он добровольцем ушел на гражданскую войну, после ее окончания, будучи курсантом военной школы, боролся с «антоновщиной». С 1921 по 1925 год С. Я. Киреев работал в ГПУ. В 1925 году вступил в члены партии, был направлен на работу в нижегородскую Центральную рабочую комиссию. В 1935 году С. Я. Киреев закончил с отличием Горьковский политехнический институт и начал работать на Горьковском автозаводе: был мастером, инженером, начальником цеха, в 1936 году побывал в командировке в США. С 1937 года Сергей Яковлевич Киреев на партийной работе — избирается вторым, затем первым секретарем Автозаводского РК ВКП(б), секретарем Горьковского обкома по кадрам, потом секретарем по машиностроительной промышленности, с августа 1941 года — вторым секретарем обкома, а в марте 1946 года заменил М. И. Родионова на посту первого секретаря Горьковского обкома и горкома ВКП(б).

Много сил отдал С. Я. Киреев на решение военно-хозяйственных задач в годы Великой Отечественной войны, преодоление послевоенных трудностей и ускоренное развитие промышленности. Уже в первый год пятилетки самоотверженный труд горьковчан, напряженная работа областной парторганизации позволили в основном завершить перевод предприятий, выпускавших военную технику и боеприпасы, на производство мирной продукции. Выполняя постановление ЦК ВКП(б) «О работе Горьковского обкома ВКП(б)», областная парторганизация

---

* Жена М. И. Родионова Елизавета Федоровна была арестована в конце 1949 года, до 1954 года находилась в лагере на лесоразработках в Коми АССР; старшая дочь Инна — отправлена в лагерь в Кузбасс.

направляла внимание трудовых коллективов на улучшение качества продукции, более полное использование оборудования, экономию материалов, внедрение новой техники и более совершенных технологических процессов. Большая организаторская работа областной парторганизации дала положительные результаты: уже в 1949 году ряд предприятий достиг уровня производства, запланированного на 1950 год*, в целом горьковчане значительно перевыполнили задания четвертого пятилетнего плана.

Но не по организаторским качествам оценивал работу первого секретаря Горьковского обкома Секретариат ЦК ВКП(б). Уже в ноябре 1949 года С. Я. Киреев, по свидетельству его жены Серафимы Афанасьевны, понял, что в ЦК решили вопрос о нем. В это время они возвращались из отпуска, Сергей Яковлевич зашел в ЦК и встретил холодное обращение с ним со стороны работников аппарата. Как мы сейчас знаем, в это время фабриковалось дело об «антипартийной группировке».

14 января 1950 года на заседании Секретариата ЦК, где присутствовали секретари ЦК и заместитель председателя КПК при ЦК ВКП(б) М. Ф. Шкирятов (Сталина не было), Г. М. Маленков выдвинул главное обвинение С. Я. Кирееву. Как рассказывает С. А. Киреева, Маленков заявил: «Вы не помогли ЦК вскрыть вражеские действия Родионова. Мы снимаем вас». Н. С. Хрущев, поддержав обвинения в адрес С. Я. Киреева, заметил, что Украина еще не была восстановлена, а в Горьком пустили троллейбус.

19 января 1950 года был проведен VIII пленум Горьковского обкома партии, на котором обсуждали постановление ЦК о первом секретаре. Пленум был закрытый, собрался в срочном порядке. П. М. Лизунов,— он в то время работал первым секретарем Куйбышевского РК ВКП(б),— вспоминает: «Повестку пленума сообщили членам обкома на самом заседании, даже первые секретари райкомов партии не знали о решении ЦК».

С сообщением о решении ЦК на пленуме выступил зам. зав. отделом партийных, профсоюзных, комсомольских органов ЦК ВКП(б) А. Л. Дедов. Он отметил, что «ЦК наблюдал за Горьковской организацией, следил, как

---

* *Щепетов Е. М.* Борьба Горьковской организации КПСС за ускоренное развитие промышленности в послевоенный период (1946—1950 гг.). Научная конференция, посвященная 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции.— Киров. 1987. С. 159.

выполняет решение ЦК, пришел к выводу, что бюро обкома неудовлетворительно выполняет постановление ЦК по отчету Горьковского обкома партии»*. А. Л. Дедов указал на факты, которые стали основанием для такой оценки работы Горьковского обкома: это преступления, связанные с растратой государственных средств в Горьковском горсовете, а главное — «неправильное (по оценке ЦК) отношение, которое сложилось у руководящих работников Горьковской области с бывшим Председателем Совета Министров РСФСР Родионовым». Ничего не объясняя, А. Л. Дедов назвал Родионова «мерзавцем» и выдвинул обвинения в адрес Горьковского обкома и С. Я. Киреева в том, что они не проинформировали ЦК о последствиях, которые якобы «оставил Родионов в Горьковской области»**.

В оправдание некоторые участники пленума, например, второй секретарь обкома Тихомиров, председатель облсовпрофа Кочетков, отмечали, что им стало известно о снятии Родионова с его поста лишь из печати, никто не информировал парторганизацию об аресте Родионова, а С. Я. Киреев, ссылаясь на авторитет Маленкова, заявил, что «нам не положено обсуждать этот вопрос»***. В. В. Тихомиров высказал предположение, что для ЦК, видимо, «не ясна еще была линия поведения» Родионова ****.

Действительно, как стало сейчас известно, к январю 1950 года работники МГБ сфабриковали материалы, обвинявшие А. Н. Вознесенского, А. А. Кузнецова, М. И. Родионова и руководителей Ленинградской партийной организации в контрреволюционной деятельности *****. Вероятно, от членов Горьковского обкома требовалось «дополнить» эти материалы.

На пленуме обкома его участники все же задавали вопрос: «Где Родионов?» А. Л. Дедов не мог сразу ответить на этот вопрос. Как вспоминает С. А. Киреева, он позвонил в ЦК, ему посоветовали: «Говори: получил по заслугам».

Выполняя требование А. Л. Дедова, члены обкома «критически» анализировали последствия действий М. И. Родионова в Горьковской области, называли факты, которые, по их мнению, свидетельствовали об опеке Ро-

---

* ПАГО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 7448. Л. 5.
** Там же. Л. 6.
*** Там же. Л. 91.
**** Там же.
***** Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 129,131.

дионова над городом в обход правительства. Это строительство троллейбусной линии и домостроительного комбината в Горьком. Решение об их создании принимал председатель горисполкома Шульпин с согласия Киреева.

Сейчас эти факты кажутся нам незначительными, а тогда, квалифицируя их как «нарушения плановости в государственном порядке, нарушение государственных интересов» *, по ним выносились суровые решения.

ЦК ВКП(б) освободил С. Я. Киреева от обязанностей первого секретаря Горьковского обкома партии «ввиду неудовлетворительной его работы», «за нарушение большевистского принципа подбора и расстановки кадров» **.

Первым секретарем Горьковского обкома ВКП(б) был избран Д. Г. Смирнов, работавший в аппарате ЦК зам. зав. отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов. Еще до пленума обкома, как заявил А. Л. Дедов, ЦК утвердил Смирнова в качестве первого секретаря Горьковского ОК ВКП(б), решение об этом подписал Сталин, так что членам обкома оставалось только проголосовать за его избрание, и он, конечно, был избран единогласно.

А. Л. Дедов с удовлетворением отметил, что пленум Горьковского обкома правильно понял мероприятия, которые провел ЦК, оценку, данную им руководству обкома партии, Кирееву. ЦК ВКП(б) принял решение «передать дело на руководителей обкома в КПК и привлечь их к ответственности за расхищение государственных средств и разложение»***.

На этом пленуме вывели из состава членов бюро обкома и освободили от обязанностей председателя Горьковского облисполкома Н. В. Жильцова (его направили на хозяйственную работу в Московскую область). Пленум исключил из членов обкома, снял с работы председателя Горьковского горисполкома А. М. Шульпина.

Это было еще не окончательное решение о А. М. Шульпине. Ведь Александр Михайлович Шульпин работал в годы войны заместителем председателя облисполкома (т. е. вместе с М. И. Родионовым). 30 января 1950 года бюро Горьковского ГК ВКП(б) исключило А. М. Шульпина из партии ****. В марте 1950 года бюро об-

---

* ПАГО. Ф.3. Оп.1. Д.7448. Л.77.
** Там же. Л.108.
*** Там же. Л. 101.
**** Там же. Ф. 30. Он. 1. Д. 3810. Л. 39,40.

кома утвердило постановление о его исключении «за антигосударственные действия, разбазаривание государственных средств и личные злоупотребления» *. Что же входило в эти обвинения? Шульпину поставили в вину организацию встреч и банкетов, растрату в столовой горисполкома, а главное — он, «пользуясь покровительством Родионова, в больших размерах расходовал государственные средства не по назначению» **.

Действительно, горьковский горисполком получил от правительства 31 миллион рублей. Эти средства пошли на повышение зарплаты учителям, восстановление транспорта, в том числе строительство троллейбусной линии, пополнение трамвайного хозяйства, строительство домостроительного комбината, завода машинок для стрижки, торфобрикетного завода, планетария и других объектов ***.

Следует отметить, что за восстановление и развитие городского транспорта г. Горький получил первое место в соревновании 1948 года и, как отмечали А. М. Шульпин и другие советские работники, это раньше ставилось в заслугу горьковчанам — как пример поисков внутренних резервов, так как троллейбусная линия, планетарий и другие объекты строились силами горьковских заводов, за счет собственных средств и ресурсов, не в ущерб выполнению государственных заданий. Это также относилось и к строительству домостроительного комбината, часть средств на которое было выделено из предназначавшихся на капитальный ремонт. Хозяйственники в этом случае проявили самостоятельность и инициативу, так как строительная база города была в крайне запущенном состоянии и решить проблему жилья только капремонтом было невозможно.

Но инициатива и самостоятельность противоречили принципам сложившейся административно-командной системы управления, а главное, все это было связано с именами людей, долго работавших с М. И. Родионовым. Поэтому малосущественные хозяйственные нарушения квалифицировались как политические, государственные преступления.

Что касается растраты в столовой, то, как объяснял А. М. Шульпин, там действительно было хищение — с его стороны был недостаточный контроль за ее работой ****.

---

* ПАГО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 7470. Л. 110.
** Там же. Д. 7448. Л. 3.
*** Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7469. Л. 168.
**** Там же. Д. 7448. Л. 39.

И банкеты, приемы действительно имели место в 1944—1946 годах, когда встречали делегации с фронта. По всем этим фактам Шульпин был привлечен к уголовной ответственности.

VIII пленум Горьковского ОК ВКП(б) обязал бюро обкома, горкомы и райкомы, первичные парторганизации области решительно вскрывать и ликвидировать ошибки, на которые указал ЦК ВКП(б). К чему это привело?

Меньше чем через месяц после этого пленума, 15 февраля 1950 года, состоялся IX пленум обкома партии. На нем за неудовлетворительную работу и как «скомпрометировавших себя» освободили от обязанностей и вывели из состава членов бюро обкома второго секретаря обкома В. В. Тихомирова, секретаря обкома П. А. Ромашина, редактора газеты «Горьковская коммуна» А. Д. Пономаренко, зав. отделом партийных, профсоюзных, комсомольских органов обкома А. С. Шитова *.

Заметим, были освобождены именно те руководители областной парторганизации, которых в свое время рекомендовал М. И. Родионов. Еще на пленуме обкома партии, обсуждавшем постановление ЦК о первом секретаре Горьковского ОК ВКП(б), члены обкома, например начальник УМВД Владимиров, замечали: «Киреев, Тихомиров, Шульпин связаны с Родионовым, они его кандидатуры»**.

Виктор Васильевич Тихомиров родился в 1912 году, трудовую жизнь начал рабочим, закончил ФЗУ. 19-летним он вступил в партию, избирался на комсомольскую, партийную работу — был вторым секретарем Дзержинского ГК ВКП(б). В 28 лет В. В. Тихомиров работал зав. военным отделом Горьковского обкома партии, был переведен на работу в аппарат ЦК ВКП(б). Но, как вспоминает жена Виктора Васильевича А. М. Тихомирова, М. И. Родионов настоял на его возвращении в Горький, где он по рекомендации Родионова был избран вторым секретарем горкома партии. С апреля 1946 года В. В. Тихомиров работал вторым секретарем обкома. Освобождая В. В. Тихомирова, Д. Г. Смирнов подчеркнул, что Тихомиров виноват и в тех ошибках, о которых было указано в постановлении ЦК ВКП(б) «О первом секретаре Горьковского ОК ВКП(б)»***.

---

* ПАГО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 7451. Л. 1, 3—4.
** Там же. Д. 7448. Л. 19.
*** Там же. Д. 7451. Л. 48.

Вслед за руководителями областной парторганизации были сняты с работы многие партийные и советские работники. Так, XIV пленум Горьковского ГК ВКП(б) принял решение об освобождении от обязанностей секретарей горкома В. Ф. Панкратова, Д. И. Чупрунова, заместителей председателя горисполкома А. С. Гурьева, П. О. Жилина, заведующих отделами горисполкома С. А. Алексеева, В. В. Успенского, Н. В. Пустовалова *. В. Ф. Панкратову был объявлен строгий выговор с предупреждением и с занесением в учетную карточку. П. О. Жилин получил строгий выговор с занесением в учетную карточку и был отчислен из состава слушателей заочного отделения ВПШ при ЦК ВКП(б).

В феврале 1950 года в районах города и области были проведены собрания актива партийных организаций. Повсюду рассматривался один вопрос: «О постановлении ЦК ВКП(б) „О первом секретаре Горьковского обкома ВКП(б)“ и постановлении VIII пленума обкома партии». С докладами на собраниях выступали секретари райкомов, а представители обкома партии тщательно следили за ходом прений.

В целом обсуждение вопроса проходило достаточно гладко. Выступавшие одобряли постановления ЦК и пленума обкома, высказывали мнение, что ошибки, допущенные областным руководством, имеют место и в деятельности бюро районных комитетов партии. Иждивенчество, ошибки в подборе кадров, якобы культивируемые М. И. Родионовым, пустили корни повсеместно. Особенно неприятным оказалось положение руководителей Воротынского района Бусарова и Евдокимова, подписавших в свое время письмо на имя Родионова с просьбой оказать помощь в благоустройстве пос. Васильсурск **. И хотя большинство участников обвинение не поддержало ***, в обком была направлена информация о признании элементов иждивенчества и осуждении этой тенденции собранием ****.

В других районах (Гагинский, Дальнеконстантиновский) иждивенчество также подвергалось критике, но совсем иначе. «Оказалось», что Родионов, а затем Киреев и Жильцов оставили районы без семян и достаточного количества сельскохозяйственных машин и тем самым по-

---

* ПАГО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 3802. Л. 1—3.
** Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 7651. Л. 108.
*** Там же.
**** Там же. Л. 112.

дорвали колхозы, считая их просьбы иждивенчеством *. Несмотря на заметные противоречия в подобных выступлениях, критика в адрес бывших руководителей обкома представителем нового состава ОК ВКП(б) была принята благосклонно. Когда же оратор пошел дальше и заявил, что «выборы в Верховный Совет СССР насаждаются, что народ стосковался по трезвому слову коммунистов», ему было указано на ошибки **. То есть критика имела строго обозначенные рамки. Несколько иначе развертывались события на собрании партийного актива Автозаводского района. Заслушав доклад первого секретаря РК ВКП(б) А. Сомова, секретари первичных организаций (выступали в основном они) резко критиковали деятельность Родионова, Киреева, Шульпина и других. Здесь же высказывались и политические обвинения, характерные для 30-х годов,— «цепочка антигосударственных преступлений протянулась из обкома в Автозаводский район»***. Не обошли в поисках врагов и самого докладчика. Нужно сказать, что такой ход собрания был определен присутствовавшим на нем первым секретарем ОК ВКП(б) Д. Г. Смирновым. Он заявил, что пока политического сомнения в А. Сомове нет, однако проверка будет проведена ****.

Кампания по замене кадров охватила все звенья области. На X областной партийной конференции Д. Г. Смирнов подвел итоги исправления ошибок в их подборе и расстановке, якобы допущенных Родионовым и Киреевым. В 1950 году аппарат обкома был обновлен почти на треть, Горьковского горкома — более чем на 40 процентов, укреплено руководство облисполкома, полностью заменено руководство Горьковского горисполкома *****. Новые люди возглавили ряд партийных, советских, хозяйственных органов районов. Некоторых прежних хозяйственных руководителей исключили из партии. За 10 месяцев 1950 года Горьковский обком выдвинул на руководящие партийные, советские, хозяйственные посты 709 человек, из которых более половины были молодыми членами партии, взятыми с низовой работы. Так обком партии исправлял ошибки, выдвигая новых и, как подчеркивал Д. Г. Смирнов, «преданных нашему делу людей»******.

---

* ПАГО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 7651. Л. 125,139.
** Там же. Л.140.
*** Там же. Ф. 37. Оп. 2. Д. 386. Л. 65.
**** Там же. Л. 114.
***** Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 7437. Л. 17.
****** Там же. Л. 16.

На XXII съезде КПСС первый секретарь Горьковского обкома Л. Н. Ефремов давал другую оценку этим процессам. Он сказал: «Известно, что в мрачный период провокационного «ленинградского дела», сфабрикованного Маленковым, невинно пострадал и подвергся преследованиям ряд коммунистов-горьковчан, а к руководящим партийным и советским органам области предъявлялись необоснованные политические обвинения, что создавало неуверенность в партийной организации и тормозило решение важнейших вопросов хозяйственного и культурного строительства»*.

Как сложилась судьба партийных и советских руководителей Горьковской области? Что касается С. Я. Киреева, то ЦК ВКП(б) принял решение отозвать его в распоряжение ЦК. Полтора месяца он не работал, ждал, куда пошлют. По словам С. А. Киреевой, судьбу Сергея Яковлевича определил Маленков, он сказал: «Откуда пришел, туда и пойдешь». С. Я. Киреев пришел на партийную работу с должности начальника цеха, вот и назначили его начальником цеха одного из заводов Челябинской области, где он работал до 1953 года. После смерти Сталина в сентябре 1953 года Киреева вызвали в ЦК ВКП(б) и направили директором Владимирского тракторного завода. Сергей Яковлевич до пенсии работал во Владимире, в том числе заместителем председателя Владимирского СНХ. В 1962 году С. Я. Киреев вернулся в Горький. Находясь на пенсии, он еще работал в Горьковском управлении технического снабжения.

В. В. Тихомиров после снятия с поста второго секретаря ОК ВКП(б) три месяца не работал, затем был назначен заместителем директора металлургического завода в Горьком. Он учился в Горьковской высшей партийной школе, потом работал в облисполкоме и директором управления «Хлебопродукт».

А. М. Шульпин два года находился в заключении в Мурманске... После этого избирался заместителем председателя Горьковского горисполкома, затем стал начальником управления по строительству в Горьковском совнархозе.

Анализ имеющихся документов показывает, что, во-первых, круг привлеченных к ответственности лиц Горьковской парторганизации был у́же, чем в Ленинградской, во-вторых, местным кадрам вменялись в основном в ви-

---

* XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1962. С. 400.

ну хозяйственные преступления и упущения, но квалифицировались они как антигосударственные действия и политические ошибки.

Можно предположить, что это явилось следствием или того, что основное внимание фальсификаторы сосредоточили на ленинградцах, либо следствию не удалось добиться от М. И. Родионова показаний, достаточных для организации крупного политического процесса в Горьком.

Таковы предварительные результаты предпринятого исследования, которое ждет своего продолжения.

В КРЫМУ

ПЕТР ГАРМАШ

В августе 1947 года моряки крейсера, носившего название «Молотов», на котором в ту пору служил и я, встречали И. В. Сталина. Событие неординарное. Пожалуй, единственный случай в послевоенные (и в военные) годы, когда генералиссимус побывал среди воинов. И не просто посетил корабль, а провел на нем весь день, совершив переход из Ялты, где он отдыхал в Ливадийском дворце, в Сочи.

Мы гордились своим крейсером. Это был новейший корабль флота — в строй он вступил ровно за неделю до того, как ударили первые залпы Великой Отечественной. И один из самых заслуженных. Быть членом его команды считалось честью. Подчеркиваю это потому, что за несколько дней до того, как на палубу крейсера ступил «великий вождь и учитель», началась чистка личного состава. Более шестидесяти человек, признанных «неблагонадежными», были на время похода списаны на берег, хотя все они уже прошли суровые испытания на преданность Родине, партии, товарищу Сталину.

Впрочем, о том, что Сталин будет у нас на корабле, в те дни никто на крейсере — от командира капитана 2-го ранга Б. Ф. Петрова до юнги — не знал. Лишь когда корабль поздним вечером покинул Севастопольскую бухту и вышел в открытое море, по внутренней трансляции разнеслось это известие, просто ошеломившее нас своей неожиданностью и значимостью.

Надо ли говорить о том, что с той минуты, когда он появился на борту корабля, каждый из нас чувствовал себя именинником.

Сохранилась фотография: Сталин и сопровождающие его лица среди личного состава. Он — в форме генералиссимуса Советского Союза. Спокойное, добродушное лицо, с улыбкой, спрятанной в усы,— в нем никак не угадывался человек, на совести которого миллионы растерзанных судеб, уничтоженных жизней!

© Петр Гармаш, 1990

Рядом со Сталиным — Н. А. Косыгин, командующий Черноморским флотом адмирал Ф. С. Октябрьский, начальник Политуправления ЧФ контр-адмирал П. Т. Бондаренко. Петр Тихонович Бондаренко — боевой адмирал, прекрасный политработник, настоящий коммунист. Таким мы знали его в боевой обстановке в годы войны. В этот день начпу, казалось, не покидал верхнюю палубу. То на юте, то на полубаке он собирал вокруг себя моряков, горячо и искренне призывал их запомнить «историческую встречу», осознать значимость этого важнейшего события в жизни экипажа корабля, в истории Военно-Морского Флота... Бондаренко и сам был горд и счастлив от этой встречи... Не знал боевой адмирал: не пройдет и двух лет, как его постигнет судьба других участников так называемого «ленинградского дела» — арест, расстрел...

«Ленинградское дело» было одним из последних трагических проявлений сталинского произвола и беззакония. Волны репрессий от Ленинграда покатились по стране, захлестывая тех, кто каким-либо образом был связан по работе с бывшими ленинградскими руководителями. Докатились они и до Крыма, где первым секретарем обкома партии в то время работал Н. В. Соловьев, бывший председатель исполкома Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся. Он был арестован в числе первых.

Основной причиной репрессии, которой был подвергнут Николай Васильевич Соловьев, послужило то, что он когда-то работал в Ленинграде. Для других секретарей Крымского обкома партии — Михаила Ивановича Петровского, Прокопия Алексеевича Чурсина, Василия Ивановича Никаноров и Николая Ивановича Хованова, а также многих партийных и советских работников области — то, что они работали вместе с Соловьевым...

5 августа 1949 года Н. В. Соловьев срочно вылетел в Москву — вызвали в ЦК ВКП(б). А через день в Симферополе был созван внеочередной пленум Крымского обкома партии.

В разгаре была уборка колосовых и, как обычно во время жатвы, многие члены обкома находились в хозяйствах степного Крыма. Собирались по тревоге.

Заседание открыл В. И. Никаноров, второй секретарь обкома партии. Он сразу же предоставил слово представителю Управления кадров ЦК ВКП(б) Дедову, прибывшему из столицы.

— Центральный Комитет ВКП(б),— начал свое сообщение Дедов,— снял с поста первого секретаря Крымского обкома партии Соловьева, как политически не оправдавшего доверия ЦК...

Далее он говорил о том, что в Ленинграде Соловьев работал вместе с «провалившимися», как он выразился, бывшими руководителями Ленинградской партийной организации, что после разоблачения их антипартийных действий Соловьев продолжал в кругу близких людей восхвалять Кузнецова и других.

Тяжелые обвинения были брошены в адрес других секретарей Крымского обкома партии, которые якобы, имея сигналы об антипартийных настроениях Соловьева, не проинформировали ЦК ВКП(б), не помогли вскрыть их раньше.

— Поведение товарищей Чурсина, Петровского, Хованова является не совсем ясным,— угрожающе заключил Дедов.

По его предложению пленум тут же вывел из состава обкома ВКП(б) всех секретарей обкома: Н. В. Соловьева, П. А. Чурсина, М. И. Петровского, Н. П. Хованова, а также второго секретаря Симферопольского горкома партии А. И. Курышева, редактора газеты «Красный Крым» Л. М. Скрипченко. Несколько позднее эта же участь постигла В. И. Никаноров а. Все они были вызваны в Москву, где в течение месяца давали объяснения. Возвратились без партийных билетов, угнетенные, подавленные, не очень четко понимая, что происходит.

Вскоре последовали аресты. И вновь — путь в Москву, теперь уже под конвоем.

Приговор был суровым: Н. В. Соловьев, П. А. Чурсин и М. И. Петровский приговорены к расстрелу, В. И. Никаноров и другие получили длительные сроки заключения.

У каждого из них была своя жизнь, своя неповторимая биография. И характером были они разные, даже в чем-то противоположные. Но было и то общее, что присуще каждому из них — честность, правдивость, беззаветная преданность делу ленинской партии, своему народу.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ СОЛОВЬЕВ был избран первым секретарем Крымского обкома ВКП(б) на XVII пленуме обкома, состоявшемся 30—31 июля 1946 года. Пленум был посвящен постановлению ЦК ВКП(б) от

5 июня 1946 года «О работе партийных и советских организаций Крымской области по хозяйственному устройству и закреплению переселенцев».

Положение дел в Крыму Центральным Комитетом было признано неудовлетворительным, и поэтому участникам пленума было предложено рассмотреть и второй, организационный вопрос. Прибывший на пленум представитель ЦК ВКП(б) сообщил, что возглавлявший после войны обком партии П. Ф. Тюляев освобожден от обязанностей первого секретаря по болезни. (Он действительно тяжело болел и находился в Москве на излечении.) И что Центральный Комитет партии рекомендует для укрепления руководства областной партийной организации избрать первым секретарем обкома Николая Васильевича Соловьева, работавшего до последнего времени председателем исполкома Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся.

Соловьев поднялся и слегка наклонил голову, подтверждая, что речь идет о нем. Был он выше среднего роста, плечистый, с копной темных волнистых волос. Лицо открытое, взгляд прямой, спокойный — взгляд уверенного в себе человека.

— Вопросы к товарищу Соловьеву есть?— как обычно в таких случаях, спросил председательствующий.

— Расскажите о себе,— донеслось из зала.

Предложение тоже не было неожиданным.

Родился Н. В. Соловьев в деревне Еремино Горьковской области. Семья жила бедно. Отец, инвалид первой мировой, работал на отхожих промыслах, и семья с трудом сводила концы с концами. Поэтому Николаю с детских лет пришлось трудиться: сначала на селе, а с 1921 года — на железной дороге. Был чернорабочим, смазчиком вагонов, подручным слесаря. Затем — служба в Красной Армии.

В 1924 году он вступил в члены ВЛКСМ. В жизни молодого рабочего это было знаменательное событие. «Это время я считаю для себя новым рождением,— напишет позже Николай Васильевич.— Все свободное от работы время отдавал комсомолу и другой жизни, кроме работы в комсомоле, не знал».

Точно так же он мог бы написать и о своей принадлежности к ленинской партии, делу которой посвятил всю свою жизнь и членом которой стал в 1925 году. Работал и учился заочно на рабфаке, в комвузе. Наезжал в родное село. Сначала изредка, затем все чаще и чаще, пока не

увез с собой молодую симпатичную учительницу Веру Андреевну.

В 1931 году его направили на учебу в Ленинград, во Всесоюзный коммунистический сельскохозяйственный университет. Все годы учебы был на выборной партийной работе в университете. А ведь чтобы прокормить семью (к тому времени у них с Верой Андреевной уже росли две дочери, Ира и Клара), он еще и преподавал политэкономию в техникуме.

После окончания в 1934 году комвуза (кстати, с отличием) Соловьев был избран секретарем парткома Института механизации и электрификации сельского хозяйства. А спустя три года — работа в Ленинградском обкоме ВКП(б): инструктор, зам. заведующего отделом организационно-партийной работы, секретарь обкома.

В 1938 году Н. В. Соловьева избрали председателем исполкома Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся. Он был депутатом Верховного Совета СССР первого, а затем и второго созывов, делегатом XVIII партийного съезда. Такой стремительный взлет в те годы не был исключением. Всюду нужны были молодые, инициативные люди, хорошие организаторы. Недостаток же кадров во многом объяснялся тем, что в стране шло их массовое уничтожение сталинской кликой.

Первое время новому председателю облисполкома было особенно трудно: сказывался недостаток управленческого да и просто жизненного опыта — ведь было ему в ту пору всего тридцать пять лет! Помогли природный дар организатора, а также то, что рядом были чуть более опытные товарищи. «С 1935 года вся моя работа проходила на виду и под руководством тов. Кузнецова А. А.»,— напишет он в автобиографии. Напишет, не представляя, естественно, как это признание будет истолковано спустя несколько лет, когда будет фабриковаться «ленинградское дело».

О том, как работал в те предвоенные годы Н. В. Соловьев, говорит орден Ленина, которым был отмечен его труд.

Неимоверно тяжелые испытания выпали на долю председателя Леноблисполкома в годы войны. Об этом периоде в автобиографии всего несколько строк:

«Во время войны принимал участие в обороне Ленинграда и в разгроме немецких войск под Ленинградом. В сентябре 1941 года был назначен членом Военного совета Красногвардейского укрепленного района, а затем чле-

ном Военного совета 42-й армии, защищавшей южные подступы к Ленинграду.

В ноябре 1941 года приказом тов. Сталина был назначен членом Военного совета Ленинградского фронта по тылу. Обеспечивал всем необходимым как фронт, так и город. Руководил Ладожской трассой и строительством переправ через Ладогу, впоследствии обеспечивал наступательные операции по освобождению Ленинграда».

Блокадная жизнь его была трудной, суровой и героической. С первого и до последнего дня сражения за Ленинград он находился в осажденном городе. Входил в состав «Большой пятерки» — комиссии по вопросам обороны Ленинграда. Нес персональную ответственность за «Дорогу жизни» — так называли ленинградцы единственную, жизненно необходимую для осажденного города трассу, проложенную в первую же блокадную зиму через Ладожское озеро и связывавшую Ленинград со всей страной. Руководил строительством нефтепровода, проложенного, кстати, в немыслимо короткий срок — за 50 дней — по дну Ладоги. А ведь строили его в очень трудных условиях, под бомбежкой и артобстрелами. А. Шпак, руководивший работами, вспоминает:

— Подходит группа военных. В одном из них узнаю члена Военного совета фронта Соловьева. Здороваясь со мной, он спрашивает: «Почему задерживается доставка из города оборудования? Как идут дела в Морье?»

Выслушав ответ, он предлагает пройти с ним на станцию Борисова Грива. Вдруг раздаются возгласы:

— Воздух!.. Воздух!..

Зенитные батареи, расположенные где-то вблизи, открывают огонь по появившемуся фашистскому самолету. Вспышки электросварки прекратились, красноармейцы и рабочие исчезли. Надо бы уйти в укрытие и нам, но генерал Соловьев стоит на месте. Стоим возле него и мы. Вскоре вражеский самолет отогнали, и мы пошли вдоль траншеи, отрытой для сухопутного участка нефтепровода...

...В декабре 1943 года при подготовке скрытой переброски войск 2-й Ударной армии на Ораниенбаумский плацдарм через Финский залив он решил сам проверить надежность проложенной трассы. И... провалился под лед. В результате — воспаление легких, госпиталь.

...К ордену Ленина, полученному до войны, прибавились новые правительственные награды: еще один орден Ленина, два ордена Красного Знамени, ордена Кутузова II степени, Отечественной войны I степени, медали.

И вот — Крым, такой непохожий на Ленинградскую область. Николай Васильевич начал с изучения обстановки на местах, знакомства с людьми, с состоянием партийной работы в городах и районах.

— Помню, как проходил один из первых пленумов обкома партии, который проводил новый секретарь,— рассказывает Г. В. Ивановский. (Работал в ту пору Георгий Васильевич первым секретарем обкома ВЛКСМ, был кандидатом в члены бюро ОК ВКП(б).)— Посвящен пленум был вопросам сельского хозяйства. С докладом выступил Николай Васильевич Соловьев. Говорил резко. Досталось тогда многим областным и районным руководителям. По залу шумок: «Откуда такой взялся?.. Что он знает о наших делах?» Но критика была аргументирована. Докладчик делился впечатлениями, ставил вопросы, приглашал к размышлению. Например, спрашивает вдруг: «Почему в краснoперекопской степи прежде хозяева производили неглубокую вспашку, без оборота пласта, а мы рекомендуем пахать на глубину двадцать два сантиметра?» Оказывается, секретарь побывал уже во многих районах области и на месте изучил положение дел.

Постановление, которое принял пленум, содержало, по сравнению с прежними, более четкие установки организационного характера. А спустя несколько недель члены обкома были направлены в районы с проверкой хода выполнения принятого постановления. При этом секретари райкомов и председатели райисполкомов производили взаимную проверку с соседними районами. Из этих взаимопроверок, кстати, постепенно сложились пары соревнующихся между собой районов и хозяйств. Поехал и Н. В. Соловьев.

Один из вопросов очередного пленума был посвящен ходу выполнения постановления предыдущего пленума обкома партии.

— Слушая обстоятельный доклад Соловьева,— продолжает Ивановский,— мы вдруг довольно ясно увидели, что по сути ничего не сделано: поговорили, приняли решение и, как обычно, забыли о нем. Двум членам обкома пришлось подняться и тут же давать пояснения...

Н. В. Соловьеву «кабинетный стиль» работы был чужд. Первый секретарь стремился всегда быть среди людей и требовал этого от райкомовцев и аппарата обкома.

— Да, в кабинетах не засиживались,— вспоминает при беседе доктор исторических наук, профессор М. М. Максименко.— Я работал тогда заведующим отде-

лом культуры облисполкома. Так вот, в Крыму, пожалуй, не найти хозяйства, где не побывал бы я в то время. Многие дни, а во время уборки так вообще безвыездно, были мы на полях, виноградниках — там, где решалась судьба урожая. Уезжая на село, брали с собой продукты: там нередко негде и нечего было поесть. Регулярно выезжал и первый. И тоже со своими продуктами...

О многом рассказывал Матвей Михайлович, вспоминая встречи с Н. В. Соловьевым:

— Любил он советоваться со знающими людьми — специалистами, старожилами, опытными садоводами, виноградарями, мастерами-табаководами. Учился у них. И конечно, на месте решал возникавшие вопросы. А их было немало: в Крыму, как и в других районах страны, особенно там, где похозяйничали фашистские оккупанты, сельское хозяйство находилось в жалком состоянии.

А ведь были еще Севастополь, Керчь и другие города, лежавшие в руинах и возвращавшиеся к жизни, промышленные предприятия, которые по сути приходилось строить заново. Постоянного внимания требовали люди с их нелегкой послевоенной судьбой.

Работа с людьми — главное во всей его деятельности. Прямой и решительный (чувствовалась ленинградская школа!), Соловьев требовал и от руководителей всех рангов, коммунистов области самостоятельности в работе, принципиальности и делового подхода при решении самых сложных вопросов партийной жизни. «Нельзя мириться с фактами потери самостоятельности и независимости некоторыми партийными работниками и партийными организациями, нельзя терпеть беспринципного решения партийных вопросов, зажима критики...» — это из его выступления на одном из пленумов обкома. Н. В. Соловьев мог простить допущенную по неопытности ошибку, незнание чего-то, но он не терпел нечестности, проявления бюрократизма, очковтирательства, непримирим был к безответственному отношению к делу.

— Был Николай Васильевич действительно требователен, требователен прежде всего к себе,— говорит профессор М. М. Максименко,— правду-матку, как говорится, резал в глаза. Но вместе с тем справедлив и демократичен...

И еще одну характерную черту, свойственную Николаю Васильевичу, хотелось бы отметить — его скромность, даже щепетильность, когда дело касалось его лич-

но. Известно, что он оплачивал даже стоимость конверта, взятого у секретаря для личного письма.

— Жили мы в Симферополе на улице Луговой,— вспоминает Ирина Николаевна, старшая дочь Николая Васильевича.— Надо сказать, вся наша семья жила душа в душу. Серебра и злата не копили, зато книг было — шестьдесят девять полных собраний сочинений классиков!.. При доме был сравнительно большой фруктовый сад. Все фрукты по распоряжению отца отправлялись в детский дом и в столовую. Наша семья этим садом никогда не пользовалась.

В послевоенные годы было немало детских домов, приютивших детей-сирот, потерявших родителей в годы войны. Николай Васильевич старался всячески облегчить участь этих детей, заботился о них.

— Когда приходили переводы за опубликованные статьи в газетах и журналах,— рассказывает Людмила Карловна Бородкина, работавшая секретарем в приемной Н. В. Соловьева,— а писал он всегда сам, без помощи журналистов,— подчеркивает она,— на переводах помечал, куда переслать гонорар — в какой детский дом, в госпиталь, где все еще находились на излечении раненные в войну.

На работу, как правило, Соловьев ходил пешком.

— Ни разу, признаться, не видел, чтобы Николай Васильевич на работу ездил на машине,— вспоминает Александр Иванович Курышев, который работал вторым секретарем Симферопольского горкома партии.— Пешком, только пешком. Иногда, прежде чем выйти из дому, звонил, приглашал и меня. По дороге обсуждали городские дела,— в то время первый секретарь обкома партии избирался и первым секретарем горкома областного центра, как бы по совместительству. Однажды, помню, подвел меня к зданию областной библиотеки, что на улице Горького. Показывает на лестницу библиотеки, а на ней обвалилась штукатурка: «Не стыдно, Александр Иванович?.. Это же библиотека!..» По пути обычно останавливался, беседовал с людьми. Общительным, простым был человеком,— и в голосе Александра Ивановича звучат уважительные нотки.

Многие, кому довелось наблюдать деятельность Н. В. Соловьева, отмечают, что за сравнительно короткий срок (первым секретарем Крымского обкома и Симферопольского горкома партии ему довелось проработать всего три года) он по-настоящему сплотил областную партийную организацию. Работать с ним было легко, интересно,

хотя и трудились с огромным напряжением, и жилось трудно в те первые послевоенные годы. Но всех объединяло и помогало преодолевать трудности чувство партийного товарищества.

Целенаправленная работа партийных органов, самоотверженный труд крымчан принесли свои плоды. Стали давать первую продукцию восстановленные промышленные предприятия. За успехи в сельском хозяйстве многие труженики села — около двухсот человек — были награждены орденами и медалями, появился и первый Герой Социалистического Труда — виноградарь М. А. Брынцева.

В конце августа 1949 года, спустя несколько дней после ареста Н. В. Соловьева и других руководителей партийных и советских организаций, область рапортовала о досрочном выполнении плана хлебозаготовок, а затем — плана сдачи винограда и других сельскохозяйственных продуктов, добычи рыбы.

Но эти рапорты о достижениях крымчан, адресованные товарищу Сталину, подписывали уже другие руководители области.

Рассказывает Вера Андреевна Соловьева:

— В 1949 году наша дочь Клара поступала в Ленинградский университет, и я жила с нею в нашей старой квартире в Ленинграде, на Кронверкской. Четвертого августа неожиданно позвонил из Симферополя Николай Васильевич. Голос, как мне показалось, тревожный: «Меня срочно вызывают в ЦК. Вылетаю завтра. Может, встретимся в Москве?» Ничего страшного не подозревая, я говорю: «Сейчас выехать не могу: у Кларочки на днях экзамен. Позвони, пожалуйста, из Москвы».— «Хорошо...» Это был наш последний разговор. Больше голоса его мне слышать не пришлось.

Назавтра пришли энергичные незнакомые люди. «Вот ордер на обыск. Оружие есть?..» Оружия не было. Как водится, опечатали все комнаты, кроме одной. Через пару дней нас выселили. Я поехала в Симферополь. А там меня арестовали и под конвоем препроводили в Москву. Два года во внутренней тюрьме МГБ, затем Воркута...

Рассказ Веры Андреевны дополняет старшая дочь Ирина Николаевна:

— Папу арестовали прямо в кабинете Абакумова, министра госбезопасности СССР. Об этом рассказал нам Василий Иванович Шумков — он был «прикрепленным» (так называли персонального охранника) и сопровождал Николая Васильевича при поездке в Москву...

Вернулся из Москвы майор госбезопаности Шумков не сразу — ему тоже пришлось посидеть в тюрьме, правда, недолго. Потом выпустили. Здоровый, крепкий, богатырского роста, он возвратился домой совершенно разбитый. Долго болел. О том, что пришлось пережить ему *там*, рассказывать не любил. Вскоре был уволен со службы. Спустя несколько лет умер.

— После ареста родителей,— продолжает Ирина Николаевна,— мы с Кларой жили в Ленинграде, у бабушки. Куда только не писали — все искали родителей. Наступали холода, а их ведь забрали в летней одежде. Однажды следователь, молодой человек, сказал мне, что искать их нет смысла.

— А как обошлись с вами, детьми?

«Сын за отца не отвечает». И дочь, естественно. Сталинские слова, провозглашенные вождем еще в 30-х годах. Но смысл этих слов был лицемерный: отвечали дети за родителей и в тридцатых, и в сороковых — пятидесятых годах.

— В январе пятьдесят первого меня и Клару арестовали на квартире. Посадили в спецкупе и отвезли в Москву, на Лубянку, потом в Лефортовскую тюрьму. Там сидели в одиночных камерах... Об этом и сейчас страшно вспоминать... В общем, дали нам по десять лет. Мы с мамой были под Воркутой, а Клара в Сибири, под Тайшетом...

После смерти Сталина все они встретились в Ленинграде, у бабушки, в ее коммуналке, в которой, кстати, она прожила всю свою жизнь.

В сентябре 1954 года из Военной коллегии Верховного суда пришло сообщение о том, что Николай Васильевич Соловьев по сфальсифицированным материалам был осужден и расстрелян и что дело его пересмотрено, приговор отменен.

Вера Андреевна Соловьева и ее дочери живут в Ленинграде. Дочери — инженеры. Клара Николаевна — лауреат премии Совета Министров РСФСР.

В Ленинграде на доме № 27 по улице Кронверкской установлена мемориальная доска, напоминающая о том, что здесь жил бывший председатель Ленинградского облисполкома Н. В. Соловьев, погибший в годы культа. Добрая память о нем сохранилась в сердцах тех, кому довелось работать с ним, знать его.

ПРОКОПИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЧУРСИН приехал в Крым в 1934 году, когда решением ЦК ВКП(б) многие слушатели Института красной профессуры в Москве, в числе которых находился и он, были направлены в сельское хозяйство в качестве начальников политотделов.

Родился он в Сибири, в селе Новоколоссовском Омской области в 1902 году в крестьянской семье.

В 1920 году, вскоре после того как был разгромлен Колчак, вступил в партию. Окончил шестимесячную совпартшколу, после чего был на комсомольской работе, а затем снова учеба. На этот раз в Урало-Сибирском комуниверситете в Свердловске. Потом служба в Красной Армии: красноармеец, политрук роты, секретарь партбюро. Демобилизовавшись в 1930 году, работал заведующим кафедрой диалектического материализма Омского медицинского института.

Решив продолжить образование, он в 1932 году поступил в Институт красной профессуры. Закончить институт, однако, не удалось.

В Крыму первое время работал в совхозе «Саки». В 1938 году решением бюро обкома партии был переведен в Крымский сельскохозяйственный институт, заведовал кафедрой марксизма-ленинизма.

С первых месяцев войны в действующей армии. Воевал в составе Крымского и Северо-Кавказского фронтов. Был награжден орденом Красной Звезды.

В августе сорок третьего Чурсин решением ЦК партии был отозван с фронта и направлен в распоряжение Крымского обкома ВКП(б), который в это время находился на Кавказе, секретарем по пропаганде и агитации.

Близился час освобождения Крыма. Могучая волна наступления советских войск, начавшегося в степях под Сталинградом, докатилась до Крыма.

Впереди предстояла огромная работа, и нужны были люди, способные возглавить ее. После освобождения Крыма он все силы отдавал налаживанию политической и пропагандистской работы в области.

— Прокопий Алексеевич, с которым мне довелось встречаться довольно часто,— вспоминает Александр Федорович Переход, работавший в те годы заведующим облоно, а позднее директором Крымского пединститута и ректором Симферопольского госуниверситета,— был интеллигентом в полном смысле этого слова, широко эрудированным человеком. Нередко выступал с докладами и лекциями. Аудитория была различная, но для каждой из

них он находил свой язык. Читал нешаблонно, интересно, с увлечением, каждый раз давая слушателям хороший заряд знаний.

П. А. Чурсин был автором многих статей, посвященных актуальным вопросам философии, они публиковались в газете «Правда», журнале «Вопросы философии» и других изданиях.

В послевоенные годы сказывалась острая нехватка научно-преподавательских кадров, и Чурсин, оставаясь секретарем обкома, возглавлял вместе с тем кафедру марксизма-ленинизма Крымского сельскохозяйственного института, где он работал до войны. «Помню, на первую свою лекцию Прокопий Алексеевич пришел в сапогах, одетым просто, как одевались крестьяне,— написал мне бывший студент сельхозинститута Андрей Васильевич Ерохин.— Некоторые студенты возмущались: «Прислали какого-то мужика, и что он может нам дать?» Но когда мы прослушали его первые лекции — интересные, доходчивые, глубоко аргументированные, то сразу же увлеклись ими, и уже никто не пропускал ни одной из них. Даже преподаватели стали его постоянными слушателями. В характеристике тех лет отмечалось: «Доцент тов. Чурсин... превратил кафедру в центр идеологической работы института».

Он был в расцвете сил, когда последовал арест по ложному обвинению. И его постигла трагическая судьба многих людей, имевших косвенное, а чаще всего не имевших никакого отношения к «ленинградскому делу».

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ НИКАНОРОВ родился в 1904 году в небольшом древнем городе Переславль-Залесском, что в Ярославской области. Отец и мать работали на фабрике. Детство было трудным: уже в двенадцать лет пришлось идти на завод. Здесь, на заводе «Заря», в 1922 году стал комсомольцем. Днем работал, а вечером учился на рабфаке. В феврале 1924 года, когда, покрытая трауром, страна переживала невосполнимую утрату — смерть В. И. Ленина, он вступил в ряды Коммунистической партии.

Ни внешне, ни по характеру ничем броским не выделялся, но было в нем что-то притягательное для людей. Это «что-то»— прямота, честность, внимание к людям. Эти человеческие качества и определили его основное назначение в жизни — работу с людьми. Комсомольцы цеха избрали его своим вожаком, а райком назначил пропаган-

дистом, направил в деревню заведовать избой-читальней, которая в те годы была центром всей массово-политической работы на селе. После службы в армии он был назначен заведующим отделом Переяславского райкома партии.

Дальнейшая жизнь В. И. Никаноровa была связана с Крымом, куда он переехал в 1932 году. Несколько лет работал в Севастополе: секретарем парткома военного порта, а затем Севастопольского морского завода имени С. Орджоникидзе. В 1935 году его избирают секретарем обкома комсомола. Все, казалось, шло хорошо, но...

1938-й год... У дома остановилась машина, и несколько человек в плащах вошли в квартиру. Обыск, арест. Долгих девять месяцев в одиночной камере, допросы «с пристрастием»... Выстоял. Наградой за это — освобождение из-за отсутствия улик.

Арест не сломил его. Через год В. Н. Никаноровa избирают секретарем Центрального райкома партии Симферополя.

А еще через полгода — война. Огненный вал фронта быстро достиг Крыма.

Партизанский лес. Сюда вместе с Никаноровым пришли почти все сотрудники аппарата райкома, многие коммунисты, беспартийные. Как и прежде, для людей он — секретарь, хоть и назывался теперь комиссаром партизанского района. Иными словами, партизанского соединения, в состав которого входило восемь партизанских отрядов.

Было трудно, очень трудно. Фашисты не раз бросали для прочесывания партизанского леса целые дивизии. А тут еще один враг у партизан — суровая зима. В сорок первом — сорок втором на полуострове, особенно в горах, свирепствовали небывалые холода. Даже деревья стонали от мороза. А ведь нередко приходилось спать на снегу, подложив сосновые ветки. Да и вообще партизанская жизнь создавала самые неожиданные проблемы. Начался, скажем, голод. Фашисты с помощью местных предателей разграбили заложенные заранее базы с продовольствием и боеприпасами. Люди голодали, питались корой деревьев, варили оставшиеся еще постолы... В этих неимоверно тяжелых условиях важно было поддержать боевой дух партизан, их боеспособность. А для этого надо было прежде всего самому обладать духовной силой, выдержкой, стойкостью. И Василий Иванович обладал ими.

Рассказывает полковник в отставке Георгий Леонидович Северский, в годы войны — заместитель командую-

щего партизанскими отрядами Крыма, в том числе и теми, где комиссаром был В. И. Никаноров:

— При первой встрече с комиссаром партизанского района Никаноровым, с которым мне предстояло вместе воевать, этот сугубо штатский человек, невысокого роста, с худощавым смугловатым лицом, пристальным взглядом, показался мне излишне сухим и официальным для комиссара. Но вот пришли испытания, и мы убедились, что за внешней его суховатостью кроются по-настоящему добрая, отзывчивая душа и тонкое понимание людей. Любой командир мог мечтать о таком комиссаре!..

Он любил партизан, гордился ими, и они отвечали ему тем же.

— Как-то вечером Василий Иванович делал очередную запись в дневнике боевых действий,— вспоминает Северский.— В то время такие дневники во всех отрядах и соединениях вели, как правило, комиссары. Пиши, говорю ему: в районе Алуштинского перевала группой под командованием товарища Шейко уничтожено две автомашины; потери противника двенадцать человек. Далее. В деревне Биюк-Янкой группа под командованием Минькова уничтожила десять солдат и двух офицеров противника...

Василий Иванович поднял глаза, затянулся самокруткой и улыбнулся: «Знаешь, вспомнил сейчас о «памятке немецкому солдату». Вот пишу о Шейко и Минькове — и вспомнил.— Он взял со стола, сколоченного из сырых, неоструганных досок, текст перевода «памятки», стал читать:— «Каждый солдат должен сознавать, что он воюет с особо опасным и хорошо подготовленным врагом...» Представляешь, как гитлеровцы оскорбились бы, узнав, что их бьют недавние бухгалтер кожевенного завода и председатель сельсовета...» И, довольный, запыхтел цигаркой...

Ратный подвиг В. И. Никанорова был отмечен высокой правительственной наградой: в 1942 году, хочу подчеркнуть — в 1942-м, он был награжден орденом Ленина.

Освобожден от врага Крым, и началась новая битва — с военной разрухой. Секретарь, а затем второй секретарь обкома ВКП(б), председатель облисполкома, Никаноров снова в гуще событий. Теперь стояли новые задачи, но заботы, волнения, повседневные хлопоты, бессонные ночи те же.

— Мы, дети, редко видели отца дома,— вспоминают его сыновья Валерий и Вадим,— уходил всегда рано, при-

ходил, когда мы уже спали. Даже в выходные дни редко бывали вместе...

Постепенно все ощутимее стали сказываться результаты самоотверженного труда крымчан, целенаправленной работы областной партийной организации: Крым залечивал раны, набирался сил.

И тут снова арест. Приговор тяжелый — двадцать пять лет лишения свободы. Был тогда такой срок. От более страшного Никаноровa спасло, видимо, то, что нашлись среди его боевых товарищей партизан стойкие люди, не побоявшиеся, несмотря на «обработку» и угрозы, стать на защиту своего боевого комиссара.

Мучительные годы одиночных тюремных камер не прошли бесследно. Когда в 1954-м он был реабилитирован, домой вернулся тяжело больным. Но морально по-прежнему не был сломлен. Несколько месяцев лечения — и вновь работа, ответственная, требовавшая отдачи всех сил. Он — уполномоченный Министерства заготовок по Крымской области, затем — председатель партийной комиссии при обкоме Компартии Украины.

Не каждый мог вникнуть в суть дела так глубоко, так внимательно и кропотливо разобраться в нем, прийти к единственно правильному выводу, как это делал В. И. Никаноров. Он хорошо понимал, что за всяким делом — судьба человека.

О Василии Ивановиче Никанорове можно говорить и писать много хороших слов. Таким он остался в памяти боевых друзей по партизанскому лесу, в памяти людей, которым довелось с ним работать. Да и у меня общение с этим удивительным человеком оставило яркое, незабываемое впечатление.

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ПЕТРОВСКИЙ — крымчанин. Родился он в 1909 году в селе Соленое Озеро Джанкойского района. Трудовую жизнь начал в 1925 году, поступив рабочим на железную дорогу. Было ему в ту пору шестнадцать лет. Девятнадцати лет избран председателем сельсовета. Потом семь лет — на комсомольской работе: был заведующим отделом Джанкойского райкома, первым секретарем Октябрьского райкома ВЛКСМ, заведующим отделом обкома комсомола.

С 1935 года М. И. Петровский жил и работал в Севастополе, где он был избран первым секретарем горкома комсомола. Затем более трех лет заведовал отделом пропаганды и агитации Центрального райкома партии.

Здесь, в Севастополе, родилась у него дочь. Здесь встретил он войну. На фронт не взяли — подвела покалеченная рука: еще в детстве попытался камнем разбить найденную гранату. Их много было в Присивашье после гражданской войны.

Все 250 дней обороны Севастополя делил М. И. Петровский тяжелую, героическую судьбу с жителями осажденного города. Его, представителя городского комитета партии, можно было встретить в цехах подземного спецкомбината, в школе и бомбоубежищах, где жили и работали женщины и старики, в госпиталях и на передовой, среди защитников города. И везде он нес людям живое большевистское слово, помогая поддерживать высокий боевой дух, уверенность в победе над врагом. Михаил Иванович оставался в сражавшемся Севастополе до последних дней обороны.

Как ему удалось уйти из осажденного города и добраться до Кавказа, мне рассказывала вдова М. И. Петровского Эсфирь Филипповна. Живет она в Симферополе вместе с дочерью и внучкой.

...Он шел под нависшими скалами вдоль кромки берега, все еще не потеряв, как и тысячи защитников Севастополя, прижатых к морю, надежды на приход кораблей и эвакуацию. За поворотом неожиданно увидел небольшой штабной катер и нескольких матросов, копошившихся вокруг него. Подошел. «Что вы хотите делать?» — «Как что?— обернулся один.— Топить будем».— «Зачем же топить?»— удивился Петровский. «Так не оставлять же немцу — ни бензина, ни компаса...»— «Подождите! Бензин надо попытаться найти в разбитых автомашинах». Нашли, правда, немного. С наступлением темноты вышли в море. Когда рассвело, берега почти не было видно. Бензин вскоре кончился, и мотор, несколько раз чихнув, заглох. А тут еще разыгрался шторм. Суденышко, не приспособленное для плавания в открытом море, еле держалось на плаву, стало неуправляемым. Мучил голод, но особенно — жажда. Пили, не в силах выдержать, горькосоленую морскую воду...

Через несколько суток катер с изможденными и измученными моряками прибило к турецкому берегу в районе Трапезунда. Подошел военный катер, отбуксировал в порт. На причале стоял турецкий офицер. «Вы будете интернированы»,— сказал он через переводчика. «С катера не сойдем!— заявил Петровский.— Катер — советская территория. Прошу позвать наших представителей». Турки, стоявшие на причале и с любопытством рассматри-

вавшие советских моряков, оказались доброжелательны. Принесли воды, напоили. Сами в лохмотьях и тоже, видно, голодные, а бросали на катер маслины, лепешки.

Приехал советский офицер — военный атташе. Петровский представился. «Молодцы, что не сошли на берег,— сказал офицер,— иначе действительно были бы интернированы».

Катер подремонтировали, заправили горючим, снабдили небольшим запасом продуктов и воды. Горячо поблагодарив военного атташе за помощь, они вышли в море и добрались до Батуми. Здесь несколько дней пришлось давать объяснения...

В ноябре сорок третьего М. И. Петровский был вызван Крымским обкомом партии в Краснодар. Его назначили секретарем Джанкойского райкома ВКП(б). На родную крымскую землю возвращался вслед за войсками 4-го Украинского фронта.

В победном 1945 году его перевели в областной комитет партии. Два года работал заведующим орготделом. В 1947 году стал секретарем Крымского обкома партии по кадрам.

...О событиях сорок девятого Эсфирь Филипповна вспоминает, то и дело прикладывая платок к глазам: неправда, что время лечит душевную боль.

— С того, последнего, пленума Михаил Иванович пришел поздно вечером. Был очень расстроен. Ходит из угла в угол, молчит. «Что у тебя?— спрашиваю.— Ты расскажи, легче станет».— «Сняли,— выдавил он.— Вывели из состава обкома... И Николая Васильевича, Прокопия Алексеевича и других...» Через день или два вместе с другими товарищами он уехал в Москву — вызвали...

Вернувшись, М. И. Петровский решил написать письмо Сталину. Воспитанный на идеалах партии, сам честный и справедливый, он не мог мириться с тем, что произошло. Петровский был убежден, что то, что было совершено по отношению к нему, Соловьеву и другим товарищам,— трагическая ошибка или просто вопиющая несправедливость, о которой вождь, конечно, не знает. Тогда многие видели в творце кровавого культа саму справедливость, наивно полагая, что Сталину неведомо, что творили ягóды, ежовы, берии...

— Товарищ Сталин не знает, что тут весь обком разогнали, возмущался Михаил Иванович, когда приехал домой,— вспоминает Петровская.— Знает твой Сталин все, говорю ему. Вон, посмотри в окно: за деревом,

видишь, прячется? Уже несколько дней следят за домом...

А взяли его днем,— продолжила Эсфирь Филипповна.— Мы только сели обедать — звонок. Входят трое. «Ешьте, ешьте, Михаил Иванович»,— сказал старший, высокий такой, худой, видно, знал мужа. Стали рыться в квартире. А что рыться? Квартира скромная, вещей мало. Забрали все письма, разные справки, документы, фотографии. Я держалась из последних сил — волю слезам дала потом, когда уехали. У дверей Михаил Иванович обернулся: «Что бы ни говорили, верь: я ни в чем не виноват! Береги дочку, учи ее, как бы трудно ни было». Кинулась к окну: увезли на маленькой военной машине — «виллисе»...

Дочь была в «Артеке». На следующий день незнакомые дяди забрали ее, привезли домой. Незадолго до этого она получила письмо.

Карина Михайловна хранит это небольшое письмо — последнее письмо отца — как самую дорогую память о нем. Смотрю на дату: 1 августа 1949 года. Значит, до начала трагических событий оставалось всего четыре-пять дней. «Кариночка! Очень хочу тебя видеть, крепко соскучился, но приехать не могу, так как все время нахожусь в районе. Приеду, наверное, после девятого августа с мамой. С приветом, целую крепко Кариночку, твой папа».

Не приехал. И видеться с ним больше не довелось...

ЖЕНЫ И ДЕТИ осужденных были арестованы летом пятьдесят первого (семью Н. В. Соловьева арестовали несколько раньше). Взяли их, кстати, когда мужей и отцов многих из них уже не было в живых.

В одной камере оказались Александра Георгиевна Чурсина, Эсфирь Филипповна Петровская, Клавдия Николаевна Хованова и ее дочь Лида. Потом появилась Ида — старшая дочь А. Г. Чурсиной. Ее арестовали в Омске, куда, будучи в отпуске, она поехала в гости к родной тете, сестре отца. (Несовершеннолетние дети были помещены в «спецприемник» — создавались такие «приюты» для детей «врагов народа».)

Через полгода следствие закончилось, и всех без всякого суда отправили на поселение в Казахстан, в Джамбульскую область. Без малейших средств к существованию. Из ссылки вернулись после смерти Сталина.

В 1955 году Э. Ф. Петровская получила извещение. Она помнит его слово в слово: «Петровский Михаил Иванович по материалам, сфальсифицированным врагами народа, 28.10.1950 года осужден к высшей мере наказания, приговор исполнен. 25 мая 1954 года дело пересмотрено, производство прекращено, ранее вынесенный приговор отменен».

Подобные же документы получили семьи Н. В. Соловьева и П. А. Чурсина.

Были освобождены, а затем и реабилитированы и другие невинно осужденные по «ленинградскому делу». Их честные имена вновь возвращены нам. И я верю: они так и останутся в справедливой и благодарной памяти народной. Так будет!

«ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО»

ИСТОРИЯ НАС РАССУДИТ

В. В. САДОВИН

М. Е. ЧЕРВЯКОВ

Г. КУПРИЯНОВ

К. Ф. ВИНОГРАДОВ

ЛЕВ СИДОРОВСКИЙ

В. МИХЕЛЬСОН

А. ПАНКРАТОВ

Г. ИЛЬЯШЕНКО

В. КУТУЗОВ

ИСПЫТАЛ НА СЕБЕ

В. В. САДОВИН

С июля 1947 года по декабрь 1949 года я работал первым заместителем заведующего организационно-инструкторским отделом Ленинградского горкома партии, одновременно являясь кандидатом в члены Ленинградского горкома партии, депутатом Ленгорсовета депутатов трудящихся и заместителем секретаря партийного комитета партийной организации Ленинградских обкома и горкома ВКП(б). Так что о начале так называемого «ленинградского дела» и некоторых событий, связанных с ним, я знаю не по рассказам кого-то, а как непосредственный очевидец.

В начале февраля 1949 года к секретарю ЦК партии Г. М. Маленкову был вызван Александр Яковлевич Тихонов, заведующий отделом тяжелой промышленности Ленинградского горкома партии.

Через два дня туда же был вызван первый секретарь Смольнинского райкома партии Виктор Васильевич Никитин.

Мы в городском комитете партии не сомневались, что они, как наиболее молодые по возрасту и перспективные партийные работники, были вызваны на предмет выдвижения на более ответственную партийную работу.

И крайне были удивлены их состоянием после возвращения из Москвы. Это были совершенно другие люди. Всегда жизнерадостные и веселые, они стали как осенняя ночь мрачными, неразговорчивыми, до неузнаваемости изменившимися в лице, буквально поседевшими за два-три дня пребывания в Москве.

А. Я. Тихонова и В. В. Никитина я хорошо знал не только по работе, но и был с ними в дружеских отношениях. Когда они зашли ко мне, то рассказали только, что Маленков оскорблял их самым непозволительным образом, стучал кулаками по столу, топал ногами, то есть обращался с ними, как с особо опасными преступниками. Закончили они свой рассказ словами: «Ну, Вася,

---

© В. В. Садовин, 1990

отработали мы, да и не только мы, на партийной работе».

Как потом выяснилось, Маленков вызывал их в связи с тем, что А. Я. Тихонов, будучи председателем счетной комиссии на X областной и VIII городской объединенной Ленинградской партийной конференции, объявил на ней, что П. С. Попков и другие руководители Ленинградской партийной организации были избраны в состав Ленинградских обкома и горкома единогласно, в то время как против них голосовали два или три делегата. В. В. Никитина вызвали потому, что он как лучший друг А. Я. Тихонова должен был знать об этом его проступке, но не сообщил в Центральный Комитет партии.

После этого Маленков вызвал еще некоторых партийных работников Ленинграда.

С таких вот эпизодов началось для меня «ленинградское дело».

Были сняты с работы руководители обкома и горкома партии, областного и городского Советов депутатов трудящихся. Черед дошел и до руководителей районных партийных и советских органов. Затем началась волна арестов, захватившая в первую очередь опять-таки руководителей областных и городских партийных и советских органов.

Помню такой случай. В июне 1949 года проводился объединенный пленум Ленинградских обкома и горкома партии. Пленум этот был внеплановым и проводился в срочном порядке. Члены и кандидаты в члены обкома и горкома партии приглашались по телефону. Мне тоже было поручено пригласить некоторых из них. И вот когда я позвонил к первому секретарю Куйбышевского райкома партии Марии Алексеевне Вознесенской (сестре Николая Алексеевича Вознесенского), мне ответили, что ее уже два дня нет на работе. Тогда я позвонил к ней домой. Мужской голос меня спросил — откуда звонят. Я ответил, что звоню из горкома партии и приглашаю Марию Алексеевну на пленум. И вдруг услышал: «Прекратите паясничать». Оказывается, к тому времени она была уже арестована.

15 августа 1952 года были арестованы, а затем осуждены к длительным срокам тюремного заключения сразу свыше пятидесяти человек, работавших во время блокады Ленинграда секретарями райкомов партии и председателями райисполкомов. В числе их был и я, как работавший

во время блокады третьим, а затем вторым секретарем Смольнинского райкома партии. Так называемый «суд» над нами проходил также при закрытых дверях, на него не допускались даже ближайшие родственники. Причем после осуждения нас нарочно посадили в камеры с самыми отъявленными уголовными преступниками, которым доставляло большое удовольствие вволю поиздеваться над нами.

Но этого оказалось мало. После окончания позорного судилища нас, в отличие от осужденных уголовных преступников, не направили в лагеря, а продолжали держать в «Крестах». Нам «лепили» новое дело, сочиняли новое обвинение, предусмотренное одним из пунктов статьи 58 действовавшего тогда УК РСФСР, то есть предъявили обвинение в совершении актов экономической контрреволюции. Однако этому, к нашему счастью, не суждено было сбыться из-за смерти Сталина.

В связи с судебным процессом над нами нельзя не вспомнить и еще об одном эпизоде. По так называемому «делу Смольнинского района» на скамье подсудимых оказались четыре человека. Кроме меня «судили» еще Ивана Петровича Воронина, работавшего в разное время третьим и вторым секретарем райкома, председателя райисполкома Василия Яковлевича Телепнева и его заместителя Ивана Тимофеевича Медведева. Работавшие первыми секретарями райкома в период блокады Ленинграда Павел Васильевич Кузьменко и Александр Федорович Павлов были осуждены еще раньше по линии органов госбезопасности.

Мы понимали, что приговор нам уже заранее вынесен вне стен суда. В противном случае, зачем, спрашивается, понадобилось столь срочное исключение нас из партии и ведение следствия в течение двух лет. Поэтому мы отказались от адвокатов. Однако наши жены питали еще какие-то иллюзии на судебную справедливость, влезли в долги и наняли адвокатов. Последние внутренне были полностью уверены в нашей невиновности, о чем прямо говорили и нам, но тем не менее на суде они не требовали нашего оправдания, а обращались к суду лишь с просьбой о сокращении сроков тюремного заключения против тех, на которых настаивал прокурор. Таким образом, и по поведению адвокатуры нетрудно судить о той ситуации, которая царила тогда в Ленинграде.

Произвол творился и над семьями бывших партийных и советских работников города. Жен расстрелянных и приговоренных к максимально длительным срокам за-

ключения отправляли в административную ссылку, отрывали от них малолетних детей и направляли в другие регионы Советского Союза. Так, бывший секретарь Смольнинского райкома партии Павел Васильевич Кузьменко был приговорен к двадцати пяти годам тюремного заключения и отбывал наказание во Владимирском централе, а его жену и двух малолетних детей отправили в разные стороны нашей страны: кого на север, кого на юг, кого на восток. Так поступали и с другими семьями репрессированных по так называемому «ленинградскому делу». Нетрудно себе представить, сколько претерпели горя и пролили слез эти совершенно ни в чем не повинные женщины и дети, находясь в разлуке друг от друга в течение нескольких лет.

Подвергали гонениям не только жен и детей репрессированных, но и других их родственников. Так, моего младшего брата Николая, провоевавшего всю Великую Отечественную войну в должности комиссара стрелковой дивизии, тяжелораненого и награжденного правительством семью боевыми орденами, защитившего после войны ученую степень кандидата исторических наук и назначенного деканом Военно-педагогического института имени М. И. Калинина, из-за меня сняли с работы и изгнали из Ленинграда. И только благодаря помощи товарищей из Главного политического управления Вооруженных Сил СССР, знавших брата по совместной боевой службе во время войны, ему удалось устроиться рядовым преподавателем в одном из военных училищ в другом городе, оставив в Ленинграде жену и двух малолетних детей, так как по месту новой работы жилплощадь ему не предоставили. Таким же, а иногда и более жестоким преследованиям подвергались братья и сестры осужденных по «ленинградскому делу».

В день ареста 15 августа 1952 года нам нанесли еще одну психическую травму. В этот день я был вызван к прокурору Смольнинского района Ремезову (прокуратура Смольнинского района находилась тогда в доме на углу Суворовского проспекта и 2-й Советской улицы). Явившись по вызову, я встретил в приёмной Василия Яковлевича Телепнева, работавшего много лет председателем исполкома Смольнинского райсовета депутатов трудящихся. Доложили секретарю о прибытии, она предложила пройти в кабинет прокурора, который, не поздоровавшись, сходу грубо объявил нам, что прокурор города Ленинграда Однаков подписал ордер на наш арест, в силу чего он должен нас направить в места тюремного заключения.

Через 10—15 минут прибыли два милиционера, которые средь бела дня с обнаженными револьверами провели нас по 2-й Советской улице, по проспекту Бакунина, по Невскому проспекту, а затем от Невского до Харьковской улицы, до дома рядом с Дворцом культуры имени Дзержинского, в котором помещалось тогда одно из отделений милиции. Поскольку я и Василий Яковлевич продолжительное время находились на руководящей работе в райкоме партии и в райисполкоме, то, естественно, нас хорошо знали все дворники, управдомы и многие работающие на предприятиях и в учреждениях района. Некоторые из них, встретив тогда нас в сопровождении столь усиленного конвоя, невольно останавливались и, видимо из любопытства, последовали за нами, а к ним присоединялись все новые и новые люди. Увидев большое скопление народа, милиционеры предложили нам ускорить шаг, дабы скорее довести нас до места назначения. Все это делалось вполне сознательно, чтобы еще и еще раз показать народу, какие «опасные преступники» руководили районом в период блокады и в первые послевоенные годы.

Из заключения меня освободили 11 апреля 1953 года.

Как известно, избиением наших кадров занимались присланные в Ленинград на руководящие посты лица, в своем абсолютном большинстве и не помышлявшие о том, чтобы объективно разобраться в сложившейся обстановке в Ленинградской партийной организации. Все свои усилия, негласно соревнуясь друг с другом, они направляли на раздувание так называемого «ленинградского дела», изыскивая все новые и новые «факты» о «враждебной» деятельности отдельных партийных и советских работников.

Однако, справедливости ради, нужно отметить, что некоторые из них понимали всю фальшь предъявляемых нам обвинений и не приняли активного участия в этой фальсификаторской деятельности. К числу этих товарищей нужно отнести, в частности, Ивана Константиновича Замчевского и Шумилова, назначенных первыми секретарями Кировского и Невского райкомов ВКП(б), а затем работавших секретарями Ленинградского горкома партии. Эти товарищи в основном и сохранили работников аппарата руководимых ими райкомов, не допустив на них гонений.

Никогда не забуду такого факта. В конце войны и в первые послевоенные годы третьим секретарем Смоль-

нинского райкома партии, а затем вторым секретарем Дзержинского райкома работал Виктор Михайлович Пузанков. После снятия с партийной работы его, единственного из нас, назначили на руководящую должность, утвердив главным инженером завода «Пишмаш» в Стрельне. Когда его вызвали в качестве свидетеля по так называемому «делу Дзержинского района», то суд неожиданно для всех приговорил его к двенадцати годам тюремного заключения, и прямо из зала суда направил в «Кресты». Выйдя из тюремного заключения, Виктор Михайлович направился к первому секретарю Кировского райкома партии для разговора о восстановлении в партии. И вот, когда об этом зашла речь, Иван Константинович Замчевский вдруг заявил: «Товарищ Пузанков, вас надо не восстанавливать в партии, а привлекать к строгой партийной ответственности за неуплату членских партийных взносов в течение года...» Подойдя к несгораемому шкафу, он извлек оттуда партийный билет и вручил его Виктору Михайловичу. Оказывается, находившегося в тюремном заключении Пузанкова в райкоме рискнули не исключать из партии.

Учитывая тогдашнюю ситуацию в Ленинграде, этот поступок И. К. Замчевского нужно считать не только смелым, но и мужественным.

Чтобы оправдать жестокие репрессии против кадров Ленинградской партийной организации, придумывались и искусственно распространялись всякие невероятные слухи, не имевшие под собой никаких оснований. Так, Я. Ф. Капустин якобы был английским шпионом, а заведующий Ленинградским городским отделом здравоохранения профессор Ф. И. Машанский был шпионом японским. Или в то время, когда тысячи и тысячи ленинградцев в осажденном городе умирали от голода и холода, гибли от бомбежек и артиллерийских обстрелов, жена П. С. Попкова якобы принимала в Ленинграде ванны, наполненные молоком. Хотя мы-то все хорошо знали, что жена П. С. Попкова была эвакуирована еще в начале войны и возвратилась в Ленинград только после прорыва блокады.

Еще один пример. Когда началась Великая Отечественная война, то, заявляли Андрианов и его сподвижники, «вражеское руководство Ленинграда» вывозило детей в пионерские лагеря, расположенные в поселках Сиверская, Толмачево и Луга, то есть навстречу наступающим

на Ленинград немецко-фашистским войскам с целью уничтожения этих детей. Обвинение насквозь фальшивое, хотя бы только потому, что детей, как известно, в пионерские лагеря всегда вывозят 5—10 июня. В это же время вывезли детей и в 1941 году. Война началась, когда дети уже две недели как отдыхали.

Все делалось для того, чтобы вбить в сознание людей мысль о том, что руководители Ленинградской партийной организации были врагами партии и советского государства, а партийные и советские работники второго эшелона активно помогали им в этой «враждебной» их деятельности. И надо сказать, что это на кого-то подействовало, кое-кто поверил в эту омерзительную клевету. Я хорошо помню, что после снятия меня с партийной работы прекратились телефонные звонки моих бывших товарищей, а если случайно кого-то из них увидишь на улице, то они старались перейти на другую сторону. Да, это было тяжкое состояние, когда тебя, ни в чем не повинного человека, боятся или презирают твои же товарищи.

Преследования партийных и советских работников проводились и в другом плане. Когда кого-то из нас снимали с руководящей работы и исключали из партии, устроиться на какую-нибудь другую работу было чрезвычайно трудно. Требовалось специальное разрешение того же заплечных дел мастера А. В. Носенкова или кого-то из первых секретарей райкома партии, которые были соответственно на этот счет проинструктированы. И когда директор предприятия или руководители учреждений, знавшие нас прежде и желая взять на работу, обращались к вышеуказанным товарищам, те, как правило, отвечали: позвоните через неделю, позвоните дней через десять и т. п. Так проходили месяцы... Вот тогда-то я и познал всю горечь безработного, будучи два с половиной месяца без работы, не имея ни копейки заработка, но зато имея на своем иждивении трех малолетних детей. Более отвратительного состояния в своей жизни, как в то время, я не переживал. Будучи совершенно здоровым мужчиной, я ничего не делал, а жена вынуждена была буквально по двенадцать — четырнадцать часов в сутки трудиться работницей на фабрике, чтобы как-то прокормить многочисленную семью.

А если работа нам предоставлялась, то самая рядовая. Так, начальник Главного ленинградского текстильного управления, член КПСС с 1918 года Евгения Соломоновна Колонтырская работала ученицей, а затем швеей в ателье — в доме № 61 по Невскому проспекту.

Не было нам спокойной жизни и после освобождения из тюремного заключения. Органами милиции мы сразу же ставились на особый учет как уголовные преступники, освобожденные из тюрьмы досрочно, по амнистии. Неприятно было сознавать, что ты числишься в списках с теми, кто отбывал наказание за действительно совершенные преступления.

В одно из НИИ меня приняли сразу же. Дирекция и партийный комитет, знавшие, что я пострадал без всяких к тому оснований, окружили меня вниманием и заботой. Дали хорошую работу. Вручили довольно крупную сумму денег для поездки на отдых. Но и тут не обошлось без приключений. Приехав в Сочи, я отдал свой паспорт для временной прописки. На следующий день меня вызвал участковый милиционер и объявил, чтобы я в течение двадцати четырех часов покинул пределы Сочи. Почему? На каком основании? Последовал ответ, что Сочи не место, где могут отдыхать «уголовники». Лишь после я выяснил, в чем дело. В паспорте был пункт № 8, в котором сказано, на основании каких документов он выдан. А в моем паспорте было записано: на основании справки об освобождении из тюремного заключения.

Выйдя из тюрьмы и приступив к работе, первым делом я стал решать вопрос о восстановлении в партии. Подал заявление в партийный комитет НИИ. Для рассмотрения этого заявления и подготовки по нему соответствующего проекта постановления партийного комитета была создана авторитетная комиссия под руководством секретаря парткома Вениамина Константиновича Шагурина. И вот когда комиссия пришла к заместителю председателя Ленгорсуда Степановой, председательствовавшей на судебном процессе по так называемому «делу Смольнинского района», и спросили ее о том, помнит ли она Садовина Василия Васильевича и что она может сказать о нем, она ответила: прекрасный коммунист, хороший человек. «А как же эти ваши слова вяжутся с суровым судебным приговором, который вы ему вынесли?» — спросил председатель комиссии. Последовал контрвопрос: «А вы, товарищ Шагурин, с какого года состоите в партии?» — «С 1930-го». — «Ну а я являюсь членом партии с 1918 года. И если бы я тогда приняла другое решение в отношении Садовина, то я, как и любой другой на моем месте в то время, была бы изгнана из партии и снята с занимаемой должности...»

В партии я был восстановлен довольно быстро. Но опять-таки с сильными потрясениями. В то время оконча-

тельное решение об исключении из партии или о восстановлении принималось обкомом КПСС. И вот начались новые муки. Бюро Смольнинского райкома восстановило меня в партии без всяких замечаний. Партийная комиссия при горкоме приняла рекомендацию в партии восстановить, но объявить выговор — неизвестно за что. На заседании бюро горкома, которое вел тот же А. В. Носенков, бывший в то время уже вторым секретарем горкома, постановление Смольнинского райкома партии и рекомендация партийной комиссии горкома были отменены, и я вторично был исключен из партии. На это постановление я подал апелляцию. Партийная комиссия обкома партии по моей апелляции приняла рекомендацию восстановить меня в партии, но с перерывом в партийном стаже. И только на заседании бюро обкома КПСС, которое вел Николай Григорьевич Игнатов, присланный Центральным Комитетом партии в Ленинград на должность второго секретаря обкома и первым секретарем горкома партии (для того, чтобы объективно разобраться с так называемым «ленинградским делом»), я был наконец полностью восстановлен в правах члена партии.

Обаятельный образ Николая Григорьевича Игнатова как прекрасного партийного руководителя и душевного человека на всю жизнь сохранился у меня в памяти. В день освобождения из тюрьмы, 11 апреля 1953 года, я написал ему заявление. Через два дня, т. е. 13 апреля на квартире у меня раздался телефонный звонок. Я подошел. Слышу: «Это говорит Игнатов. Вы писали мне заявление? Когда бы вы смогли подойти ко мне?» — «В любое удобное для вас время». — «Тогда заходите завтра, к десяти часам». Придя к Н. Г. Игнатову, я стал ему рассказывать, зачем я пришел, где, как говорится, родился, где крестился... Николай Григорьевич прервал меня на полуслове и заявил: «Я понимаю, что у вас ко мне две просьбы — устроиться на работу и восстановиться в партии?» «Нет,— ответил я.— Просьба только одна — восстановиться в партии». — «А как же с работой?» — «А я уже работаю». — «Как так, два дня как из тюрьмы и уже работаете — без моей помощи? Кто эти смелые люди, что вас приняли?..» — «Директор НИИ Николай Авксентьевич Чарин и секретарь парткома Вениамин Константинович Шагирин». — «Передайте им, что они настоящие большевики, замечательные люди, не побоявшиеся без моего звонка взять вас на работу...»

Но даже после восстановления в правах члена партии и избрания меня коммунистами НИИ секретарем партий-

ного комитета я считался «амнистированным», то есть преступление я якобы совершил, но Советское правительство меня помиловало. С этим, естественно, я не мог согласиться и вместе с товарищами, оказавшимися в одинаковом со мной положении, мы стали писать заявления в высшие государственные и административные органы страны с требованием отмены вынесенных нам незаконных приговоров.

На эти заявления мы получали бюрократические отписки-отказы в удовлетворении наших требований: «Гр-ну Садовину В. В. ... Ваша жалоба на имя министра внутренних дел рассмотрена. Нарушения закона по ведению дела не установлено. Оснований к принесению протеста в порядке надзора на предмет отмены или изменения приговора не усматривается». Подписал 8 сентября 1953 года прокурор Ленинграда Однаков...

Только 28 февраля 1955 года прокурор уголовно-судебного отдела Прокуратуры СССР младший советник юстиции Калинина уведомила меня: «Сообщаю, что дело Ваше было проверено Прокуратурой СССР и Генеральным прокурором СССР был принесен протест. Определением Верховного Суда СССР от 26 февраля 1955 года дело в отношении Вас производством прекращено за отсутствием состава преступления».

Как показали дальнейшие события, никакого «ленинградского дела» в действительности не было, оно было от начала до конца надумано, искусственно создано политическими отщепенцами, случайно пробравшимися в руководящие органы партии, чтобы нанести тяжелый удар в спину одному из передовых отрядов нашей партии — Ленинградской партийной организации.

ПО «ХОЗЯЙСТВЕННОМУ ДЕЛУ»

М. Е. ЧЕРВЯКОВ

Если я решаюсь начать свои воспоминания о «ленинградском деле» с некоторых событий из собственной жизни, то причина одна: она представляется мне типичной для большинства моих товарищей по тем испытаниям, которые выпали на нашу долю в связи с этим грязным и дальнодейственным «делом». Без этого трудно было бы понять многие из его причин, наше поведение и отношение к нему.

Даже в наше сложное в экономическом смысле время нелегко представить себе и осознать, насколько отчаянным было положение бедняцких, как правило многодетных, семей. Я, как почти все мои «однодельцы», с самого малолетства батрачил. Первый проблеск увидел, когда в вятское наше село нагрянула группа активистов — словно с неба спустились, до сих пор храню в памяти образ руководителя Крайнова. Он и собрал нас, бедняцкую молодежь, стал обучать элементарным понятиям о сущности Советской власти. С тех пор дела и заботы этой власти, неотделимой от нее партии стали главными во всей моей долгой жизни. С этой мыслью я усердно «штудировал» еще зиновьевскую «Историю РКП(б)», вступал в комсомол и верховодил волостной организацией комсомола (всего... 12 членов на волость), ревностно служил в 9-м погранотряде ОГПУ...

Было и везение, но опять-таки связанное с политикой партии и Советской власти — крестьянскому пареньку с трехклассным образованием дали путевку в ленинградский рабфак! Потом — Ленинградский электротехнический институт имени В. И. Ульянова (Ленина), диплом инженера по самой передовой на то время технике — радио, серьезная работа на солидном заводе... Как в сказке!

Разумеется, я был уже к тому времени членом партии, активистом. И хотя несколько огорчился (всю жизнь любил свою профессию), но не удивился и принял как должное избрание секретарем парткома завода — партии вид-

© М. Е. Червяков, 1990

нее, где мы нужны. Так же отнесся и к выдвижению секретарем Петроградского РК ВКП(б) по кадрам, назначению — это уже к осени 1941-го — секретарем парткомиссии попавшей в тяжелейшее положение 43-й стрелковой дивизии и даже к приказу члена Военного совета Ленфронта Алексея Александровича Кузнецова — быть отозванным из сражающейся армии, стать директором развалившегося из-за блокады и массовой эвакуации оборудования завода. Вызвали меня тогда секретари горкома Капустин и Талюш: «Восстанавливай завод — будете строить две мощные радиостанции». И все — какие могут быть разговоры, раз мы сознательные и образцово исполнительные солдаты партии?.. До чего же дико и обидно было слышать потом, когда стряпавшие «ленинградское дело» клепали на нас: «пробравшиеся» к руководству... Это мы-то — «пробравшиеся»?!.

Нет возможности рассказывать в этих воспоминаниях, посвященных иной болезненной теме, как мы восстанавливались и работали. Но я вправе гордиться и своим вкладом в то, что в тяжелейшие месяцы блокады осажденный город-фронт обрел вдруг мощный — на весь мир — радиоголос: мы построили две, длинноволновую и коротковолновую, стационарные радиостанции. (В разгромленном андриановской бандой Музее обороны Ленинграда под надписью «Лучшие директора» помещался и мой портрет, и я даже сейчас не ощущаю это нескромностью.)

Потом главным стало восстановление всего города. Меня рекомендовали на пост председателя исполкома моего родного Петроградского района. Кто работал тогда в Ленинграде на таком посту, знает: на него «пробиравшихся» не было и быть не могло — подвалы залиты, крыши — как решето от осколков, двадцать один дом (до сих пор помню!) под угрозой внезапного разрушения, жилье перенаселено, а люди возвращаются из эвакуации, с фронта, из госпиталей...

Наверное, справлялся, если в 1948 году пленум Петроградского райкома партии избрал меня своим первым секретарем... Я воспринял это как доверие, но прежде всего — как ответственное поручение коммунисту-большевику.

Февральский (1949 г.) объединенный пленум обкома и горкома ВКП(б) запомнился мне сначала всякими привнесенными неожиданностями: полным неведением, зачем нас собирают, непривычной, какой-то напряженной

тишиной в зале и пустовавшим президиумом, в котором вдруг — действительно, как «черти из табакерки» — появились незнакомые люди... Даже Петра Сергеевича Попкова, у которого, в бытность его председателем горисполкома, чуть не ежедневно бывал, я узнал не сразу — он человек болезненный и частенько выглядел неважнецки, но чтобы до такой степени! Ошеломил, конечно, поток обвинений, обрушившийся на наших первых руководителей. К сожалению, не только в выступлении Маленкова, но и в речах тех, кто совсем недавно, в декабре, на объединенной партконференции, пел Попкову хвалу... Я, кстати, относился к нему хорошо, помню, как живо он вел различные заседания, острил... Капустин же, Яков Федорович, вообще признавался в наших кругах за «ломовую лошадь», знали: по существу вопросы промышленности решает он, Капустин.

И последний памятный момент — самая неприятная сцена смены власти: Попков буквально (так мне показалось) выполз из президиума, и тотчас место в центре уверенно, как-то демонстративно даже, занял сидевший на втором стуле у стенки совершенно неизвестный нам Андрианов. С этого для меня и началось так называемое «ленинградское дело»...

Я был бы неискренним, если бы сейчас, спустя годы, заявил, что, кроме вполне естественного изумления, вынес с пленума обеспокоенность за свою судьбу или чувство какого-то негодования тем, что произошло с нашими руководителями. Это не равнодушие и не смиренная покорность «рабов», это въевшаяся в нашу плоть и кровь тогдашняя форма партийной дисциплины, воспринимавшаяся как жесточайшая, но справедливая ответственность каждого за провалы на порученном участке. Мы ведь тоже не либеральничали в подобных случаях. Другое дело, что, злоупотребив нашим безраздельным доверием к ЦК и его руководству, нас нагло и по-крупному обманули. Но кто же тогда, в феврале сорок девятого, мог хотя бы в мыслях своих допустить политическую интригу такого масштаба... По домам, как помнится, все мы разъехались с пленума спокойно.

Потом, вопреки обещанию Маленкова никого больше не трогать, начались повальные кадровые замены в горкоме — на места наших давних товарищей понаехали все эти ма́лины, романовы, носенковы, николаевы, новиковы... А райкомы и исполкомы замучили многочисленные комиссии. Ко мне, помню, приехала группа во главе с заместителем заведующего отделом горкома В. В. Садови-

ным. Василий Васильевич, человек знающий, объективный, сам работал секретарем Смольнинского райкома, написал все, как есть. «Не годится такая справка»,— завернул доклад Садовина андриановский приближенный Носенков. Какая справка ему подходила — ясно: не случайно этого Носенкова сразу же окрестили «гробокопателем».

В справедливости этого прозвища я убедился воочию. Вызвали к секретарю горкома А. И. Малину меня и моего предшественника в Петроградском райкоме Георгия Эразмовича Орехова, зав. отделом горкома партии. Тут же по-хозяйски расселся и Носенков: «Ознакомьтесь: эта справка будет представлена бюро горкома для снятия вас обоих с работы...» Чего там только не наворочано! «Связь» с Капустиным — жили неподалеку (на полном серьезе). Еще одна «связь»— выкопал из личного дела предписание начальника отдела кадров политуправления Ленинградского фронта от 27 октября 1941 года: «Секретарю Петроградского РК ВКП(б). По указанию члена Военного Совета Ленинградского фронта Дивизионного комиссара тов. Кузнецова направляется в Ваше распоряжение политбоец тов. Червяков, Михаил Ефимович, для использования его на работе в промышленности по специальности». Вот — вся «связь». Но ведь с Кузнецовым... Для «разбавления»— чистое вранье про «плохое руководство комсомолом» (что мне сейчас оправдываться?— комсомолом я как раз основательно занимался), про то, что один из заводов «не может до сего времени освоить производство станков-автоматов...» В таком духе. Я эту чепуху отказался подписывать. «Как хочешь,— усмехнулся Носенков,— все равно твой вопрос на следующем бюро будет поставлен...» И поставили. Председательствовал сам Андрианов. Ничего не спрашивали и ничего не слушали: «Есть предложение с работы снять».

Процедура исключения из партии оказалась еще короче: тут ввели самый настоящий «конвейер». Сначала — партколлегия, где «глава пытошной» Новиков скороговоркой зачитывал справку Носенкова и предложение «исключить», потом — «бюро» горкома. Я не случайно поставил слово бюро в кавычки: какой это коллективный орган, если рядом с председательствующим Ф. Р. Козловым сидели все тот же Новиков, в состав бюро не входивший, стенографистка и далеко в углу, у окна, совершенно безразличный, еще один секретарь горкома Малин — все «бюро». Зато нас, «рассматриваемых в персональном порядке», трое — я, Г. Э. Орехов и первый секретарь Кол-

пинского ГК ВКП(б) Борис Георгиевич Сочилин, а в коридоре ждала следующая тройка таких же бедолаг...

Меня как-то спросили: «Хорошо, с кликой Андрианова все ясно: это по существу — наемные погромщики Маленкова... Ну а те, кто входил в комиссии, члены партколлегии и т. д.— это же ваши бывшие товарищи, некоторые из них знали вас много лет — почему они молчали?..» Что сказать?.. Я их, не поднимавших глаз во время «разбирательств», не проронивших ни слова, не виню: понимаю — нас давно, еще задолго до «ленинградского дела», повязали страхом и разъединили тщательно культивировавшейся «бдительностью»...

Итак, я стал не только беспартийным, но и безработным: с завода, где был инженером, секретарем парткома, директором и куда было устроился снова, прогнали через несколько дней. «У нас,— повторяя чьи-то слова, важно сказала мне девчушка в отделе кадров,— для вас должности нет». Я позвонил андриановскому помощнику Романову: «Жить-то мне надо, семью кормить...» — «Ничего не знаю. Василий Михайлович (Андрианов) дал указание: в *своих* районах таким, как вы, работать нельзя, ищи где-нибудь подальше...» Мир не без добрых людей: на другом заводе рискнули и взяли измерителем...

Многое тогда передумалось, на многое (далеко не на все!) открылись глаза... Но пришло и успокоение: не один я, в конце концов, в беде (21 первого секретаря городских районов — всех подчистую!— выгнали и исключили из партии), да и жизнь — не останавливалась жизнь...

И вот новая иезуитская выдумка Андрианова и его мерзавцев — до сих пор не могу понять: зачем, чего они добивались еще одной «акцией»?..— вызов в районную прокуратуру. Мне, Орехову, сменившему меня в райисполкоме Владимиру Васильевичу Васильеву, секретарям райкома (бывшим, конечно) Александре Павловне Алексеевой и Алексею Ивановичу Еремину. Следователь Софронова — пройдохой из пройдох оказалась — предъявила сразу девятнадцать (!) папок. Мы понятия не имели, что под нас «копают» и столько можно «накопать». «Ознакомьтесь...» Ну, что там — выборка из бухгалтерских книг заводов, фабрик, разных учреждений и организаций: в основном расходы на праздники, выборы, юбилеи... «Вы нанесли ущерб государству на сумму восемьсот тысяч рублей...» (это в «старых» деньгах, конечно). Я полистал первый «гроссбух». Чепуха, говорю, все это — так можно сколько угодно написать. Я, слава богу, сам был

директором завода и знаю: незаконный расход бухгалтер не пропустит, а нажму — обязан обжаловать мои действия в министерство... Или вот ткани, что на кабины для голосования навешивают. Как они тут оказались? Занавески эти день повисят, ничего им не делается — забирай обратно. Почему они у вас «списанными» числятся?.. Многое я ей наговорил, да... Будто не слышит...

Хотя, конечно, «дело» эти фабрикаторы затевали «беспроигрышное» — давали мы указания: школу к выборам подремонтировать, песочек подсыпать, колонну на демонстрации приукрасить... Нам указывали сверху, мы переадресовывали вниз... Помню, звонит секретарь обкома Бадаев (он всегда председательствовал в комиссиях по подготовке к праздникам): «Слушай, Червяков, при въезде в ваш район с Кировского моста, на правой половине, стоит портрет Ленина, а на левой стороне ничего нет,— нужен такой же портрет товарища Сталина».— «Где я такой — шесть на девять метров!— возьму?.. Тут большие деньги надо искать, время...»— «Ничего не знаю. Ты председатель в районе — должен иметь и художников, и возможности...» Указание секретаря обкома надо выполнять. Приглашаю с «Ленфильма» Глотова: «Иван Андреевич, выручай...»— «Художник-то, Утехин, есть, сделает... Только ведь заплатить надо...»— «Ты поговори с ним, убеди, чтоб не жадничал в таком деле...» Сделали. Заплатили — три тысячи (старыми) для «Ленфильма» не такая уж сумма, а мне... Мне, при случае, счетик: «Михаил Ефимович, завизируйте...» И этот документик подшит в моем «деле». А портретов членов Политбюро, лозунгов, транспарантов делали много. За счет чего все это? Да по всей стране, да почти все годы Советской власти...

Самое горькое и обидное — все всё знали и понимали... Нам с Ореховым эта Софронова, перед тем как мы с нею расстались, сказала шепотом, наклонясь: «Судить вас не за что. Но... Дело я все-таки передаю в суд...»

Арестовывали нас с Ореховым (18 июля 1952 года) все-таки стыдливо: прокурор куда-то сбежал, Софронова не показывалась — пришли четыре милиционера с примкнутыми к винтовкам штыками: «Собирайтесь, поехали».— «Куда?»— «В „Кресты“— куда же еще...» Втолкнули в «черный воронок», привезли, рассадили порознь — в камеры, набитые ворьем и прочими подонками. Так — девять месяцев. Изредка навещала Софронова: «судить не за что», а все выискивала, подлавливала — никогда не мог терпеть таких пакостных, двоедушных людей.

Суд организовали помпезный, на уровне выездной сессии Верховного суда РСФСР. Председательствовал пожилой уже москвич Круглов. В заседателях — Куликов, был такой знаменитый каменщик, и какая-то невзрачная женщина. От защитников мы с Георгием Эразмовичем Ореховым отказались из принципиальных соображений: раз не за что нас судить, то и оправдываться нам не в чем. Похоже, фальсификаторов нашего «дела» отказ от защитников никак не устраивал,— нам дали их против воли. Обвинителем выступал представитель прокуратуры Галушко. Этот из кожи лез вон, чтобы подвести нас и под политические статьи уголовного кодекса. Но любопытно (видно, этот вопрос предрешили на каком-то высоком уровне): упоминавшиеся в обвинительном заключении «связи с врагами народа», «эпизоды» с Капустиным, Попковым, Кузнецовым и т. п. судья за тринадцать дней «процесса» ни разу не вспомнил, и в приговор они тоже не попали.

Со свидетелями Софронова и ее шефы, по-моему, даже перестарались — около пятидесяти руководителей предприятий, учреждений и т. д. Тем более что «показания» буквально повторяли друг друга: «Погребенко, вы платили за оформление агитпунктов?» — «Платил — план был». — «Вас, что, наказывали, если вы не укладывались в утвержденную смету?» — «Нет, мы сами понимали, что надо добавить...» Лишь один — бог уж с ним, не хочется упоминать: видно было, что его насмерть перепугали,— все бубнил, будто райком на него «давил»... Впрочем, я теперь совершенно уверен, что и цель-то этого «широкого процесса» заключалась в одном — устрашить, ввести руководителей партийных, советских, хозяйственных органов в состояние абсолютной, безоглядной покорности перед сталинской камарильей.

На тринадцатый день объявили приговор. Кровожадный Галушко требовал дать нам с Ореховым по 20 лет, суд оказался «гуманнее»: мне — восемь, Орехову (у него была дополнительная статья: «подкармливал» старых большевиков) — двенадцать, Еремину — три года лишения свободы; к Васильеву и Алексеевой (Золотаревой сейчас), учитывая семейное положение, применили условные меры. Двух моих товарищей по беде почти сразу же отправили в северные лагеря, а мне «повезло» — с острым приступом стенокардии меня поместили в тюремный лазарет. В этой больничке меня продержали до смерти Сталина. В апреле 1953 года, по амнистии, нас «простили». Справедливость пришла спустя несколько месяцев

мытарств и унизительных ходатайств: по протесту Генерального прокурора СССР Верховный суд страны отменил приговор Верховного суда Российской Федерации «за отсутствием состава преступления». Почти одновременно КПК при ЦК КПСС отменил решение об исключении меня из партии.

Испытал ли я чувство радости и освобождения от гнета? По-житейски, конечно,— да. Но не хлебом единым жив человек. Много лет прошло с тех пор, но меня так и не покидает и тяготит мысль, что полная справедливость по отношению к «ленинградскому делу» и его жертвам так и не восторжествовала.

Да, с нас сняли злонамеренно сфальсифицированные нелепые обвинения, освободили из тюрем, вернули из ссылок и лагерей, восстановили в рядах КПСС... Об одном никогда не вспоминали — о растоптанных грязными сапогами маленковско-андриановской своры чести, достоинстве репрессированных. Когда нас снимали, исключали, сажали, все эти козловы, носе́нковы, ма́лины, галушки, софроновы, иже с ними находили время, желание, слова, чтобы разъяснить людям «справедливость» своих интриганских преступных действий, очернить нас в глазах многотысячных трудовых коллективов. То, что у этих лиц после нашей реабилитации (а они же нас и «принимали») не заговорила совесть, меня никогда не удивляло — действовать может только то, что реально существует. Но ведь от начала «ленинградского дела» прошло сорок лет! И никто — ни на каком уровне: партийном, государственно-правовом, общественном — не принес нам официальных извинений и сожалений, даже словом не осудил каждого, кто принимал участие в фабрикации этого грязного «дела». Это вселяет тревогу. Из-за того-то я и решился на воспоминания о том, о чем не хотелось бы вспоминать.

Надо довести до сознания нынешнего и будущих поколений: не только творцы преступных идей, замыслов, планов, но и проводники, исполнители незаконных, безнравственных распоряжений должны нести полную и неотвратимую ответственность за свои действия. Только так мы гарантируем, что наше мрачное прошлое никогда не повторится.

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮ

Г. КУПРИЯНОВ

Геннадий Николаевич Куприянов (1905—1979), окончив в Костроме совпартшколу, преподавал обществоведение в Солигаличе, заведовал отделом пропаганды и агитации райкома партии. Закончив Всесоюзный коммунистический университет, работал в Дзержинском РК ВКП(б) Ленинграда. С октября 1937 года — второй, затем — первый секретарь Куйбышевского райкома. С июня 1938 года Г. Н. Куприянов — первый секретарь Карельского ОК ВКП(б) (с образованием Карело-Финской ССР — ЦК Компартии республики). На XVIII съезде партии избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б), в 1940 году — депутатом Верховного Совета СССР.

В годы Великой Отечественной войны генерал-майор Г. Н. Куприянов — член Военного совета 7-й армии, затем, с момента его сформирования,— Карельского фронта. Действиям этого фронта он посвятил выпущенную Лениздатом книгу «От Баренцева моря до Ладоги». О партизанах, разведчиках рассказал в книге «За линией Карельского фронта», изданной в Петрозаводске.

17 марта 1950 года Г. Н. Куприянова арестовали по «ленинградскому делу». В июле 1957 года по протесту Генерального прокурора СССР Военная коллегия Верховного суда СССР сняла с него надуманные обвинения, и он был реабилитирован.

Последние годы Г. Н. Куприянов жил в городе Пушкине, занимался общественной деятельностью.

В августе 1949 года в числе многих других ленинградцев был арестован секретарь исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся А. А. Бубнов. Спустя некоторое время были арестованы все его близкие родственники: отец, мать, жена, сестра Нина Бубнова, работавшая в момент ареста брата в Лондоне в нашем торгпредстве. Ей было тогда 24 года.

Стариков таскали по разным тюрьмам, следствие шло очень долго. Дольше всего они сидели во многих камерах свирепой Лефортовской тюрьмы. Перенесли много брани и издевательств от тюремных надзирателей и угроз от следователей. Им по нескольку суток не давали спать, много раз сажали в карцер, расположенный в сыром и темном подвале.

Мурашки бегают по спине, когда я вспоминаю об этом карцере. Ибо сам я в это же время сидел в Лефортовской

© Л. И. Куприянова, наследница, 1990

тюрьме, сколько раз бывал в этом карцере и знал многих мастеров заплечных дел Лефортовской тюрьмы, специалистов по вышибанию зубов и ломке ребер, следователей Мотовкина, Дворного, Герасимова.

Тюремные надзиратели и начальники запомнились мне или по их кличкам, или по обличью. Когда я сидел под следствием в Лефортовской тюрьме (с марта 1950-го по март 1952-го), больше всего в этом периоде заключения запомнил майора, которому дал кличку Алешка Костолом. Из поэзии первых лет революции — из стихотворения «Пред. Губчека Семенов» — в памяти отложились строфы:

От радости бандиты пьяны все,
Всю ночь полны стаканы самогона,—
Сегодня в полночь на глухом шоссе
Захвачен в плен Предгубчека Семенов.
И атаман Алешка Костолом,
Бывалый подпоручик Чалин,
Расплатой упиваясь, как вином,
Кровавую нагайку измочалил.

Вот в честь Алешки Костолома я и назвал дежурного офицера Лефортовской тюрьмы. Он был свиреп и невежествен, ругался так, что я, видавший с детства заядлых матерщинников и слыхавший немало самой отборной брани, услышал здесь такие «изысканные» изречения, каких ни до этого, ни после этого мне слышать не приходилось.

В октябре — декабре 1950 года я сидел в камере смертников. Вызовы к следователю прекратились. Особое совещание заочно приговорило меня к смертной казни. Я знал это! И ждал, когда меня поведут на расстрел. Воображение рисовало мне ту самую картину расстрела, которая описывалась в любимой песне моей комсомольской юности «Смерть коммунаров»:

Мы сами копали могилу себе.
Готова глубокая яма.
Пред нею стоим мы на самом краю —
Стреляйте ж вернее и прямо.
Вы цельтесь вернее, стреляй и не трусь,
Пусть кончится наша неволя.
На выстрелы ваши ответит наш крик:
«Да здравствуй Свобода, Великая Русь,
Земля и народная воля!»

Именно так мне хотелось умереть. Так рисовали воображение и чувства. Но разум твердил другое. Я знал, что не дадут мне лопату в руки и не заставят рыть себе

могилу. А просто уведут в подвал, там выстрелят в затылок — и все кончено!

Днем я читал немного или ходил по камере. А ночью... Это трудно передать словами. В 10 часов вечера три раза мигала лампочка, и я, как, наверное, и все другие заключенные, должен был ложиться спать, но спать не хотелось. Каждый звук, каждый шорох или звяканье запоров в соседней камере — это идут за мной! Сейчас поведут расстреливать! Смерть стояла у моей тюремной койки как реальный и неотвратимый конец бытия!

Я много раз бывал под артобстрелом, пулеметным огнем и бомбежкой. Там смерть тоже носилась рядом, и много раз в какие-то моменты невольно приходилось вспоминать о ней. Но там всегда было с тобой ничем не заменимое чувство пространства, его реальность. Даже при очень интенсивных обстрелах ты, конечно, искал и находил более удобное место для спасения от смерти, чем то, на котором тебя застал первый снаряд, первая бомба, первая пулеметная очередь,— отползал в канаву, в свежую воронку, прятался за деревом. Словом, мог попытаться куда-то убежать от смерти — у тебя было пространство. Кроме того, ты зачастую забывал о возможной смерти, ибо должен был именно в такие моменты часто принимать самые энергичные меры, чтобы изменить ход событий в свою пользу, должен был отдавать приказания, кого-то куда-то посылать, заставить людей делать то, что, по-твоему, было необходимо в данной ситуации...

Здесь, в тюрьме, совершенно иное: ты в каменном мешке, у тебя нет пространства — ты не можешь принять никаких мер, чтобы изменить обстановку в свою пользу. Но знаешь, что ты — смертник! Огромная безысходная тоска давила меня в течение нескольких месяцев пребывания в камере смертников, тупая ноющая боль в сердце и тревожные до головокружения мысли.

Иногда одолевал сон. Но вот что очень часто испытывал я в те ночи: мне снится, что я приговорен к расстрелу, и вот за мной пришли, ведут в подвал. Но тут же во сне я чувствую и сознаю: нет, это ведь сон! Вот я сейчас проснусь и увижу, что я у себя дома, сплю на своей кровати, сейчас увижу солнце, позавтракаю и поеду на работу. Просыпаюсь, и холодный пот по всему телу. О ужас! Я действительно в тюрьме, и меня действительно должны расстрелять... Тюремная камера с цементным полом, парашей и всеми прелестями тюремного быта — это и есть теперь мой дом, моя квартира! Никакой квартиры

сейчас нет и у моих детей, их, конечно, тоже репрессировали.

Очень часто в те ночи в камеру врывался Алешка Костолом с группой лейтенантов, старшин и сержантов. Он подбегал к койке и срывал одеяло: «Дрыхнешь, вражина проклятая!» Если я просыпался и садился на койку, он давал мне зуботычину, пускал в мой адрес тираду отборных ругательств.

Первая мысль — они пришли за тем, чтобы вести меня на расстрел. Но вот они уходили, и я осознавал: значит, меня сегодня не будут расстреливать, значит, я еще какое-то время буду жить!

Как тогда мне хотелось жить! Я рад был каждой лишней минуте жизни. Наверное, жизнь никогда не бывает так дорога, как в те дни, часы и минуты, когда ее у тебя хотят отнять.

Наступало утро. Снова хожу по камере. А шум, искусственно создаваемый тюремщиками, никогда не умолкает. Или прямо в окно несется гул какого-то очень мощного мотора, или это лязг железа о железо у самых дверей камеры.

Через каждые одну-две минуты надзиратель смотрит в «глазок» и обязательно ударяет большим ключом о железную дверь камеры (делают это они и днем и ночью). Весь этот дикий шум (с применением техники и звукозаписи) специально создается для того, чтобы действовать на нервы и психику заключенных и доводить их до нервного потрясения. Это одна из «невинных» пыток, которую применяли тюремщики Лефортовской тюрьмы ко всем заключенным сразу, так сказать, пытка общего характера. А были еще индивидуальные, назначавшиеся следователем и начальником тюрьмы.

Я перенес до этого много разных пыток в кабинете у следователя, и в карцере, и в особой камере, где имелись все орудия пыток, от средневековых клещей до современных электроприборов. Так что шум был для меня «невинной шуткой» господ тюремщиков. Когда этот шум становился особенно громким и интенсивным, я обычно вспоминал «бараний рог» — пытку, которую ко мне применяли в ходе следствия довольно часто. Меня сгибали в полукруг, прикручивая веревками пятки к затылку. Туда же назад прикручивали руки, и получался «бараний рог». Я лежал на животе, а свора надзирателей и следователей пинали меня ногами то в голову, то в ноги, и я качался на животе то в одну, то в другую сторону, как пресспапье. После этого страшно болели руки. Правая ру-

ка шесть месяцев не действовала совсем, я не мог ею ни писать, ни держать ложку. Учился расписываться левой рукой и ложку держал тоже левой. (Болит эта рука и сейчас, она очень быстро устает, даже когда пишу.)

У меня уже не было тогда половины зубов, их выбили еще в апреле 1950 года.

Следователи, изрядно подвыпившие, играли мною в мяч, практикуясь давать удар одновременно и рукой, и ногой. Когда я вспоминал карцер и эти пытки, а также многие ночи без сна, то даже адский шум казался игрушкой.

И сейчас, когда при мне кто-либо произносит слова «*согнуть в бараний рог*», я представляю это не только в переносном, но и в самом прямом смысле.

Одна ночь в камере смертников запомнилась мне особенно ясно и отчетливо, до мельчайших деталей. Алешка Костолом вбежал в камеру около двух часов ночи, за ним — около десятка тюремных офицеров и надзирателей. Он сорвал с меня одеяло и приказал встать. Затем он набросился на меня с руганью, заявив: «Нам бить тебя, сволочь этакую, надоело! Когда ты будешь вести себя как человек? Долго ли мы с тобой возиться будем? Неужели, сволочь этакая, не понимаешь, что от тебя нужно?»

Я действительно еще не понимал, чего от меня хотят, и сказал: «Гражданин майор! Я веду себя именно как человек! Никаких тюремных правил не нарушаю».— «Он трус!»— раздается голос из толпы надзирателей.

Дверь камеры открыта, и там, в коридоре, слышится смех. «Конечно, трус!— кричат из коридора.— Давно бы мог освободить себя от заключения и нам бы развязал руки. Ты ведь не один у нас. Относись к нам по-человечески — и мы к тебе по-человечески!»

И тут я понял, чего от меня хотят! Понял и ужаснулся! И, наверное, именно в этот момент у меня поседели волосы! Мне до сих пор кажется, что я даже чувствовал, как они седеют. И это был не страх смерти. Нет, к мысли, что мне недолго осталось жить, я уже тогда привык. Это не был и страх боли, которую мне могут сейчас причинить. Меня ужаснула подлость, цинизм этих мерзавцев.

Они предлагают мне начать драку с ними и тем дать повод для убийства. Я знал уже о многих подлостях тю-

ремщиков, но не думал, что в их арсенале есть и такой метод провокации.

Все кипело во мне, и я еле сдерживался, мне хотелось броситься на эту банду и бить их. Но что мог сделать один измученный полуголодный арестант с десятью здоровенными мужчинами? Бросаться на них было бы безумием! Это было бы самоубийством. А они именно этого и хотели. Но я не хотел умирать, тем более таким глупым способом.

Несколько секунд я колебался, но разум взял верх над чувствами. Я беру себя в руки, делаю вид, что не понял, чего от меня хотят.

И тут Алешка Костолом подносит кулак к моему лицу и разъясняет: «Вот мы тебя бьем, а ты молчишь, а ты попробуй, тронь меня хоть пальцем или ударь по лицу. Тогда мы здесь же растянем тебя на полу и пальцами рук не прикоснемся — бить будем ногами. А чтобы тебе не так больно было, прикажу подать сюда шланг с водой — будем бить и водой поливать. И в пять минут все будет кончено! Это и есть человеческое отношение!»

Я сделал большое усилие над собой, чтобы улыбнуться, и сказал: «Зачем мне оскорблять действием вас или ваших помощников? Я не буду этого делать. Вы не бойтесь!»

Костолом дал мне пощечину, плюнул, выругался и вышел из камеры. За ним ушли все. Я не мог уснуть до утра, все думал, надо ли было пойти на эту провокацию. Может быть, надо! Боль длилась бы пять-шесть минут, и кончились бы все страдания — моральные и физические...

Но разум снова побеждает. Нет! Ты должен остаться жить, должен выйти из стен этой тюрьмы, хотя бы только для того, чтобы рассказать людям о том, что здесь творится. И этим ты выполнишь свой долг перед грядущими поколениями.

Поняв это, я одновременно понял и то, что у них нет данных для расстрела,— даже столь опытные фальсификаторы, как Абакумов, Рюмин, Герасимов, Литавкин, Дворный, не смогли сфабриковать обвинения, по которым меня можно было бы приговорить к расстрелу. И потому, не без ведома такого мерзавца, как Маленков, от меня решили избавиться вот таким путем: спровоцировать на драку и убить. А потом донести, что арестант Куприянов оказал сопротивление при конвоировании его к следователю, ударил конвоира, другому плюнул в лицо, когда его

хотели связать, оказывал сильное сопротивление и в свалке убит.

Дело мое без хлопот закрыли бы и положили в архив или сожгли. Постановление Особого совещания о расстреле изъяли бы из протокола. Ибо даже Особое совещание должно было основывать свое постановление какими-то хоть приблизительно вескими доказательствами. Ведь министр Абакумов, Генеральный прокурор Сафонов и зам. председателя КПК Шкирятов — члены Особого совещания при МГБ — не могли не думать о том, что их могут проверить. Могут проверить, чем обосновывались смертные приговоры даже тем лицам, которые уже расстреляны. Кроме того, они понимали, что не вечны, что к делам, которые проходили через Особое совещание, историки могут вернуться и через десять, двадцать, пятьдесят, даже сто лет. А им хотелось, так же как и Сталину, войти в историю добрыми, человечными и много сделавшими для уничтожения врагов народа. А формула «убит в свалке» покрывала лишь недостаток доказательств.

Поняв это, я вздохнул свободнее. Впоследствии, в 1958 году, будучи на воле, я узнал, почему приговор Особого совещания не был приведен в исполнение. Сидя в тюрьме, я оставался кандидатом в члены ЦК ВКП(б), никто даже формально не лишал меня этого звания. Я был до 1952 года депутатом Верховного Совета союзной республики, и лишить меня этого выборного поста могли только мои избиратели. Наконец, я имел воинское звание генерал-майор, лишить которого меня мог только Совет Министров СССР.

Все это учитывалось при приведении в исполнение смертных приговоров, вынесенных Особым совещанием. Приговор таким людям мог быть приведен в исполнение только с санкции Сталина. А он давал такую санкцию только тогда, когда один из членов Политбюро напишет на его имя докладную записку, в которой убедительно докажет, что данного (имярек) человека надо уничтожить!

Мне стало известно в 1958 году, что Маленков дважды писал Сталину такие записки обо мне, но оба раза Сталин отклонил его требования о моем расстреле. Почему отклонил? Не знаю в точности. Да и кто может знать мысли тиранов? Они ярко выражены только в рассказе Корнелия Тацита о последних беседах умирающего Августа с Тиберием. О последних беседах умирающего Сталина с Берией, или с Молотовым, или с Маленковым ни-

кому ничего пока неизвестно. Да и будет ли когда-нибудь известно? Едва ли...

Возможно, Сталин считал, что пока хватит расстрелов. Наиболее опасные для его трона люди уже уничтожены — Вознесенский, Кузнецов, Попков, Родионов, расстрелянные в 1950 году. Не говоря уже о тех, кто уничтожен в 1937 году. А остальных можно постепенно уморить в лагерях и тюрьмах.

То ли он хотел оставить документы для истории, из которых бы можно было понять, что сам-то он был гуманным человеком и не хотел крови, но вот его соратники и помощники были более жестоки и требовали расстрелов, а он во многих случаях был против. Это, наверное, заставило Сталина написать на докладной записке Маленкова, что он против моего расстрела.

И меня не расстреляли!

Теперь многие ответственные работники из числа защитников Сталина часто говорят мне: «Вот видишь. Благодаря Сталину ты остался жив. А сам его ругаешь и характеризуешь как деспота и тирана. Тебе его вечно благодарить надо!»

Но я бы возненавидел сам себя и считал бы себя законченным мерзавцем, если бы за это дарование мне жизни забыл о многих тысячах невинных людей, расстрелянных этим властолюбивым трусом. Мне стыдно было бы перед моими расстрелянными товарищами, перед их детьми и внуками, если бы я за благодеяние, оказанное мне Сталиным (25 лет каторги вместо расстрела), хоть в чем-то начал его оправдывать.

То, что я остался жив,— это случайность, может быть результат минутного настроения всесильного диктатора. Но раз я остался жив, я обязан рассказать людям все, что знаю.

...В конце 1950 года ночные визиты Алешки Костолома и другого палача, по кличке Муссолини, в мою камеру прекратились.

Через некоторое время меня вызвал следователь Мотовкин и сказал, что решение Особого совещания отменено и следствие по моему делу будет продолжаться, а после окончания следствия обвинительное заключение будет представлено Военной коллегии Верховного суда СССР.

Снова начались допросы, карцеры, избиения и издевательства. Меня часто допрашивали сутками подряд.

Следователи менялись: уходил отдыхать Мотовкин, его сменял Дворный, Дворного сменял Герасимов. Затем давали поспать одну ночь и снова несколько суток подряд без сна...

Но вернемся к Бубновым.

Стариков держали в Лефортовской тюрьме около года, на допросах требовали рассказать «о вражеской подрывной деятельности» сына, но ничего, конечно, добиться не могли, ибо знали старики Бубновы, знали и твердо верили, что их сын безупречный коммунист-ленинец. И не могли они никому поверить, что он мог сделать что-нибудь плохое.

Ничего не добившись, родителей Бубнова отправили в город Джамбул в административную ссылку. Вскоре туда же сослали и дочь Нину. Ее вызвали из Лондона будто бы на какое-то совещание в Министерстве внешней торговли. Но в аэропорту арестовали. И вот она в Джамбуле. Долго не могла устроиться на работу. Распродала почти все личные вещи. Надо было не только содержать себя, но и кормить стариков-родителей. Они уже не могли работать — матери перевалило за шестьдесят, отец был почти совсем слепой.

В это же время в административной ссылке в Джамбуле находились мои дети. Сын Виктор, только что окончивший в Ленинграде Военно-механический институт и защитивший диплом инженера-механика, но работавший в Джамбуле чернорабочим, и дочь Роза, учившаяся до ссылки на третьем курсе Планово-экономического института. Ей так и не удалось закончить институт и получить высшее образование.

Ссыльным очень трудно было устроиться на работу. Там, где и требовались рабочие, ссыльных не хотели брать совсем или брали с большими оговорками и опасениями на временную работу. Еще трудней было с жильем. Не только комнат, но даже койки в общежитии никто из ссыльных не мог получить. Каждый должен был устраиваться с жильем сам. Владельцы частных домов брали за угол неимоверно большие деньги, а потому многие жили в сараях, на чердаках и в землянках.

Мой брат Николай — участник Великой Отечественной войны, капитан запаса — тоже был выслан в Джамбул за мои «грехи». В Ленинграде у него остались жена и две малолетние дочери. Он должен был помочь

семье. Но на временных черных работах здоровый сорокалетний мужчина еле-еле зарабатывал себе на пропитание. А жил в заброшенном сарае.

За всеми ссыльными — а их в городе было несколько тысяч (туда были сосланы родственники многих расстрелянных и осужденных на длительные сроки ленинградцев; там было также много ссыльных еще с довоенных лет) — был установлен строгий надзор. Два раза в месяц каждый должен был являться в городской отдел МГБ и отмечаться. Строжайше запрещалось выезжать за пределы городской черты. Никто не имел права менять фамилию. А потому ссыльные женщины, вступающие в брак, при регистрации оставались под своей прежней фамилией. О вступлении в брак молодожены обязаны были письменно заявить в горотдел МГБ. Город, носящий имя народного поэта-гуманиста, был в те годы превращен в город бесправия, насилия и произвола...

После смерти Сталина в мае 1953 года Бубновы вернулись в Ленинград. Им предоставили старую квартиру, заплатили за конфискованное имущество примерно третью часть его действительной стоимости.

Нина Бубнова стала с осени 1953 года преподавать английский язык в Ленинградском государственном университете.

Вернулась из ссылки жена Бубнова, еще раньше вернулась его четырнадцатилетняя дочь Люда. Она была три с половиной года в детской колонии малолетних преступников — детей «врагов народа» — вместе с моей Галкой.

В первый год после возвращения из ссылки Нина и старики каждый день ждали: вот-вот вернется Алешенька, и тогда снова полностью соберется вся семья. Но вот вернулся из тюрьмы Г. Х. Бумагин, бывший секретарь Новгородского обкома. Вернулся псковский секретарь Л. Антюфеев, затем И. Турко — секретарь ярославский. Вернулся из Воркуты Степан Антонов, бывший заведующий отделом Ленинградского горкома партии. Вернулись некоторые из секретарей райкомов Ленинграда. Все они приехали в свой родной город. Никому из них не дали прежней работы, хотя они были полностью реабилитированы. Им предстояло еще получить партбилеты, потом выслушать нотации от самодовольных барчат, оставшихся в Смольном и после Андрианова.

Нотации эти, как правило, сводились к следующему: вам повезло, могло быть и хуже, многие не вернулись и никогда не вернутся. Поэтому будьте благодарны — пар-

тии и правительству, Никите Сергеевичу за то, что вы остались живы.

Работу, как правило, давали в зависимости от того, как человек вел себя в тюрьме, и в зависимости от того, каким тоном он разговаривал с инструктором, завотделом или секретарем горкома — обкома. Если тон был «благонамеренный», услужливый и достаточно ясно заискивающий и подхалимский — работу давали получше. Образование, опыт, прежние заслуги перед партией и страной во внимание не принимались.

Козловы, Спиридоновы и компания больше всего боялись, как бы эти арестанты не заняли их кресла.

Мать А. А. Бубнова Дарья Ивановна ходила на квартиру ко всем, чье имя было известно ей самой или кому-либо из членов ее семьи. Она приходила, приветливо здороваясь, поздравляла с освобождением из заключения. Если люди не знали ее лично, говорила, кто она, упомянув, конечно, что ее сын Алексей Александрович Бубнов до ареста работал секретарем Ленсовета. Затем начинала расспрашивать вернувшегося (из тюрьмы или из лагерей) — где он был, кого видел из ленинградцев, и осторожно подходила к основному вопросу, ради которого она и наносила все эти визиты: не видел ли он где-нибудь ее сына или не слышал ли хотя бы что-нибудь о нем?

Так она посетила Л. Антюфеева, Г. Бумагина, С. Антонова, И. Турко, А. Трофимова, А. Жигалова, В. Виролайнена, П. Барзина, П. Смолякова, В. Соловьеву и ее дочь Ирину, жену П. С. Попкова и некоторых других, вернувшихся живыми из лагерей, тюрем и ссылок. И ко всем был один главный вопрос — о сыне. В 1954 году Дарья Ивановна все еще верила, что сын вот-вот вернется домой. Она заставляла Нину писать бесконечные запросы. К. Ворошилову, В. Молотову, Р. Руденко, Н. Хрущеву, Г. Маленкову...

И вот в конце 1954 года им пришел ответ, что Бубнов А. А. расстрелян в 1950 году. Сейчас посмертно реабилитирован.

Это известие великой болью отозвалось в сердце матери. Она несколько недель лежала в постели. И в дни болезни, в дни тяжких раздумий в ее голове родилась иная версия о сыне. Нет, он не убит! Он жив, но на допросах его так искалечили, что выпустить на волю нельзя. Его надо искать в тюремных больницах. Найти, выпросить его у начальства и привезти домой. Пусть какой угодно калека, но живой. Все мы будем за ним ухажи-

вать и никому не скажем, где его покалечили. Лишь бы живой, лишь бы домой его отпустили. И это была бы великая радость для всей семьи.

Дарья Ивановна начала подробно расспрашивать всех бывших заключенных, как могут покалечить на допросах.

Она узнала некоторые подробности гибели Н. В. Соловьева.

Он работал на руководящей партийной и советской работе в Ленинграде. Я хорошо знал его с 1932 года — мы вместе учились в Коммунистическом университете. В 1949 году его арестовали. С тех пор он пропал. Я встретил в мае 1952 года в Воркуте его жену Веру Андреевну и дочь, девятнадцатилетнюю Иринку. Им дали по десять лет ИТЛ за то, что они не донесли органам МГБ о вражеской работе своего мужа и отца. И обе они, и жена и дочь, ничего не знали тогда о судьбе Николая Васильевича...

И только потом, в конце 1954 года, стало известно, что он убит на допросе, растоптан на полу ногами озверелых тюремщиков. Его растоптали в присутствии Маленкова и Берии, ибо Н. В. Соловьев заявил им, что никогда не признает себя виновным и на суде заявит о незаконных методах допроса. «Но ты, мерзавец, не доживешь до суда»,— сказал Берия и дал команду — бить! Через пять — семь минут из помещения, где проходил допрос, вынесли бесформенный кусок человеческого мяса.

Среди тюремных надзирателей, приводивших в исполнение указание Берии, был один, который рассказал об этой экзекуции кому-то из заключенных. Тот описал все до деталей. Это описание ходило по рукам и было широко известно среди заключенных. Я читал описание убийства Н. В. Соловьева в августе 1955 года, когда меня везли из Ленинграда в Александровский централ. Мне дали его прочитать заключенные — соседи по купе. Естественно, что я переписал содержание этой бумаги в свою тюремную тетрадь.

Факт убийства Н. В. Соловьева стал известен на воле, наверное, даже раньше, чем в тюрьме. И Дарья Ивановна Бубнова узнала о нем еще в 1954 году. Услышав об этом, она пришла в ужас, сразу же подумала и даже наглядно представила, что так же избивали и ее сына. Но, представив, все же решила: «Не всех же убивали до смерти, может, моего Лешу только покалечили!» Так постепенно утверждалась в сознании матери эта версия о судьбе сына.

Беседа с женой Н. В. Соловьева Верой Андреевной только укрепила эту версию. Начались расспросы о том, где есть тюремные больницы для калек и хроников. Дарья Ивановна посвятила этим расспросам много времени. О том, что сына нет в живых, она не хотела слышать. И при ней об этом уже боялись говорить.

Меня освободили из тюрьмы 22 февраля 1956 года, во время работы XX съезда партии.

О том, как проходил этот процесс освобождения, как мне удалось унести с собой все мои тюремные дневники и записки — это особая тема, и все это подробно я опишу в своих воспоминаниях «Годы тюрьмы и послетюремные скитания», над которыми я давно уже работаю.

Я приехал в Ленинград 23 февраля, в день Советской Армии. Первые дни ходил по городу и не мог налюбоваться им. Ходил пешком с Петроградской стороны до Александро-Невской лавры. И все восхищался свободой! Какое-то опьяняющее и всеохватывающее чувство радости, чувство безграничной свободы наполняло все мое существо.

Я иду по великому городу и могу повернуть в любую сторону, могу где угодно отдохнуть на скамейке. За мной никто не ходит, никто мною не командует. Это чувство свободы трудно описать, его, наверное, может полностью передать только музыка.

Через несколько дней после моего возвращения в Ленинград меня вызвал к себе в Смольный секретарь Ленинградского обкома Ф. Р. Козлов. Он прислал за мной машину и кого-то из своих помощников. В приемной держали недолго, позвали пройти в кабинет.

Меня встретил красивый статный мужчина лет сорока пяти. Он был одет в идеально отутюженный темно-синий костюм, белую рубашку. Красивый черный галстук был безукоризненно завязан и держался золотой с бриллиантом заколкой. Волосы были завиты, ногти слегка покрыты светлым лаком. Я не знал раньше этого партработника, никогда не видел и почти ничего не слышал о нем. Подумалось, что если этот мужчина так же умен, как и красив, и умеет так же искусно работать, как и одеваться, то это уже партийный работник новой формации. Не чета нам, ходившим в течение многих лет в изрядно поношенных гимнастерках.

Фрол Романович поздоровался, пригласил сесть и начал задавать мне вопросы. Причем в его позе, интона-

ции и манере говорить явно проскальзывало барское высокомерие. Нравоучительный тон его речи подействовал на меня отталкивающе, и я отвечал на его вопросы односложно, сухо, явно давая понять, что я пришел в Смольный не для того, чтобы отчитываться о своем поведении в тюрьме, что его так интересовало.

Я спросил Ф. Р. Козлова, кто из ленинградцев остался жив, кто расстрелян. Он назвал мне И. М. Турко и Г. Х. Бумагина, которые работают уже больше года после возвращения из тюрьмы. «И работают неплохо»,— заключил он...

Рассказ о процессе над ленинградцами был самым значительным из всего того, о чем мы говорили с Козловым. Все остальное уже касалось лично меня, и я напишу об этом в другом месте.

Я ушел из Смольного под огромным впечатлением рассказанного мне Козловым. Он же подтвердил мне сообщение о трагической смерти Н. В. Соловьева.

Я шел пешком от Смольного на Петроградскую сторону и думал: «Пройдут годы, десятилетия, может быть, даже столетия, но картина суда над ленинградцами никогда не изгладится из памяти поколений. Ее воспроизведут в художественных произведениях писатели, воссоздадут в ярких образах поэты, покажут на сценах лучших театров мира драматурги и режиссеры. Отобразят на полотнах лучшие художники человечества. И покажут на киноэкранах лучшие кинематографисты».

Да! Это будет! В этом я уверен и сейчас!

Я долго бродил по весенним улицам Ленинграда и пришел домой уже далеко за полночь.

На другой день ко мне пришла Дарья Ивановна Бубнова. Она подробно рассказала, как сидела в Лефортовской тюрьме. Уточнив время, мы установили, что почти два месяца сидели в соседних камерах, она в 17-й, а я в 18-й.

Рассказала о жизни в Джамбуле и, наконец, изложила свой план поисков сына. Мне было известно, что Дарья Ивановна даже слышать не хочет о том, что сына нет в живых. Я также знал, что Алексей Александрович Бубнов расстрелян. Но убеждать в этом мать и доказывать ей бесполезность поисков сына я не только считал себя не вправе, но искренне думал и думаю, что это было бы оскорблением святого чувства матери. Я внимательно выслушал ее, не спорил, не перебивал и обещал выпол-

нить, ее просьбу — спросить о ее сыне у К. Е. Ворошилова, на прием к которому в те дни я собирался поехать.

Несколько раз в течение 1956 года я со своей дочерью Розой и ее мужем навещал семью Бубновых. И разговор неизменно вращался вокруг каторжных и пересыльных тюрем и мест ссылки вроде Джамбула.

В начале 1957 года, то есть через год после освобождения из тюрьмы, мне дали работу. Этот год стоил мне много нервов, незаслуженных обид и полуголодного существования. Но секретарь обкома И. В. Спиридонов не торопился подбирать мне работу, что ему было поручено. Над ним не капало, он был сыт, хорошо одет. А сытый, как говорит народная мудрость, голодного не разумеет.

Мне немножко помогали мои друзья из Карелии и друзья по фронту.

Начав работать, я уже перестал бывать у Бубновых. Но от Нины я был в курсе всего, что происходило в их семье.

Старик отец в начале шестидесятых годов ослеп совсем. Дарья Ивановна до середины шестидесятых была еще довольно бодрой, хлопотала по хозяйству и ухаживала за слепым мужем. Нина осталась со стариками. Нельзя же было оставить их одних. Ей было уже за тридцать. Но свою жизнь она так и не могла устроить. Красивая статная девушка — преподавательница университета — не могла выйти замуж не потому, что не находилось ей женихов. Нет, просто в связи с арестом и расстрелом брата дела в семье сложились так, что ей было не до замужества.

Дарья Ивановна продолжала верить, что ее сын жив, что он находится в какой-нибудь тюремной больнице. Все эти годы она не переставала узнавать, где находятся такие больницы. Эта вера матери стала глубокой и непреклонной. Нина под ее влиянием тоже начала верить, что брат жив.

В середине шестидесятых годов Дарья Ивановна услышала от кого-то, что такая тюремная больница есть в районе Сочи на берегу Черного моря. И она немедля туда поехала. Разыскала какие-то дома, обнесенные высоким забором, за забором у небольшой зеленой калиточки — охрана. Смело открыла калитку. На вопрос, что ей надо, подробно рассказала, что ищет сына, назвала его имя, отчество, фамилию. Не здесь ли он?

Ей вежливо ответили, что никакого Бубнова здесь нет. А когда она попросила разрешения пройти в помещение и самой посмотреть, нет ли сына («Может, он тут у вас под другой фамилией живет»), ей грубо предложили выйти вон, взяли за рукав и вытолкали за калитку.

...Несколько дней подряд ходила восьмидесятилетняя старушка вдоль высокого забора. Сначала потихоньку, потом все громче и громче звала сына по имени, умоляла его подать голос ей, своей матери, которая пролила реки слез, дожидаясь его. Но не услышал сын зова матери и не откликнулся ей. Лишь суровые стражи злобно требовали немедленно убраться и больше сюда не ходить.

Усталая, измученная, много раз оскорбленная, вернулась она в Ленинград. Но и после этой поездки не потеряла веры в то, что сын жив! «Стало быть, он в другой больнице»,— уверяла она.

Весной 1972 года она заставила Нину поехать в Иркутскую область. Кто-то из ответственных работников сказал ей, что там, в бывшем Александровском централе, расположена сейчас тюремная больница для калек.

«И где же быть нашему Лешеньке, как не там! Поезжай!» — приказала она дочери.

И Нина поехала. Она неделю жила в поселке Александровка, была у ворот тюремной больницы, ее впустили даже во двор, где прогуливались ходячие больные. Говорила с врачами. Видела в поселке многих бывших надзирателей, говорила с ними. И конечно, ничего не узнала о судьбе брата. Она не привезла и никаких надежд на новые поиски.

Но Дарья Ивановна по-прежнему верит, что сын ее жив и она еще увидит его. Силу материнской любви воспели великие писатели и поэты человечества. Я не сомневаюсь, что любовь Дарьи Ивановны Бубновой к своему сыну — один из ярчайших примеров такой великой материнской любви.

И вместе с тем я не могу не думать о том, сколько прекрасных матерей и сестер, жен и детей оплакивают смерть несчастных жертв сталинского произвола. Им отказано даже в праве посещать могилы своих сыновей, братьев, мужей и отцов. Или произвести перезахоронение... Я знаю один факт, когда расстрелянному в 1950 году С. А. Лозовскому, бывшему заместителю министра иностранных дел, в прошлом руководителю Профинтерна, в Москве на Новодевичьем кладбище установлен памят-

ник. Но это сделано по ходатайству его дочери Веры Дридзо, много лет работавшей секретарем у Надежды Константиновны Крупской и написавшей книгу о ней, и ее мужа Михаила Абрамовича Шамберга, работавшего много лет, до 1950 года, зав. орготделом ЦК ВКП(б).

Слава тебе, все испытавшая и все выносящая многострадальная мать! Время придет, и на безымянных могилах сынов твоих будут поставлены памятники. А великая ленинская правда засияет над всей многострадальной землей нашей.

Август — сентябрь 1972 г.
г. Пушкин

Публикация Л. И. Куприяновой

В АППАРАТЕ Н. А. ВОЗНЕСЕНСКОГО

К. Ф. ВИНОГРАДОВ

Константин Федорович Виноградов родился в 1913 году в многодетной крестьянской семье. В 1938 году с отличием окончил Московский химико-технологический институт имени Д. И. Менделеева. Работал в Научно-исследовательском институте Наркомата боеприпасов, на заводе. С января 1943 года — в аппарате Совнаркома СССР. В период Великой Отечественной войны занимался подготовкой решений Государственного комитета обороны и правительства по обеспечению Красной Армии боеприпасами, а химической промышленности — стратегическим сырьем. После войны принимал участие в разработке решений правительства о восстановлении и дальнейшем развитии черной и цветной металлургии, химической промышленности. Несколько лет работал в аппарате Бюро Совнаркома (Совмина) СССР по металлургии и химии, руководителем которого был член Политбюро ЦК ВКП(б), первый заместитель председателя СМ СССР Н. А. Вознесенский. После «ленинградского дела» К. Ф. Виноградов работал начальником отдела, заместителем начальника Управления по науке и технике Министерства химической промышленности СССР. Сейчас — персональный пенсионер союзного значения. Живет в Москве.

У занимавшего несколько важных государственных постов Николая Алексеевича Вознесенского было три отдельных секретариата и, стало быть, три заведующих секретариатами. Аппаратом первого заместителя Председателя Совета Министров СССР ведал Василий Васильевич Колотов (автор книги «Николай Алексеевич Вознесенский»). К нему стекалась корреспонденция. Он направлял ее в соответствующие рабочие группы либо готовил резолюции нашего общего начальника. Был свой секретариат у Вознесенского как председателя Госплана СССР. Заведующим секретариатом Бюро по металлургии и химии при Совмине СССР, которым тоже руководил Вознесенский, был я. В мои обязанности входили просмотр и визирование бумаг, подготовленных в группах для председателя, ведение протоколов заседаний Бюро и т. д. В состав нашего Бюро назначались несколько освобожденных членов (П. Ф. Натаров, Ю. Н. Кожевников, профессор А. Г. Касаткин и Силуянов, представлявший Госплан СССР) и министры: И. Ф. Тевосян (черная металлургия), П. Ф. Ломако (цветная), М. Г. Первухин (хими-

© К.Ф. Виноградов, 1990

ческая промышленность), И. И. Малышев (геология), Т. Б. Митрохин (резиновая промышленность), П. А. Юдин (строительство предприятий тяжелой промышленности), М. Суков — Главное управление кислородной промышленности при СМ СССР. Приглашались руководители и других ведомств.

До моего назначения заместителем заведующего его секретариата я Николая Алексеевича ни разу не видел. А слышал разное. Говорили, что он был умнейшим человеком в Совете Министров СССР (и не только там), что суров до грубости и требователен до жесткости, что ему завидовали и его побаивались все другие заместители предсовмина, что он терпеть не мог болтунов, а уж вранья не переносил вовсе... В справедливости и того, и другого, и третьего я убедился в первые же дни работы с ним. И даже несколько раньше. До меня секретариатом руководил генерал-майор М. И. Чертков. В пятницу после очередного заседания Бюро (обычно оно проводилось по вторникам) Вознесенский поручил ему разослать подписанный им протокол в воскресенье, документ же пошел в рассылку лишь утром следующего дня. Председатель Бюро вызвал Черткова к себе и без обиняков заявил: «В ваших услугах я больше не нуждаюсь». Моисея Исааковича уволили из аппарата Совмина СССР.

Я поначалу тоже попал впросак. В назначенный для наших докладов час с полной охапкой подготовленных нами документов я переступил порог кабинета своего нового начальника. Кто видел Николая Алексеевича близко, тот помнит — выглядел он, для академика и руководителя такого ранга, довольно-таки моложаво: в непокорной шевелюре ни одного седого волоса, никакого животика, хотя спортом он явно не занимался, выражение лица не свирепое — скорее добродушное... Как говорится, располагал с первого раза. Вот и я — расположился... Положил ему свою охапку на стол, стою, молчу — расслабился. Он тоже молчит. И вдруг тихий рык: «Что это вы стоите, как телеграфный столб?..» Та́к это было сказано, что с тех пор я с разбегу бросался в мягкие кожаные кресла...

И вот начинается моя первая «каторга». Он читает документы, коротко бросает вопросы. Я должен ловить их на лету — переспрашивать нельзя — и точно, по памяти, отвечать на каждый. Одна бумага вывела его из себя. Я и сейчас помню — речь шла об окладах директорам строящихся, но еще не работающих заводов. Делая выкладки карандашом, он подвел меня к тому, что перед ним сидит... ну, если уже и не полный, а все же дурак — так

можно было судить и по его словам, и по выражению лица.

Памятен и еще случай. Конкретное содержание подготовленной мною бумаги не вспоминаю, но сцена, как сейчас, перед глазами. Рассерженный, он швырнул документ на пол (я успел его подхватить) и тут же потребовал от меня положить ему на стол партийный билет. Сам удивляюсь, но на этот раз я проявил храбрость, заявил ему: «Понимаю, что вы — член Политбюро. Но и член Политбюро должен знать и соблюдать Устав партии — билет я могу отдать лишь тому, кто мне его вручил...» Он меня выгнал. В приемной девушки-машинистки, с ходу заметив нелады с сердцем (не раз наблюдали такое), уложили меня на кушетку и вызвали неотложку. В кремлевской больнице меня продержали десять суток.

И опять характерная деталь. Снова шагаю с охапкой накопившихся бумаг к его кабинету. Начальник охраны Вознесенского, полковник, шутя грозит мне кулаком: «Замучил нас из-за твоего драгоценного здоровья Николай Алексеевич: каждый день, утром и вечером, требовал справку...» Я привычно плюхаюсь в кресло. Вознесенский мне кивает и углубляется в документы. Ни слова об инциденте...

Я не сообщаю сенсаций — пишу о вполне обыденных нравах в тогдашних коридорах власти. Они распространялись не только на аппарат, но и на весьма высокопоставленных сановников. Редкое заседание Бюро обходилось без острых сшибок участников. В выражениях, как правило, не стеснялись. Помню, например, как обсуждали проект постановления Совнаркома СССР о восстановлении завода «Запорожсталь». Докладывали нарком И. Ф. Тевосян и начальник строительства Дымшиц. Присутствовали многие наркомы, в том числе и финансов — Арсений Григорьевич Зверев. Он все время подавал реплики: денег нет, денег нет и т. д. И вдруг последовала изумительная реакция Николая Алексеевича: «Вы нам мешаете работать. Идите и подождите в приемной — когда вы понадобитесь, мы вас пригласим...» Наркому-то...

Мне не хотелось бы создавать в лице моего бывшего знаменитого начальника образ эдакого грубого бурбона. В других обстоятельствах он умел быть и снисходительным, и даже, как говорится, милым. Он явно любил, например, постоянного члена Бюро профессора А. Г. Касаткина. И было забавно-трогательно наблюдать порой необычный характер такого отношения. Дело в том, что профессор позволял себе совершенно нетерпимую в на-

шем Бюро вольность: если обсуждавшийся вопрос его не касался, он начинал... дремать. Это при Вознесенском-то! Но от Николая Алексеевича слышалось в такие моменты только слегка укоризненное: «Касаткин, спишь?» В конце концов, наш профессор стал сам подставлять себе под подбородок остро отточенный карандаш...

Вознесенский и с нами общался иногда просто, по-товарищески. И даже озоровал. Припоминается такой эпизод. Из кабинета Николая Алексеевича можно было выйти либо через приемную, где все время дежурили охранники, либо прямо в коридор. Там охранников не было, но стоило эту дверь открыть, как в приемной немедленно срабатывала сигнализация. Не знаю, что уж там придумал Николай Алексеевич (может, так и случайно получилось), но мы с ним вышмыгнули в коридор незамеченными и, очень довольные этим обстоятельством, отправились в Госплан СССР пешком и без надоедливого сопровождения. Погода стояла великолепная, солнечная. Николай Алексеевич в светлом расстегнутом костюме и без головного убора был по-простому раскован, доброжелателен, оживлен. Очень забавлялся промашкой своих охранников, изображал в лицах, как они будут оправдываться перед начальством. А еще больше развеселился, искренне удивясь, когда, открыв дверь своей госпланов-ской приемной, увидел осуждающие физиономии своих неотступных стражей — обошли они нас...

Кажется мне, что это и было как раз в канун самого начала трагического отрезка его жизненной судьбы.

...Как правило, мы работали до 3—4, а иногда и до 5 часов утра, и только по средам, когда проходили заседания Политбюро (они начинались в 22 часа), мы могли уходить домой около 23. И вот 9 марта 1949 года в 22 часа 45 минут раздается звонок «вертушки». Снимаю трубку, отзываюсь — молчание. Ну, Вознесенский, значит,— это его манера выдерживать томительную паузу, прежде чем что-либо сказать: «Зайдите...»

В кабинете еще мой коллега Василий Васильевич Колотов. Николай Алексеевич возбужденно расхаживает и на ходу сообщает мне, что на заседании Политбюро его освободили от всех занимаемых должностей. Я так и застыл с полуоткрытым ртом, а он, отдав нам ключи от сейфа, предложил тут же забрать и проверить числившиеся за нами секретные документы. Потом он попрощался и вышел. Больше мы его не видели и даже вслух не вспоминали: в нашем кругу воцарился молчаливый закон — ни слова о Вознесенском.

Вокруг, конечно, шептались, строили различные версии. Сейчас многое прояснилось в более определенном смысле. Но я все-таки хочу сохранить то, что предполагалось нами тогда,— возможно, и не без оснований.

Помимо множества других обязанностей, я должен был третьего-четвертого числа каждого месяца подготавливать за подписью Н. А. Вознесенского короткую (полторы страницы машинописного текста) докладную на имя Сталина о выполнении планов по важнейшим видам продукции теми министерствами, которые курировались нашим бюро. Получив нашу докладную за февраль 1949 года, Сталин, как обычно, написал резолюцию: «Разослать членам Политбюро». Так, один экземпляр докладной попал к Кагановичу, который был тогда председателем Госснаба СССР. Он-то и усмотрел в ней, что министерства, подведомственные Н. А. Вознесенскому, планы за февраль выполнили и даже, по некоторым показателям, перевыполнили, а те, что курировались другими заместителями Председателя Совета Министров СССР, его по многим статьям провалили. Февраль вообще был всегда трудным месяцем для промышленности.

Каганович сделал вывод: будучи еще и председателем Госплана СССР, Н. А. Вознесенский «своим» министерствам план занизил, и из-за этого у Госснаба появились трудности в обеспечении народного хозяйства черными и цветными металлами, химическими продуктами... Председатель Госснаба написал Сталину докладную на Вознесенского, но подписать ее поручил своему заму Помазневу... Политбюро поручило Берии и Кагановичу (так у нас говорили тогда) провести соответствующее расследование. Тут Николаю Алексеевичу «прицепили» еще и набиравшее ход «ленинградское дело» (мы о нем, правда, ничего не знали). Исход известен.

...Два месяца наш секретариат (два моих зама, четырнадцать секретарей и машинисток) фактически не работал — нами не интересовались. Мы просто приходили, отсиживали и уходили домой. Я шел на свою Большую Калужскую (ныне Ленинский проспект) и все время оглядывался — не следят ли...

Через два месяца Бюро передали В. М. Молотову, но мы с ним проработали не больше полугода: Бюро разделили пополам, и я оказался зав. секретариатом Бюро у И. Ф. Тевосяна.

Когда Николая Алексеевича убили, положение наше резко осложнилось. (Помню, иду из одного кремлевского здания в другое, а встречный знакомый меня «приветст-

вует»: «Привет! Ты еще жив?..») Приятель мой Баулин, работавший в отделе кадров, доверительно предупредил: всех, кто сотрудничал с Н. А. Вознесенским, приказано уволить. Вскоре все это сбылось. В. В. Колотова с семьей выселили из квартиры, а самого его отправили в Старую Руссу. Нас из двухкомнатной квартиры тоже выставляли с милицией — переселили в комнату в коммунальной квартире, где проживало еще шесть семей.

Потом турнули с работы. Без милиционера, но зато с сотрудником госбезопасности. Как-то вечером меня вызвал новый (вместо Я. Е. Чадаева) управляющий делами Совета Министров СССР — тот самый Помазнев. Иду к нему по коридору, а впереди, в том же направлении, заведующий секретариатом Берии полковник Г. А. Ордынцев (потом ему дали 15 лет, а Помазнева выслали — то ли в Рязань, то ли в Пензу). Оказалось, что и Ордынцев — по мою душу. Помазнев, сославшись на какую-то смехотворную причину (о Вознесенском ни слова), объявил, что «вынужден» меня уволить. Тут же они с Ордынцевым предложили устроить меня куда-нибудь «вне Кремля»: иначе, дескать, кто вас возьмет «после такого». Но я — сам себе удивлялся — вдруг заартачился: вокруг меня, заявил, много хороших людей-химиков — без работы не оставят... «Пожалеете» — это последнее, что я от них услышал. На следующее утро в Кремль меня не пустили, а солдат отобрал пропуск...

Потребовалось два месяца хождения по добрым людям, прежде чем министр химической промышленности СССР Сергей Михайлович Тихомиров принял меня (с соизволения «органов» или выше) в свое министерство. Но это уже моя, отдельная от судьбы Н. А. Вознесенского, жизненная и трудовая дорога.

А о судьбе Николая Алексеевича Вознесенского хочется заключить: он был человеком и политическим деятелем сталинской эпохи, но умнейшим и талантливейшим. Это его и погубило. Завистники и интриганы в сталинском окружении мечтали устранить и уничтожить его и, к сожалению, своего добились.

ЛЮДИ «ЛЕНИНГРАДСКОГО ДЕЛА»

ЛЕВ СИДОРОВСКИЙ

«Я был большевиком и останусь им. Какой бы приговор мне ни вынесли, история нас оправдает...» — так, рассказывают, истерзанный Кузнецов заявил на подлом судилище, в своем последнем слове.

Готовя очерки о «ленинградском деле» для ленинградской молодежной газеты «Смена», перелистывая разные архивные документы, встречаясь с родными и близкими тех, кто стал жертвой мерзкого побоища, разговаривая с чудом выжившими, я не мог забыть эти горькие и одновременно полные веры в правду, в справедливость слова большевика перед казнью...

ВОЗНЕСЕНСКИЕ

«Это было бы неправдой, если бы я сказал, что этот человек, которого я видел впервые, мне понравился, как говорится, лег на душу. Было другое: он запомнился мне не потому, что понравился, а потому, что чем-то удивил меня, видимо, тем, как резковато и вольно он говорил, с какой твердостью объяснял, отвечая на вопросы Сталина, разные изменения, по тем или иным причинам внесенные в первоначальные решения Комитета по премиям в области науки и техники, как несколько раз настаивал на своей точке зрения — решительно и резковато. Словом, в том, как он себя вел там, был некий диссонанс с тональностями того, что произносилось другими,— и это мне запомнилось...» — так вспоминает о Николае Вознесенском Константин Михайлович Симонов.

Где же, в чем же истоки этого незаурядного характера, этой сильной личности? Мне довелось встретиться с сестрой Николая Алексеевича Валентиной Алексеевной, с другими его родными, близкими. Из их рассказов с новыми подробностями и новой болью представала высокая и трагичная судьба Вознесенских.

© Лев Сидоровский, 1990

Это была удивительная семья. Выходцы из глухого угла в Тульской губернии, интеллигенты, как говорится, в первом поколении, они вдруг раскрыли себя столь могуче и ярко, что все, кто их знал, только дивились. Красивые, сильные, благородные люди, они стали жертвами «ленинградского дела»: из четырех братьев и сестер Вознесенских троих лишили жизни. И престарелую маму их постигла та же доля. Впрочем, всем родным, всем близким выпало крепко хлебнуть лиха: их было двадцать один, так или иначе прошедших по кругам ада,— вот такой счет может предъявить эта семья сталинскому беззаконию...

Как уже сказано, родом они с тульской земли, из села Теплого. Отец, Алексей Дмитриевич, работал младшим приказчиком у лесопромышленника. Мама, Любовь Георгиевна, занималась домашним хозяйством. В 1898-м родился первенец, Александр, в 1901-м — Мария, в 1903-м — Николай, в 1905-м — Валентина. Думая о будущем детей, об их образовании, родители перебрались в уездный городок Чернь. Конечно, хорошо, что здесь была школа, что можно было учиться, но по рукам и ногам вязала беспросветная нужда. Окончательно надорвав и без того слабое здоровье, ушел из жизни отец. Пришлось старшим из ребятишек самим на хлеб зарабатывать...

Чудом сохранилось несколько старых снимков. Например, вот этот: у стола — взрослые парни и девчата, а один среди них по виду — совсем мальчишка. Круглые щеки, пухлый рот... Однако взгляд внимателен и даже строг. Под фотографией подпись: «Члены укома комсомола Чернского уезда Тульской губернии». Может, все-таки случайно затесался в эту компанию мальчик с таким серьезным взглядом? Не случайно. Более того, он здесь самый главный: секретарь укома шестнадцатилетний большевик Николай Вознесенский.

Взрослел стремительно, успевал много... К примеру, только организовалась в уезде молодежная газета «Юный коммунист», а Николай уже ее редактирует, одновременно пишет статьи, достает бумагу, работает в типографии (обучился этому раньше), даже находит время, чтобы самому распространять по селам свежие номера. Открылся молодежный клуб — и среди его инициаторов, строителей и артистов самодеятельного театра тоже секретарь укома... Он был, безусловно, талантлив. Именно поэтому ко-

мандировали Вознесенского на учебу в Москву, в Коммунистический университет имени Свердлова. И приняли его туда — из-за малого возраста в порядке исключения — по решению ЦК РКП(б).

Учился истово. Среди главных книг — Маркс, Энгельс, Ленин... Среди лекторов, которых запомнил навсегда,— Дзержинский, Луначарский, Куйбышев...

Затем — направление в Донбасс, в Енакиево, где на металлургическом заводе возглавил партком. Ум, хватку, демократизм, порядочность двадцатитрехлетнего секретаря рабочие оценили быстро. А еще увидели однажды, на отдыхе, как лихо плясал он «русского»! В другой раз на праздничном вечере спел арию из оперы «Паяцы». Кто-то воскликнул: «Изумительный тенор! Вам бы в Большой театр!» Вознесенский возразил: «Ну нет, петь — это только удовольствие, а вот дело, которым я занят, приносит настоящую радость...» И добавил лукаво: «Может быть, потомки когда-нибудь поставят нам, политработникам, монумент и напишут на нем: „Партийному работнику докоммунистической эпохи“...»

Здесь встретил Машу Литвинову... Вместе переселились в столицу, где Николай уже занимался в Институте красной профессуры, а она поступила во Второй Московский университет. Вскоре появилась и дочь Майя...

В двадцать восемь лет он уже партийный работник с широким политическим и научным кругозором. Глубокий анализ проблем советской экономики, содержавшийся в его многочисленных публикациях, привлек внимание ЦК. Председатель Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б), нарком Рабоче-Крестьянской Инспекции СССР Ян Эрнестович Рудзутак предложил Вознесенскому работу в сводной группе планирования и учета ЦКК ВКП(б) — НК РКИ. И Рудзутак, и Куйбышев его деятельность на этом посту оценили высоко. В 1934-м на XVII съезде партии Вознесенский был избран в Комиссию Советского Контроля при Совнаркоме СССР. Затем ЦК направил Николая Алексеевича в Ленинград — для руководства городской плановой комиссией.

Старые сотрудники Ленгорплана вспоминают, что с приходом Вознесенского некоторым из них пришлось впервые по-настоящему окунуться в хозяйственную жизнь города, ощутить ее не через колонки цифр и скупые строки документов, а непосредственно, зримо, во всех тонкостях... Невольно стали равняться на своего беспо-

койного и дотошного руководителя, который то спешил на строительство школы, то выяснял на месте, почему Кировский универмаг не выполнил план товарооборота, то решал, как снять трамвайный путь с Невского проспекта...

Но на невских берегах Николай Алексеевич пробыл недолго. Очередное назначение: председатель Госплана СССР.

И опять трудно сдержать удивление: такой пост в тридцать четыре года, в столь «невнушительном» возрасте! Но не буду предаваться подобным эмоциям, тем более что сам Николай Алексеевич по этому поводу сказал достаточно определенно: «Возраст коммуниста — это не просто количество лет, а сумма дней, часов и минут, полностью отданных делу партии».

Что ж, «сумма дней, часов и минут» тех, одиннадцати предвоенных, военных и послевоенных — в общем, очень не простых лет, когда Вознесенский возглавлял экономический штаб страны, составила лучшую часть его короткой, но удивительно насыщенной жизни. Забота о научной организации социалистического планирования, способность вовремя подметить зарождение новых явлений в экономике, высокая эрудиция, умение систематически, изо дня в день, работать с огромным напряжением, исключительная дисциплинированность — все это черты председателя Госплана...

Еще в довоенные годы Вознесенский развернул большую работу по налаживанию комплексного планирования в экономических районах страны, сочетанию отраслевого и территориального планирования, использованию в этом балансового метода. Тогда не все из задуманного можно было осуществить, не во всем удавалось убедить Сталина, что, конечно, сказывалось на качестве планов. И все же на базе схемы Вознесенского Госплан впервые стал разрабатывать баланс народного хозяйства как самостоятельный раздел и органическую часть народнохозяйственного плана.

При нем был образован Совет научно-технической экспертизы Госплана, объединявший наиболее авторитетных представителей науки и техники, для всесторонней оценки крупнейших проектов. Николай Алексеевич стремился сомкнуть работу Госплана и научных учреждений. Доктор экономических наук, он был избран действительным членом Академии наук СССР.

Да, это был незаурядный человек. Во имя огромных забот, которые легли на его плечи, на все одиннадцать лет отказался от отпусков, время сна свел к минимуму. Не прощал невежества, недобросовестности. Говорил: «Не люблю дураков и лентяев».

В годы Великой Отечественной под его руководством в кратчайший срок возник государственный военно-хозяйственный план развития военно-промышленной базы в восточной части страны, сосредоточения здесь эвакуированной промышленности, создания кузницы будущей Победы. Он был заместителем Председателя Государственного Комитета Обороны СССР, представлял в Куйбышеве Совет Народных Комиссаров СССР и руководил работой эвакуированных на восток наркоматов, прежде всего — авиационной и танковой промышленности, вооружения, черной металлургии, боеприпасов. В 1943-м его ввели в Комитет при СНК СССР по восстановлению хозяйств в районах, особожденных от немецко-фашистской оккупации...

Пробил час Победы, и безо всякой передышки засел Вознесенский за разработку четвертого пятилетнего плана. Вскоре его избирают членом Политбюро Центрального Комитета партии. С большим интересом был встречен его фундаментальный труд «Военная экономика СССР в период Отечественной войны». Работал воистину вдохновенно. А дома Николая Алексеевича — всякий раз далеко за полночь — ждали Мария Андреевна, Майя, Наташа... И вдруг...

Бывший помощник председателя Госплана СССР Василий Васильевич Колотов вспоминает:

«Пятого марта 1949 года случилось неожиданное, невероятное: Николая Алексеевича Вознесенского сняли с поста первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, председателя Госплана СССР и освободили от всех других руководящих должностей, которые он занимал в Советском государстве. Далее Сталин подписал решение о выводе его из состава Политбюро ЦК ВКП(б), а затем об исключении из членов ЦК ВКП(б). Партия и народ были в неведении.

На другой день, в восемь утра, меня разбудил телефонный звонок. Николай Алексеевич просил срочно явиться к нему в Кремль. Удивленный до предела, не выспавшийся, так как пришел с работы в пятом часу утра (дожидался Вознесенского от Сталина, да так и не дождал-

ся), поспешил в Кремль. Николай Алексеевич, не ответив на приветствие (это было впервые), сказал: «Забирай все документы из шкафа и сейфа, я здесь больше не работаю». Затем он попросил принести рукопись книги «Военная экономика СССР в период Отечественной войны», правленную и подписанную Сталиным, и другую — «Политическая экономия коммунизма», в двух экземплярах. Эти рукописи хранились у меня в сейфе. Положив их на правую сторону своего письменного стола, Николай Алексеевич достал блокнот. Написал записку, вырвал ее из блокнота и, подавая мне, сказал: «Прочти». Я стал читать. Записка была адресована Сталину. Вознесенский клялся, что он всегда был честен перед партией и народом и никогда ни в чем не обманывал их. По его поручению я отнес записку в секретариат Сталина.

Когда вернулся, Николай Алексеевич спросил: «А ты сумеешь найти себе работу?» Я ответил: «Да». Но, как показали дальнейшие события, этот ответ был поспешным. Вознесенский простился и ушел из Кремля, захватив с собой рукописи обеих книг...

Мучительно медленно потянулись дни. Николай Алексеевич сидел дома и продолжал работать над книгой «Политическая экономия коммунизма». По самому названию рукописи и ее объему можно судить, как далеко вперед пытался заглянуть Николай Алексеевич. И если учесть, что Вознесенский написал такую многообещающую книгу, когда его мысли, казалось, должны были быть поглощены только одним — как бы уцелеть от расправы, то без преувеличения можно сказать, что он совершил партийный и научный подвиг.

Развязка наступила в один из дней глубокой осени: вошли двое военных, один сел за письменный стол и начал выбрасывать содержимое ящиков на пол. С нескрываемым пренебрежением швырнул записные книжки Вознесенского, а также его ордена. Разделавшись с ящиками стола, человек подошел к столику, где около пишущей машинки лежала рукопись книги «Политическая экономия коммунизма»...

Рукопись этой книги исчезла навсегда...»

Почему же Сталин все-таки поверил подлому навету Маленкова? Ведь талант Николая Вознесенского, которого даже враги величали «глыбой ума», он ценил, и известно, что последние полтора года постоянно приглашал Николая Алексеевича к себе на дачу для обсуждения различных экономических вопросов. Сохранилось даже свидетельство сталинского признания о том, что Возне-

сенский был единственным человеком, который понимает толк в управлении страной...

Еще раз обратимся к воспоминаниям Константина Симонова:

«...Тридцатью годами позже того заседания, на котором поведение Вознесенского привлекло мое внимание, один из тогдашних министров — Иван Владимирович Ковалев... вспомнил, как... услышал от Сталина одобрительные слова о Вознесенском:

— Вот Вознесенский, чем он отличается в положительную сторону от других заведующих?— Как объяснил мне Ковалев, Сталин иногда так иронически, «заведующими», называл членов Политбюро, курировавших деятельность нескольких подведомственных им министерств.— Другие заведующие, если у них есть между собой разногласия, стараются сначала согласовать между собой эти разногласия, а потом уже в согласованном виде довести до моего сведения. Даже если остаются несогласными друг с другом, все равно согласовывают на бумаге и приносят согласованное. А Вознесенский, если не согласен, не соглашается согласовывать на бумаге. Входит ко мне с возражениями, с разногласиями...»

Почему же Сталин все-таки поступился и этой жизнью? Опять сыграла роль его чрезвычайная подозрительность? Поверил клевете, будто бы Вознесенский сознательно занизил план первого квартала 1949 года?.. Может, вспомнил еще, как недавно выступил председатель Госплана против сталинского предложения обложить крестьян новым непосильным налогом? А может, пришел ему на память 1938-й, когда Вознесенский не позволил изъять из Госплана ни одного человека... Кто знает...

А старший брат Николая Алексеевича, Александр Алексеевич Вознесенский, в это время уже находился в Лефортовской тюрьме. Бывший депутат Верховного Совета СССР, бывший министр просвещения РСФСР, бывший профессор Ленинградского университета, его знаменитый ректор...

Конечно же, знаменитый — ну, например, какого еще ректора в известном здании Двенадцати коллегий и до, и после Александра Алексеевича студенты да и преподаватели называли так любовно: «отец», «папа», «батя»... Сам он это славное заведение, по факультету общественных наук, закончил в двадцать третьем и был оставлен для научной и преподавательской работы. Однако

бурная общественная и научная деятельность Вознесенского началась задолго до того: ведь не раз уже избирался депутатом Петросовета; и уполномоченным Наркомпроса в Педагогическом институте состоял; и в Университете секретарем президиума факультета общественных наук являлся. А когда получил диплом, стал преподавать сразу в нескольких высших учебных заведениях: в Ленинградском институте истории, философии, литературы и Институте красной профессуры, в Юридическом и Военно-морской академии. Причем во всех вузах не только вел семинары и читал лекционные курсы, но и заведовал кафедрами политической экономии. И, кстати, уже в первых своих печатных публикациях проявил себя как большой знаток не только теоретических проблем, но и методологии науки, а также методики ее преподавания.

Сам Александр Алексеевич лектором был блистательным! Мне рассказывали: афиши о его публичных лекциях в городе привлекали порой больше, чем даже те, что извещали о гастролях Лемешева или Козловского; ну а уж когда читал о «Капитале» Маркса студентам, в просторном Актовом зале яблоку негде было упасть, желающие со всех факультетов места занимали заранее.

Обратимся в связи с этим к воспоминаниям профессора ЛГУ Сергея Ивановича Тюльпанова:

«Кто подсчитает, сколько тысяч слушателей Александра Алексеевича Вознесенского (а он прочитал полторы тысячи публичных и пять тысяч учебных лекций!) сохранили в сердцах его слово и, главное, сквозь десятилетия пронесли полученные с его помощью знания и веру в торжество нашего великого дела? И если сегодня капитан первого ранга говорит, что он навсегда запомнил лекции по политэкономии, которые слушал полвека назад в Военно-морской академии, и на всю жизнь полюбил эту науку, то можете быть уверены — речь идет о Вознесенском. И если вы услышите рассказ о том, как к преподавателю подошел вчерашний рабочий парень, сегодняшний студент Университета, и сказал: «Товарищ профессор, после вашей лекции хочется взять дубину и с ней пойти на капитализм!» — это тоже рассказ об Александре Алексеевиче... Его лекции были «пиршеством мысли», он умел насытить своих слушателей таким зарядом бодрости, что лекции ощущались ими не только как торжество идей, но и как праздник чувств...»

Возглавить столь знаменитый университет — это, конечно же, для всякого не только почетно, но и, наверное,

очень приятно. Однако Александру Алексеевичу столь приятная миссия выпала в совсем особое время: летом сорок первого, в канун блокады. И вряд ли в те дни на такой пост можно было предложить кандидатуру более подходящую... Именно благодаря ему первого сентября Университет начал свой военный учебный год. И потом в ту холодную, голодную зиму, в промерзших аудиториях, при свете коптилок, с забитыми фанерой окнами, без воды здесь по примеру ректора не опускали руки: учили и учились, и вели научную работу по военной проблематике, и тушили на крыше зажигалки, и приходили, чтобы помочь, в госпитали... В нижнем этаже главного здания сурово зияли глазницы амбразур, а наверху, в нетопленном Актовом зале, ученый совет слушал доклад ректора о Владимире Ульянове в Петербургском университете.

С каждым днем жестокая дистрофия все больше валила с ног, и тогда обессилевшего помещали в так называемый «стационар», где хлебная пайка была чуть больше и от печурки тянуло теплом,— спасительный стационар появился тоже благодаря ректору...

Весной сорок второго ему удалось эвакуировать родной коллектив на Волгу, и там, сам страшно осунувшийся, но все такой же энергичный и решительный, возглавил уже два университета — Ленинградский и Саратовский... В сорок четвертом возвратились домой...

Он снова великолепно читал лекции. Он создавал в любимом своем доме новые кафедры, открывал новые факультеты, научно-исследовательские институты, лаборатории. Он привлекал сюда первоклассные научные силы, добиваясь оптимальных условий для их вдохновенного творчества. Ну а о том, какой это имело эффект, судите сами: только в 1946-м на выборах в Академию наук СССР шесть ученых ЛГУ стали академиками! Девятнадцать — членами-корреспондентами!

Любой студент мог прийти к нему с любым вопросом. Впрочем, ректор и сам спешил в студенческое общежитие. Особенно волновали его те, кто вернулся с фронтов Великой Отечественной, кто утратил там здоровье. Дополнительное питание, материальная помощь, ручные часы, подаренные без исключения всем недавним фронтовикам,— все это тоже были заботы его, ректора. Энергично наводил в своем огромном хозяйстве порядок, чистоту — сам неизменно подтянутый, аккуратный и очень красивый: серебристая седина (она появилась в 1937-м, когда арестовали сестру) над всегда молодым лицом, светлые, искрящиеся глаза...

А забот в университетском хозяйстве после войны хватало: нужно восстанавливать то, другое, третье, средства — в обрез. Где их взять? Однажды не выдержал, по-родственному обратился за помощью к председателю Госплана. Потом, поведав об этом на ученом совете, хитро улыбнулся: «Деньги будут! Брат обещал...»

Частенько в сложной ситуации выручало чувство юмора. Например, рассказывают: один профессор все ходил и ходил к нему, выбивая деньги на какое-то, откровенно говоря, довольно-таки второстепенное исследование, а с «лишними» деньгами в ту пору было совсем плохо. Однако профессор в своих домогательствах не отступал. Так вот однажды, увидев в очередной раз приближающегося просителя, секретарша ворвалась в кабинет ректора с паническим криком: «Он идет!» — и Александр Алексеевич, не долго думая, через подоконник (благо, первый этаж) перемахнул в палисадник. Настырный проситель потом все никак не мог понять, куда исчез Вознесенский, который за мгновение до того был на своем месте.

Александр Алексеевич стал одним из инициаторов создания Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, а затем возглавил его ленинградское отделение. И в созидании Общеславянского комитета участвовал активно. И обязанности депутата Верховного Совета СССР выполнял с полной мерой ответственности. И при всех своих высоких регалиях оставался все таким же простым, естественным, доступным. А время, увы, было суровое: официальное недоверие к людям, столь страшно проявившееся в предвоенные годы, снова начинало обретать жуткую силу, и Вознесенский по-своему пытался этому противостоять. Но мог он далеко не все и далеко не всегда. Вспоминают, к примеру: когда «высочайшим повелением» выгоняли из Университета как «космополита» замечательного профессора Эйхенбаума, Александр Алексеевич демонстративно крепко пожал ученому руку и громко сказал: «Ваша школа и ваше имя в этих стенах не-зы-бле-мы!»

Ленинградский университет для Вознесенского был всем, и уезжать в Москву, пересаживаться в министерское кресло ему очень не хотелось.

Когда Николаю Алексеевичу как члену Политбюро ЦК ВКП(б) прислали на согласование проект решения о назначении министром просвещения РСФСР Александра Алексеевича Вознесенского, он набрал номер внутренне-

го телефона: «Зачем вы срываете моего брата с интересной для него работы? Разве это партийный подход к подбору кадров? Прошу доложить товарищу Сталину, что категорически протестую против этого назначения». Однако с его мнением не посчитались...

Профессор Ленинградского финансово-экономического института, доктор экономических наук Эрнест Александрович Вознесенский вспоминает:

— Жили мы в Москве в знаменитом так называемом Доме правительства — отец, старший брат Лев (он успел уже побывать на фронте) и я. Летом сорок девятого отца неожиданно освободили от высокого поста. Узнав в эти же дни об аресте сестры, он решил ее защищать. Благоразумцы увещевали: «Что ты делаешь? Сам на волоске!» Отвечал: «Не могу жить подлецом, чем бы мне это ни грозило». Но что-либо изменить в судьбе Марии был уже бессилен... Однажды сказал старшему сыну: «Что бы со мной ни случилось, помни всегда: перед партией и государством я не виновен ни на йоту». Ожидая решения своей судьбы, уехал к морю. Там его и арестовали... А к нам пришли ночью, предъявили ордер на обыск, перерыли все вверх дном, забрали все бумаги, орден Ленина, фотографии, опечатали все комнаты, кроме одной... (Во время обыска удивлялись: «Ни золота, ни денег, ни машины, одни книги — разве это министр?..») После той ночи мы с братом чуть ли не ежедневно ходили по печально известному тогда адресу, на Кузнецкий мост, писали в защиту отца десятки заявлений, но в ответ слышали лишь одно: «Следствие продолжается...» Брата забрали спустя четырнадцать месяцев, 19 октября, меня — назавтра. Дальше — внутренняя тюрьма НКВД. На первом допросе, когда следователь по особо важным делам полковник Еломаев потребовал от меня рассказа о преступной деятельности Александра Вознесенского, я ответил: «Каждому советскому человеку могу пожелать быть таким же настоящим большевиком, как мой отец...»

А старший сын, Лев, услышав от следователя: «Защищаешь отца? Ну и крупный же ты враг Советской власти!», не смог скрыть улыбки. Тот разъярился: «Смеешься! Твой отец тоже больше года смеялся нам в лицо, когда мы называли его «врагом народа». Теперь отсмеялся...»

Так сын понял, что случилось самое страшное...

Дальше младшему, Эрнесту, выпало четыре месяца одиночки Лефортовской тюрьмы, Воркута, а Льву — лагеря Казахстана, Алтая, Сибири... Спустя годы, когда, реабилитированные, они настойчиво выясняли судьбу отца (кстати, старший сын Александра Алексеевича Вознесенского ныне широко известен: по Центральному телевидению выступления кандидата экономических наук Льва Александровича Вознесенского передают часто), им наконец показали те девяносто талонов, по которым Александра Алексеевича раз за разом заточали в карцер. Рассказали, как истязали человека, как Булганин, навестив упрямого узника, топтал его своими маршальскими сапогами, а потом вместе с Берией и Маленковым составил записку: «Товарищ Сталин, по Вашему приказанию Вознесенского допросили и считаем, что он виновен».

Следующая встреча — с сыновьями Марии Алексеевны Вознесенской. Какой они запомнили свою маму? Открытое, доброе лицо, большие серые глаза. Неизменно строгий темный костюм, белая блузка... Знают, что партбилет получила в 1919-м, что окончила в нашем городе Комвуз. Встретила здесь Федора Францевича Визнера, по национальности — чеха, по партийной принадлежности — тоже коммуниста. Работали вместе в Донбассе, потом вернулись в Ленинград. Отец был отличным механиком, мама заведовала в Детском Селе Домом политпросвещения.

В тридцать седьмом злая доля не обошла и ее: по подлому навету была арестована и после десяти месяцев тюремной одиночки приговорена к ссылке в Красноярский край (как раз в те места, неподалеку от Богучан, где томился репрессированный герой романа Анатолия Рыбакова «Дети Арбата»). В дальнее село Климино ее вывезли вместе с детьми (одному восемь лет, другому — три). Вскоре арестовали и отца (от следователя Федор Францевич узнал о себе, что, оказывается, «по заданию одной из иностранных разведок, в МТС выводил из строя трактора»). К счастью, спустя полтора года всех отпустили...

Перед войной Мария Алексеевна заведовала отделом во Фрунзенском райкоме партии, Федор Францевич руководил автобазой. Весной сорок второго, измученная дистрофией, она приехала в Свердловск, куда были эвакуированы женщины и дети из многочисленной семьи Вознесенских. Вскоре ее избрали секретарем Свердлов-

ского горкома партии (ирония судьбы: на посту первого секретаря Свердловского обкома и горкома находился тот самый Андрианов, который, после начала «ленинградского дела», заняв столь же высокое место в Ленинграде, заодно с Маленковым, Берией, Абакумовым тоже сыграл в судьбе Марии Алексеевны и ее товарищей роковую роль).

Федор Францевич воевал под Ленинградом. Был ранен... Потом, инвалид Великой Отечественной, он снова директорствовал на автобазе, а Мария Алексеевна сначала руководила работой Центрального лектория на Литейном, затем возглавила Куйбышевский райком партии.

Владимир Федорович и Евгений Федорович Визнеры вспоминают:

— Маму арестовали двадцать пятого июля, рано утром, на даче. Через месяц нас выселили из квартиры на Чайковского, а еще через некоторое время увезли отца. Затем пришел черед испить и нам горькую чашу: один из нас через Лефортовскую тюрьму проследовал в Казахстан, другой через «Кресты» — в уже знакомый Красноярский край...

Пронзительная деталь: есть сведения, что во время следствия Марии Алексеевне обещали сохранить жизнь при условии, если она даст хоть какое-нибудь показание против братьев. Отказалась.

В большой семье Вознесенских не пощадили никого — даже девятилетнюю Ирочку, даже почти девяностолетнюю Любовь Георгиевну: студеной декабрьской ночью она была спешно отправлена (даже без теплой одежды!) в тот Туруханский край, где «сам» когда-то отбывал ссылку. Такого испытания старая женщина не выдержала...

Вместе с Любовью Георгиевной сослали в Туруханский край и младшую ее дочь... Сейчас сижу я в квартире Валентины Алексеевны, и она рассказывает, как все было тогда... Впрочем, воспоминания ведет с самого начала, с детства.

Например, такой давний случай. Очень хотела вступить в комсомол, но шестнадцатилетний секретарь Чернского укома отказал: «Когда исполнится четырнадцать, тогда и принеси заявление». Валя обиделась: «А еще брат...» Николай отчеканил: «Запомни — здесь нет братьев и сестер по крови, здесь — соратники и товарищи по Союзу. И устав Союза — закон для всех нас...» Или

другой эпизод, тоже касающийся Николая Алексеевича. Произошло это в начале войны. Муж Валентины Алексеевны был партийным работником, и вот, узнав о его родственных связях с председателем Госплана, один крупный чиновник позвонил Вознесенскому: «Николай Алексеевич, есть предложение направить мужа вашей сестры, товарища Евсеева, председателем Куйбышевского облисполкома... Как ваше мнение?» Вознесенский удивился: «Странный вопрос. Непонятно, кем вы являетесь — свахой или ответственным работником? Какое отношение имею я к назначению Евсеева? Лучше поинтересуйтесь мнением парторганизации, где сейчас Евсеев работает».

С Женей Евсеевым Валентина встретилась, когда училась в Политехническом. И сразу — любовь. И трудный путь — рука об руку — двух коммунистов по жизни. И в тяжкой ссылке — тоже вместе, а рядом — их сыновья... Схоронили там Любовь Георгиевну. Не сломились. Выдюжили... И потом еще долго студенты Герценовского слушали лекции кандидата экономических наук, доцента Валентины Алексеевны Вознесенской...

Ленинградский финансово-экономический институт теперь носит имя Николая Алексеевича Вознесенского. Конечно, хорошо, что память о нем сохранена в названии вуза, и все же... И все же так мучительно *надо* родным и близким Александра Алексеевича, Николая Алексеевича и Марии Алексеевны знать, где покоится их прах...

ПЕТР СЕРГЕЕВИЧ ПОПКОВ

В Институте истории партии Ленинградского обкома КПСС мне принесли розовую папку, на обложке которой значится: «Попков Петр Сергеевич. Личное дело». Документов под обложкой не очень много: личный листок по учету кадров; анкетный лист, заполненный в бытность, когда возглавлял райисполком; автобиография. Вот что он писал о себе:

«Родился 23 января 1903 года в селе Колитееве Небыловского района Владимирской области. Отец с пятнадцати лет и до смерти, то есть до 1935 года, работал столяром. Мать все время была домохозяйкой. Я с восьми

лет поступил в сельскую школу, где проучился два года. Ввиду того, что семья была большая — десять человек, а работал только отец, меня в 1912 году отдают в батраки... В ноябре 1915 года по требованию отца я переехал на постоянное место жительства в город Владимир, где поступил работать в частную пекарню Чирикова... С февраля или марта 1917 года поступил работать учеником столяра в организовавшиеся мастерские Союза столяров города Владимира...»

Вскоре он — заправский столяр на заводе «Красный строитель». Там же стал комсомольцем, затем получил партийный билет. Летом 1925-го — секретарь волостного комитета ВЛКСМ Владимирского РИКа. Учился на рабфаке, но недолго: тяжелая болезнь отца заставила сына вновь встать к столярному верстаку. Возможность продолжить образование возникла лишь в 1928-м, в Ленинграде, на рабфаке при Педагогическом институте имени Герцена. Потом Ленинградский институт инженеров коммунального строительства.

«...В течение всей учебы в ЛИИКСе был на выборной общественной работе: секретарем факультетской партячейки, председателем профкома института, членом парткома. По окончании института назначен заведующим научно-исследовательским сектором ЛИИКСа. В ноябре 1937 года избран депутатом и председателем Ленинского райсовета. В июле 1938 года утвержден первым заместителем председателя исполкома Ленгорсовета, а с 4 апреля 1939 года избран председателем исполкома Ленгорсовета...»

Взлет, конечно, стремительный: он уже депутат Верховного Совета РСФСР, член Президиума; он — в бюро Ленинградского горкома ВКП(б), на XVIII партсъезде становится кандидатом в члены ЦК... По-разному можно относиться к подобной карьере, сделанной в те годы, когда методически уничтожались делегаты предыдущего, XVII партсъезда, «съезда победителей», когда один за другим насильственно уходили в небытие те, кто рядом с Владимиром Ильичем готовили и осуществляли революцию. Повторю: к карьере, к высокому креслу, достигнутому в ту недобрую пору, у нас сегодня справедливо нет-нет да и возникнет недоверие. Однако суровой проверкой для таких счастливчиков судьбы стала война, и выдержать это испытание удалось далеко не всем. Попков выдержал.

В энциклопедии «Великая Отечественная война 1941 — 1945» о Петре Сергеевиче сказано: «...Один из

активных организаторов обороны Ленинграда в 1941 — 1944. Провел большую работу по организации эвакуации населения и промышленных предприятий, по налаживанию снабжения блокированного города, организации системы МПВО и т. п. ».

Бывает, что задним числом под пером иных авторов «блокадные» факты и лица, имеющие к ним отношение, обретают краски, далекие от реальных. Тем большее доверие документу, появившемуся именно тогда, в те дни и ночи. Главный архитектор Ленинграда Николай Варфоломеевич Баранов 10 декабря 1941 года пометил в своем дневнике:

«...С утра меня вызвали к Попкову, и я отправился в Смольный... Петр Сергеевич сидел за письменным столом и что-то вписывал в большой блокнот. Не поднимая головы, он махнул рукой: садись! Как и все руководители, Попков в военной форме, и только светлые, отделанные коричневой кожей бурки нарушают единство костюма. За последний месяц Попков очень похудел, на его молодом лице ясно видны следы огромной усталости, постоянного нервного напряжения и недосыпания...»

В тот трудный для города день председатель исполкома пригласил главного архитектора, чтобы посоветоваться: как, ни в коем случае не нанося заметного ущерба облику Ленинграда, срочно заготовить двести тысяч кубометров древесины? «Я знаю,— с болью сказал Петр Сергеевич,— что зеленые массивы городских садов и парков Ленинграду необходимы, но надо отапливать госпитали, больницы, детские учреждения, хлебозаводы... Для спасения жизни детей, взрослых, раненых и больных все же, очевидно, нужно пойти на некоторые жертвы...»

Очевидцы вспоминают, как однажды, зимой 1941-го, в антракте спектакля «Роз-Мари», когда кто-то из артистов по поручению коллектива обратился к находящемуся в зале Попкову с просьбой не засчитывать им в счет нормы, полагающейся по карточке, дрожжевой суп, который получают на обед, тот с горечью сказал спутникам: «До чего же, черт возьми, обидно! Актеры отдают все силы любимому делу — искусству, радуют людей игрой, а мы вынуждены засчитывать в карточку суп, который в обычное время никто не стал бы есть...»

Когда в сорок третьем была создана Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, в нее — вместе с секретарем городского ко-

митета партии Кузнецовым, вместе с академиком Орбели, с поэтом Тихоновым, с народной артисткой СССР Мичуриной-Самойловой — вошел и председатель Ленсовета. А в январе сорок пятого именно ему выпало получить из рук Калинина орден Ленина, которым страна отметила ратный подвиг города Ленина.

Держу в руках выписку из протокола № 13 заседания пленума обкома ВКП(б):

Постановление от 26 марта 1946 года о первом секретаре Ленинградских обкома и горкома ВКП(б).

«1. В связи с избранием т. Кузнецова А. А. секретарем ЦК ВКП(б) и переходом его на работу в ЦК ВКП(б) освободить его от обязанностей первого секретаря Ленинградских обкома и горкома ВКП(б).

2. Утвердить первым секретарем Ленинградских обкома и горкома ВКП(б) т. Попкова П. С., освободив его от обязанностей председателя исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся.

Секретарь Ленинградских обкома и горкома ВКП(б) А. Кузнецов».

Этот пост Петру Сергеевичу довелось занимать менее трех лет...

Пленум 22 февраля 1949 года одобрил решение о снятии Попкова с поста первого секретаря Ленинградских обкома и горкома ВКП(б) и объявлении ему выговора. Высокий пост тут же занял прибывший с Маленковым член Оргбюро ЦК ВКП(б) Андрианов.

Петра Сергеевича направили на учебу в аспирантуру Академии общественных наук.

О том, как все происходило дальше, мне рассказывает его младший сын — старший геофизик производственного геологического обьединения «Севморгеология» Андрей Петрович Попков...

Сын родился в тридцать девятом, и отца помнит плохо — не только из-за малого в ту пору возраста, но и потому, что видел его редко: из Смольного Петр Сергеевич обычно возвращался, когда сын уже спал... Смутно запомнилось, как один раз взял его отец в выходной на рыбалку, как любил сын разглядывать книжные полки в его домашнем кабинете, как перебирал его награды: два ордена Ленина, орден Отечественной войны, медали...

Но вот год сорок девятый в память врезался: отец дома почему-то совсем перестал улыбаться, а потом уехал. Мама, которая тоже очень переменилась (в глазах — постоянная тревога), объяснила: учится в Москве. Летом поехали в Москву,— мама сказала, что у отца скоро каникулы и отдыхать будем вместе.

Отдохнуть вместе не удалось. Однажды в квартиру на Беговой улице, где жил старший брат отца, Иван Сергеевич, приютивший родственников из Ленинграда, пришли незнакомые люди. Всё перерыли. Отца увели...

Маму арестовали осенью, во Владимире, где у бабушки, Анны Михайловны Суздальцевой, она с сыном пыталась укрыться от беды. Через две недели забрали и Андрюшу, прямо с урока.

Привезли в Москву, в детский приемник у Даниловского рынка. Вызвали на допрос. Строгий дядя в военной форме все допытывался: «Чем занимался отец? Мать? О чем говорили?..» Мальчик дядю не понимал...

Полгода — там. На окнах — решетки, за нечаянно попорченный портрет Сталина — ночь в карцере. Потом — детский дом под Ярославлем.

А мама — под Воркутой, в шахте... Когда летом пятьдесят четвертого наконец-то приехала за сыном, он ее не узнал: была красавица, а тут... Сквозь слезы сказала: «Папа не придет, папа расстрелян...»

Скоро слегла: инфаркт.

Я очень хотел встретиться с Олимпиадой Михайловной, но *об этом* она вспоминать не в силах...

Ну а Андрей Петрович только что в очередной раз вернулся из Антарктиды: занимается геологическими исследованиями далекого материка. Дома его очень ждали жена и два сына: совсем маленький Мишка и старший — шестнадцатилетний учащийся ПТУ Петр Попков. Говорят, лицом похож на деда...

ЯКОВ ФЕДОРОВИЧ КАПУСТИН

Из автобиографии в его «Личном деле»:

«Родился 30 апреля 1904 года, в деревне Михеево Берецкого уезда Тверской губернии, в семье крестьянина-середняка. Отец занимался сельским хозяйством и в летнее время уходил на отхожие промыслы (каменщик) в Петроград. Семья наша была большая: отец, мать, пять детей — четыре брата меньше меня и сестра. Я на-

ходился при семье до 1923 года, помогая как самый старший по хозяйству. В 1923 году, ввиду маломощности нашего хозяйства (изба, двор, сарай, лошадь и корова), я решил поехать на Волховстрой, на заработки...»

Землекоп на Волховстрое. Потом — землекоп в Ленинграде, на «Красном путиловце», затем — чернорабочий котельной мастерской. Одновременно — вечерняя школа. Комсомольцем стал еще там, на Волхове, коммунистом — в Красной Армии: в 57-м стрелковом полку 19-й дивизии. Руководитель политчаса, беседчик, член бюро комсомольской ячейки — так в армии раскрылась его общественная жилка...

«...В 1928 году я демобилизовался и приехал опять в Ленинград, поступил на медеобрабатывающий завод имени Ворошилова: работал слесарем-шабровщиком, а затем был выдвинут мастером. Одновременно работал звеновым парторганизатором и в то же время усиленно учился в вечернем рабочем университете. В 1929 году, осенью, после окончания шестимесячных курсов, я был командирован во ВТУЗ, в счет профтысячи, поступил в Котлотурбинный институт, который слился в единый Индустриальный институт...»

Оценка за диплом — «отлично». Пришел на знакомый «Красный путиловец», впрочем, ставший уже Кировским заводом. Цель перед собой сразу же определил большую: внедрить в стране новый способ обработки турбинных лопаток — холодную прокатку, которая по сравнению со старым способом — фрезеровкой — дает до шестидесяти процентов экономии материала и на тридцать процентов удешевляет изделие.

«...Для изучения был послан за границу — в Англию, в Манчестер, на фирму «Метрополитен-Виккерс». Работал там над этим процессом один год. По приезде на Родину осуществил его на Кировском заводе для морских турбин (было освоено 18 профилей турбинных лопаток). В Англии очень много работал по различным вопросам техники...»

Так бывший тверской крестьянский парень стал техническим интеллигентом. Его новые ступени на Кировском: технолог, заместитель начальника цеха, секретарь парткома, парторг ЦК... В апреле 1939-го «за турбинные лопатки» наградили Капустина орденом Ленина — он тогда уже был первым секретарем Кировского райкома ВКП(б) Ленинграда. Еще через год — третий секретарь (по промышленности) городского комитета партии.

Сейчас его седые сыновья — Владимир Яковлевич и Андрей Яковлевич — показывают мне старую фотографию, из 1941-го.: на первомайской трибуне — Жданов, Кузнецов, Попков, Капустин...

— Обратите внимание: все в кепках, один отец в шляпе. Из Англии привез. Причем носил шляпу красиво, «с шиком». И костюм-тройку. До первого дня войны...

— До войны,— вспоминает Владимир Яковлевич,— в нашей семье жили жена и дочь репрессированного друга отца. Отец очень о них заботился... Каким он был внешне? Среднего роста, плечистый, плотный, глаза серые, шатен... Учительница английского языка Надежда Николаевна, у которой я занимался, говорила, что отец английский за границей освоил здорово...

Из автобиографии Якова Федоровича:

«...Во время Великой Отечественной войны не покидал Ленинграда. Был уполномоченным Государственного комитета обороны по эвакуации заводов, оборудования и кадров из Ленинграда в тыл страны...»

Вот, собственно, и все, что сам он написал о блокадной своей жизни. Скупо... Но люди вспоминают, с какой могучей энергией Капустин делал дело. И было это дело огромным, поскольку «наряду с общим руководством всей промышленностью нес персональную ответственность за выполнение конкретных заданий ГКО, Военного совета фронта, бюро ГК ВКП(б) и Комиссии по вопросам обороны Ленинграда («большой пятерки»), в состав которой он был включен в августе 1941 года, за выпуск «полковушек», танков и т. п.». И все нити материально-технического, энергетического обеспечения оборонного производства сходились тоже к нему.

...Сыновья вспоминают, как бурно радовался отец долгожданной Победе («Вообще был веселый мужик!»); с каким удовольствием ставил на диск патефона пластинки, где — голоса Шаляпина, Карузо; как сам, если в доме собирались гости, исполнял арию Каварадосси... К выходу в Мариинку семья готовилась загодя. Посещение Музея обороны Ленинграда для них стало незабываемым событием... А вот пожелтевший снимок: отец с сыновьями на лыжах...

В феврале 1949-го, на объединенном пленуме Ленинградских обкома и горкома ВКП(б), второй секретарь горкома Яков Федорович Капустин был с выговором снят со своего поста.

Как и Попкову, ему тоже предложили учебу в Москве. Но Яков Федорович явно предчувствовал, что самые грозные события впереди. Однажды, приехав на выходной в Ленинград и прогуливаясь со старшим сыном возле дома, по Кронверкской, вдруг сказал:

— Слушай, Владимир. В нашей жизни, скорее всего, будут большие перемены. Но не думай, что я в чем-то виновен...

Седым отец тогда еще не был. А спустя год, на суде, рассказывали сыну, его голова вся светилась серебром...

Арестовали его в Москве, а дома, в Ленинграде, ничего не знали. Постепенно поползли тревожные слухи. Вскоре они подтвердились требованием освободить квартиру на Кронверкской. Взамен — тесная комнатуха на набережной Карповки. Миновал год. Свершилось роковое судилище, но никаких известий о нем семья не получила. И вот 20 октября, как раз в день рождения Екатерины Васильевны, пришли за ней. Заодно увезли и девятилетнего Андрюшу.

Андрей Яковлевич вспоминает:

— На Песочной набережной, в детприемнике МГБ, нас, детей «врагов народа», собралось порядочно — Саша Бурилин, Игорь Левин, Дима Михеев, двое Тихоновых, еще много других... Через несколько дней Володя меня разыскал, передал булку... Потом нас отправили на Урал...

Володю арестовали 1 ноября. Шел с друзьями вечером из своего Политехнического, вдруг — двое:

— Вы Капустин? Пройдемте в машину.

Привезли на Карповку. Перерыли то немногое, что там оставалось. Дальше — путь в известный дом на Литейном. Неделя в камере-одиночке здесь, затем такой же «комфорт» в Москве, в Лефортовской тюрьме. На допросе полковник Смирнов грозно поинтересовался:

— Ты знал, что делал твой отец? — и показал выписку из приговора с заключением: «30 сентября 1950 года приговор приведен в исполнение...»

Вызвали в другой раз:

— Особым совещанием ты осужден сроком на восемь лет. Распишись...

Спецлагерь в Казахстане, следующий — в Кузбассе, под Сталинском... Работа по двенадцать часов... Однажды вдруг пришло письмо от мамы, из-под Воркуты. (Екатерина Васильевна в отчаянии заявила начальнику лагеря: «Если не скажете, где мои дети, повешусь». Подействова-

ло.) Вот и стали дважды в год поступать от нее весточки — больше не полагалось. Как-то Володя не выдержал, написал Швернику: за что, мол, сижу? Разберитесь! Ответ был лаконичным: «Осужден правильно». Андрюша с Урала тоже взывал к Сталину, к Швернику, к Молотову, и всякий раз в ответ на свои отчаянные послания, составленные старательным детским почерком, получал такой же скупой, безапелляционный отклик.

Все трое встретились в 1954-м... Получили справку о посмертной реабилитации отца. Выдали им и другую справку: «...Причина смерти — паралич сердца». Паралич... Впрочем, так тогда писали о многих расстрелянных по «ленинградскому делу»...

Оба сына, как и отец, закончили Политехнический, стали инженерами-конструкторами. Передали на Кировский завод, в музей, несколько чудом сохранившихся отцовских документов. Там же — дубликаты его наград. Только медаль «За оборону Ленинграда» — не дубликат, а настоящая, с выбитым на ней № 5.

Ну а любимую маму свою, Екатерину Васильевну, сыновья похоронили совсем недавно...

ТАИСИЯ ВЛАДИМИРОВНА ЗАКРЖЕВСКАЯ

Из автобиографии в «Личном деле»:

«Родилась в 1908 году, 24 мая, в Ленинграде. Отец работал на картонажной фабрике рабочим, мать занималась домашним хозяйством. В 1914 году отец умер, вся моя семья перешла на иждивение старшей сестры, которая работала в типографии наборщицей...»

Жили так трудно, что десятилетнюю девочку пришлось определить в детский дом. Там и школу закончила. В семнадцать лет она уже на заводе: браковщица, сверщица инструмента... Заслужила комсомольский билет, потом — партийный. На «отлично» защитила диплом в Горном институте...

«...В 1935 году была направлена в «Волгобалтстрой» (Управление по строительству и изысканию Волго-Балтийского водного пути). Работала сначала инженером, затем начальником эксплуатации, и уже позже — заместителем начальника геологического сектора института. В 1940 году была избрана членом пленума Куйбышевского РК ВКП(б), а в марте 1941-го — вторым секретарем райкома...»

Возглавлял райком Николай Васильевич Лизунов.

— Какой она была тогда? — переспрашивает Николай Васильевич. — Невысокая шатенка, с ясными карими очами, которые, если так складывались обстоятельства, могли и запылать гневом... Заботы на ее плечи свалились огромные, тем более что через три месяца началась война... Я формировал в районе народное ополчение, затем, как уполномоченный Военсовета фронта, был направлен на один из участков строительства оборонительных сооружений вокруг города, а Таисия Владимировна, замещая первого секретаря, в эти дни умело организовала эвакуацию в тыл двухсот пятидесяти тысяч наших земляков... В блокадную зиму, как и все мы, здорово сдала, но при этом все равно успевала многое: например, заботливо опекала домохозяйства, которые испытывали страшные трудности, и собирала девушек в строительные конторы, чтобы по горячим следам восстанавливать порушенное врагом... И в том, что в 1942-м, восьмого марта, на воскресник по весенней уборке района вышли одиннадцать тысяч истощенных дистрофией людей, в том, что они, почти смертники, выиграли в этот день битву за жизнь, тоже немалая заслуга Закржевской... В январе сорок третьего меня поставили во главе Петроградского райкома, а мой пост в Куйбышевском заняла Таисия Владимировна... Как она продолжала работать? Как в блокаду относились к ней люди? Достаточно вспомнить «блокадное» признание знаменитого артиста Ленинградского театра музыкальной комедии Королькевича в его книге «А музы не молчали» (цитирую не дословно): «Хотя, Таисия Владимировна, вы нас и моложе, но мы вас называем своею матерью...»

В сорок четвертом Николай Васильевич и Таисия Владимировна поженились. Родился сын...

Из послевоенной партийной характеристики:

«...Осуществляя партийное руководство районом, где сосредоточено более тысячи различных учреждений, управлений, трестов и научно-исследовательских институтов, товарищ Закржевская правильно решает вопросы повседневной жизни районной партийной организации. Умеет находить главные вопросы в практической работе. Много уделяет внимания развитию торговли, общественного питания и выпуску товаров широкого потребления. Сеть общественного питания и торговых предприятий в районе к концу 1946 года доведена до довоенного уровня...»

В марте 1948-го она уже заместитель заведующего отделом ЦК ВКП(б). Однако Маленков к Закржевской от-

несся настороженно, а тут еще грязная анонимка... Пришлось вернуться на невские берега. Таисию Владимировну назначают заведующей отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Ленинградского обкома партии.

После памятного объединенного пленума Ленинградских обкома и горкома ВКП(б) ее изгоняют с работы, исключают из партии. Таисия Владимировна едет в Москву, тщетно ждет приема у Маленкова. Николай Васильевич в это время учился в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), был там секретарем парткома. Она остановилась у мужа, в общежитии. Туда и явились с ордером на арест. Когда Закржевская попросила следователя, майора Путинцева, о встрече «с товарищем Маленковым», услышала: «Товарищ Маленков тебе не «товарищ»...»

Спустя годы она напишет:

«В тюрьме, после истязаний на допросах, у меня произошли преждевременные роды. И в этих условиях, несмотря на мой категорический протест против лживых обвинений, провокаторы, пробравшиеся в органы государственной безопасности, меня все же засудили на десять лет...»

На скамье подсудимых в зале Дома офицеров она сидела рядом с Кузнецовым, Вознесенским, Родионовым, Попковым, Капустиным и другими товарищами по несчастью...

Николаю Васильевичу, когда находился в Лефортовской тюрьме, казалось, что слышит ее рыдания из соседней камеры. Сам он, получивший пятнадцатилетний срок, был после зверских допросов (сорок один допрос!) наполовину парализован...

Чудом выдюжили до 1954 года, и сынишка в детском доме их дождался...

Когда наконец пришлось ответить за свои преступления Абакумову, Таисия Владимировна как свидетель поведала на суде и о его верном подручном Путинцеве. Путинцев получил двадцать пять лет тюремного заключения.

Николай Васильевич и Таисия Владимировна потом еще много работали. Он ее пережил на два года...

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ САФОНОВ

В редакцию пришел седой человек:

— Можно, я вам расскажу об отце, Михаиле Ивановиче Сафонове? Он — тоже жертва «ленинградского дела»...

Что же сын об отце знает?

Родом отец был с Псковщины, из деревни Хохлы. Лет с десяти батрачил. В гражданскую красноармеец Сафонов имел два ранения. В чоновском отряде боролся с бандитизмом. Потом — инструктор укома РКСМ в Острове. В 1925-м стал коммунистом... Учился в знаменитом Комвузе. Вел партработу на Новгородчине (возглавлял Батецкий райком партии), в Ленинграде. И на хозяйственном поприще себя хорошо показал — недаром вручили ему орден Трудового Красного Знамени... Еще помнит сын, что до войны в нашем городе занимал отец пост начальника областного земельного отдела, был избран депутатом Верховного Совета РСФСР, а в 1940-м направили Михаила Ивановича в Эстонию — уполномоченным ЦК ВКП(б) и СНК...

Оттуда, из Таллинна, в августе сорок первого капитан 2-го ранга, политработник флота Сафонов с эскадрой прорывался в Кронштадт. Тяжелораненный, он шесть часов провел в воде,— спасибо матросам, спасли... Потом, в блокаду — Невский «пятачок», Ораниенбаумский плацдарм...

Моего нынешнего собеседника, Льва Михайловича Сафонова, в июле сорок первого с детским интернатом эвакуировали в Сибирь, а мама со старшим сыном перебрались на Большую землю только через год. Но старший сын, лишь приспел возраст, маму покинул: ушел добровольцем в авиационное училище, служил на Северном флоте... Когда Анна Петровна с младшим Левой в сорок четвертом увидела Михаила Ивановича, его грудь украшали ордена Красной Звезды и Отечественной войны: сын помнит, что был тогда отец военным комиссаром инженерного отдела КБФ.

В 1944-м после демобилизации его назначают первым заместителем председателя Леноблисполкома. А потом, после учебы в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б),— председателем Новгородского облисполкома...

Мой собеседник переносится памятью в 1949-й.

— Тогда я заканчивал десятый класс, брат — курсант училища имени Фрунзе, мама работала в институте про-

тезирования. В сентябре отец неожиданно, без обычного в таком случае предупреждения, приехал из Новгорода. Сказал: «Вызвали». В лице, голосе, движениях ощущалась напряженность. Со мной переживаниями делиться не стал, а Володе бросил коротко: «Все может быть...»

Спустя три дня, 22 сентября, за ним пришли...

Маму арестовали в 1950-м, 22 октября, Леву с братом — 1 ноября... Из месяца, проведенного в одиночке Лефортовской тюрьмы, почему-то больше всего запомнился жирный штамп на одеяле: «МГБ СССР». Допросы, как положено, по ночам: следователь Морозов был не очень оригинален: «Твой отец — паразит, враг народа. Рассказывай, кто у вас бывал, о чем говорили... Почему не донес о преступных действиях отца?» — «О каких?» — «Не валяй дурака...» Через месяц в кабинете на Лубянке услыхал: «Твой отец приговорен к расстрелу. Ты — как сын врага народа — к восьми годам исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества». — «Объясните все же, в чем моя вина».— «Увести».

В Рузаевской пересыльной тюрьме встретил Юру Басова, под Карагандой — Володьку Капустина (в одной школе учились). Володька передал ему кусок хлеба: это был — да, поступок!

Лев Михайлович продолжает:

— Имен, фамилий у нас там не было. Только номера. Например, мой: «Ю-585», а у мамы — «Л-217». Незадолго до ареста отца мы всей семьей как раз фильм Михаила Ромма смотрели — назывался «Человек № 217», так в нем — про фашистский концлагерь, а тут... Несколько раз я писал на имя Сталина, ответы из Москвы разнообразием не отличались: «Осужден правильно...»

Читаю документ, с которым мой собеседник когда-то (плюс сорок семь рублей, выданные на питание в пути) спешил домой:

«Справка № 3942.

Выдана гр-ну Сафонову Льву Михайловичу, 1932 года рождения, уроженцу г. Ленинграда, в том, что он с 1.XI.50 содержался в тюрьме и определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 9.01.1954 освобожден за прекращением дела в порядке ст. ст. 4 и 5 УПК и следует к месту жительства в г. Ленинград Ленинградской области.

Начальник лагеря «Р» (подпись)».

Примерно такие же «паспорта» привезли оттуда мама и брат. В Военном трибунале ЛВО узнали, что Михаил Иванович был расстрелян 28 октября 1950 года. Посмертно реабилитирован 14 мая 1954 года.

Младший сын, кандидат технических наук Лев Михайлович Сафонов, возглавляет Ленинградское проектно-конструкторское бюро швейной промышленности с опытным заводом Минлегпрома РСФСР. Старший сын, полковник Владимир Михайлович Сафонов, скончался в марте 1988-го. И есть на Казанском кладбище в городе Пушкине камень над могилой, на котором рядом с двумя фотографиями высечено:

САФОНОВЫ
Михаил Иванович
1903—1950
Анна Петровна
1904—1969

Конечно, останки Михаила Ивановича покоятся совсем в другом месте (если бы знать — где?!), но здесь, на этом камне, он все-таки встретился со своей Анной Петровной. Так решили сыновья.

ЯКОВ ЛЬВОВИЧ БЕЙЛИНСОН

Папанин сказал о Бейлинсоне: «Чем больше узнавал я его, тем больше он мне нравился...» Добрые слова об этом человеке можно прочитать не только в книге легендарного полярника, но и в многочисленных справках-откликах тех, с кем ему в разное время довелось работать. Документы о муже хранит вдова, Антонина Михайловна Мазурова. Давайте, читатель, вместе послушаем ее...

— С Яшей я познакомилась в Ленинградском институте инженеров водного транспорта. Оба жили в студенческой коммуне, которая находилась в старинном особняке на набережной Красного Флота. В коммуне нас сто двадцать, и ни у кого нет отца — вот что наделала гражданская война... А Яша остался еще и без мамы. До Ленинграда он жил в Днепропетровске, у родственницы. Закончив школу, работал водопроводчиком, слесарем, служил в Красной Армии. После, на мое счастье, поступил в наш институт. По вечерам мне было так хорошо гулять с ним по набережным... На третьем курсе поженились. Когда защищала дипломный проект, у нас уже рос сын, Виктор...

Прерву монолог вдовы... Знания и организаторский талант молодого инженера оказались столь значительны, что скоро он назначается начальником Ленинградского морского порта. В тот год грузооборот порта достиг высокого уровня, а техническое оснащение огромного портового хозяйства только начиналось. По инициативе нового начальника, по его чертежам были созданы угольные транспортеры, и при разгрузке судов впервые стали применять одноканатные грейферы. Да и другие интересные его идеи начали скоро осуществляться. Но тут — война...

На порт обрушились сотни фашистских бомб — и начальник в этой обстановке не раз демонстрировал не только свой высокий профессионализм, но и смелость, волю. И в Архангельском порту, куда в ноябре был направлен Государственным комитетом обороны, тоже вовсю развернулся (как важен был этот порт — ведь сюда шли к нам караваны судов союзников). Орден Ленина «за образцовое выполнение задания правительства и военного командования» — таков итог его работы в Архангельске. И в память о Мурманске, где жили, как в аду, где разгрузка таких долгожданных, таких нужных фронту кораблей проходила под беспрерывными бомбежками,— второй орден Ленина... Чтобы снизить потери импортных военных грузов, правительство искало другие морские пути, один наметили через Иран и Каспий,— и туда, в порт Бендер-Шах, поспешил Бейлинсон. Затем — командировка в США. Американский опыт очень ему пригодился, когда после Дня Победы восстанавливал и реконструировал порт родной, ленинградский.

В послевоенные годы успехи портовиков-ленинградцев впечатляли: блестяще завершили навигацию и в сорок седьмом, и в сорок восьмом. А в сорок девятом, 28 июля, Яков Львович Бейлинсон был арестован и Особым совещанием приговорен к 25 годам исправительно-трудовых лагерей...

Антонина Михайловна продолжает рассказ:

— Мне казалось, наша семья — самая счастливая в мире, у нас уже было два сына, и вдруг... О беде узнала в деревне, так сказать, «на даче»: летом с ребятишками снимала комнату. Именно туда заявились с обыском. «Что случилось? Где мой муж?» — «Ваш муж в командировке». Обыскивать было нечего... Наутро примчалась в город, и начались «хождения по мукам». Поиски мужа

продолжались два месяца: к кому ни обращаюсь за разъяснениями, ответ один — «в командировке». Только в Москве в приемной МГБ все прояснилось: «Ваш муж у нас, в Лефортовской тюрьме...» Шли дни... Из ленинградской квартиры нас выселили... Обивала московские пороги в поисках свидания с мужем. Помню, иду по коридору Прокуратуры СССР, а там — новогодняя стенгазета. Остановилась, стала читать «новогодние пожелания»: «Первое пожелание — расчистить все старые дела до Нового года; второе пожелание — приходить всем на работу так же аккуратно, как ходят часы у Генерального прокурора...» Тогда еще не знала, что мой муж осужден как раз в этот день, 31 декабря... В Ленинграде заместитель начальника порта Конин сказал заведующей портовым детским садом: «Что же вы держите сына врага народа?» А моему Володе было только три года... Все-таки выбила в МГБ адрес мужа: Караганда, п/я 16/3. В июне взяла отпуск и отправилась в дальний путь, передать посылку. Как добралась, долго рассказывать, а там: «Ваш муж две недели назад скончался...» Могилу его мне не показали... Вернулась домой и начала писать во все инстанции, добиваясь пересмотра дела. Только через семь лет дождалась желанного. А потом пришел ко мне капитан БМП, который был вместе с мужем в лагере. Рассказал, что посетил Якова Львовича в тюремном лазарете незадолго до его кончины. Муж попросил тогда: «Николай, ты моложе, ты выйдешь отсюда. Когда будешь в Ленинграде, передай жене и моим товарищам по работе, что я ни в чем не виноват». «Чем же он болел?» — спросила я капитана. «У него были отбиты почки...»

Она долго и трудно боролась за честное имя мужа. Ей было важно, чтобы сыновья отцом гордились. Так и случилось. Но они гордятся и старенькой своей мамой. Очень гордятся...

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

Когда его уводили, улыбнулся через боль:

— Не беспокойся, Лелечка, все выяснится. Ничего плохого я не сделал...

И ушел. Навсегда...

Ольга Николаевна протягивает фотографию:

— Вот какой он был у меня. Красивый...

И правда, красивый... На другой стороне снимка — некрасовские строки, выведенные ее рукой: «Какой светильник разума угас! Какое сердце биться перестало!»

В институте истории партии Ленинградского обкома КПСС хранится папка с его «личным делом», где среди прочих документов — автобиография:

«Родился в 1912 году в предместье гор. Киева, дер. Звенигородка, в семье сельского учителя. В 1914 году, когда отец был на войне, переехал вместе с братом и матерью в Москву, к отцу матери (моему деду). Меня определили (после смерти деда) в детдом № 21 Замоскворецкого района, потому что мой отец, мать и брат ушли на фронты гражданской войны.

В 1920 году, попав под дурное влияние группы ребят детдома, я ушел из него и стал бродяжничать. Беспризорничал до 1925 года, когда меня разыскал брат Игорь...»

Вот, оказывается, какие первоначальные «университеты» — детдом, бродяжничество — были у этого, по признанию многочисленных моих нынешних собеседников, когда-то хорошо знавших Всеволода, высокодуховного, интеллигентного человека...

«...В 1927 году стал работать на госмельнице № 3 в г. Киеве, вначале — учеником слесаря, потом — слесарем. Работал там до июня 1930 года, живя с отцом и матерью. Отец работал в ГПУ, мать — на партработе в Ленинском РК ВКП(б) г. Киева. В 1930 году, в августе, приехал в Ленинград, к брату, который служил на Балтфлоте (Кронштадт).

В августе 1930 года работал слесарем на фабрике «Рабочий», до сентября 1931 года, когда меня направили учиться в Институт связи. По окончании института назначаюсь заведующим научно-исследовательским сектором Института связи, где продолжаю работать сейчас.

В комсомол вступил в 1927 году, член ВКП(б) с декабря 1931 года...»

Когда Оля училась на втором курсе, ее избрали в институтский комитет комсомола. Возглавлял комитет Всеволод. Вот так и свела их пресловутая «общественная работа», подарившая сначала дружбу, а потом — любовь...

И сейчас, перелистывая альбом с чудом сохранившимися немногими общими их снимками (спасибо родным и

друзьям — сберегли, ведь собственный-то семейный архив тогда, в 1949-м, тоже «арестованный», бесследно сгинул), Ольга Николаевна мысленно возвращается в далекую юность:

— На него просто нельзя было не обратить внимание: в светлых глазах постоянно вспыхивают огоньки, над высоким чистым лбом — русые пряди... Сколько он знал наизусть стихов Пушкина, Тютчева и «запрещенного» в ту пору Есенина... Навеки врезалось в сердце: белая ночь над Стрелкой Елагина острова, цветет сирень, и он тихо читает: «Отговорила роща золотая березовым, веселым языком, и журавли, печально пролетая, уж не жалеют больше ни о ком...» У букинистов мне на день рождения приобрел изумительный есенинский сборник — с березками на обложке, а еще — «Евгения Онегина» с акварелями Самокиш-Судковской. Конечно, с деньгами для подарков и вообще для жизни было туго, поэтому часто грузил с друзьями баржи в порту. Или «делали народ» на сцене Малого театра оперы и балета: участвовали в массовках... А потом Всеволод вел меня на «Иоланту» или в Большой зал, на концерт Пантофель-Нечецкой... Во многом благодаря ему в институте почти каждую субботу происходили потрясающие вечера отдыха: танцевали, без преувеличения, до утра! С такой же регулярностью и напористостью вытаскивал всех на лыжню. Сам он был очень спортивен, отлично плавал, занимался в аэроклубе...

Олин отец, Николай Павлович Павлов, начальник связи Ленинградской областной милиции, носивший в петлицах три шпалы, занимал с семьей казенную квартиру, которая располагалась там же, где и милицейское управление: на Дворцовой площади, в восточном корпусе знаменитого здания Главного штаба. Таким образом, без пропуска в гости было не проникнуть. И вот однажды, в очередной раз выписав в бюро пропусков у сурового дежурного необходимый документ, Всеволод пришел к Олиным родителям просить руки их дочери. Растерявшаяся Александра Федоровна радостно всхлипнула, а Николай Павлович, улыбнувшись в гренадерские усы, обнял визитера: «Не возражаю. Только больше не прыгай». Он имел в виду прыжки с парашютом, которыми очень увлекался будущий зять, но Всеволод развел руками: «А вот это не обещаю».

Диплом, «чтоб жениться инженером», защитил на три месяца раньше срока. В феврале 1937-го закончила учебу и Оля — тоже с отличием, ее даже оставили в аспирантуре. И сразу же помчались в загс, а потом — в фотоателье.

Смотрю на снимок: смеющиеся, счастливые... На обороте — размашисто: «А вот мы и поженились! 25 февраля 1937 года».

Им дали комнату на Петроградской. Обычно днем друзья-аспиранты занимались там, у Оли,— Юля Брунина, Лева Ионтов, Сеня Милейковский, Олег Соболев, Лева Писаревский... Возвращался с работы Всеволод, с порога вопрошал «грозно»: «Опять парни в доме?!» Тут же «смягчался»: «Ну ладно... Лель, где синий кувшин? Пусть Сенька бежит за пивом...» Поедали традиционные сосиски, на патефонном диске кружился модный фокстрот «Рио-Рита»... Они ему — о своих проблемах, он им — о своих заботах... Часто пели его любимую: «Каховка, Каховка, родная винтовка...»

«...15/XI 1937 г. я избран секретарем парткома Института связи... Имею ряд научных работ, из которых часть внедрена в РККФ (Рабоче-Крестьянском Красном Флоте.— *Авт.*) и авиации. Кроме того, преподаю курс дальней связи на старших курсах...

Работаю над сдачей кандидатского минимума и написанием диссертации на соискание ученой степени кандидата технических наук. Стараюсь систематически читать художественную, политическую, техническую литературу. В области приобретения военной специальности работаю над совершенствованием себя как летчика (изучаю историю и технику авиации)... Имею звание пилота-любителя и инструктора парашютизма (имею 15 прыжков)...»

Вспоминает Лев Иосифович Ионтов:

— В тридцатых годах, приходя в свой ЛЭИС, мы часто не досчитывались в аудиториях некоторых студентов, преподавателей, даже административных и партийных руководителей... Ориентироваться и вырабатывать для себя линию поведения было очень сложно... Увы, многие считали: «Раз арестовали, значит, что-то есть...» Не раз нас принуждали задним числом исключать из комсомола наших товарищей. Однако у секретаря комитета ВЛКСМ Всеволода Иванова была почти крамольная по тем временам позиция: «не торопиться». Как-то стало известно, что исчез начальник коротковолновой радиостанции, студент по фамилии, кажется, Товмасян. Его обвинили в связях через эфир с врагами страны за рубежом. Вызвали в комитет его приятельницу и, по заведенному тогда порядку, стали предлагать отказаться от «такого друга». Она не

согласилась. Кто-то предложил: «Гнать ее из комсомола!» Иванов опять сказал: «Давайте не торопиться...» И вдруг через месяц Товмасян появляется (крайне редкий тогда случай); обвинение не подтвердилось, вопрос о девушке тоже отпал сам собой. Во время учебы особенно хорошо Севе давались общественные дисциплины: помогал другим осваивать диамат, истмат, политэкономию... И ходить с ним по Эрмитажу было одно удовольствие: «экскурсия» проводилась на самом высоком уровне! Мы только удивлялись, откуда у Севы такие искусствоведческие знания?.. Будучи секретарем парткома, Иванов не давал ректору никаких шансов «подмять» себя. Спорные вопросы чаще всего решались в пользу студентов и учебного процесса... Занимал высокий пост, а с людьми оставался все таким же простым, приветливым. Когда у меня родился сын, Сева послал жене в роддом трогательную записку и выразил пожелание вырастить «настоящего советского богатыря». В компании друзей много и удачно острил, умел лихо сплясать «русского»...

Из характеристики, подписанной 12 ноября 1939 года директором и заместителем секретаря парткома Ленинградского электротехнического института связи:

«...Обладая большой инициативой и широкой политической и технической эрудицией, Всеволод Николаевич Иванов сумел организовать весь коллектив института на выполнение насущных задач, завоевал наше уважение...»

Вероятно, характеристика понадобилась, когда было предложено избрать двадцатисемилетнего большевика вторым секретарем Куйбышевского райкома партии.

Теперь домой он приходил очень поздно: по обычаю, заведенному в самом главном кремлевском кабинете, руководители всех прочих учреждений, более-менее высоких, и партийных, и хозяйственных, как говорится, «от Москвы до самых до окраин», вынуждены были тоже задерживаться за своими рабочими столами глубоко за полночь... Рвался ли он на эту должность? Нет, даже совсем наоборот — всегда мечтал о научной работе, о преподавании, но, раз уж так выпало, за новое дело взялся всерьез — со всей силой недюжинного своего интеллекта, со всем, так сказать, «жаром души», впрочем, для его натуры это было столь же естественно, как, например, дышать или делать утром мощную физзарядку... Причем при всей «замотанности» его внешний вид оставался все таким же элегантным (брат-моряк привез из Англии в подарок модный коричневый костюм, который великолепно сидел

на секретаре райкома), а в его отношении к людям, слава богу, ничегошеньки не изменилось...

И вдруг заявляется однажды: «Леля, меня снова забирают в комсомол... Первым секретарем обкома и горкома... Так что получается: здравствуй, вторая молодость!..»

Впрочем, тут Всеволод сам себя немножечко обманывал: у него и первая-то молодость была еще в самом разгаре...

В субботу, 21 июня, Оля с работы его так и не дождалась. А утром, часов в шесть,— телефонный звонок: «Высылаю машину. Агафонов все передаст. Встречай». Быстро собралась. У ворот уже ждала «эмка». Шофер протянул записку: «Леля, началась война. Забирай своих с дачи. Больше машину дать не смогу».

С этого утра она видела мужа чрезвычайно редко...

Ольга Николаевна вспоминает:

— Когда город оказался в осаде и начались систематические артобстрелы, Всеволод всякий раз после очередного артналета на наш район звонил: живы ли? Наша небольшая квартирка у Пяти углов, к счастью, отапливалась печью, и это спасло в первую блокадную зиму. На растопку пошла вся мебель, а книги сохранили... Мои папа и мама перебрались под нашу крышу: все равно Всеволода там не бывало — жил в своем рабочем кабинете... Защитив перед войной кандидатскую диссертацию, я работала в нашем институте ассистентом, на кафедре телефонии. В блокаду меня избрали секретарем парторганизации. Конечно, силы от голода и холода иссякали. Нередко той зимой отправлялась в долгую дорогу (узенькая тропка среди сугробов, в которых — замерзшие трупы) — через Марсово поле, Кировский мост, на улицу Куйбышева, где в бывшем дворце Кшесинской находился штаб ленинградской комсомолии. Смотрела на Всеволода: боже, как похудел, как суров его облик в военной форме... Помню, 7 ноября, в полдень, слушала на Невском, у черного раструба репродуктора, радиомитинг, посвященный двадцать четвертой годовщине Октября. И вдруг — голос Всеволода...

Он жаждал Победы, делал для ее приближения все возможное: комсомольский противопожарный полк, знаменитые бытовые отряды, снайперское движение,— Всеволода хватало на многое... В годы блокады для руководства комсомольскими организациями фронтовых и прифронтовых районов и городов области в Тихвине был

создан второй обком комсомола. И Иванов успевал управлять его действиями, добираясь туда на самолете или по Дороге жизни...

Готовя эту повесть, я встретился с теми, кто знал Всеволода в ту пору лично. Многие отмечали его гражданскую смелость, независимость суждений, политический талант. Например, однажды, когда во время его отчета на бюро горкома партии кто-то бросил некомпетентное замечание, Иванов мгновенно парировал строкой Шота Руставели: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны...»

Персональный пенсионер республиканского значения Фаина Сергеевна Октябрьская:

— Я работала секретарем горкома комсомола по агитации и пропаганде. Обладая огромной самодисциплиной, Всеволод сурово требовал и от нас точности, порядка. И в то же время к товарищам был очень заботлив... В декабре сорок третьего у меня родился сын. Эвакуироваться отказалась, муж — на фронте, в общем, досталось крепко: как разорваться между горкомом и грудным малышом? Иванов нашел выход: «Забирай своего Витьку в горком, и живите тут вместе». Дали нам комнатку. Кто был свободен, тот Витьку и нянчил. А на бюро Всеволод, бывало, сам мне показывает на часы: «Пора кормить парня!»

Пенсионер Бася Яковлевна Марголина:

— В ту пору я была инструктором Василеостровского райкома комсомола по агитации, пропаганде и борьбе с детской безнадзорностью... Конечно, первая зима измучила всех крепко, ну и меня скрутило... Как-то в марте сорок второго Иванов пригласил работников райкома на собеседование. Еле добрались, пешком же... В конце попросил задержаться нашего первого секретаря. Потом он признался, что, только я вышла за дверь, Иванов вздохнул: «Марголина выглядит совсем плохо. Надо что-то делать...» И не успокоился, пока не определил меня в стационар, где уже через пять дней я стала способной работать дальше. В общем, спасибо...

В начале сорок третьего он писал своей бывшей коллеге по партийной работе, эвакуированной в Энгельс:

«...Общая обстановка, безусловно, во много раз лучше, несравненно лучше, чем в прошлом году, во всех отношениях. Самое же главное то, что и мы не те, что были, и «они» (здесь я имею в виду фашистскую сволочь!) не те:

соотношение и моральных, и материальных сил — в нашу пользу. Бесспорно! Вообще говоря, мы тут «фрицам» и «гансам» и т. д. даем духу порядочно и, видимо, будем давать духу впредь еще больше...

Живу я весьма бурно. Разумеется, много работы. Сплю минимальный период, т. е. 3—4 часа в сутки. Чувствую себя хорошо, бодро, хотя что-то легкие начинают последнее время шалить. Седею здорово. Вот так, как будто и все. Леля работает, духом бодра. Я переехал на другую квартиру: Кронверкский пр., 23, кв. 100. Посылаю тебе последнюю свою фотокарточку — вид злой. Верно?.. Пусть этот год будет годом окончательного разгрома фашистских орд...»

Что ж, начало сокрушения гитлеровской блокады случилось совсем скоро, спустя всего лишь две недели... Но сколько было впереди еще боев, лишений, потерь... Не обошла беда стороной и семью Всеволода. В апреле сорок четвертого он сообщает Олиной сестре, эвакуированной в Орск:

«Зиночка! Долго я думал, писать тебе или нет о большой беде. Решил написать, это будет лучше для тебя и для Александры Федоровны. Николай Павлович после тяжелой болезни сердца 5 марта умер... Перенеси это тяжелое известие стойко и не убивайся... Не утешаю тебя. Понимаю, что слова утешения будут недостаточны для того, чтобы смягчить горечь тяжелой утраты. Будь тверда и сильна духом. Решил я тебе написать о смерти Николая Павловича не только потому, что узнать тебе об этом все же лучше до того, как ты выйдешь на перрон ленинградского вокзала и будешь ждать Николая Павловича, а тебе скажут, что он умер, но и потому, чтобы меньше терзать Александру Федоровну, которая горюет очень сильно... А ее здоровье и нервы надо беречь... Если я поступил неправильно — прости. Но я уверен, что прав. Желаю тебе бодрости и сил в тяжелом горе...»

Все в этом письме Всеволода — его: и такт, и нежность, и сила... Да, случалось, знали его в деле и другим: резким, даже весьма крутым, но при этом никогда никого, пользуясь своим высоким положением, как говорится, «не подставил», не смял, не столкнул в пропасть. Подобные повадки были совсем не в его правилах, совсем не в его натуре...

Когда в ноябре сорок четвертого он стал секретарем по пропаганде Ленинградского горкома партии, другой секретарь горкома, Бадаев, подписал такую характеристику:

«Тов. Иванов как секретарь ОК и ГК ВЛКСМ вел большую работу по руководству партизанским движением в Ленинградской области... Имеет широкий политический кругозор. Отличительной чертой его является высокий уровень общей культуры, умение постоянно совершенствовать свои знания. Тов. Иванов инициативный и требовательный руководитель, обладает большими организаторскими способностями...»

Спустя всего пять месяцев — вызов в Москву. На должность второго секретаря ЦК ВЛКСМ.

— Представляете,— восклицает Ольга Николаевна,— в Москву мы приехали в День Победы! Этот счастливейший день в жизни Родины, казалось бы, и нам на новом месте сулил только хорошее, но вышло, увы, совсем иначе. Вообще-то Сева своим новым назначением тяготился, потому что трудно ему было сработаться с первым секретарем ЦК Михайловым... В феврале сорок девятого пришло с невских берегов известие о грозном выступлении на объединенном пленуме Ленинградских обкома и горкома ВКП(б) Маленкова. В злобных выражениях упоминались близкие нам имена... Чувствовалось: снова заваривается что-то страшное... (Помню, как в тридцать восьмом Сева не мог примириться с тем, что Косарев объявлен «врагом народа»; как терзался, когда арестовали давнего нашего друга, только что возглавившего Куйбышевский райком комсомола, Сашу Зерницкого.) И теперь сразу помрачнел лицом: «Неужели опять?»

В апреле Иванов выступил на XI съезде комсомола с докладом об изменениях в Уставе... Неожиданно его перевели в аппарат ЦК партии, инспектором...

— Тридцать первого августа,— продолжает Ольга Николаевна,— после безрадостного отдыха мы вернулись из Сочи. Назавтра с работы Сева заявился темнее тучи. Сказал, что табличка с его именем на двери кабинета уже снята, служебный пропуск отобрали... Вызвали в Комитет партийного контроля. Шкирятов кричал: «Почему ты, секретарь горкома партии по пропаганде, никак не реагировал, когда в Ленинграде на праздничной демонстрации несли портреты Кузнецова?!» Забрали партийный билет... Не находя себе места, уже чувствуя над головой занесенный топор, Сева тем не менее каждый день стал ездить в «Ленинку»: писал документальную повесть об изобретателе радиосвязи Александре Попове...

Ночью четвертого ноября у подъезда их дома на Беговой улице остановился «черный ворон», вошли двое. Предъявили ордер на арест. И она услышала его последние слова:

— Не беспокойся, Лелечка, все выяснится. Ничего плохого я не сделал...

Листаю копию протокола, составленного в ту ночь: «Изъято для доставления в МГБ СССР»: паспорт, военный билет, депутатский билет, ордена, медали, письма на имя Сталина и Маленкова (просил разобраться в «недоразумении»), книжка Иосипа Броз Тито «Борьба народов порабощенной Югославии» (это по тем временам был действительно криминал!), книги на русском языке, на иностранных (Всеволод знал немецкий и немного хуже — английский). В конце протокола: «После произведения обыска опечатано 3 комнаты „печатью МГБ СССР № 3“. Подполковник Лагин И. С., капитан Воронов А. С.».

Утром Ольга выяснила, что Сева — в Лефортовской тюрьме. Поспешила туда с передачей. Запомнилось: рядом с тюрьмой — испытательная башня авиазавода, и все время дико ревут авиационные моторы... Едва держась на ногах, вернулась на Беговую. Столкнулась в подъезде с соседями, которые раньше не раз бывали у них в гостях: с секретарями ЦК ВЛКСМ Шелепиным, Романовым, редактором «Комсомольской правды» Бурковым — и никто с ней не поздоровался.

Написала Сталину, потом — Маленкову... Из квартиры на Беговой пришлось перебраться в комнату на Ленинградском шоссе... Туда за ней и пришли в 1950-м, двадцатого октября... Судя по очередному протоколу «об изъятии», за год, что не виделись, знакомый капитан Воронов стал уже майором...

Сутки — на Лубянке, потом — Лефортово. Следователь Степанов настойчиво интересовался «шикарной» жизнью Кузнецовых, Попковых, но ничего такого она не помнила... Приговор: восемь лет исправительно-трудовых лагерей... На Севере, в поселке Абезь, рядом с нею были жены многих, погибших по «ленинградскому делу», а также Эллочка Харитонова, дочь расстрелянного секретаря обкома партии...

Весной пятьдесят четвертого пришло освобождение. Стыдно об этом писать, но в Ленинграде, в родном ЛЭИСе,

места для нее не нашлось. Зато радушно встретили в столичном Институте связи — там, где работала до ареста. В Козицком переулке получила двухкомнатную квартиру.

Вот и сижу я здесь сейчас, под портретом ее мужа. Держу в руке чудом не сгинувшие часы с выгравированными словами на крышке: «Всеволоду Иванову от московских друзей в дни Отечественной войны. МК и МГК ВЛКСМ. Май 1942 г.» — подарок к его тридцатилетию. Читаю справку: «Дело по обвинению Иванова Всеволода Николаевича пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР 26 мая 1954 года. Приговор Военной Коллегии от 28 октября 1950 года по вновь открывшимся обстоятельствам отменен, и дело за отсутствием состава преступления в уголовном порядке прекращено...»

В 1959-м Комитет Партийного Контроля при ЦК КПСС подтвердил членство Всеволода Николаевича Иванова в рядах Коммунистической партии Советского Союза.

И еще знакомлюсь с горькой перепиской.

Ровно двадцать лет назад обратилась Ольга Николаевна к тогдашнему первому секретарю Ленинградского городского комитета ВЛКСМ с письмом:

«...В дни славного пятидесятилетнего юбилея Ленинского комсомола, когда комсомол вспоминает и отдает заслуженную дань своим воспитанникам, я обращаюсь к Вам с просьбой помочь мне получить разрешение на установку (конечно, за собственный счет) надгробной плиты на Пискаревском кладбище в память безвременно и трагически погибшего Всеволода Николаевича Иванова...»

Ответа от секретаря горкома вдова не дождалась.

Тогда она обратилась с той же просьбой в Президиум XVII съезда ВЛКСМ. Письмо переправили в Ленгорисполком, откуда Ольгу Николаевну равнодушно известили: не положено...

Ну почему же, в конце концов, «не положено», если, конечно, у нас действительно «никто не забыт и ничто не забыто»? Ведь был же Всеволод Иванов блокадником, и в том, что ленинградская комсомолия за подвиг в Великой Отечественной награждена орденом Красного Знамени, есть немалая заслуга и ее вожака, погибшего по преступному «ленинградскому делу»... Может, все-таки «положено»?

А пока что заслуженный деятель науки и техники РСФСР, доктор технических наук, кавалер орденов Лени-

на, «Знак Почета» и медали «За оборону Ленинграда», профессор Московского института связи,— смогла она создать самому любимому человеку только тот памятник, который был в ее силах. Ее фундаментальный учебник для вузов «Электронная коммутация» вышел со строчкой на титульном листе: «Памяти Всеволода Николаевича Иванова посвящаю...»

ВСЕВОЛОД ЧЕРНЕЦОВ

Увидев нового заключенного, начальник Александровского централа поинтересовался:

— На сколько к нам?

— На пятнадцать лет.

— Только веди себя хорошо.

— А что это даст?

— Тех, кто себя хорошо ведет, мы хороним в гробах,— осклабился начальник...

Вот такая «светлая» перспектива появилась у бывшего депутата Верховного Совета РСФСР, бывшего члена Бюро ЦК ВЛКСМ, бывшего первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВЛКСМ Всеволода Чернецова...

Там, на нарах, у него было достаточно времени, чтобы не раз и не два вновь перебрать в памяти свою жизнь...

Старый дом на Расстанной. Коммуналка. Отец, появляющийся после рейса с неизменным железным сундучком в руке: он машинист, водит поезда до неведомой сыну загадочной станции со странным названием — Дно... Сын отцу старался подражать и однажды очень удивился, увидев, что тот плачет...

— Ты что? — спросил Севка.

— Умер Ленин...

В те черные дни Илья Васильевич подал заявление в партию.

Школа на Тамбовской... Его приняли сразу во второй класс: читать и считать умел. Позже одновременно занимался в нескольких кружках: в физическом — ну это само собой; в струнном — играл в оркестре на балалайке, домре; в спортивном — лихо бегал, поднимался по канату, сражался на буме, занимался «по Сокольскому» гимнастикой, а еще — баскетбол, второй разряд шахматиста...

Пионерские сборы: серебряные звуки горна, дробь барабана, и обязательно звонким хором — про то, что

«мы, пионеры,— дети рабочих...». Комсомольские собрания, и тоже непременные песни — про «сотню юных бойцов из буденновских войск», про «штурмовые ночи Спасска, волочаевские дни...». В общем, где враги, где «наши» — все это было раз и навсегда определено, не вызывало никаких сомнений. Поэтому, когда газеты сообщили, кто убил Кирова, на сердце было хоть и очень тяжко, но по крайней мере понятно: конечно, они — троцкисты, зиновьевцы... Кто же еще на такое способен!

Всеволод теперь уже учился в Индустриальном институте. Снова, как и в школе,— один из главных комсомольских активистов. Но тут пришлось задуматься: почему, например, тех, кого мандатная комиссия не пропускает в военное училище или академию, непременно требуется сразу же лишать комсомольского билета? А в 1937-м стали арестовывать и таких, в чью виновность поверить ему было уж никак нельзя: например, родного дядю, члена партии с девятьсот семнадцатого; или соседа-коммуниста... «Хорошо, что отец не дожил до этого ужаса»,— подумалось однажды сыну...

Молодого инженера распределили на Кировский завод, в конструкторское бюро отдела главного механика. Однажды собрал главный инженер совещание: «Кто возьмется исправить старый мостовой кран?» Чернецов слышит, как рядом шушукаются: «Этой рухляди уже никто и ничто не поможет...» Поднялся: «Берусь. Только выпишите мне свободный пропуск, чтобы мог и до, и после работы задержаться...»

Заглянул в родной институт — посоветоваться. Выслушав недавнего своего питомца, профессор покачал головой: «Зря вызвался. Кран старый, его уже не раз ремонтировали, значит — весá нарушены, перекосы, износы...» Всеволод и сам понимал, что это так: уже обнаружил на кране неравномерность распределения нагрузок. И все же принялся за дело. Составил схему работ, принес к главному: «Нужно столько-то слесарей, столько-то монтажников...» Полторы недели пропадали там. И кран пошел.

Назавтра — крик: «Чернецова к директору!» Всеволод обеспокоился: «Может, кто-то сообщил, что я часто не сижу на рабочем месте, шатаюсь по заводу?» Время было суровое, борьба за трудовую дисциплину шла жесткая, опоздание и прочие подобные нарушения грозили даже тюрьмой... Но, оказывается, Зальцман вызывал по совсем другому поводу:

— Ты кран отремонтировал? Молодец! Второго оклада хватит? Ну и все, ступай...

Под горячую руку ввели Всеволода в БРИЗ. А дальше началось: «Чернецов, паровая турбина встала, выручай!» — «Но это ж совсем не по моей специальности!» — «Все равно выручай, ты головастый...» Что делать: издержки «популярности». И по общественной линии двинули...

В конце 1940-го ему поручают руководство Кировской районной комсомольской организацией, крупнейшей в городе...

— В то недоброе воскресенье, двадцать второго июня,— вспоминает Всеволод Ильич,— едва услышав по радио выступление Молотова, я поспешил в райком, оттуда — на улицу Куйбышева, где располагались обком и горком комсомола... Первый секретарь Всеволод Иванов открыл совещание... Свои новые задачи определили быстро... У нас, за Нарвской, как и в других районах города, почти сразу начали создавать части и соединения народного ополчения, истребительные батальоны, отряды для боевых действий во вражеском тылу... Коммунисты, комсомольцы, беспартийные приходили с требованием немедленно направить на фронт. Многие обращались непосредственно к секретарю райкома партии Ефремову, председателю исполкома Исакову, ко мне. Кстати, в ополчение записались двадцать пять членов райкома партии, двадцать три работника аппарата райкома, шесть членов бюро Кировского райкома ВЛКСМ... Я тоже, тайком от Иванова, подал такое заявление. Назавтра звонят: «Ты утвержден замполитом по комсомолу, приходи в ДК». Отдал я райкомовскую печать Васе Мокшеву, распрощался — и за дверь. Но, увы, ополченцем был недолго. Позвали к телефону. Иванов на том конце провода бушует: «Приезжай немедленно! Мы тебя из партии исключим за то, что райком бросил!» Приехал. Оказывается, Иванов успел уже доложить о ЧП Кузнецову. Алексей Александрович тоже был возмущен моим самоуправством, но потом сменил гнев на милость: «Надо бы его привлечь к партийной ответственности, да ладно, пусть возвращается в райком...»

В течение нескольких недель две трети районной комсомольской организации ушло в Красную Армию, народ-

ное ополчение (свыше шести тысяч молодых патриотов!), истребительные батальоны, комсомольский полк противопожарной обороны, группы самозащиты... Враг под стенами города — и по призыву райкома воспитанники комсомола строят доты, роют противотанковые рвы. Чем еще тогда занимались Всеволод «со товарищи»? Подобрали для военкоматов молодых помощников: разносить повестки. Мобилизовали парней на разгрузку барж в порту. Занялись оборудованием чердаков, которым грозили зажигательные бомбы... Организовали и тех, кто в кинотеатрах и других общественных местах подсоблял милиции выискивать дезертиров...

По инициативе Чернецова на Кировском заводе возникли двадцать три комсомольско-молодежные бригады, которые энергично осваивали вождение тяжелых танков «КВ». Скоро около двухсот молодых танкистов-водителей ушли отсюда на фронт...

Отправив маму и сестру в эвакуацию, Всеволод поселился в своем рабочем кабинете. В ту первую блокадную зиму тут тоже было темно и стыло: в окнах вместо стекол — фанера, «буржуйка» с трубой, выходящей в форточку, едва грела — в общем, комсомольские билеты приходилось вручать, не снимая шапки и полушубка. И виновникам торжества тоже, естественно, запрещал разоблачаться... С голоду и он, и его друзья-товарищи — Вася Мокшев, Тамара Гусарова, Оля Шейфер — стали много пить воды. Опухли, пальцы на руках не сходились...

Но все равно распускаться нельзя. И снова отправлялся Чернецов на Кировский завод — шлагбаум на подходах к стенам Кировского, перегораживавший проспект Стачек, был для секретаря райкома открыт в любое время суток. Вновь спешил сюда, чтобы подбодрить девчат из фронтовых комсомольско-молодежных бригад Нины Солдатовой, Валентины Королевой, Маши Забирохиной, чтобы поддержать славный участок, который возглавил молодой мастер Саша Левицкий, чтобы помочь ударной смене Таси Калятиной...

И разве забыть сегодня Всеволоду Ильичу девчат из групп МПВО, сандружин, бытовых отрядов... Сами падая от усталости, комсомолки прочесывали темные, заледенелые лестницы и отыскивали тех, кто уже не мог передвигаться, спасали от беды... Помнит и новогоднюю елку в бомбоубежище, расположенном под ДК имени Горького: ребятишки потрясенно смотрели на гирлянду разноцветных лампочек, каждый прижимал подарок — этот

праздник устроили для них тоже комсомольцы. А еще врезались в память Всеволоду Ильичу их воскресники — и по сносу ветхих деревянных зданий, на топливо, и по сбору шихты для литейных цехов...

Партбилет Чернецову вручили в феврале сорок второго, а весной сорок третьего его выдвинули в комсомольский горком, заведующим организационно-инструкторским отделом. Спустя полтора года он сменил Иванова на посту первого секретаря Ленинградских обкома и горкома ВЛКСМ...

В 1944-м на улицах появился плакат, сразу же ставший очень популярным: на фоне Ростральной колонны — девушка со строительным мастерком, и слова: «Мы отстояли Ленинград, мы его восстановим!» Враг разрушал город с безжалостной методичностью и ожесточением, и теперь молодые дали слово вернуть ему прежний облик, сделать еще краше, позаботиться о возрождении всей ленинградской земли...

Ныне персональный пенсионер республиканского значения Михаил Иванович Горбачев, который в ту, уже давнюю пору работал вторым секретарем обкома ВЛКСМ, вспоминает, каким в высшей степени требовательным, ответственным в деле был Чернецов, как, несмотря на некоторую свою «суховатость», привлекал к себе вот именно этой своей одержимостью. При малейшей возможности отправлялся первый секретарь то на строительную площадку, то в заводской цех, то на колхозную ферму, то в студенческое общежитие...

За добрые дела, за все то, что сыны и дочери города на Неве свершили в ратные дни и после, Ленинградская городская организация ВЛКСМ была награждена орденом Красного Знамени. Почетную награду выпало получать Чернецову. Несколько дней спустя на его грудь прикрепили орден Ленина — рядом с орденом Красной Звезды, медалями «За трудовое отличие» и «За оборону Ленинграда»...

Однажды звонит Чернецову его старая школьная учительница, Людмила Николаевна Леончукова:

— Сева, ты стал таким большим начальником! Помоги, пожалуйста, Ване Панкратову — помнишь, из твоего класса? Он окончил педагогический, работал до войны учителем в сельской школе, оказался на оккупированной

территории. И теперь за это Ваню вызывают в обком партии, на парткомиссию, чтобы исключить из членов ВКП(б). Пожалуйста, помоги, Сева...

Чернецов хорошо знал, что к тем, кто не по своей воле оказался в оккупации, отношение суровое, что защищать таких опасно, однако тут же направился к председателю парткомиссии.

— Ты за этого Панкратова можешь поручиться?— хмуро перебил Чернецова председатель.

— Хотя и не виделись пятнадцать лет, но могу.

— Ну ладно, а если что, пеняй на себя,— пригрозил председатель.

— Хорошо, буду пенять...

Назавтра звонит Людмила Николаевна, голос аж звенит:

— Спасибо, Севочка, и от меня, и от Вани...

На том объединенном пленуме Ленинградских обкома и горкома ВКП(б), в феврале 1949-го, Чернецова не было: лежал в больнице... Когда спустя чуть больше месяца уезжал на XI съезд комсомола, новый первый секретарь обкома и горкома партии Андрианов дал указание:

— Будешь выступать — критикни Иванова.

— За что? У меня нет для этого оснований.

— Плохо, если нет...

Однако на съезде и в состав Центрального Комитета ВЛКСМ его избрали и в Бюро ЦК.

Только вернулся — опять Андрианов:

— Надо давать материал на Кузнецова, Попкова как врагов народа...

— У меня нет такого материала...

Срочно затребовали в ЦК ВЛКСМ. Заседание Бюро вел Михайлов. Предложил вывести Чернецова из состава Центрального Комитета ВЛКСМ. Все за это молча проголосовали. Спустя пару дней подобная процедура — столь же мигом — свершилась на пленуме Ленинградских обкома и горкома комсомола, который вел секретарь ЦК Шелепин. В общем, «освободили»...

Накануне его вызова на бюро обкома партии инспектор парткомиссии все пыталась вытянуть из Чернецова «факты преступной связи с Кузнецовым». В частности, ухватилась за «теплые» слова, которыми Алексей Александрович когда-то напутствовал комсомольского вожака, только-только занявшего высокий пост.

Там и оставил партбилет...

Еле нашел работу. На работе и арестовали... Отвезли в печально известный большой серый дом на Литейном... Потом — Москва, Лефортовская тюрьма. Следователь по особо важным делам майор госбезопасности Левшин предупредил сразу:

— Учти, я накопил большой опыт допросов. Максимум через две недели подпишешь все.

Так Чернецов узнал, что такое лефортовский «конвейер»: это когда после многочасового допроса следователь отправляется спать, а тебя оставляют под охраной двух штыков. «Сидишь час, три, пять,— вспоминает Всеволод Ильич,— чтобы не заснуть, считаешь, до тысячи по-русски, по-немецки... А провалишься ненароком в дрему — сразу толчок: нельзя!»

Потом — снова допрос, снова все те же требования:

— Подпиши, что вел линию на отрыв Ленинградской партийной организации от ЦК ВКП(б).

Удар в лицо... Карцер...

Когда после приговора Военной коллегии его вели в камеру, по дороге встретился Левшин:

— Чернецов, сколько тебе влепили?

— Пятнадцать лет тюремного заключения плюс пять лет поражения в правах.

— Ну, столько не просидишь...

— Почему?

— Раньше сдохнешь...

Сибирь. Александровский централ... В детстве Всеволод не раз слышал старинную народную песню:

Далеко, в стране Иркутской,
Между двух огромных скал,
Обнесен стеной высокой
Александровский централ...

За что на нем, комсорге блокадного Ленинграда, недавнем еще депутате Верховного Совета России, эта полосатая каторжная одежда? Почему, на каком основании он здесь?! Правда, рядом, на нарах, такие же, ни в чем не виновные люди: бывший секретарь по пропаганде Ленинградского горкома партии Александр Иванович Маханов; Иван Дмитриевич Дмитриев, который до войны возглавлял Лужский райком партии, затем был комиссаром пятой партизанской бригады, а когда закончилось сражение, работал в обкоме партии, руководил облисполкомом...

Хорошо хоть, что помощник начальника тюрьмы по режиму разрешил пользоваться местной библиотекой. Выглядела «библиотека» так: открывалась «кормушка» — и в камеру швыряли книги. Сорок арестантов бросались их подбирать. Доставалось — кому что... Чернецов, к примеру, таким образом постигал Вергилия...

Раз в четыре месяца позволялось отправить письмо. Из всех тех весточек сегодня в их семье сохранилась лишь одна:

«Милая Надюша... Как ты там, моя дорогая, со всем справляешься, а главное — с тяжелым материальным положением? Только не надо хандрить и унывать, это ничего не изменит, но подорвет твое здоровье и отразится на сынульке. Меня очень радует, что Андрейчик растет развитым мальчуганом... Раз ты с ним, сынуля будет хороший. Воспитывай так, как подсказывает чутье. Надо только помнить, что ребенок не игрушка и не забава для взрослых, а Человек, и очень важно нам с тобой передать ему свой опыт...»

Но скоро от сына забрали и маму. Вот такой документ есть в их семье:

«Дано ссыльной Чернецовой Надежде Владимировне... в том, что она строго ограничена в правах передвижения и обязана проживать в поселке Ангарский Богучанского района Красноярского края. Чернецова Н. В. состоит под гласным надзором в Богучанском РО МГБ Красноярского края и обязана являться на регистрацию каждого 1-го и 16-го числа. При отсутствии отметки о своевременной явке на регистрацию удостоверение недействительно...»

Начальник тюрьмы «развлекался»:

— Чернецов, знаешь, чем я отличаюсь от того начальника, который был тут хозяином до революции?

— Понятия не имею.

— Тот начальник, Чернецов, мог тебя повесить без суда и следствия, а я — только расстрелять...

Очень удивился начальник, когда однажды, в 1954-м, Чернецов внешне спокойно встретил известие: «Освободить за отсутствием состава преступления...»

— Чего не радуешься? Даже, вроде, не удивлен?

— Я с первого дня ждал этого. Знал, что так будет.

Жадно смотрел в закопченное вагонное окно: поезд мчался, а ему казалось, что никогда не доползет до Москвы. В Москве ответственное должностное лицо известило Чернецова, что за все перенесенное ему положено денежное возмещение в сумме пятнадцать тысяч рублей,

предложило билет во МХАТ. От пятнадцати тысяч Чернецов отказался, театральный билет попросил заменить на железнодорожный, до Ленинграда, и еще — немедленно соединить по междугородному телефону с родными.

Он вернулся в Ленинград. Получил — взамен отобранной — очень скромную по габаритам квартиру. Ему возвратили партийный билет. Работал. Защитил диссертацию. С 1962-го проректорствовал в Северо-Западном политехническом институте. И до сих пор здесь трудится: профессор кафедры технологии материалов и сварки.

Как-то в Центральном Комитете ВЛКСМ собрали всех оставшихся в живых первых секретарей комсомольских обкомов военных лет. На той встрече вручили Всеволоду Ильичу Почетную грамоту ЦК: «За мужество и самоотверженность, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, большой вклад в коммунистическое воспитание молодежи...»

Была минута молчания и в память о Всеволоде Николаевиче Иванове, погибшем в абакумовских застенках...

Комсомольские вожаки нашего города, нашей ленинградской земли... Юные комиссары тех, очень давних уже лет... Как же трагически — за крайне редким исключением — сложились ваши судьбы, как рано многие из вас ушли из жизни...

Умер от сыпняка в 1919-м Вася Алексеев. Расстрелян в 1937-м Оскар Рывкин. Погиб в 1920-м Владимир Петропавловский. Умер от тифа в 1929-м Михаил Глерон. В 1937-м не стало Рахмиила Слосмана, в 1935-м, в ссылке,— Исаака Кагана. В 1937-м расстрелян Борис Брейвас. В 1939-м — Петр Смородин. В декабре 1934-го уничтожили Андрея Толмазова и Владимира Румянцева. В январе 1935-го бросили в тюрьму, на скорую погибель, Леонида Файзиловича, Якова Цейтлина, Александра Александрова. В 1938-м расстреляли Сергея Соболева и Георгия Иванова. В 1937-м в лагерь особого режима заключили Романа Владимирова. В 1939-м погиб Иосиф Вайшля. В 1937-м оказались за тюремной стеной Сергей Уткин и Алексей Савельев. В 1938-м был репрессирован, а позже уничтожен Аркадий Любин...

Всеволод Иванов в хронологическом списке вожаков петроградской и ленинградской комсомолии занимает двадцать седьмое место, Всеволод Чернецов — двадцать

восьмое. И только пятеро из этих двадцати восьми — страшно подумать: только пятеро!— избежали столь несправедливой, столь жестокой участи...

СЛАВА И ТРАГЕДИЯ МУЗЕЯ

Быть бы нам чуть-чуть полюбопытнее: какие встречи могут подарить старые ленинградские квартиры!..

Пришел к Раисе Леонидовне Любович. Слушаю ее рассказ о 1941-м: как в июле с другими где-то под Новгородом копала противотанковые рвы; как потом, оборванная и голодная, по почти перерезанной гитлеровцами дороге чудом добралась до родного города; как затем на Литейном, в доме Красной Армии, вела занятия по противовоздушной обороне...

И вот — документ:

«Настоящая справка дана т. Любович Р. Л. в том, что она работает на выставке «Великая Отечественная война советского народа против немецких захватчиков» с 22 июля 1942 года».

Ну кто помнит сейчас, что в отчаянную для города пору, сразу же после первой блокадной зимы, в Ленинграде была открыта такая выставка? Одним из участников ее создания, говорят, был замечательный человек Лев Львович Раков. Крупный ученый, он, вступив в народное ополчение и затем став лектором фронтового Дома Красной Армии, вместе с начальником ДКА Николаем Семеновичем Лазаревым много занимался подготовкой этого своеобразного и в общем-то довольно неожиданного по времени вернисажа. Впрочем, почему — неожиданного? Что касается Ракова, то он вообще считал: «Музеи надо создавать по горячим следам, а не сто лет спустя». Весной 1942 года в здании на углу 1-й Красноармейской и Измайловского проспекта (там бы мемориальную доску!) открылась экспозиция.

Раиса Леонидовна сначала была здесь смотрителем. Постепенно начала водить экскурсии. Вспоминает:

— В экспозиции было довольно много разного оружия, и ленинградские мальчишки, самые частые наши гости, от дистрофии еле державшиеся на ногах, непременно старались что-нибудь умыкнуть: кто — револьвер, кто — каску... Осколки от вражеских снарядов, которые тоже экспонировались, их не интересовали: такие осколки они на улицах подбирали сами... Когда начинался обстрел (а этот район обстреливался интенсивно), я обычно

сажала мальчишек в танк «Т-34», который на этот случай всегда стоял с открытой башней...

Или, например, такой штрих. Был у них кабинет трофейного оружия, где экспонаты тоже играли совсем особую роль: там инвалид еще предыдущей, финской, войны Василий Александрович Тихомиров обучал наших бойцов, как надежно владеть этими пистолетами, автоматами, пулеметами, если удастся добыть их в бою... Да, приходили сюда воины, приходили горожане, приходили посланцы иных, далеких краев, прибывшие в Ленинград с подарками, адресованными защитникам невской твердыни, и встречали их здесь, в доме на 1-й Красноармейской, Раиса Любович, Раиса Богорад, Елена Лашкова и другие — очень хрупкие на вид, но мужественные духом люди.

В декабре 1943 года Военный совет фронта издал приказ о сооружении вместо выставки на 1-й Красноармейской другой, под названием: «Героическая защита Ленинграда», на территории бывшего Соляного городка.

И вот в пустые промерзшие залы пришли строители. Там, за стенами, рвались снаряды, по проспектам к линии фронта днем и ночью двигались войска, но общая вера в скорую победу была такая, что самый большой зал выставки уже тогда, в декабре, решили посвятить общей мечте — скорому разгрому немцев под Ленинградом. В январе эта мечта стала явью.

Трудились самозабвенно — и в комнате № 123 Дома Красной Армии, где сначала под руководством майора Ракова находился штаб будущей выставки, и в самом Соляном городке. С фронта сюда поступали все новые экспонаты: боевые танки, самолеты, трофеи, собранные на полях сражений. Днем и ночью печатались фотодокументы. Художники-оформители корпели над картами, схемами, диаграммами. Рабочие макетных мастерских сутками не отходили от станков, изготовляли модели танков, орудий, автомашин. Отряды курсантов, красноармейцев и бойцов МПВО расставляли в залах пушки, боеприпасы, насыпали земляные укрепления, точно соответствующие настоящим... И день за днем спешили сюда просто ленинградцы, просто блокадники: кто-то, разбирая завал разрушенного бомбой дома, нашел письма схороненного под обломками хозяина квартиры; кто-то нес школьный дневник погибшего сына; кто-то — любимую книгу дочери, то-

же отдавшей жизнь за Родину... Вот на таком накале чувств и родилась та незабвенная выставка — меньше чем за пять месяцев!

Она открылась в канун Первомая, и, увидев ее, люди испытали потрясение... Потом, в Музее, это впечатление было еще оглушительней...

Тихо шли из зала в зал... Вот тот зловещий листок календаря: 22 июня 1941 года — и казалось, прямо на тебя с панно ползут фашистские танки... Там, на дальних подступах, уже идет битва за Ленинград, и здесь сейчас ты вновь воочию ощущаешь, как город становится фронтовым: эвакуируется в тыл завод, родители прощаются на вокзале с детьми, упаковываются в ящики ценности Эрмитажа...

Ты подходишь к рваному пролому кирпичной стены, на которой — обрывки афиш Большого зала Филармонии, Зала камерных концертов и табличка: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна!», а там, за проломом, в глубине — угол Невского и Садовой. Ты видишь: взрывом поврежден трамвай, люди ищут убежища от снарядов, многие в крови на земле. И учащенно бьется метроном, и голос из репродуктора напоминает так хорошо знакомое тебе, как и любому, впрочем, ленинградцу: «Населению укрыться!..» Стоишь, как у раскрытой могилы...

Ты приближаешься к затянутому морозом окну ленинградской булочной, где чья-то варежка уже протерла во льду на стекле небольшую «глазницу», и там, по ту сторону окна, можно различить весы: на одной чаше — хлебная пайка, на другой — две маленькие гирьки. Сто двадцать пять граммов...

Ты — на Дороге жизни. Осторожно двигаются по трассе полуторки, зияют полыньи... Ты сейчас тоже очень медленно следуешь по этому страшному, холодному пути: подсвеченные изнутри колонны из оргстекла между диорамами — как глыбины льда...

Да, все это потрясало — и объявление, снятое с афишной тумбы: «Меняю рояль «Беккер» на 200 гр. хлеба»; и разбитый трамвайный вагон с хлебной карточкой на скамье, залитой кровью... И, наверное, мало кто знал, что своим впечатлением прежде всего обязан главному художнику выставки Николаю Михайловичу Суетину и его помощникам — Кириллу Леонардовичу Иогансену, Василию Александровичу Петрову, Анне Александровне Ле-

порской. Именно благодаря их таланту эта экспозиция в израненном, потерявшем около миллиона жителей, измученном осадой городе обрела такой резонанс. Конечно, все имело значение: героизм и трагичность темы, искренняя взволнованность устроителей, участие великолепных художнических сил. Однако повторю: в первую очередь руководство Суетина, признанного лидера искусства экспозиционного ансамбля, не могло не сказаться на высоких эстетических достоинствах выставки.

Немало внимания Николай Михайлович уделил элементу театрализации, создавшей впечатление подлинности событий. Представь, читатель, например, такое: прежде чем попасть «к партизанам», ты непременно входишь в кабину настоящего самолета «Р-5» и через иллюминатор видишь внизу партизанский лагерь с сигнальными кострами для посадки. Представь дерево с голыми ветвями во вводном зале партизанского раздела, которое сразу, без лишних слов, напоминает о суровости военной зимы. Представь, наконец, высокий длинный зал: огромные живописные батальные панно служат здесь задниками для настоящих трофейных орудий и танков; и как бы из гущи боя, изображенного на торцовой стене, вырывается на зрителя в бреющем полете подвешенный под потолком, кажущийся в закрытом помещении простотаки гигантским, подлинный бомбардировщик Героя Советского Союза Плоткина, бомбивший Берлин еще в сорок первом... «До Петербурга —50 километров» — написано по-немецки на дорожном указателе. Под указателем — груда искалеченного трофейного оружия. И дальнобойное 240-миллиметровое, стрелявшее по Ленинграду,— по Кировскому заводу, по Эрмитажу, по Дворцу пионеров, тоже тут. А рядом — грандиозная пирамида (высотой в восемь метров!) из пробитых немецких касок, властно напоминающая о черепах верещагинского «Апофеоза войны». Идею пирамиды предложил Раков.

Повторю: успех выставки оказался феноменальным. За полтора года — полмиллиона посетителей (почти весь город, ведь населения тогда в Ленинграде было меньше восьмисот тысяч) — таков ее первый итог. В числе прочих гостей очень добрые слова в книге отзывов оставили маршал Жуков, генерал Эйзенхауэр, настоятель Кентерберийского собора господин Джонсон, госпожа Черчилль, Алексей Толстой, Джон Пристли... Правительство РСФСР приняло решение о преобразовании выставки в Музей

обороны Ленинграда,— он открылся, когда город отмечал вторую годовщину окончательного разгрома гитлеровцев на невских берегах.

Добавились новые залы, новые экспонаты. Немыслимым заревом (двадцать пять тысяч электролампочек под потолком!) осветился Зал Победы, воспевший подвиг воинов-ленинградцев, их ратный путь от Вороньей горы до Курляндии... Какие удивительные встречи случались под этой крышей! Допустим, ты остановился у скульптурного портрета командира Пятой партизанской бригады Героя Советского Союза Константина Карицкого, оглянулся на соседа — одно лицо! Точно, это он, Константин Дионисиевич Карицкий, заведующий партизанским отделом музея... Читаешь рапорт в витрине в штаб военного округа «от бывшего красного партизана гражданской войны Бессонова Николая Никаноровича» с просьбой послать его на фронт с шестью сыновьями и двумя дочерьми, и вдруг оказывается, что девушка рядом, которая вглядывается в этот документ почему-то повлажневшими глазами,— как раз одна из тех дочерей: недавно вернувшаяся к мирному труду Клавдия Бессонова. Смотришь на тысячекилограммовую германскую авиабомбу — ту самую, из «Пулковского меридиана» Веры Инбер («В пролет меж двух больничных корпусов, в листву, в деревья золотого тона, в осенний лепет птичьих голосов — упала утром бомба, весом в тонну. Упала не взорвавшись...»),— и вдруг выясняется, что тут же, в зале,— капитан Александр Ханукаев, который тогда, 27 сентября 1941 года, на территории больницы имени Эрисмана эту самую бомбу разрядил... Ты чутко вслушиваешься в рассказ Нины Нониной о подвиге гвардейцев 45-й дивизии и не представляешь, *что́* сейчас творится в сердце экскурсовода: ведь с портрета на нее пристально смотрит родной братишка, Володя, гвардии старший лейтенант, девятнадцатилетний парторг полка, погибший в том атакующем броске под Пулковом. Ее Володька, которому Ольга Берггольц посвятила реквием: «...Безусый мальчишка, гвардеец и школьник, поднялся — и цепи штурмующих поднял...»

Вот какие случались здесь коллизии... И не позволяла себе Нина-Ниночка, молоденькая солдатская вдова, потерявшая в войну мужа и единственного брата, на людях распускаться, дать волю своему горю. Целиком, казалось, сверх всяких возможных сил, стараясь занять себя делом, музеем, который сразу стал для нее вторым, да нет же — единственным домом! Впрочем, точно так же было здесь и у других ее коллег, тоже безвременных солдат-

ских вдов, еще не свыкшихся со своим новым вдовьим положением,— у Капитолины Сотиной, у Кати Казимовой, у Клавы Шаршуковой, у Тамары Камышниковой, у Веры Косюк... Точно так же было у Раисы Любович, у Нины Удимовой, у Елены Элькин, у Зинаиды Эдельштейн — всех не перечислишь. А пример страстного отношения к делу брали они, конечно же, со Льва Львовича Ракова...

Это был человек воистину удивительных дарований... Еще студентом Университета начал водить экскурсии по Русскому музею, причем столь хорошо, что совсем скоро получил назначение в просветотдел, методистом. Затем — научная работа. Свой яркий экспозиционный талант впервые проявил при создании выставки «Война и искусство». Закончив аспирантуру в Историко-лингвистическом институте по специальности «античная история», преподавал сразу и в ЛГУ, и в Герценовском. (Один из его тогдашних студентов, ныне — седовласый профессор, вспоминает: «Когда Лев Львович поднялся на кафедру в своем ослепительном костюме...» А у Ракова тогда и был-то один-единственный костюм: просто так умел носить!) Светлоглазый, высокий, красивый, он в любых обстоятельствах отличался блестящей элегантностью...

Преподавая, одновременно становится научным сотрудником Эрмитажа (в отделе античного мира), потом — ученым секретарем музея. Именно тогда сформировался его редкостный талант администратора, способного, как никто другой, возглавить работу, воодушевить сотрудников, поддержать их инициативу, помочь советом, опытом и при этом меньше всего оставаться «начальником», но непременно — товарищем.

Писал научные работы — по древней истории, по военной истории России XVI—XIX веков. С блеском защитил кандидатскую диссертацию — о происхождении на Руси христианства. Являлся одним из самых крупных в стране знатоков российского военного костюма.

Когда в 1937-м по подлому навету оказался в «Крестах» (кто-то донес, что на выставке «Военное прошлое русского народа» якобы «пропагандируется белогвардейская форма»), писал там стихи постоянно. Там, в тюремной камере, родился целый поэтический сборник «Сентиментальное воспитание» (какой силой духа надо было обладать, чтобы вот так, иронично, озаглавить строки, появившиеся при таких обстоятельствах).

Обращался из заточения к дорогому человеку:

Я не могу не думать о тебе
И думать о тебе не в силах боле:
Остатки сердца сплавились в борьбе,
Остатки мозга высохли в неволе...

В 1939-м, по настоятельному ходатайству Иосифа Абгаровича Орбели, его выпустили. Снова — Эрмитаж, снова — любимое дело, очередные научные статьи: «К проблеме разложения рабовладельческой формации», «О законах движения античного общества»...

Когда грянула Великая Отечественная, вступил в народное ополчение. Однако в политотделе вскоре спохватились: какой блистательный лектор для бойцов пропадает! За «политическую работу в боевых порядках войск» во время операции по прорыву блокады Ленинграда и под Синявином был награжден орденом Отечественной войны.

Его огромная работа по созданию музея была отмечена вторым орденом Отечественной войны.

Пришел в мастерскую заслуженного архитектора РСФСР Василия Александровича Петрова. Вспоминая, как рождались музейные экспозиции, мой собеседник замечает:

— Когда спустя время, в шестидесятых годах, я работал главным архитектором Ленинграда, многие элементы, счастливо найденные в Соляном городке тогда, в сорок четвертом, использовал для формирования современной городской среды. Ну, например, помните надпись на гранитных цоколях Аничкова моста и Исаакиевского собора, хранящих на себе глубокие шрамы от артиллерийских осколков: «Это следы одного из 148 476 снарядов, выпущенных фашистами по Ленинграду в 1941—1944 гг.»? Так вот, идея такой таблички — оттуда, из музея. Или вспомните праздничный город: на Невском — яркие электрогирлянды, коралловое свечение колонн, алые «свечи»-фонари на Марсовом — и это тоже из Музея... Кстати, уже тогда, в 1945-м, закладывался нынешний Зеленый пояс Славы: по нашему с Иогансеном проекту поднялись первые обелиски — на Пулковской высоте, в Ульянке, Урицке, Ропше, Русско-Высоцком, Усть-Тосно...

Алексей Александрович Кузнецов был очень рад этому. Вручая мне орден Красной Звезды, сказал: «Спасибо, что запечатлели места боев для истории...» Но вскоре

Кузнецов, как секретарь ЦК, переехал в Москву. А потом было сфабриковано «ленинградское дело», в котором погиб и музей...

Я в гостях у члена партии с 1930 года, персонального пенсионера Григория Иосифовича Мишкевича. Комсомолец с 1923-го, он когда-то токарил на «Русском дизеле», потом в ленинградской молодежной газете «Смена» возглавлял производственный отдел, был делегатом IX съезда ВЛКСМ. На фронт ушел добровольцем. Под Ленинградом воевал с гитлеровцами, под Харбином — с японскими милитаристами. В 1946-м майора Мишкевича направили в Музей обороны Ленинграда заместителем директора по научной части. О том, что случилось позже, он и сегодня не может говорить без содрогания:

— Маленков затребовал путеводитель по музею. Узнав об этом, Лев Львович, который тогда уже работал директором Публичной библиотеки, сказал мне: «Судя по всему, нас ожидают крупные неприятности...» Как в воду глядел! И Маленков, а вслед за ним и новый первый секретарь обкома и горкома Андрианов размахивали нашим путеводителем, кричали: «Свили антипартийное гнездо! Создали миф об особой, «блокадной» судьбе Ленинграда! Принизили роль великого Сталина!» Позже прозвучало: «Готовили — на случай приезда великого Сталина — террористический акт: орудия заряжены, мины, гранаты не разряжены!..» Конечно, по нынешнему здравому разумению, все эти обвинения, казалось, гроша ломаного не стоили: Сталина в музее было больше чем достаточно — скульптурные и живописные его портреты высились, пожалуй, в каждом зале; орудия с просверленными стволами и разряженные гранаты давно стали безобидными игрушками; ну а что касается «мифа» об особой, «блокадной» судьбе города, то даже заикаться на эту тему просто-напросто кощунственно... И тем не менее...

И тем не менее после объединенного пленума Ленинградских обкома и горкома ВКП(б) Василий Пантелеймонович Ковалев, сменивший Ракова на посту директора музея, дал экскурсоводам указание: «У портретов Кузнецова, Попкова, Капустина не останавливаться». На картине «Жданов и Кузнецов у аппарата Бодо» фигура Алексея Александровича была замазана: на ее месте нарисовали... окно. Вскоре живописные изображения многих знаменитых участников битвы за Ленинград стали снимать. На парадных дверях появилась постоянная таб-

личка: «Музей закрыт по техническим причинам». Потом прибывший из Москвы новый директор Дубинин издал приказ о первой партии уволенных сотрудников...

Григорий Иосифович Мишкевич:

— На бюро горкома Фрол Козлов протянул руку: «Давай партбилет». И добавил, обращаясь к членам бюро: «С ним все ясно — исключаем за неправильное поведение при работе в Музее обороны Ленинграда...» Через несколько дней, ночью, за мной пришли... Три месяца одиночки, бесконечные допросы... Следователь Еремичев потрясал толстой тетрадью в синем коленкоровом переплете: «Тебе знаком этот контрреволюционный документ?!» А в тетради — периодизация музейной экспозиции, сделанная рукой Алексея Александровича Кузнецова, который относился к нашему детищу с обычной для себя горячей заинтересованностью... Поскольку подписывать клевету я отказывался, то испытать пришлось многое: и зубы выбили, и в карцер сажали не раз... По решению Особого совещания был на десять лет сослан под Воркуту, в Коми АССР. Заключенные горько шутили: «Здесь живут сто пятьдесят тысяч комиков и гораздо больше — трагиков...» Я работал в шахте. Освободили в конце 1954-го, почти одновременно со Львом Львовичем...

Наказание, которое то же Особое совещание определило Ракову, было суровее: двадцать пять лет лишения свободы с последующим поражением в правах на пять лет. Сослали и жену, Марину Сергеевну... Но и теперь, снова безвинно оказавшись за решеткой, на сей раз во Владимирском централе, Лев Львович не сломился, сумел сохранить в себе высокий дух, и великую работоспособность, и даже склонность к шутке...

Вот держу сейчас в руке миниатюрную книжку, на обложке которой значится: «О. Мандельштам. Разные стихи»,— он смастерил ее там... Рассматриваю другую его книжицу, побольше и потолще: «Л. Раков. Блокнот № 10» (значит, было еще как минимум девять других), где — рассказы, рисунки (рисовал блестяще — тут и Гамлет, и какой-то кавалергард, и, конечно, фрегат, и Гоголь)... Раскрываю солидный «ученый» труд «Судьба Онегина», где Раков от имени придуманного профессора С. И. Журавлева интереснейше размышляет по поводу «найденных» строф (как здорово сочинены!) великой поэмы... И, наконец, том в целых пятьсот (!) рукописных страниц. Название: «Новейший Плутарх». Поясне-

ние: «Иллюстрированный биографический словарь воображаемых знаменитых деятелей всех стран и времен. От А до Я. Основатель издания, главный редактор и иллюстратор — Л. Раков». И эрудиция, и выдумка, и озорство — словом, все в этом сочинении (вот бы издать сейчас) просто поражают. Кстати, на этот раз был у Ракова и соавтор: сосед по камере — академик Василий Васильевич Парин...

И писал Лев Львович в Ленинград, дочери:

«3.XII.53. Милая моя Настя-Настюша!.. Если ты похожа на меня,— я думаю, похожа, раз ты любишь те же книги, и музыку, и коньки, и друзей,— мне так о многом надо бы рассказать тебе, предупредить тебя о всяких возможных ошибках, которых трудно избежать, любя жизнь, как мы ее любим...»

Когда наконец отец к дочери вернулся (изможденный, со шрамом на щеке), они там, на лестнице перед дверью, долго не могли разорвать объятий...

Потом он заведовал Научной библиотекой Академии художеств. Писал монументальный труд по истории русской форменной одежды (увы, из четырех задуманных томов успел завершить лишь два). Совместно с Даниилом Алем сочинил две сатирические комедии: «Что скажут завтра» и «Опаснее врага», поставленные на сцене Ленинградского театра комедии Николаем Павловичем Акимовым... Да, этот человек одарен был богато и разносторонне, и когда Лев Львович Раков от всего пережитого слишком рано ушел из жизни, в тот печальный день наш город обеднел...

Во время работы XX съезда партии в Президиум съезда поступило заявление от бывшего заместителя директора Музея обороны Ленинграда Сергея Вениаминовича Якобсона:

«...В городах-героях нашей страны: Севастополе, Сталинграде и Одессе имеются музеи, посвященные обороне этих городов в дни Великой Отечественной войны... Только Ленинград, единственный из городов-героев, не имеет такого музея. Музей обороны Ленинграда существовал до 1949 года. Он был первым и наиболее крупным из подобных музеев, и опыт его организации был широко использован при создании музеев обороны в других городах-героях... До сих пор никто не знает, почему Музей обороны Ленинграда закрыт... В Музее истории города периоду обороны Ленинграда отведены три маленькие комнаты, которые не дают серьезного представления о происшедших событиях. Считаю, что этот вопрос должен

быть наконец решен и Музей обороны Ленинграда восстановлен...»

Тогда, в 1956-м, внимания на письмо коммуниста не обратили.

Но хочу верить, что однажды мы снова придем туда, в Соляной городок, и опять увидим то ледяное окошко булочной, ту высоченную пирамиду из вражеских касок, тот могучий бомбардировщик, который еще в сорок первом нанес свой грозный удар прямо по фашистскому логову...

* * *

Самой большой наградой мне как автору этого очерка стало возникшее вскоре после сменовской публикации мощное общественное движение: к нам буквально хлынули письма, поддерживающие позицию газеты; эстафету подхватили радиожурналисты, писатели; в городе образовалась группа содействия возрождению Музея обороны Ленинграда, затем — оргкомитет. На специальный текущий счет пошли добровольные денежные пожертвования. И наконец 24 апреля 1989 года Исполком Ленсовета принял решение о воссоздании Музея в его старых стенах, в Соляном городке...

ТРЕВОЖНАЯ ПАМЯТЬ

В. МИХЕЛЬСОН

Стоит ли ворошить прошлое? Стоит! Это все отчетливее понимают те, на чью долю выпал ужас сталинских лагерей и тюрем. Свидетельство тому — участие тысяч ленинградцев, пришедших на помощь режиссеру Геннадию Беглову в создании фильма о годах репрессий. И этот факт стал не последним доводом для Михаила Алексеевича Таирова, давшего, после долгих колебаний, согласие на беседу о своей непростой судьбе.

...Мы сидим с Михаилом Алексеевичем в его квартире. Вечереет. За окном причудливые темные силуэты деревьев со множеством переплетенных ветвей,— будто сложные переплетения в человеческих судьбах добра и зла, радости и отчаяния, безысходности и надежды. Мой собеседник говорит о далеком прошлом, словно это было вчера.

На исходе января сорок шестого года Михаил Алексеевич собирался по делам в Москву. Перед отъездом встретил А. А. Кузнецова, первого секретаря Ленинградских обкома и горкома партии. «В одном поезде поедем. Потолкуем под стук колес»,— сказал Алексей Александрович. Вспоминали, как Таирову, заведовавшему в 1941 году земельным отделом Леноблисполкома, после захвата врагом Тихвина поручили, не снимая с него обязанностей члена комиссии обкома партии по руководству северо-восточными, находившимися за блокадным кольцом, районами области, выехать в Хвойную в качестве уполномоченного Военного совета Ленфронта по воздушным перевозкам. Назначение было очень ответственным: в ноябре город лишился наземных транспортных путей, оказался на краю гибели — действие ладожской навигации резко сократилось, ледовой дороги еще не существовало. В этой критической обстановке Таиров должен был добиться регулярной отправки в Ленинград с полевых аэродро-

© В. Михельсон, 1990

мов Хвойной и Кушаверы загруженных продовольствием транспортных самолетов Московской авиагруппы особого назначения. Здесь и проявилось присущее Михаилу Алексеевичу организаторское дарование.

Из автобиографии М. А. Таирова. «Родился в тверской деревне Городок в 1906 году. В 10—12 лет владел плугом, косой, цепом. В дальнейшем сама жизнь, любовь к земле привели на учебу в сельхозтехникум, где в 1923—1926 годах пришлось одновременно выполнять обязанности слушателя, бойца части особого назначения (ЧОН) и секретаря Дубровицкого волостного комитета комсомола Подольского уезда Московской губернии.

По окончании техникума работал старшим и главным агрономом в совхозах Псковской и Ленинградской областей, с 1931 по 1938 год был главным агрономом совхоза «Скреблово». В течение пяти лет — главным агрономом лужского земотдела. В 1938 году вступил в партию. С 1940 года работал главным агрономом области, зав. земельным отделом Леноблисполкома».

...Не успел Таиров перешагнуть порог Хвойнинского райкома партии, как ему вручили пришедшую вдогонку на его имя шифрограмму Военного совета — довести ежесуточную норму переброски высококалорийных продуктов в Ленинград по воздуху до 150—200 тонн.

И пошли к аэродромам обозы с продовольствием. Днем и ночью везли мясо, сметану, масло, клюкву. Кто что мог... Подчас это была единственная корова,— и собственные детишки оставались без молока. На аэродромах, сдавая продукты, многие колхозники отказывались от квитанций, гарантировавших в будущем денежную компенсацию...

Вот о каких событиях вспомнили тогда, по дороге в Москву, Кузнецов и Таиров. В тот первый послевоенный год им и в голову не могло прийти, какая трагедия их ждет впереди.

Из рассказа М. А. Таирова. «Замыслы тех, кто фабриковал «ленинградское дело», мне думается, сводились к одному — нанести сокрушительный удар по Ленинградской парторганизации, вырастившей в годы войны целую плеяду самобытных, способнейших коммунистов, жителей города, веривших в то, что никогда не повторится кровавый тридцать седьмой... Идеология культа личности, она и только она, породила новую губительную волну террора».

В августе сорок девятого М. А. Таиров был командирован в Лужский район, вроде бы с целью усиления хода сельхозработ. Поехал налегке. Только ботинки покрепче прихватил да пальто демисезонное на случай непогоды. Остановился в семье друга, погибшего в сорок первом на лужских рубежах. Первого сентября поздравил ребятишек с началом учебного года в школе. Вечером позвонил домой в Ленинград. Жена с тревогой сообщила, что в Ленинграде идут аресты. «Не волнуйся. Это какая-то ошибка»,— пытался он ее успокоить.

На другой же день, в пять часов утра, он сам был арестован. Из Луги повезли в спецмашине в направлении Ленинграда. Михаил Алексеевич спросил сопровождавших: заедут ли к нему домой на Карповку? Гомерический хохот был ему ответом.

Дальше: бокс ленинградского «большого дома»— Москва. В столице, на Ленинградском вокзале, поджидал «черный ворон», доставивший арестованного на Лубянку. Первое впечатление — истошный собачий лай, душераздирающие крики узников...

Сразу же последовали встречи со следователем по особо важным делам полковником Ивановым. Таирова поместили в одиночную камеру следственного изолятора МГБ, потом перевели в одиночку Лефортовской тюрьмы.

Из рассказа М. А. Таирова. «Допросы велись преимущественно ночью. Днем спать запрещалось. На сон оставалось два-три часа. Каждый следователь домогался показаний об антипартийной, вредительской деятельности руководителей Ленинградской партийной организации. За стеной поминутно слышались крики допрашиваемых. Такой участи не избежал и я. В узкую комнату, где меня допрашивали, заходили какие-то люди в штатском. Стоило замешкаться и не подняться с табуретки, сделав руки по швам, как тут же следовал удар наотмашь по лицу. Особенно усердствовал в таких «поучениях» полковник Меркулов. Всякий раз на допросе предупреждали: не подпишешь протокол, пострадают жена и дети. Допросы продолжались в течение нескольких месяцев. В ушах все время звучало: «Что ты знаешь о вражеских происках Вознесенского, Кузнецова, Бадаева, Соловьева? Говори, не упирайся».

Однажды, продержав меня несколько суток в боксе — полутемной, душной камере-шкафу (коленями упирался в дверь), привели обессиленного, измученного, голодного (кормили-то какими-то отбросами) к следователю полковнику Иванову. Я поднял на него глаза и вдруг, неожи-

данно для себя, увидел в его взгляде... какое-то сострадание.

Лишь пять лет спустя, присутствуя на проходившем в Ленинградском Доме офицеров процессе по делу подручного Берии Абакумова, до конца понял, как же мне повезло, что моим следователем был Иванов, а не кто-то другой. Он проходил на том процессе свидетелем, и выяснилось: многих заключенных спас от расстрела этот человек.

На том процессе, кстати сказать, меня ошеломил еще один факт: не кто иной, как Берия, велел Абакумову завести и тщательно оберегать досье на ближайших сотрудников «хозяина». Эта акция остается пока неизученной, однако в ней явственно просматривается ожесточенная междоусобная борьба за власть».

Следствие по делу Таирова затянулось до октября 1950 года. Ночь 28 октября: конвоиры закрутили руки за спину так, что он взвыл от боли. Идти пришлось, вставая на пальцы. Из полутемной камеры вывели в коридор, и вдруг, словно наваждение, шагнув за дверь, Таиров попал в сияющий светом люстр, до блеска натертым паркетом, устланный коврами зал. То был зал заседаний Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Приговора он ждал с безразличием — ничего нельзя было предугадать... И как в кошмарном сне прозвучало: «Приговаривается к двадцати пяти годам... с конфискацией имущества и последующим поражением в правах на пять лет».

Несколько дней спустя посреди ночи его подняли и повезли куда-то, сначала машиной, потом поездом. Так Таиров оказался в известном Владимирском централе. Еще год держали в одиночной камере. Чтобы не разучиться говорить, Таиров разговаривал сам с собой. Тюремщики думали: наверное, рехнулся...

Переводу в общую камеру он обрадовался, но компания, собравшаяся там, ужаснула: эсэсовские, японские генералы во главе с командующим Квантунской армией, главари бандеровских банд.

— Хуже всякой пытки было три года находиться в одной камере с военными преступниками,— вспоминал М. А. Таиров.— Держались они нагло, вызывающе, при всяком случае старались оскорбить, унизить попавших в их сообщество. Чужим в этой страшноватой компании оказался и Лев Львович Раков, бывший директор Музея обороны Ленинграда, также осужденный по «ленинградскому делу». Но я был бы неточен, не назвав еще одно-

го необычного сокамерника — семидесятидвухлетнего В. В. Шульгина. Да-да, того самого — депутата Государственной думы, крайне правого монархиста, который на старости лет круто изменил свое отношение к Советской России. А после досрочного освобождения обратился к русской эмиграции с призывом отказаться от враждебного отношения к нашей стране. Прекрасный рассказчик, образованнейший, много повидавший человек, Шульгин облегчил мне и Ракову долгие дни заточения.

Как только разрешили пользоваться книгами из тюремной библиотеки, чего Михаил Алексеевич был лишен в одиночке, он начал пополнять свои знания — в первую очередь по сельскохозяйственному производству. Перечитал все, что оказалось по этим вопросам в библиотеке.

Не забывается тот день, когда ему разрешили наконец переписку с родными. Норма была жесткой — всего два письма в год. Ответ на свое первое письмо получил лишь через три месяца. Прочел первые строки: «Дорогой наш папочка! Шлем привет из солнечного Казахстана» — и едва не потерял сознание. То, чего он так боялся, во что не хотел верить, стало очевидным — репрессии коснулись и его семьи.

Что́ случилось с самыми дорогими для Михаила Алексеевича людьми после его ареста, он узнает не из писем во владимирскую тюрьму, а лишь несколько лет спустя, когда встретится с родными.

Не знал Таиров, находясь в заключении, что жена была арестована, а вслед за этим на глазах у старших детей забрали их одиннадцатилетнего братишку Сережу и увезли неведомо куда. Лишь спустя некоторое время придет письмо от мальчика из Кировской области. Ребенок, конечно, не мог дать точных координат своего местонахождения. Старший из детей, Юрий, не задумываясь, бросился на поиски брата. Много километров пришлось поплутать ему по лесам и болотам, пока нашел он дом-колонию, где Сережа числился, как «не имеющий родных». Директор даже усомнился, действительно ли перед ним брат их воспитанника. Но все сомнения отпали, когда вызвали Сережу. Мальчуган с порога бросился к брату, повис у него на шее. С молчаливого согласия директора Юрий увез Сережу в Ленинград.

В письмах родных не рассказывалось и о том, что только успел Юрий привезти Сережу домой, как арестовали его самого и дочь Таировых Галину. Юре было тогда семнадцать лет, сестра — на год моложе. Сережа остался на попечении бабушки...

Из воспоминаний Н. И. Таировой. «В день ареста мужа к нам, на Карповку, 13, пришли с обыском. Затем нас выселили в коммунальную квартиру на улицу Марата. После чего последовали мой арест, допросы, высылка по этапу в Кзыл-Ордынскую область Казахстана. Узнай я тогда, что́ случилось после этого с детьми, наверное, с ума сошла бы. В степном поселке Чиили работала на стройке, снимала угол в проходной комнате. Жила впроголодь. Отлегло немного от сердца, когда мама привезла младшенького — Сереженьку. Молодчина она у меня! Даже кое-какие вещи наши ей удалось сберечь, главное — одежду теплую. Без этого пропали бы: зимы в Казахстане лютые, с пронизывающими степными ветрами.

А потом по этапу прибыли Галина и Юра. Чего они натерпелись в пути, не сказать, не описать — надо знать, что́ такое этап...»

Из воспоминаний Г. М. Черняевой. «В ссылке мы, дети, не чувствовали себя несчастными. И это — заслуга мамы. Человек большой воли, она не давала нам падать духом. Все мы жили верой в возвращение отца.

Не забыть те страшные дни, когда на ночных допросах в «большом доме» на Литейном под лучом сильной лампы, направленной прямо в лицо, меня, девчонку, принуждали подписать документ о том, будто отец занимался «антисоветской деятельностью». Подкупали: «Подпишешь, освободим». А что я знала о работе отца?..

На поселении я пошла учиться в девятый класс. Юра работал на стройке, учительствовал. Как могли, оберегали Сережу. Долго оставался след пережи́того им...»

Дополняет картину былого С. М. Таиров. «Когда приехали к нам с обыском, я не знал об аресте отца. Да и вообще не понимал, что происходит. Но хорошо помню, что испытывал огромную тревогу и горе.

На моих глазах забрали маму. И снова я ничего не мог понять своим детским умом. Когда увозили меня, сказали, что отправляют к... маме. Обманули: в тюремной машине доставили в детприемник, переодели в какую-то черную одежду и назвали колонистом. Из детприемника попал я в поселок Ацвеж Кировской области, в спецдетдом. Безумно тосковал по родным. Навсегда запомнился день, когда меня разыскал брат мой Юра.

Бабушка, боясь за мою дальнейшую судьбу, решила увезти меня к маме в ссылку. В Москве, где у нас была пересадка, она поручила мне дать телеграмму: «Находимся в Москве. Выезжаем пятьдесят шестым, вагон четвертый». А вот время отправления я не догадался указать.

Помню слова мамы при встрече: «Всю неделю вас ждала. Каждый день ходила к поезду...» Маму я не узнал на перроне — исхудавшая женщина в телогрейке, сапогах. Я же помнил ее молодой, красивой... И отца не узнал, когда он вернулся после освобождения. На звонок открыл дверь и увидел какого-то старого, остриженного наголо незнакомого мужчину. Жутко испугался и побежал с криком по коридору к маме, а вслед слышу: «„Сереженька, Сереженька! Это же я — папа!“...»

Пятнадцатого мая 1954 года, едва рассвело, открылась форточка в двери камеры: «Таирову собрать вещи!..»

Тот и последующие дни проплыли, как в тумане. Пока заготавливались документы об освобождении, Таирова и еще нескольких, обретавших свободу, выпустили даже посмотреть город Владимир.

Михаилу Алексеевичу выдали ту самую одежду, в которой он был арестован. Людей мытарили, гнали по этапу из города в город, из тюрьмы в тюрьму, и вслед за ними «этапировалась» их одежда. Какая-то жутковатая, не российская даже, педантичность.

...В Ленинграде с Московского вокзала Михаил Алексеевич отправился по незнакомому ему адресу, где временно поселилась семья. Поднявшись на второй этаж, долго не мог решиться нажать кнопку звонка. Учащенно билось сердце, сдавливало дыхание. Наконец, собрался с духом, позвонил. За дверью послышались легкие, быстрые шаги. Щелкнул замок, на пороге — Сережа. Глаза испуганные. Не узнал! Но уже бежала жена. Взглянула и молча упала мужу на грудь...

А потом жизнь пошла словно в ускоренном кино. Было новоселье. Пошли свадьбы — вышла замуж Галина, женился Юрий. Особенно памятным был день, когда всей семьей провожали Михаила Алексеевича в Москву за первым после заточения назначением.

Таиров дорвался до работы, как голодный до хлеба. Начал начальником управления мелиорации, позднее поручили не менее важный участок — возглавил трест пригородных овощекартофелеводческих совхозов. Логическим продолжением делового возрождения было избрание М. А. Таирова вновь на пост первого заместителя председателя Леноблисполкома.

Важными событиями в жизни Таирова было избрание его делегатом XXII и XXIV съездов партии, депутатом Верховного Совета РСФСР. Дважды избирали Михаила

Алексеевича членом бюро Ленинградского обкома партии. Когда полностью ушел в науку — избрали заместителем председателя президиума отделения ВАСХНИЛ по Нечерноземной зоне РСФСР.

И при любых обстоятельствах Таиров оставался верен себе; любил и умел работать с людьми. Неизменно поддерживал тех, кого сейчас называют «неудобными». Он показал мне письмо бывшего своего сослуживца, директора специализированного совхоза Р. Н. Целикова: «Вы же знаете, что меня в 1963 году смешали с грязью, и я не предполагал, что меня кто-нибудь вспомнит... Вы помогли мне в трудный момент, и я снова стал считать себя человеком. Я знаю, что при той обстановке, которая сложилась вокруг меня, Ваше слово было решающим. Спасибо за человеческое отношение...»

Наград Таиров не искал. Но до́роги были ему те, что получены за работу в годы блокады и в очень трудный послевоенный восстановительный период. Орден Ленина, два ордена Трудового Красного Знамени, орден «Знак Почета» отобрали при обыске. И как рад был Таиров, когда их вернули. Незадолго до ухода на пенсию Михаил Алексеевич стал кавалером ордена Октябрьской Революции.

Дети пошли в отца. Сегодня Галина Михайловна — старший преподаватель Ленинградского сельскохозяйственного института, немало сил вложила в разработку мероприятий по охране Ладоги, Невы и Невской губы. Сергей Михайлович — кандидат наук, специалист по жидким полупроводникам, возглавляет отдел микроэлектронных аппаратов в Ленинградском объединении «Позитрон». Юрий Михайлович — доктор наук, профессор, заведующий кафедрой Ленинградского электротехнического института им. В. И. Ульянова (Ленина).

Уже подросли и внуки. И за них краснеть не приходится. Все получили высшее образование, нашли себя, работают с полной отдачей.

Но думалось и о другом в приветливом таировском доме: сколько же вот таких же прекрасных семей ушло в небытие в годы культа личности, беззакония. Сколько талантов не смогло раскрыться...

Пронзительные, полные горечи слова сказал мне старший сын Таирова Юрий Михайлович: «То, что наша семья уцелела, выправилась, обрела как бы второе дыхание — это исключение из громадных общих бед народа.

Ничем не компенсируешь гибель семьи, потерю друзей и близких, расстроенное здоровье и, что еще страшней, непоправимый моральный надлом многих из тех, кто остался жив. Кое-кто так и не сумел стать на ноги после пережитого.

И даже теперь, когда позади страшные времена массового уничтожения людей, можем ли мы сказать, что всегда помним, как ранúм и хрупок человек, что нет у нас трагедий, происходящих от равнодушия, черствости, пренебрежения достоинством личности?.. Артист Ростислав Плятт как-то сказал: если бы я вышел на демонстрацию, то на своем лозунге написал бы всего одно слово — терпение. А что бы написал я на своем лозунге? Два слова — дорожить человеком!»

КОМИССАР

А. ПАНКРАТОВ

Одним из репрессированных по «ленинградскому делу» оказался бывший секретарь Лужского райкома ВКП(б), затем — председатель Леноблисполкома Иван Дмитриевич Дмитриев.

Как рассказывали мне его брат и сестра, 20 ноября 1950 года, в полночь, к дому № 9 по улице Куйбышева, где он жил, подъехал «черный ворон». Три так называемых «чекиста» бесцеремонно вошли в квартиру Дмитриевых, произвели обыск, а затем арестовали Ивана Дмитриевича. Жена его, Екатерина Трофимовна, работала в ночную смену — позвонить ей на работу не разрешили. Трое детей уже давно спали, но, услышав шаги посторонних, они проснулись, встали, начали плакать. Попрощаться с отцом им не дали. Дмитриева посадили в машину и увезли.

Девять месяцев сидел Иван Дмитриевич под следствием в Лефортовской тюрьме. Допрашивали его и днем и — до пяти утра — ночью. На сон оставался час: в 6.00 — обязательный подъем. За сутки, делился потом с близкими И. Д. Дмитриев, его вызывали на допросы по три-четыре раза. Я представляю себе этот страшный и нескончаемый диалог: «Признавайся, Дмитриев, что ты — враг народа и был в одной шайке с Кузнецовым и Попковым». — «Нет, я не враг и никогда им не был». — «Чем ты это можешь доказать?» — «Я уже доказал это своей преданностью Родине в боях с фашис...» Сильный удар в лицо валит подследственного на пол. Еще и еще удары... «Не таких раскалывал! Ты у меня заговоришь!..» — истерично орет следователь. Он жмет кнопку звонка, зовет конвойров. Дмитриева поднимают, волокут подмышки в камеру... Иван Дмитриевич лежит на полу — все тело горит, мучает жажда, но воды в камере нет: ее дают раз в двое суток...

Его судила Военная коллегия Верховного суда СССР. Впрочем, «судила» — громко сказано: весь «процесс» —

© А. Панкратов, 1990

несколько минут. И сразу же зачитывается приговор —25 лет каторги. Сидел он четыре года, до реабилитации, в знаменитом Александровском централе...

Жену Дмитриева, Екатерину Трофимовну, сослали в Новосибирскую область, детей — Лилию 19 лет, Виталия 14 лет и Володю 11 лет — выгнали из квартиры, поселили в комнату коммуналки. Так они и жили втроем. Сестра работала и на свою маленькую зарплату кормила, одевала и обувала братьев. Немного помогали лужские родственники. Находились, хотя и редко, и добрые люди.

Тяжкая судьба постигла и братьев бывшего председателя Леноблисполкома — орденоносцев Василия и Александра Дмитриевых. Из партии тогда «вычищали» целыми списками. Когда 7 января 1952 года «подошла очередь» на исключение Василия Дмитриевича, в списке он оказался 54-м; младший, Александр,—55-м. «Разбиравшая» их дело инструктор партколлегии Давыдова предложила Александру: «Напишите, как ваш брат стал врагом народа».—«Брат мой не враг, и я писать ничего не буду»... У них просто отобрали партийные билеты. Александр — бывший моряк, бывал в передрягах и тяжелых боях — не побоялся обратиться с резким протестом против репрессий к И. Д. Дмитриеву и всей семье к самому Сталину. Послал шесть писем! И ни на одно не получил ответа...

Понятно: трудно было ответить честно и по существу, почему со столь дикой жестокостью обошлись с человеком, имевшим большие заслуги и ни в чем решительно не виновным.

...Во время Отечественной войны в сводках Совинформбюро иногда появлялись сообщения: «Партизаны отряда под командованием товарища Д., действующего в одном из районов Ленинградской области, оккупированных немцами, нанесли большой урон немецко-фашистским захватчикам».

«Товарищ Д.»— это комиссар 9-й партизанской бригады (три тысячи бойцов и командиров), секретарь Лужского райкома партии Иван Дмитриевич Дмитриев. С первого дня войны он возглавил в своем районе борьбу против гитлеровских агрессоров. Лужане не только рыли рвы и окопы, но и создали свой истребительный батальон, который вместе со 177-й стрелковой дивизией оборонял Лугу. В рядах этого батальона принял боевое крещение и Иван Дмитриевич. А вскоре он стал одним из создателей и комиссаром партизанского отряда.

Об обороне Луги и о партизанских рейдах И. Д. Дмитриев написал книгу. Он посвятил ее боевым делам товарищей, но — скромный человек — очень мало рассказал о себе. А рассказать было что. На счету его бригады 35 боевых операций, 11 разгромленных гарнизонов врага, 25 подорванных эшелонов с живой силой и вооружением, 17 уничтоженных танков и 4 самолета противника*. Во многих из этих дел, показывая пример героизма и мужества, участвовал и сам комиссар Иван Дмитриев.

А после войны он многое сделал для возрождения родной земли.

...И. Д. Дмитриева реабилитировали полностью. Вернули свободу, честь и достоинство гражданина и коммуниста. Но ничто и никто уже не мог ему вернуть подорванного в тюрьмах здоровья. Он прибыл в Ленинград без зубов и тяжело опираясь на палочку. С первых же дней навалились на него болезни — начались хождения по больницам...

В одной из них, на курорте в Цхалтубо, в столовой за соседним столиком он вдруг увидел бывшего своего следователя. Несколько минут, ошарашенные, смотрели они друг на друга... Но объяснений не произошло — следователь поднялся из-за стола и выскочил на улицу. В тот же день он исчез из Цхалтубо.

А Ивану Дмитриевичу курорты и профессора уже ничем помочь не могли. Он успел немного поработать заместителем председателя Леноблисполкома, но снова тяжело заболел и вскоре умер.

День 17 июня 1968 года и сейчас еще вспоминают лужане. Огромная толпа народа стеклась тогда, чтобы проводить в последний путь замечательного своего земляка. По желанию партизан-ветеранов его похоронили на Лужском мемориальном кладбище — в земле, которую он защищал не щадя своей жизни.

---

* *Дмитриев И. Д.* Записки товарища «Д». Лениздат. 1969. С. 414.

НА КРУГЕ ТРЕТЬЕМ

Г. ИЛЬЯШЕНКО

— А вы представьте. Попробуйте представить, что это вам лично выворачивают карманы, это вам велят заложить руки за спину и грубо командуют: «Вперед!»

Я стараюсь вообразить такую картину, но у меня ничего не выходит. Вот если бы допустить, что я в чем-то виновен и сам сознаю свою вину... Но мой собеседник, Анатолий Иванович Дубровский, категорически отвергает такой вариант. Ни малейшей вины он тогда не чувствовал...

Пораженный услышанным, я тем более не могу вообразить себя идущим по Ленинграду под конвоем. И не по тротуару, где все нормальные люди ходят, а по мостовой, по самой ее середине.

— Вначале вели по улице Белинского,— вспоминает Дубровский,— затем свернули на набережную Фонтанки... Невский проспект,— кутузка эта за зданием Куйбышевского райкома партии помещалась. Тогда, как вы понимаете, я словно в тумане каком-то шел. Шагал и от стыда света белого не видел. Ведь в нашем районе меня еще с довоенной поры едва ли не каждый третий житель знал. С кем-то по комсомольским, а с кем-то по партийным делам доводилось сталкиваться. Особенно в блокадную и в послевоенную пору. С какими только проблемами не шли в райком: квартиры, устройства на работу, обеспечение продуктами, дровами, ремонт зданий, школ...

Анатолий Иванович Дубровский — один из тех, кто проходил по так называемому «ленинградскому делу». Правда, в списках главных и даже не совсем главных «врагов народа» его фамилия не фигурирует. Если весь процесс этого «дела» представить в виде кругов, подобных тем, какие образуются на воде от брошенного камня, то был подхвачен волной третьего или даже четвертого от центра круга.

© Г. Ильяшенко, 1990

Началось же все с телефонных звонков. Точнее, с их отсутствия. Обычно постоянно надоедавший телефон вдруг умолк. Первой на это обратила внимание Нина Георгиевна. Еще более странным показалось ей, что и она сама ни к кому из знакомых не может дозвониться. В одном месте никто не снимает трубку, в другом почему-то не слышат голоса Нины Георгиевны, а в третьем говорят, что она «не туда попала». А если все же до кого-то дозванивалась, то разговор получался какой-то рваный, скомканный и быстро обрывался, словно с нею не хотели говорить.

— А может, и в самом деле не хотят? — высказывал предположение Анатолий Иванович.

В тот день он и сам сделал несколько попыток дозвониться до старых сослуживцев по райкомовской работе. Безуспешно. Все получилось так, как говорила жена. Секретарши секретаря горкома партии П. Левина и его заместителя Г. Королева, выяснив, кто им звонит, сказали, что ни того, ни другого нет на месте. И неизвестно, когда будут. Домашние телефоны просто молчали. Не отвечали ни рабочие, ни квартирные телефоны В. Смоловика и М. Парамонова... (Ни в тот, ни в последующие дни не отвечали.)

Что, собственно, происходит?

Впрочем, тут и без слов, кажется, все ясно. Месяц назад состоялся объединенный пленум областного и городского комитетов партии, вскрывший серьезные промахи, ошибки, если даже не открытое вредительство, в деятельности руководителей города и области. Многие из них уже арестованы, на очереди, бродили слухи, и лица менее высоких рангов. Вот и уходят люди в себя, в свои норы.

Обстановку прояснила Тамара Ивановна — жена Пантелеймона Ивановича Левина, до выдвижения в горком долгое время работавшего первым секретарем Дзержинского райкома партии, с которым Дубровский еще с довоенной поры был в самых дружественных отношениях. В блокадную пору, отправив семьи, они даже в одной комнате жили, на одной кровати, чтобы теплее было, спали. Она позвонила и впрямую сказала, что сейчас лучше всего избегать встреч, телефонных звонков. И еще спросила, как у Анатолия Ивановича дела на работе. И не случайно спросила, так как дела складывались не лучшим образом.

А было вот что. В начале сорок восьмого года, вскоре после денежной реформы в стране, Дубровского вызвали

в обком партии. К тому времени Анатолий Иванович, будучи вторым секретарем, долгое время замещал первого, Георгия Сергеевича Королева, который был на учебе. Дела у него шли хорошо, и разговор мог пойти об утверждении его в должности первого. Но разговаривавшие с ним П. С. Попков и Я. Ф. Капустин повели речь о другом — предложили перейти секретарем парткома в управление МВД. Там, дескать, некоторые работники управления, даже руководители, в период денежной реформы запятнали себя неблаговидными поступками. Надо поправлять положение, укреплять партком.

Что ж, надо — значит, надо.

Дело оказалось нелегким. Не одного врага нажил себе Дубровский среди власть имущих своей укрепительской миссией. Не раз к нему подбирались и в конце концов подобрались. Он еще с финской войны — сказалась жизнь на снегу — привез плеврит, который в блокаду перерос в туберкулез. За болезнь и ухватились. Если нельзя с секретарем парткома справиться — обком поддерживает,— то с капитаном войск внутренних дел легко разделаться. Заключение медицинской комиссии — и дело с концом.

Так и сделали. И кроме того, вкруговую обложили подножками. Куда ни сунется Дубровский на работу — везде отрицительный ответ. С отчаяния решил обратиться к новому ленинградскому «вождю» Ф. Р. Козлову. Уже будучи безработным, Дубровский оставался членом пленума своего райкома партии. Однажды к дзержинцам на очередной их пленум прибыл Козлов. Здесь в перерыве Анатолий Иванович и поговорил с ним. Тот согласился принять его. И очень радушно на другой день принял. Однако, когда зашла речь о работе, «вождя» словно подменили. «Как — нет работы? Иди на стройку».— «На какую и кем?» — «На любую. Кладовщиком. Выдавать рабочим рукавички».

Многое вертелось на языке у Дубровского, много хотелось сказать своему сановному собеседнику, но от обиды спазм сжал горло. А кроме того, вдруг понял, что за грубым отказом Козлова крылось нечто большее, чем просто невнимание к человеку. Это было предупреждение. Первый звонок. И не ошибся. За первым вскоре же последовал и второй — более определенный.

Выйдя однажды из своего подъезда, Анатолий Иванович заметил молодого человека в шляпе, углубленно читавшего газету. «Неужели шпик? А если так, то за

кем он следит? Как — за кем? За мной же, за моей персоной!»

— Ваша реакция на этот факт? — спросил я Анатолия Ивановича.

— Испуга не было. Почувствовалась какая-то обреченность. И уже с этой минуты ни работы, ни сна, ни жизни нормальной не стало. А тут еще известие, что бывший наш председатель райисполкома Н. Горбунов, выдвинутый в свое время на должность председателя Симферопольского горисполкома, отстраненный от всех дел, приехал в Ленинград и ждет теперь своей участи. Потом однажды позвонила Тамара Ивановна Левина. И, как гром, ошарашила: «Пантелеймона Ивановича арестовали...» Вслед за этим еще более ужасающая весть. Н. Горбунов застрелился за городом, а жена его повесилась. Звонки, звонки...

И вот уже самого Дубровского приглашают повесткой явиться к районному следователю Ушакову. Якобы для какой-то консультации. Речь идет о малозначащих вещах. Например, .о существующем порядке праздничного оформления улиц и площадей. Кто обычно этим в райкоме занимается? Кому и в какой форме отдаются нужные указания? Откуда берутся средства и по каким статьям они проводятся? «Это допрос?» — спрашивает Анатолий Иванович. «Нет. А почему веду запись? Так это для памяти. Пожалуйста, подпишитесь вот здесь и здесь. Благодарю».

Через месяц-полтора — снова вызов. И так четыре или пять встреч.

Потом взяли подписку о невыезде. А тут, как нарочно, представился случай поехать в Башкирию, в туберкулезный санаторий. Посоветовали обратиться в городскую прокуратуру. Прокурор Однаков разрешил выехать. Но недели через две в санаторий позвонила жена и сообщила, что его разыскивает следователь Кальнин, что ни о каких санаториях он знать не хочет и требует немедленного возвращения Дубровского в Ленинград, иначе, дескать, его «бесплатно привезут». Это уже куда более серьезный звонок!

Бросился к врачам, но те и слушать не захотели — только после окончания курса лечения могут отпустить.

Остался. Но жизнь в санатории и вообще вся жизнь становилась кошмаром.

Вернулся в Ленинград и сразу к Кальнину. На доклад. Он принял хорошо. Просил не беспокоиться. Но сам изредка позванивал на работу или домой. А

однажды пригласил в отдел. И бывшего первого секретаря райкома партии, перешедшего в горком, Георгия Сергеевича Королева пригласил. Требовалось сделать какое-то опознание. И Королев, и Дубровский выступали в роли статистов. Оба радовались, что вызов пустячный, а еще больше — встрече. Вот, думалось обоим, наговорятся от души. Но при выходе у подъезда увидели типа в шляпе, углубленно читавшего газету. Сразу поняли, что к чему. Георгий Сергеевич выругался зло и решительно подался к Литейному проспекту, а Дубровский — в противоположную сторону.

Потом долгое время было все тихо. Даже вроде бы и филера у дома не стало. Мелькнула искорка надежды: может, вообще теперь незачем тревожиться?

И даже когда еще раз позвонил следователь Кальнин, сердце не дрогнуло. Тем более что звонок был не совсем обычным. Следователь был — сама вежливость. Попросил заглянуть к нему в такую-то комнату. Когда? Да в любое время, когда Анатолию Ивановичу будет удобнее всего. Желательно, конечно, сегодня. Но, боже упаси, чтобы это мешало работе или личным планам Дубровского.

День был солнечный, но не жаркий. Август в том, 1951-м, году вообще баловал ленинградцев хорошей погодой. Анатолий Иванович шел без пиджака. Над головой голубело чистое небо, а в душе медленно разгоралась искорка надежды. А вдруг сейчас скажут: «Все, живите и трудитесь спокойно». Первое, что он сделает, это позвонит жене, а потом — в свой торфяной институт, где работал ученым секретарем, скажет, что сегодня вообще не придет и ринется домой. Вот уж выспится этой ночью, завалившись с самого раннего вечера!

...Кальнин был не один. В постороннем легко угадывался человек из органов. Но это показалось случайностью, тем более, что оба сидевших за столом приветливо улыбнулись вошедшему. Кальнин даже шутливо пожурил Дубровского за ненужную спешку и попросил минутку посидеть в коридоре.

Минуты через три его снова пригласили в комнату. Теперь у двери стоял милиционер. Анатолий Иванович почти не обратил на него внимания. Его поразил Кальнин, перемены в нем. Куда девались его радушный тон и улыбка? Глаза жесткие, злые. Резким жестом сунул под нос вошедшему бумажку — ордер на арест и, не дав опомниться, с воровской ловкостью стал обшаривать карманы.

Двое суток Дубровский просидел в милицейской кутузке в одной камере с ворами-рецидивистами. Потом полтора месяца до суда и девять месяцев после него томился в знаменитых ленинградских «Крестах». Дали-то пятнадцать лет (прокурор Старков требовал больше), но вскоре, при пересмотре дела, снизили до десяти. И так бы и отсидел все десять, если бы не смерть Сталина. Она-то спасла и от этапа в Сибирь, который для больного открытой формой туберкулеза был равносилен намеренному убийству.

— Вы радовались смерти «отца народов»?

— Нет. Уголовники радовались.

— Но ведь именно его смерть спасла вам жизнь?

— Тем не менее не радовался. Как тогда, так и теперь я ни в чем не виню партию, а Сталин, в прежнем моем представлении, был ее олицетворением.

— И вы никак не связывали свои мытарства с его именем или хотя бы с именем Берии?

— Нет. Так высоко моя мысль не взлетала. Всю несправедливость по отношению к себе и моим товарищам по несчастью объяснял нечистоплотностью тогдашней судейской братии, ее низким профессиональным уровнем, моральной развращенностью.

— Это голос обиды говорит в вас?

Анатолий Иванович согласно кивает головой.

— Только это не та обида, о которой вы думаете. Во всех своих бедах я виню прежде всего себя. Себя и свое поколение...

Надо ли говорить о моем недоумении? Только что шла речь о полной невиновности моего собеседника и всех жертв сталинских репрессий, и вдруг этот крутой поворот к самообвинению.

Впрочем, ход рассуждения Анатолия Ивановича очень убедителен.

Его отношение к самим репрессиям однозначно. Это не что иное, как тягчайшее преступление против советского народа. Не могут быть правыми идеи, для претворения которых требуются жизни миллионов людей.

Так же однозначно его отношение и к правоохранительным органам, уничтожавшим эти миллионы. Они представляются ему адской машиной, вышедшей из-под контроля народа, партии и даже тех, кто ее создал. Все они, начиная с «кормчих» и кончая «вин-

тиками», объединяются одним общим званием палачей. Но...

В этом «но» и заключена та мысль, которая объясняет причину его поворота к самообвинению.

Дело в том, что «винтики» в репрессионной машине были разные. Среди них было немало таких, кто смело протестовал против беззаконий и зачастую ценой собственной жизни пытался направлять ход этой машины в правильную колею.

Очень много было слепых исполнителей воли «кормчих». Уже по тому, как легко все эти охранники, конвоиры, коменданты тюрем ладили с уголовниками-рецидивистами, а зачастую и использовали их в качестве своих помощников в издевательствах над «политическими», нетрудно понять, из какой прослойки населения они рекрутировались.

Эти чаще всего становились исполнителями приговоров.

Но не лучше были и те, кто по уровню образования стоял выше и, понимая всю гнусность исполняемой роли, продолжал ее исполнять.

Но страшнее всех, по мнению Анатолия Ивановича, были искренние борцы с «врагами народа». Преданные идеям революции, готовые во имя высоких целей жертвовать собственными жизнями, они тем более не жалели чужие жизни. Ослепленные сталинским тезисом об усилении классовой борьбы, они с усердием, достойным лучшего применения, отдавались своей кровавой работе. Анатолий Иванович хорошо помнит время своей молодости, тот революционный порыв, каким были охвачены люди его поколения. В волнах эмоций тонуло все, что исходило от разума и трезвого расчета. Все витали в облаках и не замечали, даже не хотели замечать грешной земли.

— Ваше поколение и до сих пор гордится своей бывшей одухотворенностью, трудовым энтузиазмом.

— Да, этого всего у нас хватало. Даже с избытком было. Вот этот избыток и привел нас к тому, о чем мы теперь с ужасом вспоминаем. Увлеченные атаками, мы часто оказывались в ловушках. И не потому, что противник был искусен, а потому, что сами становились слепыми, неспособными разобраться ни в обстановке, ни в себе самих. Да и не хотели разбираться. Некогда было. Главное — «жила бы страна родная и нету других забот». Нужна Магнитка — даешь Магнитку! Зовут в бой — и в бой шли, не раздумывая.

С таким же энтузиазмом и благородным порывом разворачивалась борьба с «врагами народа», «пособниками мирового империализма». И на кого теперь пенять? На Сталина? На Берию? Верно. Они главные палачи. А как оценивать дела исполнителей их воли? Не сам ли народ назвал чекистов «рыцарями революции» и вложил в их руки карающий меч? Не сами ли мы на собраниях, митингах кричали: «Смерть врагам народа!», а молодежь почитала за высокую честь влиться в ряды борцов против чуждых социализму элементов?

— Так и недалеко до оправдания собственных палачей.

— И оправдывали, пока не разобрались, что к чему. Сейчас судим. Правда, не так, как они нас судили. А надо бы...

При последних словах Анатолий Иванович запнулся, потянулся к папиросам.

Решив прийти к нему на помощь, я спросил, как бы он поступил, встретив кого-либо из тех, кто его судил.

— А я уже встречал некоторых из этой братии.

— И что же?

— А ничего. Лишний укол в сердце. Собственно, я потому и согласился на эту беседу с вами, что хотел рассказать именно об этой встрече. Именно она занозой сидит в душе и вот уже долгое время не дает покоя.

— Кого конкретно встретили?

— Бывшего прокурора Старкова.

— Того самого, который требовал вам «вышку»?

— Не мне, а бывшему нашему первому секретарю райкома партии Владимиру Ивановичу Смоловику... Но дело, кстати, не только в строгости приговора. Было кое-что и другое, чем запомнился мне прокурор и что сделало встречу с ним особенно неприятной.

Это «кое-что другое» прежде всего заключалось в голосе, да, именно в голосе Старкова.

Когда на суде в допрос подсудимых включился прокурор — высокий, худощавый мужчина в форменной куртке,— Анатолий Иванович невольно вздрогнул. И не столько от содержания вопроса, заданного Старковым, сколько от его голоса. Очень уж знакомым был этот голос. А познакомился он с ним не где-нибудь, а в той милицейской кутузке, куда отправил Дубровского следователь Кальнин.

Посадили тогда арестованного в камеру, где уже сидели уголовники. Вряд ли есть необходимость рассказывать, как эта братия ведет себя в местах, для них очень привычных, и как она встречает людей, впервые столкнувшихся с такими местами. И на без того ошарашенного Анатолия Ивановича сплошным кошмаром свалилось еще и близкое общение с ворами-рецидивистами. Впрочем, несколько позже он был благодарен следователю как раз вот за это общение — в тюрьму он пришел уже морально подготовленным к существовавшим в ней порядкам.

Испытание кутузкой было бы куда более жестким, если бы не отвлекающие моменты, очень веселившие рецидивистов. Самыми интересными для них были два события, происшедшие в соседней пустой камере.

Началось все там с женского визга, доносившегося из-за тонкой фанерной перегородки. Кто-то из воров предположил, что только что посаженная за что-то женщина испугалась крыс. Однако нет. Она протестовала против насилия, учиненного над нею дежурным милиционером.

А после полуночи в ту же камеру приволокли пьяного мужчину. Это был еще более веселый для рецидивистов концерт. Мужчина матерился, угрожал милиционерам судом, расстрелами, бил кулаками в двери, требуя немедленно выпустить его. В конце концов его скрутили, и он постепенно затих. А утром пришедший на смену новый дежурный милиционер узнал в спящем дебошире прокурора, которого он, дежуря в суде, видел выступавшим на судебном заседании. Сквозь перегородку было слышно, как прибежавшее утром милицейское начальство извинялось перед задержанным и как он громил их своим всевластным басом.

И теперь этот басовитый голос обращался к кому-то из подсудимых. Кажется, к Георгию Сергеевичу Королеву. Речь шла все о тех же проблемах, о которых якобы в порядке консультации спрашивал у Дубровского следователь Ушаков. Как и откуда брались средства для праздничных оформлений улиц, площадей? Кто и по чьему распоряжению рисовал портреты ленинградских партийных и советских руководителей? Видно, это была одна из самых страшных акций, подрывающих наш социалистический строй,— писание портретов того же А. А. Кузнецова или П. С. Попкова, если только за одно распоряжение художнику написать чей-то портрет Анатолия Ивановича исключили из партии. А теперь

вот и подводит прокурор Старков обвинение всем семерым бывшим райкомовским и райисполкомовским руководителям под жесточайший приговор. И кто подводит!

Уже гораздо позже, когда Анатолий Иванович вышел из тюрьмы, его жена, Нина Георгиевна, рассказывала, как прокурор разгонял собравшихся в суде родственников подсудимых. «Если не разойдетесь, то и вас всех привлеку к ответственности!» — гремел он своим басовитым голосом.

— Но вы могли и ошибиться насчет Старкова,— говорю я.

— Мог, конечно,— соглашается он.— Но все, кто знал Старкова, в один голос — и в тюрьме, и потом, на воле,— утверждали, что он был любителем «заложить за галстук». К тому же у меня память на лица и голоса — еще ни разу в жизни не подводила. И потом, не в самом Старкове дело, а в том нравственном уровне, какой был у наших судей в то время.

Именно Старкова и встретил однажды Анатолий Иванович. Правда, первым из своих судей несколькими месяцами раньше на Литейном проспекте он повстречал прокурора Однакова, того самого, который разрешил Дубровскому выехать в санаторий, но следователей, как обещал, не предупредил. Встреча эта особых эмоций не вызвала. Идет себе человек с глазами, устремленными долу, и пусть идет. Совсем иная реакция была сейчас. Анатолий Иванович даже растерялся на миг: «Что может делать этот человек здесь, в поликлинике имени Я. М. Свердлова?»

Кто из ветеранов не знает, как трудно лечиться у нас в Ленинграде? Чтобы попасть в список пациентов «Свердловки», Дубровскому пришлось долго и настойчиво пробиваться. А сколько людей, не менее достойных, в том числе и тех, кто воевал, пережил блокаду, отдал здоровье, круглосуточно работая у станков для фронта, попал под машину репрессий,— сколько их, кто и мечтать не может о поликлиниках типа «Свердловки»? Куда об этом ни писали, письма в большинстве случаев либо оставались без ответа, либо удостаивались бюрократической отписки. Несколько раз в Ленинград приезжали, правда, специальные комиссии, но они мало что изменили в жизни пострадавших от репрессий. Многие так и умерли, не дождавшись улучшений...

Анатолий Иванович сразу узнал Старкова. А сам Старков? Нет, не узнал свою бывшую жертву. Да он и не

посмотрел в сторону Дубровского. Тяжелый, грузный, он важно, сановито прошествовал по коридору поликлиники.

— Ваше первое желание, какое возникло при этом?

— Никакого желания ни остановить, ни заговорить с ним не было. Поразила только мысль: «Неужели он лечится здесь? За какие такие заслуги он попал в списки пациентов, утверждающиеся обкомом партии?»

Вывод наш был один: кому-то выгодно оберегать вчерашние «винтики» и «шестеренки» сталинской репрессивной машины. И вот это — самое страшное. Для всей нашей страны, для судеб нашей перестройки...

ГДЕ ЖЕ СОВЕСТЬ, ПРОФЕССОР?

ЛЕВ СИДОРОВСКИЙ

Когда Соню ввели в тесную тюремную камеру, где к стене со следами раздавленных клопов были привинчены две кровати: большая — для матери, маленькая — для грудного сына, она заплакала, впервые за пять страшных месяцев...

Могла ли раньше предположить себе такую судьбу? Студентка-отличница, избранная в трудный военный год — за свою неподкупную честность и принципиальность — председателем профкома ЛГУ... Досрочно закончила аспирантуру, блестяще защитила кандидатскую. Казалось, будущее молодого ученого, преподавателя факультета политической экономии Ленинградского университета Софьи Фирсовой светло и прекрасно... Но на их жизнь уже наползала зловещая тень...

* * *

...Придите сегодня на факультет: мемориальная доска в холле четвертого этажа бережно хранит имена тех, кто не вернулся сюда с фронтов Великой Отечественной. Однако, как ни дико это осознавать, потери, нанесенные преподавательскому корпусу войной и блокадой, бледнеют в сравнении с трагическим опустошением, которое испытал факультет, да, впрочем, и весь Университет, в конце «сороковых-роковых»...

Когда ныне мы мучительно пытаемся разобраться в причинах долгого экономического застоя, поразившего страну, в истоках инфантильности общественной мысли, деградации общественных наук, нескрываемого безразличия к ним большинства студентов,— все чаще и чаще вынуждены обращаться в годы тридцатые, сороковые. Ибо именно в ту пору был заложен прочный фундамент того, что пожинаем сегодня...

С каждым днем мы узнаем все о новых и новых жертвах времен беззакония и террора, в их числе и всемирно

© Лев Сидоровский, 1990

знаменитые экономисты Чаянов, Кондратьев. Наверное, скоро станут известны подробности разгрома Института мирового хозяйства и мировой политики, возглавлявшегося академиком Варгой. Да, в разных уголках страны репрессии выкашивали ученых-обществоведов, но все-таки то, что произошло в Ленинграде, имеет совсем особый размах.

В самом деле, история обществоведческой мысли на невских берегах удивительно напоминает сводку боевых действий, где науке отведена лишь одна-единственная участь — быть в очередной раз разгромленной... Вдумайся, читатель, в эту черную статистику: еще в 1925-м закрыли в Ленинградском университете так называемый факультет общественных наук, существовавший с 1919-го; в конце двадцатых годов был уничтожен Коммунистический университет имени Зиновьева; в 1938-м разогнали Военно-политическую академию имени Толмачева, причем многих преподавателей расстреляли; подобная же участь постигла кафедру статистики ЛГУ и ее заведующего Плотникова; перед самой войной перестали существовать Ленинские курсы при ЦК ВКП(б), зачастую именовавшиеся Мариинскими, поскольку занятия проходили в Мариинском дворце... Забегая вперед, можно было бы вспомнить и совсем недавние времена: например, «охоту на ведьм» в нашем Институте социально-экономических проблем. Однако все-таки подлинного размаха, истинного расцвета кампания по уничтожению науки и научных кадров в Ленинграде достигла именно тогда, в конце сороковых, в ЛГУ, на политико-экономическом...

Сначала факультет возник как отделение: в 1939-м свое детище выпестовал Александр Алексеевич Вознесенский, первый декан, скоро ставший ректором ЛГУ. О том, какой это был замечательный ректор, ученый, педагог, о его высокой и трагической судьбе, я уже рассказывал в очерке «Вознесенские». В числе прочих добрых дел Александр Алексеевич приложил немало усилий и к тому, чтобы привлечь на факультет лучших специалистов, тех, кто каким-то чудом уцелел в огненном котле многочисленных кампаний по борьбе с «врагами народа».

Например, курс статистики здесь читал ученый с мировым именем, один из создателей теории статистики Ликарион Витольдович Некраш... Финансы преподавал Антоний Иосифович Буковецкий — автор многочисленных работ по кредиту, профессионал столь высокого клас-

са, что именно его думская фракция большевиков в 1911—1914 годах определила себе в консультанты по финансовым вопросам. Буковецкий был одним из создателей проекта Государственного банка и организации кредита в СССР... Историю экономических учений вел Виктор Морицевич Штейн — человек поистине необъятных знаний и эрудиции, владевший множеством европейских и восточных языков. Когда-то Виктор Морицевич был консультантом Сунь Ятсена. А теперь, профессор, декан восточного факультета, он также профессорствовал и на географическом, и на политэкономическом... Даже вроде бы такой скучный предмет, как экономика промышленности, студенты постигали с увлечением, потому что Яков Самойлович Розенфельд, крупный специалист в этой области, преподносил его поистине артистично... И лекции декана Виктора Владимировича Рейхардта — по политэкономии, истории политэкономии, истории народного хозяйства — эти люди помнят до сих пор. И спецсеминар по «Капиталу» помнят тоже. Маркса Виктор Владимирович боготворил — в честь его дочери Лауры нарек и свое дитя... А еще будущие экономисты внимали тем, кто составлял гордость советской исторической науки: академикам Тарле, Грекову, Струве, профессорам Ковалеву, Мавродину... Про лекции же самого Вознесенского и говорить нечего: вспоминая про них, эти седые люди сегодня светлеют лицами...

В общем, той трудной военной и самой первой послевоенной порой жизнь на факультете била ключом: разрабатывались проблемы социалистической и капиталистической экономики, защищались интересные диссертации; книга Штейна «Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX — XX веков» была удостоена первой университетской премии...

Однако, когда в ЛГУ состоялось обсуждение этой книги, время подоспело уже другое: лето 1948-го. И труд ученого расценили как вылазку классового врага, поскольку «написано космополитом и с позиций космополитизма». За что же именно досталось книге? За то, что в ней извращена историческая правда, ибо утверждается, что западники были прогрессивнее славянофилов, а не наоборот. Кроме того, нет ни слова о «корифее всех наук», «гении всех времен и народов»...

Особенно усердствовал замдекана Ильин, возжелавший стать деканом. Все шло по плану. Заранее подготовленные выступавшие усердно громили «безродного космополита». Завершающую точку по заранее разрабо-

танному сценарию должна была поставить молодой кандидат наук, многообещающий ученый Софья Фирсова. Однако случилась осечка. Поднявшись на трибуну, Фирсова скрупулезно, пункт за пунктом, разъяснила, какие бесчестные приемы применяли коллеги, дабы только скомпрометировать серьезное исследование. Как передергивали цитаты, чтобы исказить их смысл. Заодно привела ленинскую оценку западников и славянофилов. И относительно «корифея всех наук» тоже дала спокойный, резонный ответ.

В общем, тогда отстоять профессора Штейна удалось. Но Фирсовой этого заступничества за «безродного космополита» не простят, и, когда ее арестуют, именно стенограмма этой защитной речи станет главным документом обвинения...

Получивший неожиданный отпор, Ильин отступать вовсе не собирался. Спешно создана комиссия по проверке фондов факультетской библиотеки. Комиссия обнаруживает номера журнала «Под знаменем марксизма» двадцатых годов, а в них — статьи давно запрещенных Троцкого, Бухарина, Каменева, Зиновьева, Радека... Вообще-то установки на изъятие подобных журналов не было, инструкция предусматривала лишь уничтожение книг этих авторов, но бдительная комиссия и ее вдохновитель постарались, как говорится, быть святее самого папы. Обнаружив «крамолу», тут же развернули злобную кампанию по дискредитации декана.

В чем только не обвиняли Рейхардта! Во-первых, конечно, очень смущала его «нерусская» фамилия (хотя можно было выяснить, что в начале восемнадцатого века семья прибалтийских крестьян Рейхардтов перебралась в Россию, приняла христианскую веру). Во-вторых, весьма не устраивало его дворянское происхождение (дед Виктора Владимировича был ученым-лесоводом в звании действительного статского советника). В-третьих, оказывается, его книга «Экономика докапиталистических формаций» еще в 1934 году переведена в Японии! Казалось бы, чего по этому поводу бить в набат? Наоборот: гордитесь международным признанием коллеги! Ан нет: перевод на японский оригинального труда ученого у Ильина и его бдительных единомышленников вызывал подозрение. Скоро это даст следователю удобный повод объявить Виктора Владимировича... японским шпионом. И вовсе не имело для них значения, что три года красно-

армеец Рейхардт воевал на фронтах гражданской; что, еще учась в ЛГУ, одновременно преподавал и в школе комсостава, и в Коммунистическом университете, а также руководил марксистским кружком; что в партию своего «лучшего агитпропа» рекомендовали рабочие-краснопутиловцы... Ну а выявленные в библиотечных завалах запретные статьи давно расстрелянных «врагов народа» позволили гонителям ученого во весь голос объявить его вдохновителем «троцкистской пропаганды», организатором «рассадника троцкизма»...

Своего апогея травля достигла, когда стали готовиться к выборам нового состава партбюро. Ильин с единомышленниками предварительно потребовали от Рейхардта, чтобы он взял самоотвод (тогда, мол, и место декана механически освободится). Виктор Владимирович давления не выдерживает и на собрании снимает свою кандидатуру. Но большинство коммунистов с ним не согласны. В перерыве группа Ильина развертывает бурную агитацию против кандидатуры декана. Однако, когда уже далеко за полночь председатель счетной комиссии Фирсова сообщает о результатах голосования, становится ясным, что противники Рейхардта проиграли.

Итак, деканом остается Виктор Владимирович, секретарем партбюро избран Ильин, которому вручаются протоколы голосования для передачи в райком партии. И он не упустил своего шанса: на следующий же день, по представлению Ильина, бюро Василеостровского РК ВКП(б) постановляет: выборы считать недействительными. Виновной в фальсификации выборов, в результате которых в партбюро избран «троцкист» Рейхардт, объявляется, естественно, Фирсова, которую следует исключить из партии. Член счетной комиссии Григорьев, бывший в ту пору аспирантом, позже признается, что дать ложные показания против Фирсовой, угрожая в противном случае исключением из аспирантуры, заставил его Ильин. (Впрочем, он у Ильина уже и так был среди ближайших подручных.)

К счастью, в грязное дело вовремя и решительно вмешался Александр Алексеевич Вознесенский — спас Фирсову. Но относительно перевыборов райком был неумолим... И вот — новое собрание. Что ж, предварительная «обработка» парторгов на всех кафедрах сделала свое дело: Рейхардт наконец-то за пределами партбюро... Вожделенное деканское кресло занимает Ильин, который тут же разворачивает кампанию против очередной жертвы.

...Университетская многотиражка известила: «Носителем идеи буржуазного объективизма и космополитизма на политико-экономическом факультете является профессор Я. Розенфельд. Его книга «Промышленность США и война», изданная в 1947 году, позорит имя советского ученого. Вместо того, чтобы показать глубочайшее загнивание американского капитализма, его паразитический характер и привлечь внимание советского читателя к потрясающим картинам абсолютного и относительного обнищания американских трудящихся⟨...⟩, Я. Розенфельд, забыв о чувстве советского патриотизма, пресмыкается перед американским капиталом...»

Так клеймили блистательного ученого, юношески влюбленного в свой предмет, в своих студентов. Так поносили человека, который в самые трудные из блокадных месяцев, кроме университетских занятий, почти каждый день выступал и с другими лекциями — в воинских частях, госпиталях, на предприятиях; который тогда же, в январе сорок второго, получил партийный билет...

Август 1948-го завершался гнетуще: лысенковщина праздновала победу. Везде, где только можно, вылавливали остатки «вейсманистов-менделистов-морганистов». Ильин с компанией — на общей волне событий — тоже развернулись! Причем действовать им теперь было куда проще, чем раньше, ведь главный защитник факультета, его создатель и хранитель Александр Алексеевич Вознесенский помочь своему детищу уже не мог: только что назначенный министром просвещения РСФСР, он теперь находился далеко от Менделеевской линии, далеко от Ленинграда...

В общем, возвратившись 30 августа из отпуска, преподаватели узнали, что некоторые из них (Фирсова, Юдовин, Торкановский) переведены в другие вузы, а профессора Рейхардт, Штейн и Розенфельд уволены. Сразу выяснилось, что ни на какую работу им не устроиться...

Ну а в феврале 1949-го, как известно, с благословения «гения всех времен и народов» был запущен кровавый конвейер, получивший название «ленинградского дела». В обстановке этих массовых репрессий, когда одним из первых погиб Александр Алексеевич Вознесенский, страшная судьба никак не могла миновать и тех, с кем он когда-то вдохновенно созидал политико-экономический факультет, кого считал своими помощниками и друзьями. Тем более что многие из них стараниями Ильина и его

F

приближенных уже были достаточно ошельмованы. Так окончательно решился «факультетский вопрос»...

Шесть профессоров из семи — Некраш, Рейхардт, Штейн, Буковецкий, Розенфельд, Раутбордт, а также большая группа доцентов — Фирсова, Зак, Свещинская, Варшавский — были объявлены «врагами народа», брошены в тюрьмы, лагеря... Лишь профессору Бортнику, который благоразумно заранее покинул Ленинград, удалось избежать этой участи. Были изгнаны доценты Виленкина, Свердлова, Цага, Штипельман, Буслович, ассистент Герасимова...

Кандидат экономических наук Мария Васильевна Васильева, в ту пору как раз учившаяся на многострадальном факультете, вспоминает:

— Мы оказались в критической ситуации. Младшекурсникам лекции стали читать студенты старших курсов — настолько был обезглавлен преподавательский состав. Оставшиеся без научного руководства аспиранты были предоставлены сами себе...

Лаура Викторовна Рейхардт, инженер-электрик с «Ленполиграфмаша», принесла мне несколько чудом сохранившихся документов Виктора Владимировича. Я смотрел в ее набухшие слезами глаза и слушал печальный рассказ дочери: как забрали отца, «японского шпиона» (помните ту книгу?), потом — маму, затем — ее, девятиклассницу; как, сидя в лефортовской одиночке, все твердила, как заклинание, строки из шевченковского «Кобзаря»: «Измерить пропасти страстей, понять на деле жизнь людей, прочесть все черные страницы, все беззаконные дела... И сохранить полет орла и сердце чистой голубицы!..»; как отправилась она, «социально-опасный элемент», с учебниками за десятый класс в колымскую ссылку...

Сердце Виктора Владимировича Рейхардта не выдержало пыток 16 ноября 1949 года. Еще раньше, 1 сентября, погиб на допросе Ликарион Витольдович Некаш (есть сведения, что следователю доставляло садистское удовольствие таскать жертву за окладистую «профессорскую» бороду). Объявив в тюрьме голодовку, умер «одноделец» экономистов профессор филологического факультета Григорий Александрович Гуковский. Из-за перенесенных страданий вскоре после освобождения скончались Антоний Иосифович Буковецкий и Виктор Морицевич Штейн. Вернувшись из ссылки, Яков Самойлович Розенфельд горько шутил, что «колымский свежий воздух и строгая тамошняя диета оказались ему, язвен-

нику и диабетику, весьма кстати». Но и он сгорел быстро...

Всю оставшуюся после возвращения из лагеря жизнь боролся за восстановление справедливости и наказание доносчиков Саул Давидович Зак. В 1955-м, в письме на имя Хрущева, он, в частности, сообщал:

«...Совершенно беспринципную, подлую, провокационную роль в моем «деле», как и в «делах» многих научных работников политико-экономического факультета и Университета, сыграл только что назначенный декан факультета С. А. Ильин. Агроном по образованию, он все годы скрывается от работы по специальности. Когда в 1949 году дирекция Областной партийной школы в Ленинграде предложила ему написать учебное пособие по экономике сельского хозяйства, он под всякими предлогами отказывался, нагло заявив мне: «Пусть пишут другие, а я их буду критиковать, это легче, проще, безопаснее». Невежественный в вопросах экономики и экономической мысли, он вместе с тем яростно выступал с «критикой» работ экономистов разных специальностей, безответственно вешая на них разные ярлыки... Старший следователь майор Гарманов прямо говорил мне, что если бы не «бдительность» Ильина по разоблачению «врагов народа» на факультете, с ними не удалось бы так быстро расправиться... Он построил десятки клеветнических доносов на честных работников и добивался их ареста (Фирсова, Раутбардт, Штейн, Розенфельд и др.) или их освобождения от работы и исключения из партии (Мавродин, Трифонов, Ваганов, Юраго и др.). Причем он не только лично давал клеветнические показания на меня,Штейна, Рейхардта, Раутбардта и других, но активно организовывал и поставлял следствию лжесвидетелей (Григорьев, Михеев и другие)...»

Доктор экономических наук, профессор Софья Михайловна Фирсова тоже вспоминает, как Михеева во время их очной ставки заявила, что на факультете процветала троцкистско-сионистская организация, а Григорьев цинично усмехался в лицо своей недавней коллеге: «Будешь теперь знать, что такое лагерная жизнь...»

Что ж, эту жизнь она познала сполна... На пятом месяце беременности оказалась во внутренней тюрьме «большого дома» на Литейном. Вскоре пришло известие, что муж, который смело воевал на фронте, теперь струсил и от арестованной жены отрекся. Сын родился в «Крестах» и вместе с мамой отправился в Интинский лагерь...

Лет пятнадцать назад опубликовал я в «Смене» очерк о воине Великой Отечественной... О комсорге экономического факультета ЛГУ, который, лишь пробил грозный час, сразу же ушел в ополчение, бился на подступах к Ленинграду, потом стал комсоргом партизанского отряда. Затем, спустя время, во главе разведроты ворвался в занятый фашистами Тихвин. А дальше — через Сталинград, Старую Руссу, Перекоп, Севастополь, Кенигсберг двигался навстречу такой желанной Победе. И вернулся щедро украшенный боевыми наградами и нашивками за ранения гвардии майор на студенческую скамью...

Я откровенно любовался своим героем и постарался написать о нем так, чтобы это мое чувство разделили все читатели... Тем более что и после войны гвардии майор, почетный гражданин города Тихвина добился очень многого: доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, почетный доктор Бостонского университета... Вот почему мне было так больно, когда при подготовке нынешнего материала вдруг услышал об этом человеке горькие слова от тех, кто пострадал тогда, в конце сороковых. О том, что он тоже, увы, в определенной мере повинен в давних трагедиях: выступал, обличал, клеймил «космополитов»...

Вот ведь как получается: на фронте человек бьет врага по-геройски, а в жизни часто теряется и выбирает себе не те мишени. С таких примерно слов, решившись на встречу с Николаем Андреевичем Моисеенко, начал я очень трудный для нас обоих разговор... Николай Андреевич негромко размышлял, что да, действительно, на войне, пожалуй, в этом смысле легче: где свои, а где чужие, это предельно ясно. Что в конце сороковых идеологическая обстановка была тревожной, запутанной, а тут еще секретарь райкома Нестеров и зав. отделом науки горкома Соболев постоянно вызывают, дают указания...

— Это мы сейчас понимаем, что борьба с космополитизмом — политика вредная, а тогда принимали за чистую монету...

Впрочем, относительно некоторых резких своих высказываний, в частности в адрес отдельных положений, изложенных в тех «скандальных» книгах Штейна и Розенфельда, Николай Андреевич не отказывается и сейчас. Вспоминает: вернулись на факультет дипломированные фронтовики, а все преподавательские места заняты. Некоторые бывшие однополчане приходили к нему в партбюро: «Где нам работать? Пора гнать этих буржуазных профессоров!» Соглашаюсь с Николаем Андреевичем:

допустим, и правда, надо обновлять кадры, но не такими же методами! Потом его глаза светлеют:

— Узнав из газеты, что я отличился в сражении за Тихвин, Виктор Владимирович Рейхардт прислал мне на фронт письмо: мол, помним, гордимся, ждем...

Вспоминаю свидетельства бывших студентов экономического об откровенно уголовных наклонностях ярого борца с «космополитами» Григорьева. Мой собеседник подтверждает:

— Это был сукин сын! Он и на нас доносил...

Интересуюсь:

— Николай Андреевич, а почему в середине пятидесятых вы вдруг оставили Университет и перебрались в Пушкин, в сельхозинститут?

Отвечает:

— Фрол Козлов был возмущен моим нежеланием перейти на работу в Василеостровский райком партии, и я был вынужден покинуть ЛГУ...

Тогда же, в середине пятидесятых, когда те, кто выжил, стали возвращаться из тюрем и ссылок, неожиданно покинул Ленинград проректор ЛГУ Ильин. Сначала обосновался под Москвой, в Люберцах, а через год вернулся на невские берега, устроился под крышей того же сельхозинститута в Пушкине... В 1964-м подготовил к защите докторскую диссертацию. Накануне защиты ученый совет Сельхозакадемии имени Тимирязева, где должно было происходить это событие, получил от доцента ЛГУ, коммуниста Зака письмо, в котором подробно рассматривался моральный облик соискателя. В частности, указывалось:

«Даже в 1955 году Ильин сыграл гнусную роль в задержке нашей реабилитации, когда он настойчиво продолжал клеветать на меня и на других. Потребовалось вмешательство Комиссии ЦК КПСС и Генерального прокурора Союза ССР, чтобы восстановить справедливость. Но, может быть, Ильин после XX съезда КПСС понял ошибочность и пагубность своих действий и раскаялся? Нет. В марте нынешнего года в ответ на заявление группы научных работников ленинградских вузов Ильин написал пространное письмо, в котором заявлял, что готов снова подписаться под тем, что он делал, говорил и писал в годы беспрецедентного разгрома кадров на факультете...»

Письмо в Тимирязевку осталось без внимания.

Ленинградцам было известно, что в дальнейшем новый доктор наук работал в Казани, затем — в Ярославском университете. Последние годы о нем не было сведений.

И вдруг я узнаю, что, оказывается, пенсионер Ильин на заслуженный отдых возвратился вновь в наши края.

Мы встретились в его двухкомнатной квартире на улице Карпинского...

Конечно, здорово постарел, да и болезни сказываются — во всяком случае, с тем моложавым, улыбающимся человеком, который смотрит со старых фотографий, хозяина квартиры не сравнить.

Только хотел я задать несколько мучивших меня вопросов, как получил в руки толстенный том в зеленом коленкоре, по которому золотым тиснением значится: «С. А. Ильин. Моя трудовая жизнь. Июль 1983».

Раскрываю первую страницу:

«Я, Ильин Серафим Андрианович, родился 8 июня 1913 года в деревне Белое озеро Яльчикского района Чувашской АССР...»

И потекло подробное жизнеописание: как учился; как в 1940-м приехал в Ленинградский университет; как летом 1941-го возглавил эшелон с эвакуированными на Урал; как из-за невозможности прорваться обратно сквозь кольцо вражеской блокады отправился через Ярославль в Казань; как в 1944-м вернулся в ЛГУ... Наконец — тот период, который меня интересует больше всего: в октябре 1946-го Ильин избран на факультете секретарем партбюро. Итак:

«...Новый состав партбюро, в частности я, как его секретарь, с первых дней нашей работы столкнулись с порочной непартийной системой подбора кадров на факультете. Тогдашний декан Рейхардт подбирал преподавателей〈...〉 не по деловым и политическим качествам, а по «кумовству», идейному и национальному родству, взяв при этом за правило полностью игнорировать политическое прошлое принимаемых на факультет людей. Результаты такой системы не замедлили сказаться. Все ведущие профессора факультета имели запятнанные политические биографии...»

Дальше — уточнения: один — «бундовец», другой «имел отношение к гучковскому Центральному военно-промышленному комитету», третий «выступал в роли крикливого подголоска контрреволюционной буржуа-

зии», четвертый «протаскивал троцкистские взгляды...» Ну а Варшавский — просто «лютый враг Советской власти». Так Ильин с ходу расправился с Константином Марковичем Варшавским, чью книгу «Трудовой договор по Кодексу законов о труде 1922 года» Владимир Ильич Ленин хранил в своем кремлевском кабинете. Так одним росчерком «заклеймил» человека, который был образованнейшим юристом и как экономист заслужил ученую степень. Знал несколько иностранных языков. С первых дней Великой Отечественной ушел добровольцем на фронт. Достойно преподавал в ЛГУ. В 1955-м, после полной реабилитации, вернулся из тайшетского заключения и потом до конца дней прекрасно работал в нашей Публичке — главным библиотекарем группы социально-экономических наук.

«Для существовавшей «системы» подбора кадров было характерно, что на протяжении многих лет преподаватели коренной, русской национальности почти совсем не имели доступа на факультете...»

И идет скрупулезный подсчет: сколько русских, сколько нерусских. (Профессор Буковецкий, слава богу, русский, «да и тот с далеко не марксистскими взглядами и крайне сомнительной политической репутацией...»)

Следует воспоминание, как обнаружили «крамолу» в факультетской библиотеке:

«...После выявления этих безобразий я информировал о них ректора и партком университета, а также вышестоящие партийные органы».

Уволены библиотекари, потом — профессора, доценты. Чистка завершена. И вот — желанная награда за все содеянное:

«...Приказом ректора ЛГУ от 22 августа 1950 года за успешное руководство политико-экономическим факультетом мне была объявлена благодарность. В тот же день другим приказом я был освобожден от обязанностей декана факультета и назначен проректором по общим вопросам — первым заместителем ректора ЛГУ».

Серафим Андрианович полон глубокого удовлетворения:

«...Если подходить к оценке моей и моих товарищей деятельности на факультете со стороны ее общественного значения, то несомненно, что она была объективно совершенно необходима и полезна...»

«Совершенно необходимы и полезны» уничтоженные жизни? Сломанные судьбы? И это написано спустя чет-

верть века после Двадцатого партийного съезда! Просто оторопь берет...

Подробно повествуется в книге и про переезд в Люберцы; и про то, что позже, в Ленинградском сельхозинституте, «дважды заносился на общеинститутскую Доску почета»; и про всех тех, кто высоко отозвался о его докторской, на 582 страницах, диссертации «Экономика производства картофеля в СССР»; и про Почетную грамоту общества «Знание», которой был удостоен в Казани; и про то, что там же, в Советском районе, был опять-таки занесен на Доску почета, а в родной Чувашии — на стенд «Знатные люди района»...

Перечень собственных успехов и достижений бесконечен. И так убедительно в этом ряду звучат слова секретаря Татарского обкома партии: «Конечно, лучшим вариантом было бы сохранить на посту ректора профессора С. А. Ильина, но что делать...» Действительно, что делать, если по состоянию здоровья Серафим Андрианович попросил освободить его от этой должности...

«Моя партийно-общественная работа в Ярославском университете не была столь многогранной и напряженной, как это было в Казани и Ленинграде...»

Может, и хорошо, что так, ведь мы уже, увы, знаем про «многогранность» и «напряженность» деятельности Ильина в ЛГУ...

Ну и наконец, как апофеоз,— о торжественном заседании, посвященном его 70-летию: подробный список организаций, приславших приветствия, фамилии профессоров, откликнувшихся на это событие телеграммами...

Восьмидесятистраничный труд «издан» в шести экземплярах...

— Серафим Андрианович, как вы считаете, это можно опубликовать в печати?

— Можно. Правда, наверное, потребуются некоторые доработки...

Показывает «Список опубликованных работ профессора Ильина Серафима Андриановича». В основном газетные и журнальные статьи, заметки — про МТС, картофель, животноводство. Но особенно заинтересовал меня раздел «Некоторые из неопубликованных работ». Многое туда входит: и рецензии на кандидатские диссертации, и отчеты о работе партбюро, о деятельности деканата, и письмо секретарю ЦК КПСС Ильичеву, и заявление первому секретарю Ленинградских обкома и горкома ВКП(б)... Ну и, конечно, «Моя трудовая жизнь»... Такие вот «работы» профессора...

— Серафим Андрианович, вы могли спокойно глядеть в глаза тем бывшим коллегам, которым в пятидесятые годы удалось вырваться из заключения?

— А что? Раз выпустили, значит, общественной опасности они уже не представляли... Сейчас такая жесткая политика не проводится... Живем по обстановке...

— Значит, совесть не мучает?

— А чего ей меня мучить?..

Я слушал его тихий голос, а перед глазами стояли лица — Лауры Викторовны Рейхардт, Ирины Ликарионовны Некраш, Софьи Михайловны Фирсовой...

У него есть дети, трое, и, конечно, им будет тяжко это читать. Мне это писать тоже очень нелегко. Но надо. Во имя всего святого — надо!

ГРЯЗНАЯ КУХНЯ АБАКУМОВА

В. КУТУЗОВ

18 октября 1946 года Верховный Совет СССР утвердил указ о назначении министром государственной безопасности Абакумова Виктора Семеновича. Ему шел тогда 39-й год. Новый министр, как говорят некоторые его бывшие коллеги, был не глуп, сообразителен, решителен, превосходил своих предшественников Ежова, Берию и Меркулова в знании оперативной работы. К тому же он был красив, высокого роста, хорошо сложен. Следил за собой: носил тщательно подогнанную форму и модные костюмы, занимался теннисом, благоухал изысканным одеколоном.

Отец будущего министра был чернорабочим, после революции — истопником, мать — санитаркой-служащей. Тринадцати лет, окончив городское училище, Виктор вступил в Красную Армию, служил красноармейцем-добровольцем во 2-й особого назначения Московской бригаде. В декабре 1923 года его демобилизовали. Весь 1924 год он находился на положении безработного. Наконец, ему повезло. Семнадцатилетний демобилизованный красноармеец устраивается упаковщиком в Москопоомсоюз, вступает в комсомол, а в январе 1930 года и кандидатом в члены ВКП(б). И тотчас становится секретарем правления государственного акционерного общества «Гонец» Наркомата снабжения, чуть позже возглавляет ячейку ВЛКСМ штамповального завода «Пресс». Положение комсомольского функционера оказалось удобным трамплином для последующей карьеры. В 1931 году Абакумов — член секретариата и заведующий военным отделом Замоскворецкого райкома комсомола. Отсюда его в 1932 году и рекомендуют на работу в органы ОГПУ.

Думал ли тогда всего лишь помощник оперуполномоченного ГУЛАГа, что через 14 лет, стремительно пересчитав ступени служебной лестницы, он возглавит всемогущее Министерство госбезопасности, что перед ним будут трепетать маршалы и министры.

© В. Кутузов, 1990

Своей головокружительной карьерой Абакумов обязан отнюдь не специфическим профессиональным способностям, хотя, как сказано, и не был обойден ими. Честолюбивый, с карьеристскими замашками, он никогда не противоречил начальству, с рвением выполнял любые сомнительные указания по борьбе с так называемыми «врагами народа».

Особенно быстро пошел в гору Абакумов с 1938 года, когда во главе НКВД Сталин поставил Лаврентия Берию. Не ограничившись переводом в центральный аппарат наркомата ряда бывших своих сообщников по преступлениям в Закавказье, Берия всюду выискивал подонков, готовых выполнить любое его распоряжение. Заметил он и прикомандированного к следственной части по особо важным делам Абакумова — как умелого фальсификатора грязных дел. Уже в 1939 году Берия назначает его на должность начальника Управления НКВД по Ростовской области, успевает даже протолкнуть его делегатом XVIII съезда ВКП(б). На следующий год Берия делает его своим заместителем. Одновременно — с первых дней войны — Виктор Абакумов возглавляет весьма важное Управление особых отделов Красной Армии. Со дня организации контрразведки «Смерш» («Смерть шпионам») генерал-полковник Абакумов стал начальником ее главного управления.

Мы не располагаем материалами о качественной стороне его деятельности на этом посту. Знаем лишь, что к концу войны его парадный мундир украшали ордена Красного Знамени, Суворова I и II степени, Кутузова I степени, Красной Звезды, медали за оборону Москвы, Сталинграда, Кавказа... Определенно известно и другое: наряду с борьбой с подлинными агентами абвера значительную часть своих усилий руководитель армейских органов госбезопасности потратил на поиск «шпионов» мнимых. Уже в первые дни войны арестовали группу генералов, уцелевших после репрессий тридцатых годов. По указанию Берии это сделал лично начальник Управления особых отделов Красной Армии Абакумов.

Ко времени битвы за Москву относится факт, так же достаточно красноречиво характеризующий истинный стержень всех устремлений Абакумова.

На рассвете 5 октября 1941 года летчики обнаружили немецкие танки и мотопехоту, идущие на г. Юхнов двумя колоннами. Наших войск перед ними не было. Для перепроверки этих тревожных сведений командующий ВВС Московского военного округа и Московской зоны

обороны генерал Сбытов послал еще один самолет, и они подтвердились. Поскольку в Генеральном штабе об опаснейшем прорыве врага узнали слишком поздно, командование ВВС стало самостоятельно готовить срочный удар по колоннам, намереваясь задействовать до тысячи бомбардировщиков и истребителей. Однако неожиданно последовала отмена приказа. Отдавшего его генерала Сбытова вызвали в НКВД к Абакумову.

Генерал-лейтенант в отставке Сбытов вспоминал: «На каком основании устраиваете панику?— резко спросил меня Абакумов.— Ваши летчики просто трусы и паникеры, как и их командующий». Четырехчасовой допрос (а немецкие танки продолжали двигаться!), в котором помимо Абакумова принимали участие еще два генерала НКВД, закончился составлением протокола. После чего Сбытова все же отпустили. А в три часа ночи, уже на 6 октября, на его КП позвонил начальник штаба ВВС генерал Ворожейкин: «Ваша разведка была права. Это фашисты. ГКО ваши действия одобрил...»

«Я тогда,— продолжает воспоминания генерал Сбытов,— с горечью подумал: „Какие действия? Бездействие! Ведь могли своевременно нанести удар, но не сделали этого“...»

Колонны врага ценой свой жизни остановили поднятые по тревоге курсанты. Вот во что обошлась «бдительность» Абакумова, искавшего врагов прежде всего среди своих.

...Весна 1942 года. По ордеру Абакумова арестовали начальника оперативного отдела Западного фронта генерал-майора В. С. Голушкевича. С его помощью пытались «найти» компрометирующие материалы на Георгия Константиновича Жукова. Генерал подобных показаний не дал.

Еще факт, относящийся к 29 апреля 1943 года. Абакумов лично арестовал начальника оперативного отдела ВВС Сибирского военного округа генерала Б. Л. Теплинского, привез в свой кабинет и, сорвав погоны, приказал обрядить в старые солдатские галифе и гимнастерку. Заслуженного генерала по ложному доносу обвинили «в троцкистских взглядах». Заодно Абакумов арестовал и комиссара госбезопасности В. Н. Ильина, друга Теплинского еще по гражданской войне. Когда-то «на совет» Абакумова Ильину прекратить отношения с подозреваемым Виктор Николаевич ответил: «Бориса Теплинского я знаю лучше тебя». Этого мстительный Абакумов не забыл. Девять лет находились под следствием Б. Л. Теп-

линский и В. Н. Ильин, в том числе почти половину этого срока в одиночных камерах...

С окончанием войны злоупотребления властью, грубейшие нарушения социалистической законности не кончились. Фабрикуя послевоенные «дела», их организаторы, в их числе и Абакумов, преследовали, как нам представляется, сразу несколько целей. Во-первых, надо было показать, что МГБ СССР во главе с новым министром исправно несет свои обязанности, во-вторых, с помощью подобных «дел» еще туже закручивались гайки и давалось понять, что ни о какой либерализации общества в связи с окончанием войны не могло быть и речи, в-третьих, на их фабрикацию большое влияние оказывала борьба сталинского окружения за власть. По словам Н. С. Хрущева, Сталин думал, что нашел в Абакумове умного молодого работника, послушно выполняющего его приказы, в действительности же Абакумов докладывал Сталину то, что Сталин хотел услышать...

«ДЕЛО АВИАТОРОВ»

В июне 1945 года во время Потсдамской конференции глав правительств СССР, США и Великобритании Сталин встретился со своим сыном Василием, военным летчиком. Тот пожаловался, что наши самолеты «плохие», а вот американские — «что надо». Сталин дал команду расследовать этот сигнал. Сметливый Абакумов понял: надо пугнуть «зазнавшихся» авиаторов.

В начале 1946 года он арестовал Главного маршала авиации А. А. Новикова, члена ЦК ВКП(б), наркома авиапромышленности А. И. Шахурина, многих других работников отрасли и военных авиаторов.

К Алексею Ивановичу Шахурину следователи с первых же допросов отнеслись как к заведомому врагу. Неважно, что он был депутатом и членом Президиума Верховного Совета РСФСР, Героем Социалистического Труда, шесть лет работал министром, а до этого — первым секретарем Ярославского и Горьковского обкомов партии. Абакумов в присутствии ряда работников следственной части заявил А. И. Шахурину: признается он или не признается в «тягчайших преступлениях», все равно он, Абакумов, расстреляет его, так как у него «мешок обвинений» против Шахурина. В течение трех недель следовали непрерывные ночные, а часто сразу же после ночных и дневные допросы без протокольных записей.

Наконец, ссылками на указания Сталина Абакумову удалось заставить измученного Алексея Ивановича написать докладную записку на имя «вождя» о... недостатках в работе Министерства авиационной промышленности и в руководстве им со стороны Маленкова, члена Политбюро, секретаря ЦК ВКП(б) и заместителя Председателя Совета Министров СССР, наряду с другими отраслями курировавшего авиационную промышленность.

Недостатки есть всюду, криминальны преступления. Но теперь (главное, есть личная подпись) объективный тон «признаний» Шахурина для опытных фальсификаторов не помеха.

Содержание записки, как потом установлено Прокуратурой СССР, было в корне изменено заместителем начальника следственной части по особо важным делам М. Т. Лихачевым и другими руководящими работниками МГБ СССР.

Несмотря на «обещание» Абакумова избавить А. И. Шахурина от суда, суд состоялся. Присутствовали, давили на суд сам министр Госбезопасности и начальник следственной части по особо важным делам МГБ СССР А. Г. Леонов. После судилища, приговорившего Алексея Ивановича к 7 годам заключения за «злоупотребление и превышение власти при особо отягчающих обстоятельствах», а также за «выпуск нестандартной, недоброкачественной и некомплектной продукции», Абакумов не отправил осужденного в лагерь, а продолжал держать А. И. Шахурина в следственной тюрьме, где и довел до инфаркта. «От неминуемой гибели,— говорил позже Алексей Иванович,— меня спасла лишь глубокая вера в партию».

От командующего ВВС страны дважды Героя Советского Союза Главного маршала авиации Александра Александровича Новикова тоже требовали рассказать «о преступных действиях против Советской власти». В противном случае Абакумов угрожал расстрелом и арестом всей семьи маршала. После недели изнурительных ночных допросов предложили подписать уже напечатанное на машинке заявление на имя Сталина с компрометирующими материалами на Маленкова и Маршала Советского Союза Г. К. Жукова. Но тут хитромудрые следователи оплошали: в «чистосердечном признании» упоминался ряд лиц, заведомо А. А. Новикову неизвестных. Министр Абакумов, не моргнув глазом, делает замечание следователю Лихачеву: «Тут, кажется, переборщили...»

Но сразу же оплошку и поправили.

«Мне дали закурить какую-то папироску,— вспоминал позже Александр Александрович,— и я окончательно теряю представление реального...» Под воздействием наркотических средств А. А. Новиков подписывает постранично все исправленное заявление...

По поручению Абакумова начальником канцелярии МГБ СССР Черновым, его заместителем Броверманом и тогдашним секретарем министра госбезопасности Комаровым так же было сфальсифицировано и «заявление» бывшего ответственного работника Центрального Комитета партии Шиманова, подвергавшегося ночным допросам в течение месяца.

Наиболее жестокие истязания выпали на долю генерала Жарова. Его арестовали в марте 1946 года без предъявления ордера прокурора. С генерала сорвали погоны, срезали лампасы. Следователь Хорьков начал допрос с избиения. Затем Жарова отвели к Абакумову, который потребовал, чтобы Жаров дал клеветнические показания на руководителей ВВС. Поскольку добровольного согласия не последовало, избиения продолжались. Во время одного из допросов генерал насчитал 100 ударов резиновой палкой, после чего уже потерял сознание. Очнувшись, Жаров заявил, что напишет на следователей жалобу в ЦК ВКП(б). Хорьков напыщенно отозвался: «Мы — Центральный Комитет, мы — правительство»...

Зная, что «дело» работников авиационной промышленности и военно-воздушных сил сфальсифицировано, Абакумов не выпускал из следственной тюрьмы осужденных по нему, незаконно продля им сроки наказания.

Аресты работников авиапромышленности отразились и на Маленкове. Он был освобожден от работы в аппарате ЦК и направлен в Среднюю Азию. Однако с помощью Берии ему удалось добиться у Сталина прощения и вернуться в Москву. Правда, курировать авиационную промышленность поручили уже Н. А. Вознесенскому.

Бывший «ссыльный» Маленков стал активно помогать Берии в компрометации Жданова и его выдвиженцев, создавать «ленинградское дело». После смерти А. А. Жданова, последовавшей в августе 1948 года, главными своими конкурентами Берия и Маленков считали уже Н. А. Вознесенского и А. А. Кузнецова, ходивших тогда в любимцах у Сталина. Тут они столковались и с Абакумовым.

КАК МИНИСТРА СДЕЛАЛИ «ШПИОНОМ»

Утром 10 апреля 1948 года, в день своего 45-летия, министр Морского Флота СССР Александр Александрович Афанасьев ехал по делам службы в своем «ЗИС-101». Неожиданно машина стала: покрышки оказались проколотыми в нескольких местах. Рядом притормозил «бьюик». Вышедшие из него мужчины, удостоверившись, что в машине именно Афанасьев, предложили «подвезти». Но не успел министр их поблагодарить, как его профессионально скрутили, втолкнули в машину, накинули на голову мешок. «Бьюик» резко рванул с места.

После долгой езды по улицам Москвы мешок заменили повязкой на глаза. Сняли ее лишь в какой-то квартире, куда наконец доставили Афанасьева. Приключения на этом не закончились. Один из похитителей, отрекомендовавшись... «американским разведчиком», заявил еще не пришедшему в себя Александру Александровичу: «Нам известно, что вы завербованы английской спецслужбой. Предлагаем заодно работать и на ЦРУ». Последовал решительный отказ. Но «американский разведчик» посоветовал не торопиться с ответом, подумать, назначил день новой встречи. Затем министру вновь завязали глаза, посадили в машину и высадили у здания Моссовета.

Александр Александрович сразу же побежал в Кремль. Сталин его не принял, и Афанасьев попал к Берии.

О дальнейшем развитии событий известно со слов Генерального прокурора Р. А. Руденко, сказанных им на собрании актива Ленинградской партийной организации 6 мая 1954 года: «Берия был полностью осведомлен о провокации. [Но] для вида стал ругать Абакумова: „Что же ты за министр? Что у тебя делается? Американские разведчики до того обнаглели, что на улицах хватают людей. Вот схватили Афанасьева и заставляют вести шпионскую работу“».

После этого Берия приказал Абакумову разыскать похитителей. И действительно, через некоторое время Абакумов представил... сотрудника МГБ, который выдал себя за «американского разведчика». Была проведена очная ставка между Афанасьевым и этим провокатором, который, продолжая называть себя «раскаявшимся американским агентом», «показал», что по указанию «американцев» он все-таки, дескать, «втянул» Афанасьева в шпионаж. После этого Афанасьев был арестован...

А. А. Афанасьева арестовали в кабинете Абакумова перед майскими праздниками. Следствие вел полковник В. И. Комаров. В течение 20 дней Комаров избивал министра резиновыми палками, лишал сна, изматывал ночными допросами, бросал в карцер. Вынуждая Афанасьева подписать сочиненную в МГБ «липу», Комаров заставлял его выслушивать нечеловеческие крики арестованных, избиваемых в соседних комнатах. Он неоднократно угрожал переломать А. А. Афанасьеву ноги и «одну руку», сохранив другую, чтобы тот мог подписать нужные Абакумову показания...

Постановлением Особого совещания при МГБ СССР А. А. Афанасьева приговорили к 20 годам лишения свободы.

ВОЗМЕЗДИЕ

Пять лет возглавлял Абакумов Министерство Государственной безопасности. «Дела», о которых рассказано,— лишь часть преступлений, совершенных им.

В последние годы Абакумов, выполняя волю Сталина, имел дело непосредственно с ним, минуя Берию. Он общался со Сталиным наедине, бывал у него на даче. (Самому начальнику своей охранки диктатор запретил и принимать гостей, и наносить частные визиты без его разрешения.) По хвастливому заявлению Абакумова члену следственной группы Прокуратуры СССР по делу арестованного наконец министра госбезопасности Г. А. Терехову, никто так не был близок к Сталину, за исключением, пожалуй, Берии, а позже Шкирятова, как он. Более того, как стало известно, Сталин поручал Абакумову произвести аресты и некоторых ближайших сподвижников Берии,— в частности, министра госбезопасности Белоруссии Цанавы, некоторых других. Начало создаваться так называемое «мингрельское дело» (многие подручные Берии были его земляками). Причем Сталин говорил Абакумову: «Ищите большого мингрела».

Все это, естественно, не могло нравиться Берии. Был придуман ход, учитывающий как подозрительность Сталина, так и его тактику периодической смены руководителей госбезопасности. Бывший в то время начальником следственной части по особо важным делам МГБ СССР М. Д. Рюмин летом 1951 года сообщил И. В. Сталину о существовании якобы «заговора» еврейских буржуазных националистов, инспирированного американской разведкой. Причем, доносил Рюмин, Абакумов о «заговоре» зна-

ет, но по каким-то причинам скрывает это, и даже умертвил в тюрьме единственного пока носителя информации о «заговоре» профессора Я. Г. Этингера.

После двухнедельного раздумья «вождь» принял высочайшее решение: Абакумов был не только снят со своего поста и исключен в июне 1951 года из партии, но и заключен под стражу.

Во время обыска у него на квартире выяснилось, что Абакумов еще и примитивный вор: у него изъяли более 3 тысяч метров одних только дорогих тканей. Ткани и многое другое Абакумов награбил в конце войны в Германии, создав для этой цели спецкоманды «Смерша». Воспользовался генерал-полковник также вещами и обстановкой из квартиры незаконно арестованного в 1944 году и осужденного на 10 лет народного артиста РСФСР, замечательного певца-актера Н. К. Печковского. Архитектор Вербицкий показывал во время суда над Абакумовым: на оборудование своего личного особняка бывший министр потратил сотни тысяч рублей из государственной казны. Он изводил архитектора капризами, чуть не ежедневно требуя доделок и переделок эскизов отделки своего жилища...

Находясь в тюрьме, Абакумов посылал записки Берии, в которых уверял его в личной преданности, сообщал, о чем его допрашивали, выражал надежду на скорое освобождение.

Однако надеждам этим не суждено было сбыться. Смерть Сталина, последовавший за ней арест Берии помогли приоткрыть завесу над «делами», спровоцированными и бывшими руководителями органов госбезопасности. 23 декабря 1953 года по приговору специального судебного присутствия Верховного Суда СССР были расстреляны Л. П. Берия, а также бывший нарком государственной безопасности страны (до Абакумова), в последнее время министр Госконтроля СССР В. Н. Меркулов, заместитель министра Госбезопасности СССР, а затем заместитель министра внутренних дел СССР Б. З. Кобулов и ряд их сообщников. Стали известны и преступления, совершенные Абакумовым.

14 декабря 1954 года в Ленинграде, в помещении Дома офицеров, где за четыре года до этого проходило судилище над участниками так называемого «ленинградского дела», вновь начался судебный процесс. На этот раз скамью подсудимых заняли те, кто принимал непосредственное участие в фабрикации этого и других подобного рода «дел»,— бывшие работники МГБ СССР: министр

В. С. Абакумов, начальник секретариата И. А. Чернов и его заместитель Я. М. Броверман, начальник следственной части по особо важным делам А. Г. Леонов, его заместители В. И. Комаров и М. Т. Лихачев. Занимая высокие должности, все они отличались не только полным отсутствием моральных устоев, но и низким уровнем общего образования, не говоря уже о юридическом. Да и сам-то генерал-полковник имел за плечами всего три класса.

«Суд слушает необычное дело,— говорил государственный обвинитель Р. А. Руденко,— сидящим на скамье подсудимых в свое время было доверено вести борьбу с врагами советского народа, а они использовали это доверие в преступных целях — пытались повернуть острое оружие диктатуры пролетариата — органы государственной безопасности — против Советского государства». Генеральный прокурор СССР подчеркнул, что Абакумов и его сообщники шумихой вокруг сфальсифицированных ими дел отвлекали внимание органов безопасности от борьбы с подлинными разведками капиталистических стран.

На суде вскрылась система фальсификации документов и показаний, получившая название «черной кухни» Абакумова. Бывший министр и его сообщники подвергали обработке и подделке протоколы допросов и требовали от следователей проведения дальнейшего следствия в указанном им направлении. Подобная система исключала объективное проведение следствий. Получалось так, что Абакумов сам замышлял, какое «преступление» приписать человеку, а следователь должен был довести арестованного до такого состояния, чтобы тот признал себя виновным в совершении этого преступления.

Одним из ведущих «поваров» этой «кухни», после «шеф-повара» Абакумова, был полковник Броверман — самый образованный из подсудимых, ибо сумел закончить 9 классов. «Нет дел, которые миновали бы грязную кухню Бровермана»,— подчеркнул Р. А. Руденко. Помимо Я. М. Бровермана, специалистами по составлению «собственноручных» показаний и заявлений были Л. Л. Шварцман, В. И. Комаров и другие.

Под преступные действия была подведена «теоретическая база». Вот как ее излагал свидетелю А. И. Иванову, арестованному в 1943 году, следователь Путинцев, разоткровенничавшись как-то на допросе. Существует якобы две категории преступников. Первая — это пойманные с поличным. Вторая — потенциальные преступники, т. е. люди, способные совершить преступления в

будущем. Задача — раскрыть и осудить таких преступников. Для их осуждения нужны факты, а чтобы добыть их, необходимо применить особые методы. Первый метод — это применение физического воздействия с целью сломить волю обвиняемого к сопротивлению. Второй метод — меры психического воздействия с целью заставить человека потерять веру в своих сограждан, друзей, в себя... Прокуроров во внутреннюю и Лефортовскую тюрьмы МГБ, по словам Р. А. Руденко, «не пускали». Интересен в связи с этим следующий эпизод. Уже после смерти Сталина представитель прокуратуры зашел в камеру, где содержался Абакумов. На вопрос — не имеет ли Абакумов каких-либо жалоб на тюремный режим и условия содержания его под стражей, тот заявил, что никогда не поверит тому, будто прокурор смог посетить внутреннюю тюрьму для производства проверки. Ему предложили ознакомиться с его удостоверением. «Любое удостоверение можно сделать»,— отмахнулся бывший министр.

Из книг, имевшихся в тюремной библиотеке, он демонстративно брал лишь одного Сталина. Даже прочитав в газете, которую ему дал прокурор, о расстреле Берии, никак не прореагировал и, перевернув страницу, уткнулся в спортивные новости.

...Абакумов отвергал предъявленные ему обвинения и показания свидетелей, в том числе бывших следователей МГБ Путинцева, Комарова, Родина, Носова и Сорокина. Заявлял, что обвинительные материалы на него сфабрикованы Рюминым (М. Д. Рюмин по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР был расстрелян в июле 1954 года), распространялся об избиениях его в тюрьме, содержании в кандалах и камерах-холодильниках...

Выступление Абакумова никого с толку не сбило и не разжалобило. Обвинение документально доказало, что Абакумов сам выдвинул Рюмина в центральный аппарат МГБ СССР с должности рядового следователя из Архангельской области — именно как матерого фальсификатора и заплечных дел мастера. Ученик Рюмин оказался достойным своего учителя Абакумова, который, даже будучи министром, сам иногда брал в руки резиновую палку.

Абакумов утверждал, что все аресты по «делу» работников авиационной промышленности, «ленинградскому» и другим совершались им по указаниям «высшей инстанции». Комаров, Леонов и Лихачев, помимо приказов Абакумова, также неоднократно ссылались на указания этой самой «высшей инстанции».

Напомним, суд над Абакумовым и его подручными проходил до XX съезда КПСС и разоблачения культа личности Сталина. В 1954 году имя Сталина было свято как для официальных государственных учреждений, так и для большинства советских людей. Как раз в дни судебного процесса широко отмечалось 75-летие со дня рождения «высшей инстанции». В этой обстановке суд даже не пытался выявить роль Сталина в «делах» его министра. Нельзя не учитывать стремление Абакумова и его сообщников уйти от заслуженной кары, переложить свои преступления на других. В то же время, как стало известно позднее, Сталин не просто знал об актах беззакония, но дирижировал ими.

Защитники, члены Московской городской коллегии адвокатов Л. И. Гринев, М. В. Степанов, Н. И. Рогов и Л. В. Павлов, заявили, что они разделяют чувства негодования, которые испытывают присутствующие на судебном процессе. Но просили суд о снисхождении к подсудимым. Броверман, отказавшись от государственного защитника, признал себя виновным и просил суд учесть его искреннее признание в период следствия. Лихачев, Леонов и Комаров заявили, что они «всего лишь невольные» соучастники и исполнители вражеских дел Абакумова, просили сохранить им жизнь.

Подсудимый Чернов сказал: «Абакумов и все мы, сидящие здесь на скамье подсудимых, совершили перед государством тяжкие преступления. Я чувствую на себе дыхание ненависти честных советских людей, сидящих в зале суда, их отношение к нам есть отношение всего советского народа».

Суд в составе генерал-лейтенанта юстиции Зейдина (председатель), генерал-майора юстиции Сюльдина и полковника юстиции Борисоглебского установил: «Подсудимый Абакумов, будучи выдвинут Берией на пост министра Госбезопасности СССР, являлся прямым соучастником преступной заговорщицкой группы, выполнял вражеские задания Берии... Совершая такие же преступления, как и Берия, Абакумов стал на путь авантюр и политических провокаций. Абакумов фабриковал дела на отдельных работников партийного, советского аппарата и представителей советской интеллигенции, затем арестовывал этих лиц и, применяя запрещенные советским законом преступные методы следствия, вместе со своими сообщниками Леоновым, Комаровым, Лихачевым, добивался от арестованных вымышленных показаний с признанием вины в тяжелых государственных преступлениях».

Суд приговорил В. С. Абакумова, А. Г. Леонова, В. И. Комарова и М. Т. Лихачева к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией лично принадлежащего им имущества. Я. М. Броверман был приговорен к 25 годам, а И. А. Чернов к 15 годам лишения свободы с последующим поражением в правах на 5 лет каждого и с конфискацией лично принадлежащего им имущества.

Этого приговора ждали. Ждали вдовы и дети безвинно погибших, ждали те, кто к тому времени вышел на свободу, но чья жизнь и здоровье были искалечены в результате преступных деяний Абакумова и его сообщников, ждали 500 представителей общественности, в течение 6 дней присутствовавшие на суде. Они руководствовались при этом не только чувством справедливости, а тем более мести,— как и все советские люди, они желали, чтобы подобное «ленинградскому» и другим «делам» больше никогда не повторилось.

Так бесславно закончились грязная карьера и жизнь Абакумова.

Историю нельзя обмануть. Она воздает в конце концов должное каждому.

СОДЕРЖАНИЕ

В Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов 3

ПОСЛЕДНИЙ УДАР

Виктор Демидов, Владислав Кутузов. **Последний удар.** Документальная повесть 5

ЧЕРНОЕ ЭХО

Иван Виноградов. **Докатилось до Пскова** 177
К. И. Таммисту. **У нас, в Эстонии** 199
В. Смирнов. **«Новгородское дело»** 214
Л. П. Гордеева, Е. И. Кильсеев, П. А. Розанов. **Драма на Волге** . 228
Петр Гармаш. **В Крыму** 241

«ИСТОРИЯ НАС РАССУДИТ...»

В. В. Садовин. **Испытал на себе** 263
М. Е. Червяков. **По «хозяйственному делу»** 273
Г. Куприянов. **Свидетельствую** 281
К. Ф. Виноградов. **В аппарате Н. А. Вознесенского** 298
Лев Сидоровский. **Люди «ленинградского дела»** 304
В. Михельсон. **Тревожная память** 363
А. Панкратов. **Комиссар** 372
Г. Ильяшенко. **На круге третьем** 375

* * *

Лев Сидоровский. **Где же совесть, профессор?** 386
В. Кутузов. **Грязная кухня Абакумова** 400

«ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО»

Составители:
Виктор Иванович Демидов,
Владислав Александрович Кутузов

Заведующий редакцией В. Ф. Лепетюхин
Художник В. Г. Гузь
Художественный редактор А. А. Власов
Технический редактор Г. В. Преснова
Корректор М. В. Иванова

ИБ № 5299

Сдано в набор 21.08.89. Подписано к печати 13.03.90. М-19065. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага тип. № 2. Гарн. обыкн. нов. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84. Усл. кр.-отт. 22,26. Уч.-изд. л. 23,66. Тираж 200 000 экз. Заказ № 204. Цена 1 р. 10 к.

Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

«Ленинградское дело»/Сост.: В. И. Демидов,
Л33 В. А. Кутузов.— Л.: Лениздат, 1990.—413 с.—
(Страницы истории. Экспресс-выпуск).

ISBN 5-289-00847-0

В абсолютном большинстве ранее непубликовавшихся материалов сборника — воспоминаниях непосредственных участников событий, в публицистическом исследовании «Последний удар», очерках историков, литераторов, журналистов — раскрываются истоки, ход и уроки одного из крупнейших преступлений сталинизма, так называемого «ленинградского дела».

Сборник рассчитан на массового читателя.

Л $\frac{0503020000-322}{M171(03)-89}$ без объявл. 63.3

«СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ»

Экспресс-выпуски
редакции исторической литературы
Лениздата

СВЕТ И ТЕНИ «ВЕЛИКОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ»
Н. С. Хрущев и его время

Сост.: Л. А. Киршнер, С. А. Прохватилова

А. П. Бутенко

ОТКУДА И КУДА ИДЕМ
Взгляд философа на историю советского общества

Б. А. Старков

ЗА ЧЕСТЬ ПАРТИИ
Из истории сопротивления сталинщине